СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

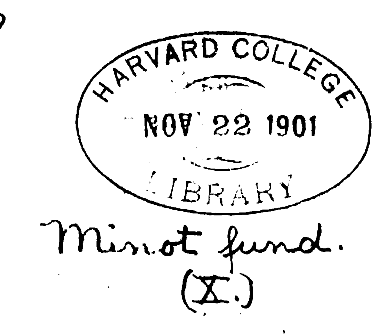
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ

10-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17-й.
1897.



Десятый томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи, 29 Ноября 1896 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества

въ 18⁹⁶/₉₇ академическомъ году.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 24 октября 1896 г. избрана коммиссія въ составѣ трехъ членовъ, Н. Ѳ. Сумцова, М. Е. Халанскаго и М. Ц. Линды для разсмотрѣнія сочиненій на премію имени А. А. Потебни.

Члену Общества Д. П. Миллеру предоставлено право пользоваться дѣлами Историческаго Архива въ помѣщеніи фундаментальной библіотеки.

Д. И. Багалѣй охарактеризовалъ благородную личность покойнаго члена Общества Н. А. Лащенкова и далъ оцѣнку его почтенныхъ трудовъ по мѣстной исторіи. Докладъ Д. И. Багалѣя напечатанъ въ 9 т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества 1896 г. съ приложеніемъ портрета Н. А. Лащенкова. Между членами Общества собрана небольшая сумма на памятникъ Н. А. Лащенкову. Память покойнаго почтена была общимъ вставаніемъ.

А. В. Ветуховъ прочелъ краткій некрологъ о покойномъ членѣ Историко-Филологическаго Общества Р. О. Каширениновѣ (напечатанъ въ 9 т. Сборника).

М. А. Масловъ и М. Д. Линда сдѣлали сообщенія о безвременно скончавшемся болгарскомъ ученомъ, воспитанникѣ I Харьковской гимназіи и Харьковскаго университета Д. А. Матовѣ. Память Каширенинова и Матова почтена вставаніемъ. Поминка М. А. Маслова напечатана въ 9 т. Сборника.

В. П. Бузескулъ прочелъ некрологи о двухъ нѣмецкихъ ученыхъ Курціусѣ и Трейчке. Обширный докладъ В. П. Бузескула о Курціусѣ напечатанъ въ Запискахъ Харьковскаго университета 1897 г.

Секретарь доложилъ слѣдующій денежный отчетъ за 18⁹⁵/₉₆ акад. годъ и представилъ ко всѣмъ его статьямъ оправдательные документы, которые, по провѣркѣ проф. Г. Ѳ. Шульцемъ въ засѣданіи, сданы въ Архивъ.

Приходъ: Взносы членовъ Историко-Филологическаго Общества 145 р., взносы членовъ Педагогическаго Отдѣла 159 руб., продано изданій Общества на 690 р. 46 к., % съ капитала Е. С. Гордѣенка до передачи его въ правленіе 82 р., въ возвратъ расходовъ за портреты Гордѣенка изъ той же суммы 63 р., отчислено изъ 402 р., собранныхъ за лекціи женщинамъ, 42 р., итого **1181 р. 46 к.**, остатокъ отъ прошлаго года 604 р. 64 к.. всего съ 1 сентября 1896 г. собрано было **1786 р. 10 к.**

Расходъ: на почтовые расходы и телеграммы 40 р. 40 к., на устройство засѣданій Историко-Филологическаго Общества и Педаг. Отд. 37 р. 40 к., въ харьковскую губернскую типографію по счетамъ №№ 951 и 956 (за „Пособіе" 1 изд.) 253 р. 50 к., корректору за Пособіе 2 изд. 30 р., въ губернскую типографію за Пособіе 2 изданія 792 р. 65 к. (оплочено сполна), въ типографію Зильберберга за 3140 тетрадей 2 изд. 83 р. 50 к., Лобакову за шкафъ для Архива 40 р., наградныхъ Петру Полозову 20 р., сыну его Ивану 1 руб., наборщикамъ губернской типографіи наградныхъ 8 руб., фотографу Кульженку за портреты Собѣстіанскаго и Одарченка 61 руб. 50 коп., переплетчику Тямину за переплетенныя для Архивной библіотеки книги 32 руб. 60 коп., въ типографію Зильберберга за 3140 тетрадей 3 изд. 83 руб. 50 коп., въ губернскую типографію доплата за 8 т. Сборника 98 р. 15 к., печатаніе бланковъ, покупка справочныхъ книгъ, переписка и др. мелкіе расходы 37 р. 90 к., итого **1620 р. 10 к.**; остатокъ на 18⁹⁶/₉₇ годъ 166 р. Внѣ этого счета изъ капитала Гордѣенка уплачено въ губернскую типографію 240 р. 20 к.

Назначена коммиссія изъ 4 членовъ А. С. Лебедева, М. С. Дринова, Д. И. Багалѣя и Н. Ѳ. Сумцова для обсужденія вопроса объ измѣненіи устава Историко-Филологическаго Общества.

Д. И. Багалѣй возбудилъ вопросъ о составленіи новаго каталога библіотеки Общества; по обсужденіи, предположено повременить до полученія части библіотеки упраздненной краснослободской прогимназіи.

В. П. Бузескулъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ проф. Чечулина о первыхъ годахъ царствованія Императрицы Екатерины II и проф. *Д. И. Багалѣй* сдѣлалъ сообщеніе о статьѣ г. Бильбасова объ Императрицѣ Екатеринѣ II, напечатанной въ Рус. Старинѣ.

А. С. Вязигинъ прочелъ докладъ „О распаденіи преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II“, съ такимъ вкратцѣ содержаніемъ: Общераспространенное мнѣніе о всемогуществѣ архидіакона Гильдебранда не имѣетъ опоры во источникахъ, сохранившихъ цѣнныя указанія на рядъ его столкновеній съ Петромъ Даміано, Дезидеріемъ Монтекассинскимъ, кардиналами, клюнійцами и папой Александромъ II-мъ. Коренное различіе взглядовъ на отношенія властей, на цѣли преобразованія и на мѣры къ ихъ достиженію вызывало борьбу, изъ которой Гильдебрандъ не всегда выходилъ побѣдителемъ, что и побудило его, въ интересѣ дѣла всей жизни, подготовлять собственное избраніе въ намѣстники св. Петра. Домыселъ новѣйшихъ изслѣдователей о намѣреніи архидіакона „избрать человѣка по сердцу и править его именемъ“ не имѣетъ въ источникахъ ни малѣйшей опоры и стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ прямыми свидѣтельствами памятниковъ, общимъ положеніемъ дѣлъ и личными особенностями Гильдебранда, который считалъ именно себя избранникомъ св. Петра, предназначеннымъ къ спасенію погрязшаго въ грѣхахъ человѣчества. Твердо увѣренный въ своей способности угадывать божественную волю, Гольдебрандъ облегчаетъ выполненіе предзнаменованій, суливших ему тіару, и съ этой цѣлью заручается поддержкой своихъ противниковъ, кадалистовъ. Собственныя письма Григорія доказываютъ, что ихъ вожди, Вибертъ и Гуго, дѣйствовали по предварительному уговору съ архидіакономъ, поддерживая и направляя избраніе преемника Александра II. Всѣ изслѣдователи придаютъ очень большое значеніе послѣдующимъ заявленіямъ Григорія, что онъ не желалъ сѣсть на престолъ апостольскій и былъ вынужденъ къ этому насиліемъ. Эти заявленія—дань обычаю сопротивленія при избраніи, носятъ, однако, отпечатокъ искренности, такъ какъ кадалисты произвели выборы при совершенно неканоническихъ обстоятельствахъ, создавая тѣмъ самымъ постоянный поводъ къ смутамъ. Въ моментъ избранія Гильдебрандъ былъ вынужденъ принять тіару, несмотря на нарушенія каноновъ, такъ какъ его отказъ ставилъ въ опасность уже добытые успѣхи. Сношенія Григорія съ кадалистами и неканоничность избранія вызвали недовольство кардиналовъ клюнійцевъ, преданныхъ дѣлу церковныхъ преобразованій епископовъ и свѣтскихъ владѣтелей, что совершенно не оттѣняли прежнія изслѣдованія.

Проф. *Н. Сумцовъ* вошелъ въ Общество съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ, которое и было принято Обществомъ.

„Еще въ прошломъ 1895 г. въ Харьковское Историко-филологическое Общество поступило отъ Вас. Петр. Милорадовича нѣсколько объемистыхъ рукописей съ этнографическими матеріалами, собранными въ громадномъ большинствѣ лично самимъ г. Милорадовичемъ въ послѣднія 7 лѣтъ

въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Г. Милорадовичъ, при его высокомъ образовательномъ цензѣ (кончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ) и близкомъ знакомствѣ съ краемъ, гдѣ въ теченіе долгаго времени занималъ должность мироваго судьи, чрезвычайно удачно справился съ трудной задачей собиранія сыраго матеріала. Онъ не только даетъ въ своихъ сборникахъ много новыхъ пѣсенъ и повѣрій, т. е. не отмѣченныхъ ранѣе въ печати, но, главное, группируетъ ихъ въ ясномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, съ указаніемъ на существующіе въ печати варіанты, съ краткими, но дѣльными и вполнѣ научными предисловіями. Въ началѣ сборника стоитъ въ видѣ эпиграфа народное изреченіе „трычи дывенъ чоловикъ: якъ родыця, винчается и помирае". Согласно съ тѣмъ и сборникъ распадается на три большихъ части 1) обряды и пѣсны родинные, 2) молодость и свадьба и 3) похороны. Первая часть занимаетъ около 28 листовъ, вторая—90 и третья 24, всего слѣдовательно около 150 листовъ. Всѣхъ пѣсенъ 550. Главныя изъ нихъ похоронныя заплачки въ количествѣ 94 впервые собраны въ столь значительномъ количествѣ. Извѣстно, что великорусскія заплачки собраны были въ большомъ количествѣ г. Барсовымъ; но малорусскихъ въ печати очень мало. Но и помимо заплачекъ среди веснянокъ, свадебныхъ пѣсенъ и трендычекъ встрѣчается много интересныхъ. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что даже при существованіи такого обширнаго и цѣннаго сборника малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, какъ сборникъ Чубинскаго, сборникъ г. Милорадовича, въ случаѣ его изданія, былъ бы полезнымъ вкладомъ въ современную этнографію, особенно, если принять во вниманіе, что онъ собранъ лишь въ послѣдніе годы и собранъ въ Полтавской губ., такой мѣстности, куда этнографы заглядывали рѣдко и случайно. А между тѣмъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые въ послѣднее время были изданы уже въ печати г. Милорадовичемъ, въ особенности изъ его небольшаго сборничка колядокъ, собранныхъ въ Лубенскомъ у., можно ясно видѣть, что въ народной словесности въ предѣлахъ одной Лубенщины сохранилось еще много архаичныхъ и художественныхъ элементовъ. Въ Лубенскомъ уѣздѣ, кромѣ извѣстныхъ трудовъ М. Т. Симонова, давно уже сдѣлавшихся достояніемъ науки, записаны были еще пѣсни и повѣрья извѣстнымъ писателемъ Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, проф. А. Е. Зайкевичемъ, мировымъ судьей В. Я. Яновскимъ, Э. А. Каменскимъ; но немногія изъ ихъ записей увидѣли свѣтъ, и собранное ими большей частью весьма разбросано въ печати. Въ результатѣ получается, что Лубенскій уѣздъ до сихъ поръ остается наименѣе изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи. Между тѣмъ, онъ помѣщается въ срединѣ Малороссіи и, свѣдѣнія, собранныя здѣсь г. Милорадовичемъ, могутъ имѣть значеніе для характеристики всего южнорусскаго племени. Въ виду всего

сказаннаго, я честь имѣю предложить Харьковскому Истор.-Филолог. Обществу издать сборникъ г. М—ча въ полномъ его составѣ, но такъ какъ у Общества нѣтъ средствъ для изданія такого крупнаго сборника, который въ печати займетъ отъ 10 до 15 листовъ, то я предлагаю обратиться съ просьбой о субсидіи въ триста рублей къ Лубенскому уѣздному земству или въ случаѣ отказа со стороны послѣдняго, въ Полтавское губернское земское собраніе. При субсидіи въ триста рублей въ распоряженіе земства можетъ быть представлено 300 экземпляровъ".

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 29 ноября—пятую годовщину со времени кончины А. А. Потебни († 29 ноября 1891 г.)—состоялось присужденіе преміи имени А. А. Потебни студенту ист.-фил. факультета Кемарскому въ полномъ размѣрѣ за сочиненіе о стилѣ русскаго героическаго эпоса, по заслушаніи слѣдующаго отзыва проф. *М. Е. Халанскаго*:

„Г. Кемарскій начинаетъ свое сочиненіе обозрѣніемъ существующихъ трудовъ по изученію стиля произведеній славянскаго героическаго эпоса; касается здѣсь сочиненій Потебни, Житецкаго, Сумцова, Миклошича и Зимы. Значеніе трудовъ русскихъ изслѣдователей и Миклошича г. Кемарскій опредѣляетъ вѣрно; менѣе удачны его сужденія о сочиненіи Зимы Figure u nasem narodnom pjisnictvu s njihovom teorijom Zagr. 1880.

Ближайшую задачу своего изслѣдованія г. Кемарскій опредѣляетъ такъ: „Въ моей работѣ я рѣшилъ по возможности слѣдовать плану Миклошича, такъ какъ направленіе, въ которомъ работалъ Миклошичъ, мнѣ болѣе интересно (?). Работать же въ томъ направленіи, въ какомъ работалъ Зима, я не находилъ возможности за неимѣніемъ времени и достаточной подготовки. Такимъ образомъ цѣль моей работы—выяснить различіе между русскимъ безыскусственнымъ и искусственнымъ эпосомъ въ области изобразительныхъ средствъ. Точнѣе—намѣтить тѣ характерныя черты изобразительности, которыя отличаютъ стиль былинъ и думъ отъ стиля эпоса искусственнаго, и иллюстрировать эти черты примѣрами".

Въ изслѣдованіи находимъ обозрѣніе слѣдующихъ фигуръ народнаго героическаго эпоса: I повтореній, II, эпитетовъ, III, сравненій и IV медлительности.

Въ большой главѣ о *повтореніяхъ* г. Кемарскій разсматриваетъ слѣдующіе виды *повторенія*: a) повтореніе по формѣ (эпизевксисъ, повтореніе предлога, полилогію, анадиплозисъ и анафору и повтореніе цѣлыхъ мѣстъ) и b) повтореніе по смыслу (повтореніе черезъ отрицаніе противоположности, синонимію и тавтологію, соединеніе двухъ однородныхъ словъ различныхъ по объему, связь этимологически родственныхъ словъ и ὑφέν).

Опредѣленія фигуръ г. Кемарскій заимствуетъ или у Миклошича или у Зимы и излагаетъ ихъ б. ч. довольно точно. Примѣровъ изъ думъ и былинъ приводитъ много, мѣстами даже излишне много.

Какъ видно изъ перечня статей сочиненія г. Кемарскаго, полнаго обозрѣнія особенностей стиля русскаго героическаго эпоса онъ не далъ, да и не былъ намѣренъ дать. Съузивъ предложенную тему сосредоточеніемъ вниманія на изученіи только тѣхъ особенностей героическаго народнаго эпоса, которыя отличаютъ его отъ эпоса искусственнаго, Кемарскій не выполнилъ и этой своей задачи, такъ какъ совсѣмъ не приводитъ примѣровъ изъ эпоса искусственнаго въ параллель съ примѣрами изъ эпоса безыскусственнаго. Нужно впрочемъ замѣтить, что и Миклошичъ, которому слѣдуетъ Кемарскій въ этомъ основномъ пунктѣ, мало приводитъ параллелей изъ эпоса искусственнаго, ограничиваясь нѣсколькими примѣрами изъ Гомера и Виргилія. Причина испытанныхъ Миклошичемъ затрудненій детально рѣшить поставленную имъ задачу заключается въ ложности взгляда, будто произведенія т. н. народнаго героическаго эпоса—произведенія безыскусственныя, прямо противоположныя произведеніямъ т. н. искусственнаго эпоса, тогда как, различіе между этими группами поэтическихъ произведеній касается главнымъ образомъ времени и условій ихъ происхожденія: въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ произведеніями устнаго творчества, въ другомъ—съ произведеніями книжнаго. Искусство-же, художество одинаково въ созданіи тѣхъ и другихъ произведеній. Не смотря, впрочемъ, на указанный недостатокъ, сочиненіе Кемарскаго обнаруживаетъ въ авторѣ порядочное знакомство съ матеріаломъ и научными пособіями и умѣнье распоряжаться собраннымъ матеріаломъ изслѣдованія. Положительныхъ результатовъ въ отмежеванной имъ для себя области г. Кемарскій несомнѣнно достигъ и это даетъ ему право на полученіе преміи имени А. А. Потебни въ томъ размѣрѣ, какой найдетъ возможнымъ Историко-Филологическое Общество".

Затѣмъ Б. М. Ляпуновъ сдѣлалъ сообщеніе о печатаемой въ Извѣст. Акад. Наукъ рецензіи А. А. Потебни на докторскую диссертацію проф. Соболевскаго.

М. Е. Халанскій познакомилъ общество съ содержаніемъ трехъ писемъ А. А. Потебни, написанныхъ имъ во врема пребыванія его въ Берлинѣ. Предположено издать ихъ въ извлеченіяхъ и постановлено собрать свѣдѣнія о перепискѣ А. А. Потебни вообще и о предполагавшемся изданіи 3 т. Записокъ и Теоріи словесности.

На слѣдующій годъ предложены слѣдующія темы для сочиненій: 1) Житіе Өеодосія Печерскаго, какъ памятникъ литературы и въ особенности языка (предложилъ М. Е. Халанскій) и 2) процессъ поэтическаго творчества по Гоголю въ изданіи Тихонравова (предложилъ В. И. Харціевъ). Темы эти одобрены.

Послѣдняя тема редактирована В. И. Харціевымъ и объявлена студентамъ въ такой формѣ:

Процессъ поэтическаго творчества по произведеніямъ Гоголя (Мертвыя души).

Источники: 1) Сочиненія Н. В. Гоголя въ изданіи Тихонравова.

2) Біографическіе и библіографическіе матеріалы въ томъ же изданіи, продолженномъ Шенрокомъ (VI и VII томы) и въ сочиненіи Шенрока „Матеріалы для біографіи Гоголя".

3) Авторская исповѣдь и 4 письма по поводу „Мертвыхъ душъ" въ избранныхъ мѣстахъ изъ переписки.

Пособія: Потебня. Мысль и языкъ. *Его же.* Изъ лекцій по теоріи словесности. Овсянико-Куликовскій. Поэзія и искусство (изд. Русской библіотеки). Гюйо, искусство съ точки зрѣнія соціалогіи. Автобіографическія статьи, заключающія признанія о поэтическомъ творчествѣ другихъ писателей: И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого. (Руководящее сочиненіе: Эдюды о творчествѣ И. С. Тургенева—Д. И. Овсянико-Куликовскій). Общія сочиненія по теоріи поэзіи. Wackernagel, Rhetorik, Poetik und Stilistik, В. Шербюлье, Природа и искусство.

Программа сочиненія: I. Прослѣдить исторію возникновенія и развитія поэмы: а) сгруппировать явленія жизни, послужившія матеріаломъ для Гоголевскихъ типовъ и положеній героевъ поэмы; б) указать источники стиля, языка поэмы; в) опредѣлить кругъ идей, понятій поэта, съ которыми могли ассоціироваться созданные имъ образы.

II. Выяснить, въ чемъ состояла художественная *идеализація* жизни въ поэмѣ Гоголя.

III. Указать характерныя черты творчества Гоголя, проявившіяся въ общемъ планѣ поэмы, созданныхъ имъ типахъ и мелкихъ художественныхъ пріемахъ (въ стилѣ и языкѣ).

Секретарь доложилъ, что вышелъ въ свѣтъ и разосланъ 3 выпускъ трудовъ педагогическаго отдѣла и заканчивается печатаніемъ 9 томъ Сборника Историко-Филологическаго Общества. Постановлено издать 4 выпускъ трудовъ педагогическаго отдѣла, внести въ него статьи Н. Θ. Сумцова, В. И. Харціева и др., и 10 томъ сборника, внести въ него изслѣдованія С. В. Соловьева, Θ. Зелинскаго, Н. И. Алякритскаго, этнографическій сборникъ В. Милорадовича и др.

Секретарь доложилъ, что Полтавская губернская земская управа для изданія сборника Милорадовича выслала Историко-Филологическому Обществу субсидію въ триста рублей. Постановлено благодарить управу за содѣйствіе и, по отпечатаніи сборника В. Милорадовича, выслать въ распоряженіе управы триста экземпляровъ.

Предложены выборы предсѣдателя и секретаря въ ближайшее засѣданіе Историко-Филологическаго Общества.

Н. И. Алякритскій сдѣлалъ сообщеніе о научныхъ трудахъ Н. С. Тихонравова, выходившихъ въ 50, 60 и 70 годы, въ хронологической послѣдовательности ихъ выхода въ печати. Докладъ этотъ вошелъ въ 9 томъ Сборника Историко-Филологическаго Общества.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго общества 13 февраля, Д. И. Багалѣй прочелъ некрологъ К. Н. Бестужева-Рюмина, отмѣтилъ характерныя особенности его научныхъ трудовъ и его научныя заслуги. Память почившаго была почтена вставаніемъ Заслушано было отношеніе г. Управляющаго государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерніи по поводу предполагаемаго уничтоженія ненужныхъ дѣлъ и постановлено просить о передачѣ въ историческій архивъ старыхъ дѣлъ, имѣющихъ историческое значеніе, съ разъясненіемъ, что просьба общества о введеніи историческаго архива въ число штатныхъ учрежденій находится на разсмотрѣніи высшаго правительства. Г. Ю. Ирмеръ сдѣлалъ подробный докладъ о латышской этнографической выставкѣ въ Ригѣ въ 1896 г. С. А. Ризниковъ изложилъ свои соображенія о времени избранія на рижскую епископскую каѳедру магдебургскаго каноника Николая (1231 г.).

Предсѣдатель общества М. С. Дриновъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, отказался отъ званія предсѣдателя. Общество постановило поднести уважаемому М. С. Дринову адресъ за понесенные имъ труды. По закрытой баллотировкѣ предсѣдателемъ единогласно избранъ проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ*. Въ члены общества избраны проф. *И. Н. Миклашевскій* и лекторъ итал. языка г. *Риттеръ*.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго общества 28 февраля 1897 года, присутствовало 18 членовъ 6 съ передаточными голосами. По баллотировкѣ секретаремъ избранъ *Е. К. Рѣдинъ*, получившій 23 избирательныхъ и 1 неизбирательный шаръ.

Одобренъ текстъ благодарственнаго адреса М. С. Дринову и избрана коммиссія для поднесенія адреса и альбома.

Н. Ѳ. Сумцовъ сдѣлалъ сообщеніе о пѣсняхъ о Травинѣ (нап. въ наст. томѣ сборника).

Д. И. Багалѣй сдѣлалъ сообщеніе о научныхъ трудахъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ (нап. въ Запискахъ Харьк. Универ. 1897 г.).

Въ засѣданіи общества 8 апрѣля дано цензурное разрѣшеніе на печатаніе и выпускъ въ свѣтъ 3 тома записокъ по грамматикѣ А. А. Потебни.

Постановлено просить Волчанскую дворянскую опеку о передачѣ въ Историческій Архивъ старыхъ дѣлъ. Принято къ свѣдѣнію заявленіе М. М. Плохинскаго, что съ августа 1897 г. онъ переходитъ на другую службу и оставляетъ потому должность архиваріуса Историко-Филологическаго Общества.

Доложенъ отчетъ объ общедоступномъ научномъ чтеніи Е. К. Рѣдина о римскихъ катакомбахъ, давшемъ чистаго сбора 109 руб. 60 коп., какая сумма назначена на пріобрѣтеніе свѣтовыхъ картинъ для другихъ чтеній отъ имени Педагогическаго Отдѣла.

Въ теченіе отчетнаго года отъ имени Историко-Филологическаго Общества и Отдѣла посланы привѣтственныя юбилейныя телеграммы Н. П. Кондакову, А. Н. Пыпину, Н. И. Карѣеву и А. Г. Неболсину.

8 мая 1897 г. по подсчетѣ оказалось Сборника Историко-Филологическаго Общества т. 1-й 54 экз., 2—48, 3—39, 4—42, 5—54, 6—62, 7—109, 8—260, 9—279 итого 947 экз. Пособіе для лит. чт. изд. 1—69 экз. 2—1529 экз., тетрадей 4-го изд. 3253 экз. Трудовъ Пед. Отд. вып. 1—31 экз., 2—53 экз., 3—217 экз. Некрологи А. А. Потебни 281 экз. Основы Поэтики 200 экземпляровъ.

По частной подпискѣ между членами Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла собрано и отправлено на памятникъ И. С. Тургенева въ Орлѣ 25 рублей и на памятникъ И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ 14 рублей.

15 апрѣля членами общества поднесенъ былъ М. С. Дринову альбомъ съ портретами членовъ Историко-Филологическаго Общества и адресъ за подписью всѣхъ членовъ Общества слѣдующаго содержанія:

Адресъ М. С. Дринову.

Высокоцѣнимый Маринъ Степановичъ! Въ теченіе 6 лѣтъ Историко-Филологическое Общество работало подъ Вашимъ предсѣдательствомъ. Дѣятельность его значительно развилась, число членовъ умножилось, число изданій его разрослось, и въ настоящее время многія научныя учрежденія, русскія западно и южнославянскія вошли съ Обществомъ въ обмѣнъ своими трудами и пользуются его изданіями. При Вашемъ доброжелательномъ сочувствіи и содѣйствіи возникъ Педагогическій Отдѣлъ, собраны средства на премію имени А. А. Потебни, организованы научныя чтенія для женщинъ, устроено было публичное чествованіе памяти Г. С. Сковороды, собраны и изданы его сочиненія и возобновленъ памятникъ на его могилѣ. Свойственныя Вамъ въ высокой степени миролюбіе, мягкость и терпимость вносили въ Общество духъ непринужденности и согласія. Вашъ общепризнанный научный авторитетъ и неизмѣнно сердечное отношеніе ко всѣмъ мѣропріятіямъ Общества служили для насъ важной нравственной опорой. Не вдаваясь подробно въ оцѣнку Вашей дѣятельности, мы просимъ Васъ принять нашу искреннюю благодарность за оказанныя Вами услуги. Съ сожалѣніемъ разставаясь съ Вами, какъ съ предсѣдателемъ, мы имѣемъ утѣшеніе, что

сохраняемъ Васъ, какъ почетнѣйшаго члена и питаемъ увѣренность, что и впредь Общество будетъ пользоваться Вашимъ просвѣщеннымъ участіемъ.

(Слѣдуютъ подписи членовъ Историко-Филологическаго Общества).

Адресъ А. С. Лебедеву.

Глубокоуважаемый Амфіанъ Степановичъ! Прошло двадцать пять лѣтъ Вашей ученой и преподавательской дѣятельности въ Харьковскомъ Университетѣ. Ваши научные труды, многочисленные и разнообразные, посвящены преимущественно мѣстной исторіи. Въ частности Вами изданъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи мѣстнаго просвѣщенія въ связи съ главными его носителями и выразителями—Харьковскимъ Коллегіумомъ и Харьковскимъ Университетомъ. Вы обратили вниманіе на мѣстные архивы, извлекли изъ нихъ и напечатали много важныхъ документовъ. Вы принимали живое участіе въ учрежденіи и въ дѣятельности Историко-Филологическаго Общества. Вообще, по любви къ просвѣщенію, Вы всегда высоко держали знамя науки и неоднократно публично выступали съ исторически обоснованнымъ краснорѣчивымъ словомъ защиты свободы научнаго изслѣдованія. Въ университетскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ Вы всегда стояли и нынѣ стоите за все доброе, справедливое и честное. Принося Вамъ искреннее поздравленіе присоединяемъ къ нашему привѣтствію сердечное желаніе, чтобы Ваша почтенная, научная и преподавательская дѣятельность продолжалась многіе и многіе годы.

(Слѣдуютъ подписи членовъ Историко-Филологическаго Общества).

О ЗАГОВОРАХЪ

(Исторія развитія заговора и главныя его формальныя черты).

«Главный ключъ къ пониманію тайныхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать ихъ какъ основанныя на *ассоціаціи* идей».

Тайлоръ. „Первобытная культура".

«Заговоръ есть словесное изображеніе *сравненія* даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее».

Потебня. „Малорус. пѣсня по сп. XVI в."

«Въ языкѣ и поэзіи есть положительныя свидѣтельства, что, по вѣрованіямъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, *слово* есть мысль, слово—истина и правда, мудрость, поэзія».

Потебня. „Мысль и языкъ".

Принимаясь за изученіе заговоровъ, авторъ первоначально поставилъ себѣ цѣлью собрать возможно большій матерьялъ по этому предмету, заключающійся преимущественно въ различныхъ этнографическихъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, и, подвергнувъ его сравнительному разбору, сдѣлать посильныя заключенія. Первообразомъ для своей работы авторъ взялъ работу Крушевскаго [1]), написанную двадцать лѣтъ тому назадъ и основанную почти исключительно на одномъ сборникѣ „Великорусскихъ заклинаній" Л. Н. Майкова [2]); за свѣдѣніями же по литературѣ вопроса обратился къ двумъ библіографическимъ указателямъ

[1]) Н. Крушевскій. „Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи". „Варшав. Унив. Изв." 1876 г., III.

[2]) Л. Н. Майковъ. „Великорусскія заклинанія". „Зап. Имп. Рус. Географич. Общ." по отдѣленію этнографіи т. II, 1869 г.

проф. Н. Ѳ. Сумцова [1]), присоединивъ къ нимъ нѣсколько сочиненій, пропущенныхъ или вышедшихъ въ свѣтъ послѣ нихъ. Но, по мѣрѣ того, какъ авторъ углублялся въ изученіе избранной имъ темы, ему становилось все очевиднѣе, что громадное количество сырого матерьяла далеко выводитъ его изъ предѣловъ срочной работы, а между тѣмъ онъ убѣдился, что выполненіе намѣченнаго плана для него непосильно и невозможно. Дѣло въ томъ, что, несмотря на большое количество сборниковъ заклинаній, всѣ они относятся къ народамъ индоевропейскаго происхожденія, а изъ другихъ, насколько извѣстно автору, въ литературѣ находятся только халдейскія заклинанія, отъ которыхъ нѣкоторые ученые склонны производить таковыя же у всѣхъ арійскихъ народовъ. Между тѣмъ вѣра въ силу человѣческаго слова, на которой основана возможность возникновенія и существованія заговора, вытекаетъ изъ чисто психологическихъ причинъ, и это обстоятельство требуетъ самаго широкаго сравненія при изученіи заговоровъ. Несмотря на значительный интересъ, возбуждаемый въ послѣднее время этимъ видомъ народной словесности—интересъ, наиболѣе, какъ кажется, замѣчаемый у насъ и у нѣмцевъ, и выразившійся въ постоянномъ выходѣ въ свѣтъ все новаго и новаго матерьяла [2]), количество котораго въ настоящее время весьма велико, мы почти не видимъ изслѣдованій, посвященныхъ занимающему насъ предмету, а тѣ немногія попытки освѣтить, хотя вскользь, эту интересную часть народной словесности, сдѣланы почти всѣ мимоходомъ, въ связи съ другими вопросами, и только одна небольшая работа Крушевскаго посвящена цѣликомъ разбору заговоровъ. Несмотря на то, что о заговорахъ писали такіе извѣстные ученые, какъ Буслаевъ, О. Миллеръ, Аѳанасьевъ, все написанное отличается незначительной цѣнностью, въ виду того, что основано почти на однихъ только русскихъ заговорахъ; къ этому еще присоединяется и крайняя односторонность выводовъ, зависящая отъ миѳологическаго метода, котораго держались изслѣдователи. Такимъ образомъ можно сказать, что дѣло изслѣдованія заговоровъ остается почти неначатымъ. Кромѣ того, занимаясь заговорами мимоходомъ, между прочимъ, писавшіе о нихъ не брали на себя труда привести въ извѣстность результаты, добытые предыдущими изслѣдователями, и потому часто повторяли ихъ ошибки, не заимствуя ихъ цѣнныхъ наблюденій. Что всего замѣчательнѣе, это то, что даже самое понятіе о заговорѣ остается для всѣхъ почти изслѣдователей неяснымъ, и потому и опредѣленіе его не установлено въ литературѣ, хотя

[1]) Н. Ѳ. Сумцовъ. „Заговоры" (библ. ук.) „Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ." т. IV. „Колдуны, вѣдьмы и упыри". „Сб. Х. И.-Ф. О." т. III.

[2]) Въ одной книжкѣ „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde" (1891, II) напечатано три сборника (Amman, Zingerle, Prahn); въ IV т. „Сб. Х. И.-Ф. О."—пять (Линда, Короленко, Гавриловъ, Семенцова, Любицкій).

лучшее, по нашему мнѣнію, далъ Потебня еще двадцать лѣтъ тому назадъ. То же самое должно сказать и относительно времени возникновенія заговоровъ, причины, смысла, формы, отношенія къ другимъ видамъ произведеній народной словесности и ихъ исторіи. Однако же всѣ эти вопросы прежде всего возникаютъ предъ изслѣдователемъ, начинающимъ знакомство съ этими памятниками старины, которымъ многіе склонны приписывать чрезвычайно важное значеніе въ исторіи народной словесности. Намъ даже кажется, что прежде, чѣмъ будутъ рѣшены всѣ эти вопросы, невозможно и думать о детальномъ разборѣ содержанія заговоровъ. Совершенно, вѣдь, иное дѣло, есть ли заговоръ „сокращеніе, приложеніе миѳа,“ или „языческая молитва, имѣющая принудительное для божества значеніе“, или что-нибудь совершенно иное. Точно также и относительно времени и мѣста возникновенія заговора. Все это чувствовалось тѣми немногими изслѣдователями, которымъ приходилось имѣть дѣло съ заговарами, и они старались отвѣтить на тѣ вопросы, на которые они наталкивались. Но благодаря тому, что, какъ мы уже замѣтили, никто не посвящалъ своего труда обстоятельному и систематическому изученію нашего предмета, мнѣнія ихъ чрезвычайно разбросанны, запутанны, сбивчивы и, даже у одного и того же автора, противорѣчащи. Поэтому, оставивъ по вышеуказаннымъ причинамъ свой первоначальный планъ сравнительнаго изученія заговорнаго матерьяла, авторъ рѣшилъ заняться вопросомъ о заговорахъ со стороны ихъ формы, исторіи и значенія, и результатомъ этого рѣшенія является настоящая работа, заключающая въ себѣ попытку сдѣлать сводъ мнѣній и результатовъ, полученныхъ различными изслѣдователями по вопросамъ, касающимся заговоровъ; сдѣлать сравнительную оцѣнку полученнаго такимъ образомъ матерьяла; связать между собою то, что было высказываемо отдѣльно, и, по силѣ разумѣнія, попытаться объяснить встрѣчающіеся пробѣлы.

Теперь, переходя къ самимъ заговорамъ, мы считаемъ необходимымъ прежде всего начать съ самаго опредѣленія заговора. Итакъ, что такое заговоръ?—„Заговоры—вывѣтрившіяся языческія молитвы“, читаемъ мы у Потебни, въ его книгѣ: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи [1]). Мы увидимъ далѣе, что онъ измѣнилъ впослѣдствіи свой взглядъ на этотъ предметъ, а теперь посмотримъ, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ другіе авторы. „Заговоры суть обломки древнихъ языческихъ молитвъ“, говоритъ Аѳанасьевъ [2]). Какъ видимъ—опредѣленіе совершенно сходное съ тѣмъ, которое дано раньше Потебней. Если не удивительно, что Потебня, давая свое опредѣленіе, допустилъ такое грубое смѣшеніе (молитва и заго-

[1]) Потебня „О нѣкот. симв. въ слав. народн. поэзіи“. Стр. 31.

[2]) Аѳанасьевъ „Поэтич. воззр. славянъ на природу“. 1865 г. т. I, стр. 43.

воръ, какъ увидимъ далѣе, двѣ вещи совершенно противоположныя), не удивительно потому, что онъ въ своемъ вышеуказанномъ сочиненіи заимствовалъ только изъ заговоровъ нѣкоторые поэтическіе символы, не касаясь самаго заговора, то тѣмъ удивительнѣе, что подобную ошибку повторилъ Аѳанасьевъ, который самъ замѣчаетъ разницу между просительнымъ тономъ молитвы и принудительнымъ заговора, вся сила котораго лежитъ въ силѣ слова. Это противорѣчіе онъ старается сгладить искусственнымъ толкованіемъ, что поэзія—первоначально принадлежность божества, его языкъ—обладаетъ чудодѣйственной силой; человѣкъ лишь только отъ боговъ пріобрѣлъ этотъ даръ и свои молитвы—„плодъ сильнаго поэтическаго одушевленія" выражалъ въ поэтической формѣ пѣснопѣній. „Въ самую раннюю эпоху, говоритъ Аѳанасьевъ, слово, какъ выраженіе духовныхъ стремленій человѣка, какъ хранилище его наблюденій и познаній о силахъ обоготворенной природы и какъ средство для сообщенія съ богами, рѣзко отдѣлилось отъ ежедневнаго обиходнаго разговора эпическимъ тономъ и стихотворнымъ размѣромъ. Священное значеніе рѣчи, обращенной къ божеству или повѣдающей его волю, требовало выраженія торжественнаго, стройнаго; сверхъ того, всѣ народы на первоначальныхъ ступеняхъ развитія любятъ пѣсенный складъ, который звучнѣе, пріятнѣе говоритъ уху и легче запечатлѣвается въ памяти. Первыя молитвы (молить=молыти, молвити) народа были и первыми его пѣснопѣніями; онѣ являлись плодомъ того сильнаго поэтическаго одушевленія, которое условливалось и близостью человѣка къ природѣ, и воззрѣніемъ на нее, какъ на существо живое, и яркостью первичныхъ впечатлѣній ума, и творческою силою древнѣйшаго языка, обозначавшаго все въ пластичныхъ, живописующихъ образахъ" [1]). Далѣе, по мнѣнію Аѳанасьева, молитва переходитъ въ заговоръ. „Но какъ вѣщее слово поэтовъ (=языкъ боговъ), по мнѣнію древняго народа, заключало въ себѣ сверхъестественныя чародѣйныя свойства, то молитва=мантра еще въ эпоху Ведъ переходитъ въ *заклятіе* или *заговоръ*, т. е. въ такое могучее, исполненное неотразимой силы воззваніе, которому сами боги не въ состояніи воспротивиться и отказать. Вмѣстѣ съ этимъ рождается убѣжденіе, что заклятіе своими заповѣдными вѣрно-произнесенными формулами можетъ творить то же, что творятъ небесные владыки: въ Ведахъ gâyatri (олицетвореніе молитвы) заступаетъ мѣсто Индры и подобно ему поражаетъ демоновъ и похищаетъ сому. Съ теченіемъ времени священные гимны малопо-малу теряютъ первоначальныя черты мантры и не столько прославляютъ и молятъ боговъ, сколько требуютъ отъ нихъ (заклинаютъ) исполнить желанное человѣку. Вѣщія жены и знахари позднѣйшей эпохи, утративъ не-

---

[1]) Аѳанасьевъ „Поэт. воззр." т. I, стр. 412.

посредственную связь съ языческой стариною, всю сущность дѣла полагаютъ въ могуществѣ чародѣйнаго слова и сопутствующихъ ему обрядовъ“ [1]).

Изъ этихъ двухъ выписокъ видѣнъ тотъ идиллическій взглядъ на первобытнаго человѣка, который имѣлъ авторъ, взглядъ, навѣянный съ одной стороны самой темой сочиненія и зависящій съ другой отъ того, что авторъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета ни въ языкѣ, ни въ мысли первобытнаго человѣка, ни вообще въ его доисторическомъ бытѣ. Здѣсь видимъ мы библейскаго Адама, въ день своего созданія простирающаго съ молитвою руки къ Творцу, и не видимъ дикаря, стоящаго по своему развитію чуть выше животнаго и не имѣющаго даже идеи божества, а и такіе дикари имѣютъ заклинанія и пользуются ими.

Для того, чтобы данныя намъ опредѣленія были справедливы, необходимо прежде всего доказать, что заговоры являются позже молитвъ. Этого и не считаетъ возможнымъ Ор. Миллеръ. Онъ говоритъ, что „въ собственномъ смыслѣ всѣ древнѣйшія пѣсни молитвеннаго содержанія—*молитвы* только въ переводѣ на позднѣйшій языкъ; первоначально всѣ онѣ были именно *заговоры*“ [2]), и при такомъ взглядѣ не можетъ принять мнѣнія Гримма, который „въ своей статьѣ Ueber das Gebet различаетъ три послѣдовательныхъ періода: первый, когда только приносились жертвы, второй, когда только жертвовали и молились, третій, когда только молились“.—„Мнѣ кажется, продолжаетъ Ор. Миллеръ, что даже первому долженъ быть предпосланъ древнѣйшій: когда еще жертвъ не приносили, но совершали обряды, которые, съ перваго взгляда, могутъ въ настоящее время показаться жертвами, но были первоначально только подражаньемъ тому, что замѣчали въ природѣ, подражаньемъ, имѣвшимъ въ виду вынудить у нея повторенье тѣхъ же явленій. Въ смыслѣ первоначальнаго обряда заключалось стремленіе овладѣть природой; тотъ же смыслъ въ *заговорѣ*, которымъ долженъ былъ уже изначала сопровождаться обрядъ и *который служилъ предшественникомъ молитвы*.“ [3]) Въ другомъ мѣстѣ Ор. Миллеръ продолжаетъ: „Я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Аѳанасьева, что только позже *молитва стала переходить въ заговоръ*. Если молить первоначально и равно *молити*, *молвити*, то изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобы первымъ *словомъ* человѣка была *молитва* въ ея настоящемъ, непремѣнно позднѣйшемъ значеніи. Каждое слово, какъ извѣстно, испытало свой рядъ историческихъ измѣненій смысла. Теперешній же смыслъ молитвы прямо противорѣчитъ всѣмъ основаніямъ первобытной поры миѳовъ, поры, въ которую религіозное чувство еще вовсе не проникаетъ въ миѳы. Если

---

[1]) Аѳанасьевъ „Поэт. возр.“ I, 414.

[2]) Ор. Миллеръ. «Опытъ историч. обозрѣнія русской словесности.» Изд. 2, стр. 67.

[3]) Ор. Миллеръ. „Опытъ...“ 2 примѣч. на стр. 84.

въ заговорахъ есть, какъ справедливо указываетъ г. Аѳанасьевъ, *молитвенныя обращенія* въ ихъ настоящемъ смыслѣ, то это только первые проблески религіозности, едва зарождающіеся посреди представленій другого рода,—такихъ, по которымъ еще *само божество нуждается въ помощи человѣческихъ словъ и обрядовыхъ дѣйствій*. Главное въ заговорѣ составляетъ могучая, замыкающая сила самого слова" [1]).

Н. Карѣевъ высказываетъ то же самое мнѣніе. По поводу вышеприведеннаго дѣленія Гримма на три періода, онъ замѣчаетъ, что тотъ „упускаетъ изъ виду, что *молитвѣ часто предшествовало заклятіе* посредствомъ вѣщаго слова, которое уже потомъ перешло въ молитву" [2]).

Итакъ мы видимъ, что мнѣніе, будто молитва предшествуетъ заговору построено на весьма шаткихъ основаніяхъ. Соблазнительность кажущагося тождества словъ *молить* и *молвить*, [3]) да мысль, что человѣкъ уже съ перваго дня своего происхожденія позналъ божество и преклонился предъ нимъ, вотъ факторы, служащіе для его основанія. Самыя молитвенныя обращенія, находящіяся въ заговорахъ, указываютъ не на остатокъ древнихъ молитвъ, какъ думаетъ Аѳанасьевъ, и, какъ намъ кажется, не на „первые проблески религіозности, едва зарождающіеся посреди представленій другого рода", какъ поправляетъ Аѳанасьева Ор. Миллеръ, а на гораздо позднѣйшія наслоенія того времени, когда самъ заговоръ сталъ подвергаться вліянію молитвы и даже переходить въ нее.

Такимъ образомъ Ор. Миллеръ отвергаетъ опредѣленіе заговора, какъ остатка языческой молитвы, но самъ воздерживается отъ новаго опредѣленія. Почтенный ученый посвятилъ двадцать страницъ своей работы заговорамъ, [4]) но исключительно миѳологическому ихъ толкованію, а самыя интересныя для насъ и, смѣемъ думать, самыя цѣнныя для изученія заговоровъ замѣчанія помѣстилъ въ выноскахъ и дополненіяхъ.

Большой шагъ впередъ въ опредѣленіи заговора дѣлаетъ работа Крушевскаго: „Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи". Въ сравненіи съ предшествовавшими экскурсами въ область заговоровъ эта работа представляетъ изъ себя первую цѣнную научную попытку объясненія нашего вопроса. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду первую и вторую главы работы, въ которыхъ авторъ, производя заговоръ изъ особенностей первобытнаго мышленія, разсматриваетъ послѣднее и доказываетъ возможность возникновенія изъ него и существованія заговора. Къ сожалѣнію малая начитанность

[1]) Ор. Миллеръ. „Опытъ..." Дополненіе къ стр. 84.

[2]) Н. Карѣевъ „Миѳологическіе этюды." „Фил. зап." 1873 г. кн. III, стр. 38.

[3]) Этимологія словъ *молвити* и *молити* различна, какъ указываютъ параллели къ послѣднему слову: зап.-слав. modliti, прусск. maddla и лит. meldziu. (См. словарь Миклошича).

[4]) Ор. Миллеръ „Опытъ..." стр. 66—85.

автора въ области, соотвѣтствующей данному предмету, и поспѣшность работы не дали ему возможности охватить со всѣхъ сторонъ свой предметъ, заставили принять на вѣру нѣкоторыя положенія сомнительной вѣроятности и сдѣлали изложеніе непослѣдовательнымъ. Вторую и большую половину своей работы, Крушевскій, подъ вліяніемъ Аѳанасьева и Ор. Миллера, посвятилъ миѳологическому разбору заговоровъ. То обстоятельство, что авторъ разсматриваетъ почти исключительно одни русскіе заговоры, и къ тому же изъ нихъ только заключающіеся въ сборникѣ Майкова, отразилось на второй половинѣ работы еще больше, чѣмъ на первой.

Совершенно иное опредѣленіе заговора мы и находимъ у Крушевскаго. „*Заговоръ*, говоритъ онъ, *есть выраженное словами пожеланіе, соединенное съ извѣстнымъ обрядомъ или безъ него, пожеланіе, которое должно непремѣнно исполниться*". „Мы употребляемъ, продолжаетъ онъ, слово „пожеланіе" а не „молитва"; потому что послѣднее предполагаетъ божество, къ которому обращается заговаривающій, а такого божества, какъ увидимъ, во многихъ заговорахъ вовсе не оказывается" [1]). Далѣе авторъ ставитъ на видъ вѣру въ силу человѣческаго слова, на которой основана возможность существованія заговора. Еще Аѳанасьевъ видѣлъ, что вѣра въ силу слова характеризуетъ всѣ заговоры, но онъ не рѣшился произвести отсюда заговоры и предложилъ для объясненія искусственное толкованіе. Если мы вернемся теперь къ вышеуказанному сочиненію Аѳанасьева, а именно къ главѣ о примѣтахъ [2]), то увидимъ, что, благодаря принятому авторомъ опредѣленію заговоровъ, какъ древнихъ языческихъ молитвъ, онъ ищетъ въ заговорахъ молитвенныхъ обращеній и только такія формулы, которыя носятъ слѣды религіозныхъ воззрѣній, относитъ къ заговорамъ, такія же несомнѣнно заговорныя выраженія, въ которыхъ нѣтъ указанія на божество, но которыя однако же по своей формѣ гораздо древнѣе, относитъ къ примѣтамъ; такъ напр., когда хозяйка сажаетъ капусту, то, „докончивъ посадку, въ начальномъ краю гряды ставитъ большой горшокъ дномъ кверху, накладываетъ на него камень и покрываетъ бѣлымъ платкомъ съ приговоромъ: „Щобъ капуста була туга, якъ каминець, головата якъ горщокъ, а бѣла, якъ платокъ!" [3]) Слова, произносимыя хозяйкой, представляютъ изъ себя несомнѣнно заговоръ, а Аѳанасьевъ относитъ весь этотъ обрядъ къ числу примѣтъ. Вообще нужно замѣтить, что онъ не имѣлъ точнаго понятія и о примѣтѣ и мѣшалъ въ одно мѣсто и примѣту, и чару, и заговоръ, если послѣдній не подходилъ подъ составленное имъ опредѣленіе. Примѣръ, приведенный нами, не единственный. Мы еще намѣрены вернуться къ этому

---

1) Крушевскій. Стр. 23.

2) Аѳанасьевъ. I, 27—43.

3) Аѳанасьевъ. I, 34.

вопросу при дальнѣйшемъ изложенiи, теперь же только остановились для того, чтобы показать, къ какимъ результатамъ привело Аѳанасьева его толкованiе заговора. Ошибки, допускаемыя Аѳанасьевымъ, легко замѣчаются, если по отношенiю къ заговорамъ стать на точку зрѣнiя Крушевскаго. Еще яснѣе становится заговоръ, если мы обратимся къ статьѣ Потебни: „Малорусская пѣсня по списку XVI вѣка". Здѣсь, говоря о началахъ пѣсенъ, авторъ указываетъ на сходство началъ заговорныхъ съ пѣсенными и, останавливаясь по этому поводу на заговорахъ, дѣлаетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчанiй относительно опредѣленiя заговора и его формы и содержанiя. Между прочимъ онъ говоритъ, имѣя въ виду свое сочиненiе: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзiи", что, „оставаясь при мнѣнiи, что заговоры *вообще* суть обломки языческихъ молитвъ (Аѳ. „Поэт. воз." I, 43, 414), что чѣмъ болѣе заговоръ подходитъ къ молитвѣ, тѣмъ онъ первобытнѣе, мы впадаемъ въ ошибку" [1]). Далѣе Потебня оспариваетъ у Крушевскаго честь первенства открытiя этого положенiя: „Моимъ слушателямъ, говоритъ онъ, извѣстно, что такъ я думалъ и до появленiя въ печати соч. Н. Крушевскаго: „Заговоры, какъ видъ русской народной поэзiи" гдѣ высказана эта мысль. Для насъ совершенно непонятно, почему знаменитый ученый игнорируетъ въ данномъ случаѣ Ор Миллера, который, какъ это кажется намъ очевиднымъ изъ выписокъ, сдѣланныхъ нами выше, держался этого мнѣнiя еще значительно раньше Крушевскаго, и къ тому же весьма возможно, что самъ Крушевскiй пришелъ къ этой мысли подъ влiянiемъ Ор. Миллера, сочиненiемъ котораго онъ пользовался при этой работѣ.

Разсматривая опредѣленiе заговора Крушевскаго, Потебня справедливо находитъ его слишкомъ широкимъ, такъ какъ выраженное словами пожеланiе, которое должно непремѣнно исполниться, можетъ быть не только заговоръ, а и простое пожеланiе, проклятiе и ругательство. „Мнѣ кажется, заключаетъ Потебня, основную форму заговора лучше опредѣлить такъ: это — „*словесное изображенiе сравненiя даннаго или нарочно произведеннаго явленiя съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее.*"

Послѣднее опредѣленiе мы считаемъ самымъ точнымъ изъ всѣхъ, какiя были даны, а сопутствующiя ему замѣчанiя о возникновенiи заговора и его формѣ и содержанiи—самымъ цѣннымъ изъ всего того, что писали о заговорахъ. Нужно удивляться и сожалѣть, что несмотря на имя автора и на то, что означенная статья была напечатана въ извѣстномъ спецiальномъ журналѣ („Филологич. зап."), она осталась незамѣченной, и потому мы нигдѣ не встрѣчаемъ на нее ссылокъ [2]), а между тѣмъ, какъ намъ кажется, она

[1]) Потебня. „Малор. пѣсня по сп. XVI в." Стр. 20.

[2]) Настоящiя строки уже были написаны, когда намъ пришлось познакомиться съ книгой проф. Владимiрова: «Введенiе въ исторiю русской словесности.» Кiевъ 1896 г., гдѣ

должна служить исходнымъ пунктомъ при изученіи нашего предмета. Вслѣдствіе этого мы и послѣ нея встрѣчаемъ въ литературѣ опредѣленіе заговора, какъ языческой молитвы, вѣроятно, подъ вліяніемъ Аѳанасьева, книга котораго пользовалась большой извѣстностью, или старательное уклоненіе дать какое бы то ни было опредѣленіе. Такъ Порфирьевъ въ докладѣ объ апокрифическихъ молитвахъ, читанномъ на археологическомъ съѣздѣ въ Казани, говоритъ, что „народные заговоры, какъ извѣстно, составляютъ остатокъ языческой старины и выродились, вѣроятно, изъ языческихъ молитвенныхъ обращеній къ обоготворявшимся во времена язычества стихіямъ и силамъ природы.“ [1]) Нѣчто совершенно странное и непонятное пишетъ онъ въ своей книгѣ: „Исторія русской словесности“. „Заговоры или заклятія, говоритъ онъ, принадлежатъ къ области такъ называемаго народнаго знахарства и сохраняются между людьми, слывущими въ народѣ колдунами вѣдунами, знахарями. Они составляютъ остатокъ еще языческой старины, когда были обоготворяемы разныя силы и явленія природы, когда вѣрили, что посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ ихъ благотворное вліяніе и уничтожить или остановить ихъ вредное дѣйствіе, когда думали, что физическія явленія и разные вещественные предметы могутъ имѣть вліяніе и на нравственныя качества людей, на ихъ добрыя и дурныя дѣйствія“ [2]). Не говоря уже о томъ, что эти слова ничуть не объясняютъ заговора и не даютъ о немъ никакого понятія, такъ какъ это же самое можно сказать о всякомъ колдовствѣ, намъ кажется, что они не характеризуютъ даже древнѣйшей эпохи язычества, такъ какъ всегда люди думали и думаютъ о божествѣ, что „посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ его благотворное вліяніе и уничтожить или остановить его вредное дѣйствіе“. Почти то же самое можно сказать и о физическихъ явленіяхъ и вещественныхъ предметахъ, имѣющихъ вліяніе на нравственныя качества людей, на ихъ добрыя и дурныя дѣйствія; примѣромъ можетъ служить напр. астрологія.

П. О. Морозовъ въ „Исторіи русской словесности“ Галахова [3]) не отдѣляетъ даже заговора отъ тѣхъ дѣйствій, которыми онъ сопровождается, напр. наказаніе въ изображеніи, выниманіе слѣдовъ и т. п. „Всѣ подобныя дѣйствія, говоритъ онъ, соединяемыя съ особыми причитаніями, составляютъ то, что въ народѣ носитъ названіе заговора, наговора или заклятія“. Изъ

мы впервые находимъ принятыми взгляды Потебни на заговоръ и ссылку на означенную выше его статью.

[1]) Порфирьевъ. „Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки.“ Труды IV Археологич. Съѣзда. Стр. 7.

[2]) Порфирьевъ „Исторія русской словесности“. Изд. 5-е, I, 172.

[3]) Галаховъ „Исторія рус. словесности“. Изд. 3-е, т. I, отд. I, 154.

этихъ словъ выходитъ такъ, какъ будто заговоромъ называется не то, что говорятъ, а то, что дѣлаютъ и то, что говорится при этомъ колдовскомъ дѣйствіи, для заговора вещь второстепенная.

Незеленовъ въ своей „Исторіи русской словесности" [1]) также не даетъ опредѣленія заговора и ограничивается только указаніемъ на различіе между заговоромъ и молитвой и на значеніе слова для заговора.

Въ „Трудахъ 3-го Археологич. съѣзда" напечатанъ докладъ Иващенко: „О южнорусскихъ шептаніяхъ", въ которомъ авторъ, на основаніи представленныхъ имъ малорусскихъ заговоровъ (числомъ около 50), рѣшаетъ многіе вопросы, касающіеся нашего предмета. Между прочимъ онъ говоритъ: „Въ процессѣ шептаній, какъ выраженіи таинственнаго, священнаго знанія, лежитъ народное вѣрованіе въ чудодѣйственную силу слова и обряда, относимыхъ къ олицетвореннымъ или же просто стихійнымъ силамъ природы. Слѣдовательно, идея вѣрованія въ словесно-обрядное врачевство является археологическимъ *обломкомъ молитвенныхъ языческихъ вознотеній* къ доброму или злому (для человѣка) началу въ природѣ, съ цѣлью воспользоваться помощью того или другого и предрасположить ихъ къ себѣ" [2]). Такимъ образомъ и этотъ авторъ видитъ въ заговорахъ языческія молитвы. Этотъ же самый взглядъ выраженъ и въ книгѣ Помяловскаго [3]).

Для другихъ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что заговоры въ древности имѣли „молитвенное значеніе", уже потому, что самъ народъ, который сохранилъ эти остатки старины, называетъ заговоры безразлично и заговорами и молитвами [4]). Но, во-первыхъ, народъ въ подобныхъ вопросахъ не такой уже рѣшительный авторитетъ—онъ называетъ напр., эти же самые заговоры „наукою"—; во-вторыхъ, если онъ и называетъ заговоры молитвами, то во всякомъ случаѣ онъ никогда не смѣшиваетъ ихъ, а всегда помнитъ ихъ различіе. „Населеніе, говоритъ Н. Харуэинъ, (рѣчь идетъ о населеніи Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ.) въ обращеніи своемъ къ духамъ, населяющимъ природу, дѣлаетъ рѣзкое различіе между молитвой и заговоромъ, который просто называетъ „слова" [5]). И дѣйствительно, всякій можетъ убѣдиться въ этомъ и у насъ, на югѣ Россіи (мы имѣемъ въ виду губерніи Полтавскую и Харьковскую), въ томъ, что народъ отличаетъ заговоръ отъ молитвы, называя и здѣсь, какъ и на крайнемъ сѣверѣ, заго-

---

[1]) Незеленовъ „Исторія рус. сл." Изд. 4-е, ч. I, стр. 9.

[2]) Иващенко „О южнорусскихъ шептаніяхъ". „Труды 3-го Арх. съѣзда". I, 320.

[3]) Помяловскій „Эпиграфическіе этюды". Стр. 51.

[4]) Якушкинъ „Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярослав. губ.". „Труды Яросл. Губ. Стат. Коммитета". Вып. V.

[5]) Н. Харузинъ „Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожск. у., Олонецкой губ.". Примѣч. на стр. 12.

воръ „словомъ“ и указывая такимъ образомъ на его сущность. Вы каждый день можете услышать разсказы объ удивительныхъ случаяхъ, какъ такая-то *баба* шептаньемъ вывела всѣхъ крысъ, которыя до этого были въ громадномъ числѣ, а такой-то *дід*—гадюкъ; тамъ останавливаютъ кровь, здѣсь съ увѣренностью въ успѣхъ лѣчатъ отъ бѣшенства и въ объясненіе всего этого вамъ скажутъ: „Він или вона—зна такэ слово!“ Здѣсь даже въ шутку говорятъ; „Знаю такэ слово“, когда хотятъ увѣрить въ томъ, что сдѣлаютъ то или другое, кажущееся невозможнымъ.

Не будучи начитаны по нашему вопросу въ иностранной литературѣ, мы тѣмъ не менѣе смѣемъ думать, что дѣло изученія заговоровъ и у нѣмцевъ и у французовъ находится еще въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ у насъ. Намъ не пришлось встрѣтить ни одного изслѣдованія, посвященнаго заговорамъ; немного словъ мимоходомъ, какъ напр. у Гримма въ его „Нѣмецкой миѳологіи“, да по нѣсколько строкъ въ предисловіяхъ къ сборникамъ, вотъ почти все, что можно найти. Кажется, что тамъ единственный или по крайней мѣрѣ господствующій взглядъ на заговоръ, какъ на языческую молитву. Мы позволяемъ себѣ думать такъ потому, что въ послѣдніе годы вышелъ сборникъ Amman'а, въ которомъ авторъ, человѣкъ очевидно начитанный въ литературѣ предмета, говоритъ такъ: „Можетъ быть, что древнія заклинательныя формулы не что иное, какъ формулы окоченѣвшихъ молитвъ языческаго времени“. (Vielleicht sind die alten Segensformeln vielfach nichts anderes als zu Formeln erstarrte Gebete aus heidnischer Zeit) [1]).

До сихъ поръ, разсматривая опредѣленія, даваемыя различными изслѣдователями заговору, мы почти у всѣхъ встрѣчали одинъ только взглядъ на заговоръ, какъ на языческую молитву. Совершенно иное мы находимъ у А-ра. Н. Веселовскаго въ его статьѣ: „Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса“. Въ этой статьѣ, коснувшись языческаго заговора, онъ считаетъ нужнымъ припомнить прежде всего его сущность. „Что это такое, говоритъ онъ, какъ не усиліе повторить на землѣ, въ предѣлахъ практической дѣятельности человѣка, тотъ процессъ, который, по понятіямъ язычника, совершался на небѣ неземными силами? Въ этомъ смыслѣ *заговоръ есть только сокращеніе приложеніе миѳа*“ [2]). Въ подтвержденіе своего опредѣленія авторъ приводитъ знаменитый нѣмецкій заговоръ, въ которомъ разсказывается, какъ Фоль, Воданъ и Бальдеръ отправились въ лѣсъ, какъ вывихнулъ себѣ ногу конь Бальфера и какъ изъ

---

[1]) Amman „Volkssegen aus dem Böhmerwald“. Zeitschr. d. Vereins für Volkskunde“. 1891 г. II, 198.

[2]) А-ръ Н. Веселовскій „Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса“. „Ж. М. Н. Пр.“ CXL, 286.

нѣсколькихъ боговъ одинъ только Воданъ заговорилъ вывихъ; словомъ, тотъ заговоръ, которому, вмѣстѣ съ сходнымъ съ нимъ русскимъ заговоромъ, Буслаевъ посвятилъ свою извѣстную статью: „О сродствѣ одного русскаго заклятія съ нѣмецкимъ, относящимся къ эпохѣ языческой“. Кромѣ того авторъ указываетъ еще на сходство заговоровъ съ миѳами по формѣ: „Самые древніе памятники народныхъ заговоровъ, говоритъ онъ, отличаются эпическою формою“. Намъ кажется, что послѣднее обстоятельство ничуть не говоритъ въ пользу зависимости заговора отъ миѳа: нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эпическое произведеніе имѣетъ эпическую форму. Это, пожалуй, можетъ служить лишь къ тому, чтобы имѣли основаніе отнести заговоръ къ числу эпическихъ произведеній тѣ, кототорые говорятъ, что, „имѣя въ виду чисто-утилитарное, обиходное значеніе заговора, его, строго говоря, нельзя даже назвать произведеніемъ словесности“ [1]). Если мы разсмотримъ цѣлый рядъ народныхъ примѣтъ, а также чаръ, то увидимъ, что весьма многія изъ нихъ имѣютъ своимъ источникомъ миѳъ, въ особенности послѣднія, т. е. чары. „О нѣкоторыхъ примѣтахъ, говоритъ Аѳанасьевъ, соединяемыхъ съ птицами и звѣрями, положительно можно сказать, что онѣ нимало не соотвѣтствуютъ настоящимъ привычкамъ и свойствамъ животныхъ, а между тѣмъ легко объясняются изъ миѳическихъ сближеній, порожденныхъ стариннымъ метафорическимъ языкомъ“ [2]). Потебня, приводя мнѣніе Шварца, что „древнѣйшіе обычаи (Gebräuche) оказываются простыми изображеніями небесныхъ явленій“, лишь отчасти ограничиваетъ его, говоря, что „чары и первоначально и донынѣ могутъ не имѣть отношенія къ небеснымъ явленіямъ“ [3]). Такимъ образомъ чарамъ въ неменьшей степени, чѣмъ заговорамъ, присуще то свойство, что онѣ „напоминая миѳическое происшествіе, какъ будто призываютъ его повториться на землѣ, въ угоду людямъ“ [4]), и еще въ большей степени, что онѣ представляютъ собой „усиліе повторить на землѣ, въ предѣлахъ практической дѣятельности человѣка, тотъ процессъ, который, по понятіямъ язычника, совершался на небѣ неземными силами“. Возьмемъ напр. хоть тѣ обряды, которые совершались во время празднованія лѣтняго и зимняго солноворота. Въ виду всего вышеизложеннаго, мы думаемъ, что и къ примѣтѣ и въ особенности къ чарѣ мы съ тѣмъ же основаніемъ можемъ примѣнить опредѣленіе, по которому онѣ „суть только сокращеніе, приложеніе миѳа“, съ какимъ А. Н. Веселовскій примѣнилъ его къ заговору. Съ другой стороны если мы обратимъ вниманіе на такъ называемыя „апокрифическія мо-

[1]) Галаховъ „Исторія русск. слов.“. Т. I, стр. 155.

[2]) Аѳанасьевъ „Поэт. воззр.“ I, 29.

[3]) Потебня „Малорус. пѣсня...“ 23.

[4]) Веселовскій „Замѣтки и сомнѣнія...“ 286.

литвы", то увидимъ, что онѣ не что иное, какъ древніе языческіе заговоры, подвергшіеся сильному христіанскому вліянію или же новые, составленные въ періодъ двоевѣрія, но по образцу древне-языческому. Эти заговоры относятся къ апокрифамъ совершенно такъ, какъ заговоръ съ именами Вадана и Бальдера и ему подобные относятся къ миѳамъ. Мы можемъ при этомъ примѣнить тѣ же самыя соображенія, которыя находимъ у Веселовскаго, замѣнивши только слова: „миѳъ", „миѳическій" и т. п. словами: „апокрифъ", „апокрифическій", и въ заключеніе съ равнымъ правомъ и равной справедливостью придемъ къ выводу, что *заговоръ есть только сокращеніе, приложеніе апокрифа.* Такимъ образомъ, если сказать, что „заговоръ есть только сокращеніе, приложеніе миѳа", и возможно, то, во всякомъ случаѣ не характеристично. Ни отношеніе заговоровъ къ миѳамъ, ни отношеніе ихъ къ апокрифамъ не составляетъ для нихъ существеннаго признака: мы имѣемъ множество заговоровъ, въ которыхъ, при всемъ желаніи, нельзя найти никакого намека на миѳъ; да это станетъ и понятнымъ, если предположить, что заговоръ древнѣе миѳа, что онъ существовалъ уже тогда, когда миѳы еще не создавались. Вмѣсто того въ заговорѣ мы всегда находимъ желаніе, съ цѣлью достигнуть котораго и произносится заговоръ, находимъ сравненіе (отсутствіе же его такъ или иначе объяснимо) и словесное изображеніе этого сравненія. Поэтому, какъ намъ кажется, о заговорѣ не можетъ быть иного понятія, какъ только то, что „заговоръ есть словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее".

Перейдемъ теперь къ вопросу о времени возникновенія заговора. Если мы обратимся по этому поводу къ литературѣ нашего предмета, то опредѣленный отвѣтъ на предложенный вопросъ найдемъ только у одного Крушевскаго. Указывая на то, что человѣческому уму, на извѣстной ступени его развитія, причастны вѣра въ возможность навязать свою волю божеству, другому человѣку или извѣстнымъ предметамъ и обстоятельствамъ и вѣра въ человѣческое слово, какъ средство для этого, онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, такъ какъ факты достаточно извѣстны и слишкомъ многочисленны. „Религія, продолжаетъ онъ, въ извѣстной фазѣ своего развитія даже характеризуется вѣрою въ возможность навязать свою волю божеству. Фаза эта—фетишизмъ. *Къ эпохѣ фетишизма и слѣдуетъ отнести появленіе заговора*" [1]). Намъ кажется, что въ этомъ мѣстѣ Крушевскій дѣлаетъ большую натяжку. Дѣло въ томъ, что, производя заговоръ изъ осо-

[1]) Крушевскій. Стр. 23.

бенностей первобытнаго мышленія, доказывая его зависимость отъ чисто психологическихъ причинъ, нѣтъ надобности относить возникновеніе заговора къ эпохѣ фетишизма. Здѣсь видно только стремленіе автора согласовать свои выводы съ опредѣленіемъ, даннымъ фетишизму Леббокомъ, на котораго онъ въ этомъ случаѣ ссылается, но дѣлаетъ это неудачно. Если и вѣрно опредѣленіе, по которому „фетишизмъ—степень развитія, на которой человѣкъ думаетъ, что онъ можетъ заставить Бога подчиниться его желаніямъ“ [1]), то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что появленіе заговора нужно отнести къ этой эпохѣ. Если бы заговоръ велъ свое начало отъ эпохи хотя бы самаго низкаго богопочитанія, то это въ немъ отражалось бы. Тѣмъ болѣе, если бы онъ прямо вытекалъ изъ какого-либо религіознаго воззрѣнія, какъ напр. молитва, то отношеніе его къ религіи было бы его существеннымъ признакомъ, чего мы не видимъ въ опредѣленіи основной его формы, данномъ Потебней. Во многихъ заговорахъ, какъ уже говорилось раньше, мы не находимъ даже никакого упоминанія о божествѣ, а эти-то заговоры и являются ихъ типичными образцами и представляютъ изъ себя древнѣйшую форму. Въ виду всего изложеннаго выше, мы относимъ возникновеніе вѣры въ силу слова и связанныхъ съ нею заговоровъ къ эпохѣ предшествующей самому раннему богопочитанію, словомъ, какъ выражается Ор. Миллеръ, къ тому періоду, когда не молились и не приносили жертвъ; эпоху эту Леббокъ называетъ *атеизмомъ*, „подразумѣвая подъ этимъ терминомъ не отрицаніе существованія божества, но отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ идей по этому предмету“ [2]). Мы видимъ, что нѣкоторые современные намъ дикіе народы, стоящіе на самой низкой степени развитія, не имѣютъ никакой религіи, никакихъ религіозныхъ обрядовъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой идеи о божествѣ, даже словъ для выраженія этого понятія, а между тѣмъ они имѣютъ колдуновъ и знахарей, которыхъ авторитетъ опирается на колдовствѣ и заклинаніяхъ, составляющихъ одинъ изъ простѣйшихъ видовъ колдовства. Самъ Леббокъ приводитъ слѣдующіе примѣры: Индѣйцы Калифорніи, говоритъ онъ, превосходно описаны патеромъ Биджертомъ, іезуитомъ-миссіонеромъ, жившимъ между ними не менѣе семнадцати лѣтъ“. Затѣмъ онъ продолжаетъ словами самого патера: „Я старательно разузнавалъ у тѣхъ, съ которыми жилъ, есть ли у нихъ понятія о Богѣ, о будущей жизни, о собственныхъ ихъ душахъ, но никогда не могъ открыть ни малѣйшаго слѣда чего либо подобнаго. На языкѣ ихъ нѣтъ слова для *Бога* и *души*, такъ что миссіонеры должны были употреблять въ своихъ проповѣдяхъ и религіозныхъ наставленіяхъ испанскія слова *Dios* и *alma*. Трудно представить себѣ что либо въ народѣ, думающемъ

[1]) Джонъ Леббокъ „Начало цивилизаціи и первобытн. состоян. человѣка“. Стр. 88.
[2]) Леббокъ „Нач. цивилиз.“ Стр. 88.

только о томъ, какъ бы поѣсть и попить, да посмѣяться, и никогда не задумывающемся ни надъ чѣмъ серьезнымъ, но грубо отрицающемъ все, лежащее за узкимъ предѣломъ его пониманія, фразой: „Айпе керири", что значитъ: „Почемъ мнѣ знать?" Я часто спрашивалъ у нихъ, не приходитъ ли имъ въ голову задаться вопросомъ, кто можетъ быть Создателемъ и Хранителемъ солнца, луны, звѣздъ и другихъ явленій природы, но всегда получалъ въ отвѣтъ одно тупое отрицаніе. *У нихъ, однако, было нѣсколько знахарей, которымъ они приписывали власть надъ болѣзнями, возможность насылать на людей оспу, голодъ и т. д. и которыхъ они ужасно боялись* [1]).

Вотъ другой примѣръ. „Религію бахапиновъ, одного изъ Карирскихъ племенъ, описывалъ Берчель. У нихъ нѣтъ внѣшнихъ обрядовъ и даже, насколько онъ могъ замѣтить, никакого религіознаго чувства: они не знаютъ милосердаго божества и только боятся злого духа, котораго называютъ *Мулеемо* или *Муримо*. О міозданіи никакого понятія. Даже, когда Берчель принялся разсказывать имъ о происхожденіи всего окружающаго, они приписывали это не Мулемо, но увѣряли, что все произошло само собой и что деревья и травы растутъ собственнымъ своимъ изволеніемъ. *Они вѣрятъ въ чародѣйство и въ силу талисмановъ* [2]).

Къ какому періоду религіознаго развитія мы можемъ отнести эти факты, какъ не къ періоду атеизма? Самъ Леббокъ говоритъ о нихъ такъ: „Въ подобныхъ случаяхъ мы видимъ религію на очень низкой степени развитія; она состоитъ только въ вѣрованіи въ существованіе злыхъ духовъ, менѣе насъ матеріальныхъ, но подобно намъ смертныхъ и если болѣе насъ могущественныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, за то во многихъ другихъ безсильнѣе. *Фетишизмъ негровъ положительно шагъ впередъ*" [3]).

Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ отсутствіе всякаго богопочитанія, а вмѣсто того колдовство, колдуновъ, знахарей. Здѣсь только не указано опредѣленно, что въ колдовство этихъ знахарей входятъ заклинанія. Но вотъ точно такой же примѣръ, который въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія. Ливингстонъ разсказываетъ, что „самые первые миссіонеры не нашли у бечуановъ даже понятія о Высшемъ Существѣ; на ихъ языкѣ даже нѣтъ слова для выраженія божества. У нихъ не было ни религіозныхъ обрядовъ ни преданій... и далѣе: „Суевѣріе, непремѣнный спутникъ необразованности, развито у бечуановъ значительно; а такъ какъ всегда найдутся люди, способные пользоваться имъ изъ корыстныхъ видовъ, то между ними есть не мало колдуновъ, исправляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и должность знахарей. Изреченія и предписанія этихъ знахарей пользуются между туземцами пол-

---

[1]) Леббокъ. „Нач. цивилизаціи". Стр. 117—118.

[2]) Лоббокъ. «Нач. цив.» Стр. 119.

[3]) Ibid. 121.

ою довѣренностью. Изъ колдуновъ особенно замѣчательны производители дождя; они имѣютъ на умы туземцевъ вліяніе сильнѣйшее, нежели ихъ начальники. Производитель дождя есть особа почтенная, и каждое племя имѣетъ одного или нѣсколько такихъ чудотворцевъ; но какъ пророку не воздается никогда должнаго въ отечествѣ своемъ, то эти чародѣи показываютъ искусство свое внѣ предѣловъ своего селенья, и часто ихъ приглашаютъ племена, живущія очень далеко отъ ихъ собственнаго. Эти *заклинатели* дождя обыкновенно скрываютъ мѣсто своей родины и говорятъ, что они явились въ какой нибудь пещерѣ или на вершинѣ горы. *Заклинанія* производителей дождя бываютъ различныя. Самый обыкновенный пріемъ ихъ состоитъ въ томъ, что они въ лѣсу отъ каждой древесной породы собираютъ по нѣсколько листьевъ, разводятъ ими медленный огонь, втыкаютъ длинную иглу въ сердце овцы, *причемъ бормочатъ множество заклинаній*" [1]).

Къ вышеизложенному прибавимъ еще, что, по словамъ Спенсера, лѣкарь или знахарь у дикарей есть прежде всего заклинатель" [2]).

Остановившись по необходимости на опредѣленіи фетишизма, данномъ Леббокомъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что это опредѣленіе неудачно. Дѣло въ томъ, что не только въ періодъ фетишизма «человѣкъ думаетъ, что онъ можетъ заставить Бога подчиниться его желаніямъ»; но, какъ указываютъ, этотъ взглядъ замѣтенъ и при болѣе возвышенныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ напр. въ религіи индусовъ эпохи Ведъ. Существенныя черты фетишизма, кажется намъ, иныя. Вотъ что пишетъ самъ Леббокъ: „Для фетиша все годится; не надо даже, чтобы онъ изображалъ человѣческую фигуру. Даже маисовый колосъ годится. Если, разсказывалъ смышленый негръ Босману, кто изъ насъ предпринимаетъ что нибудь важное, мы прежде всего выбираемъ бога, который могъ бы благопріятствовать нашему предпріятію; и выходя за дверь съ этой цѣлью избираемъ въ боги первое, что намъ на глаза попадается, будь это собака, кошка или самое презрѣнное, животное, или какое нибудь неодушевленное существо, попадающееся намъ на пути: камень или пень или что нибудь въ такомъ же родѣ. Этотъ, вновь избранный богъ, немедленно ублажается жертвоприношеніемъ, сопровождаемымъ торжественнымъ моленіемъ, чтобы онъ соблаговолилъ поблагопріятствовать нашему предпріятію, и за то мы всегда будемъ чтить его, какъ бога. Если наше дѣло удается, мы пріобрѣли новаго бога—пособника и покровителя и ежедневно подносимъ ему обильныя жертвы; но если насъ постигнетъ неудача, новаго бога бросаютъ, какъ негодную игрушку" [3]).

---

[1]) «Путешествія Давида Ливингстона». Изд. 2, стр. 175—6.

[2]) Спенсеръ. «Основанія социологіи». Т. I, ч. I, 257.

[3]) Леббокъ. „Нач. цив." Стр. 122.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, при фетишистическомъ воззрѣніи, божествомъ почитаются случайные и часто ничтожные предметы, что божество у каждаго человѣка различно и, наконецъ, что оно временно.

Мы остановились такъ долго на этомъ вопросѣ потому, что, во первыхъ, это опредѣленіе послужило источникомъ недоразумѣнія въ нашемъ вопросѣ, и во вторыхъ, есть другое, данное Вундтомъ, которое, какъ намъ кажется, если и не вполнѣ точно, гораздо вѣрнѣе. По его мнѣнію *фетишизмъ—это та форма многобожія, которая видитъ божество въ отдѣльныхъ незначительныхъ предметахъ* [1]).

Остановившись на опредѣленіи, данномъ Леббокомъ фетишизму, мы кстати замѣтимъ, что этотъ авторъ и понятіе о фетишѣ толкуетъ своеобразно и невѣрно. Въ одномъ мѣстѣ цитируемой нами книги онъ говоритъ слѣдующее: «Негръ думаетъ, что обладаніе фетишемъ, *изображающимъ духа*, даетъ ему власть надъ духомъ. Извѣстно, что негры колотятъ своихъ фетишей, если ихъ молитвы не исполняются, и я думаю, они серьезно увѣрены, что причиняютъ страданіе настоящему божеству. Такимъ образомъ фетиша нельзя назвать идоломъ. То же самое изображеніе или тотъ же самый предметъ можетъ быть фетишемъ для одного человѣка и идоломъ для другого; между тѣмъ оба существенно разнятся по своей натурѣ. Идолъ дѣйствительно предметъ обожанія, тогда какъ, напротивъ, *фетишъ подчиняетъ божество контролю человѣка»* [2]).

Мысли, выраженныя въ этихъ строкахъ, безъ сомнѣнія, служатъ основаніемъ для того опредѣленія фетишизма, какое даетъ Леббокъ. А между тѣмъ въ приведенныхъ выше свидѣтельствахъ о фетишистахъ—въ одномъ даже взглядѣ самого фетишиста на своихъ боговъ—мы не можемъ усмотрѣть воззрѣнія на фетишъ, какъ на изображеніе божества. Намъ кажется, что изображеніе божества есть именно идолъ, и если ему иногда и покланяются, какъ божеству, то тѣмъ не менѣе его божественныя свойства происходятъ извнѣ, отъ того бога, котораго онъ изображаетъ. Фетишъ же самъ по себѣ богъ. Что такое статуи Зевеса, Аполлона, Изиды, Озириса, Ваала и Дагона? Фетиши ли это или идолы? Мы думаемъ, что всякій назоветъ ихъ идолами боговъ, ими изображаемыхъ. Кромѣ высказанныхъ нами соображеній, мы можемъ привести въ подтвержденіе своей мысли свидѣтельство Вундта, который понимаетъ фетишъ такъ, какъ объясняли мы его выше; а именно, онъ говоритъ: „*Негръ думаетъ, что самый идолъ, самый фетишъ его обладаетъ сверхъестественною силою.* Поэтому, онъ нерѣдко носитъ съ собою фетиша, чтобы тотъ помогалъ ему въ его предпріятіяхъ. Когда ему приходится плохо, то онъ, безъ дальнихъ околичностей, выбра-

[1]) Вундтъ „Душа человѣка и животныхъ". Т. II, стр. 319.

[2]) Леббокъ. «Нач. цив.» Стр. 121—122.

сываетъ своего фетиша вонъ и беретъ себѣ новаго; иногда онъ въ такихъ случаяхъ предусмотрительно запираетъ или сожигаетъ злого фетиша, чтобы быть безопасну отъ его мщенія“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ то же самое: «вообще, талисманъ отличается отъ *фетиша* тѣмъ, что почитается не *воплощеніемъ бога*, а только предметомъ, одареннымъ отъ бога чудесною силою» [2]).

Итакъ невѣрное пониманіе фетиша привело къ невѣрному опредѣленію фетишизма, а это послѣднее—къ невѣрному пониманію заговора.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ возникъ заговоръ. Такъ какъ мы не находимъ ни у одного изслѣдователя обстоятельнаго объсняненія этого вопроса, то позволимъ себѣ изложить сначала свой взглядъ на этотъ предметъ.

Первобытный человѣкъ, наблюдая происходящія вокругъ него явленія, часто видитъ два явленія, происшедшія одно за другимъ, и запоминаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ. Свойство памяти таково, что два явленія или предмета, находящіеся въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу, ассоціируются между собою, т. е. такъ тѣсно связываются между собою въ памяти, что, при воспоминаніи объ одномъ изъ нихъ, вспоминается и другое. Отсюда происходитъ то, что разъ изъ двухъ ассоціированныхъ такимъ образомъ явленій снова происходитъ первое, то человѣкъ, наблюдая его, тотчасъ вспоминаетъ о второмъ и ожидаетъ его появленія. Такимъ образомъ появленіе перваго члена подобной ассоціаціи становится признакомъ скораго появленія второго члена. Это и есть примѣта. Мы замѣтили, что вечеромъ солнце садилось въ тучу, а на другой день шелъ дождь; эти два явленія ассоціировались между собою, и всякій разъ, при видѣ солнца, садящагося въ тучу, намъ приходитъ мысль о дождѣ, и мы ожидаемъ его. Такимъ образомъ у насъ возникаетъ примѣта, по которой, „если вечеромъ солнце садится въ тучу, то на другой день будетъ дождь“. Мы встрѣтили однажды неизвѣстнаго намъ человѣка, и въ этотъ день съ нами случилось несчастье; явленія эти ассоціировались между собою, и при новой встрѣчѣ съ тѣмъ же самымъ человѣкомъ намъ приходитъ мысль о несчастьи; мы ожидаемъ его и говоримъ, что встрѣча съ этимъ человѣкомъ для насъ дурная примѣта: она предвѣщаетъ намъ несчастье. Такимъ образомъ возникновеніе примѣтъ связано съ явленіемъ ассоціаціи, и участіе мышленія здѣсь незамѣтно, такъ какъ тамъ нѣтъ мысли, гдѣ нѣтъ языка. Роль человѣка въ образованіи примѣтъ, если такъ можно выразиться, пассивная: она ограничивается прос-

---

[1]) Вундтъ. «Душа чел. и жив.» II, 320.

[2]) Ibid. II, 326.

тымъ лишь воспріятіемъ явленій. Даже животныя имѣютъ примѣты. Только Вундтъ связываетъ ихъ происхожденіе съ созданіемъ категоріи причины изъ отношенія post hoc, ergo propter hoc [1]). Но, съ одной стороны, мы съ вѣроятностью можемъ объяснить это явленіемъ ассоціаціи, а съ другой— трудно допустить возможность категоріи причины безъ мысли и, слѣдовательно, безъ языка. „Для насъ по крайней мѣрѣ, говоритъ Потебня, болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ чарахъ, такъ называемыхъ теперь симпатическихъ средствахъ и тому подобныхъ явленіяхъ, *основанныхъ на языкѣ*, человѣкъ впервые пришелъ къ сознанію причины, т. е. создалъ ее“ [2]).

Если вышеизложенное нами справедливо, то опредѣлить примѣту нужно такъ: *это—первый членъ ассоціаціи, въ которой при появленіи перваго члена ожидается появленіе второго.*

Мы уже видѣли, какое значеніе имѣетъ для возникновенія примѣты ассоціація. Съ возникновеніемъ и развитіемъ языка и мысли другимъ важнымъ факторомъ для образованія ея служитъ *сравнененіе.* Вообще роль сравненія и въ мысли и въ языкѣ чрезвычайно велика: „Третье общее между двумя членами сравненія (tertium comparationis), есть и средство апперцепціи“ [3]). Символизмъ въ языкѣ также получается отъ сравненія, такъ какъ „главныхъ отношеній символа къ опредѣленному три: сравненіе, противопоженіе и причинное отношеніе“, но послѣднія два отношенія раждаются изъ перваго [4]). Многія примѣты въ настоящее время для насъ непонятны и ассоціированье ихъ членовъ казалось бы совершенно невозможнымъ; но они становятся объяснимы, если мы вспомнимъ, какое значеніе имѣетъ въ первобытномъ языкѣ—и до сихъ поръ въ народномъ—символика“. При низкой степени развитія способности къ анализу предметы совершенно различные, но имѣющіе нѣкоторые общіе признаки, особенно такіе, которые сразу бросаются въ глаза, такіе предметы могутъ казаться однородными; отсюда предметъ, сходный съ другимъ, становится его символомъ, получаетъ часто названіе, сходное съ его названіемъ, и можетъ его замѣнять. Если калина есть символъ дѣвицы, то понятіе о калинѣ можетъ замѣнять понятіе о дѣвицѣ; отсюда напр. понятенъ параллелизмъ въ извѣстной малорусской пѣснѣ, изображающей дѣвушку, выданную замужъ насильно:

„Чи я въ лузи не калына була...
„Чи я въ батька не дытына була...“

Если символомъ солнца можетъ быть все свѣтлое, ясное, яркое, красное, то

---

1) См. Вундтъ „Душа чел. и животн.“, лекція 29 (т. I).
2) Потебня „Мысль и языкъ“. Изд. 2-е, стр. 216.
3) Потебня „Мысль и языкъ“. Стр. 132.
4) Потебня „О нѣкоторыхъ символахъ въ славян. народ. поэзіи“. Стр. 3—6.

примѣта, по которой ясное солнце передъ закатомъ предвѣщаетъ хорошую погоду, а солнце въ тучахъ—дождь, можетъ замѣниться той, которая говоритъ, что рыжая корова, идущая вечеромъ впереди стада, предвѣщаетъ ясную погоду на слѣдующій день, а черная—ненастье. Такимъ образомъ примѣта вступаетъ во вторую фазу своего существованія. Затѣмъ наступаетъ третья фаза въ развитіи примѣты. Многія слова въ языкѣ предполагаютъ между собою сравненіе; понятно, что они легко ассоціируются между собою, и связь между двумя явленіями или предметами, обозначаемыми данными словами,—связь, которая существуетъ только въ мысли, переносится въ дѣйствительность, и такимъ образомъ возникаетъ примѣта. Въ виду вышеизложеннаго, намъ кажется, невозможно согласиться съ Потебней, который считаетъ эту фазу древнѣйшей для примѣты. „При нѣкоторомъ знакомствѣ съ языкомъ, говоритъ онъ, легко замѣтить, что примѣта въ своемъ *древнѣйшемъ* видѣ есть развитіе отдѣльнаго слова, видоизмѣненіе сравненія. Такъ примѣта „если звенитъ въ ухѣ, то говорятъ объ насъ" образовалась только потому, что до нея было въ языкѣ сравненіе звона со словомъ" [1]). Съ одной стороны, примѣта, приведенная Потебней, намъ кажется. болѣе сложной, чѣмъ тѣ, которыя мы разсматривали вначалѣ: въ ней два явленія, кромѣ того, что предполагаютъ между собою ассоціацію, представляютъ изъ себя члены сравненія, и въ этомъ случаѣ справедливо, что „примѣта предполагаетъ, что лежащіе въ ея основаніи члены сравненія *тѣсно* ассоціировались между собою и расположились такъ, что въ дѣйствительности данъ только первый, вызывающій своимъ присутствіемъ ожиданіе второго" [2]). Съ другой стороны, намъ кажется, что человѣкъ не могъ бы переносить въ дѣйствительность связи между двумя предметами или явленіями—связи, которая существуетъ только въ его мысли, если бы онъ прежде не научился соединять между собою въ мысли тѣ предметы, которые онъ находилъ связанными въ дѣйствительности. „Человѣкъ, говоритъ Тайлоръ, еще въ низшемъ умственномъ состояніи, научившись соединять въ мысли тѣ вещи, которыя онъ по опыту находилъ связанными между собою на дѣлѣ, далѣе ошибочно извращаетъ это дѣйствіе и заключаетъ, что ассоціація въ мысли должна предполагать такую же связь и въ дѣйствительности" [3]).

Если мы разсмотримъ множество примѣтъ, то увидимъ, что большинство изъ нихъ образовалось изъ языка; но это только потому, что языкъ представляетъ изъ себя источникъ одинаковыхъ ассоціацій для всѣхъ людей, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ. Понятно, что примѣта можетъ быть общераспространенной только лишь тогда, когда ассоціація ея

---

[1]) Потебня „Мысль и языкъ". Стр. 214.

[2]) Потебня „Мысль и языкъ". Стр. 215.

[3]) Тайлоръ „Первоб. культ." Стр. 108. (Изд. 1879 г.).

членовъ возможна для многихъ. Если подобная ассоціація возможна внѣ сферы языка, то и въ такомъ случаѣ возникнетъ примѣта, но уже безъ всякаго отношенія къ языку, какъ это мы видимъ въ примѣтѣ, по которой „лѣвый глазъ чешется къ слезамъ"; она обязана своимъ происхожденіемъ опыту. Каждая мать, уговаривая ребенка не плакать, говоритъ: „Не плачь, дитятко, глазки будутъ чесаться, болѣть будутъ". Каждый ребенокъ на опытѣ убѣждается, что, дѣйствительно, глаза чешутся послѣ слезъ. Затѣмъ слѣдуетъ извращеніе порядка дѣйствія, и является мысль, что послѣ чесанья глазъ должны слѣдовать слезы. Но слезы бываютъ и при сильномъ смѣхѣ; поэтому, въ соотвѣтствіи со взглядомъ на правое и лѣвое, являются двѣ примѣты: „Лѣвый глазъ чешется къ слезамъ, а правый—къ смѣху". Эта примѣта обязана своимъ существованіемъ однообразію устройства человѣческаго организма. Это второй источникъ общихъ ассоціацій, но гораздо меньшій. Внѣ указанныхъ двухъ сферъ общія ассоціаціи рѣдки, и потому внѣ ихъ затруднительно образованіе общихъ примѣтъ. Но это не мѣшаетъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ имѣлъ множество такихъ примѣтъ, которыя, конечно, вмѣстѣ съ нимъ и погибаютъ; возьмемъ напримѣръ хоть примѣту о несчастьи при встрѣчѣ съ извѣстнымъ лицомъ.

Мы уже говорили, что роль человѣка въ отношеніи образованія примѣтъ пассивная: все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать явленія, которыя, ассоціируясь между собою въ памяти человѣка, даютъ возможность по данному явленію опредѣлить слѣдующее за нимъ (отсюда предсказательство, пророчество, гаданіе), и въ случаѣ какого-либо желаемаго, ожиданіе, не произойдетъ ли явленіе ему предшествующее. Но стоитъ только человѣку прійти къ убѣжденію, что между двумя данными явленіями находится такая связь [1]), что если совершится первое изъ нихъ, то непремѣнно совершится и второе, то тутъ уже одинъ шагъ къ мысли совершить *самому* первое явленіе, чтобы тѣмъ самимъ вызвать второе, желаемое. Это и будетъ чара.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ чаръ. Леббокъ, говоря о гаданіи, разсказываетъ между прочимъ, что въ Новой Зеландіи, до начала войны, втыкаютъ въ землю палки въ два ряда; одинъ изъ нихъ изображаетъ непріятеля, другой—отправляющихся въ походъ. Если вѣтеръ гнетъ палки или вѣтви, изображающія непріятеля, назадъ, они будутъ разбиты; если же онѣ гнутся впередъ, они побѣдятъ; если въ сторону—исходъ по-

---

[1]) „Примѣта заключаетъ въ себѣ моменты, какихъ не было въ сравненіи. Въ послѣднемъ символъ только приводилъ на мысль значеніе, и связь между тѣмъ и другимъ представлялась существующею только для мыслящаго субъекта и внѣшнею по отношенію къ сравниваемымъ явленіямъ; въ примѣтѣ эта связь переносится въ самыя явленія, оказывается существенною принадлежностью ихъ самихъ". (Потебня „М. и яз.", 214).

хода неопредѣленъ. „Это, продолжаетъ Леббокъ, образецъ загадыванія, но отсюда до колдовства—одинъ шагъ. Если разъ допустить, что паденіе палки неизбѣжно предвѣщаетъ смерть лица, которое она изображаетъ, то изъ этого слѣдуетъ, что намѣреннымъ переставленіемъ палки можно причинить болѣзнь или даже смерть“ [1]). Мы не знаемъ, откуда образовался этотъ способъ гаданія, но весьма возможно, что онъ основанъ на примѣтѣ, и при томъ такой, которая получилась изъ наблюденія. Весьма возможно, что въ одномъ случаѣ, передъ войной, изъ стоявшихъ двухъ рядовъ подобныхъ палокъ или вѣтвей нѣкоторыя попадали; исходъ войны соотвѣтствовалъ тому, какъ попадали палки; случайно это обстоятельство обратило на себя вниманіе, и отсюда образовалась примѣта, по которой паденіе палокъ такъ или иначе, опредѣляло тотъ или иной исходъ войны. Затѣмъ образовался способъ гаданія, и могла, наконецъ, образоваться чара. Изъ наблюденія могла образоваться примѣта, по которой, если во время грозы горитъ въ домѣ свѣча, которую зажигали въ церкви въ Страстной четвергъ, то молнія не ударитъ въ этотъ домъ; отсюда намѣренное зажиганіе страстной свѣчи во время грозы. Всѣ подобные примѣры, по нашему мнѣнію, представляютъ изъ себя простѣйшій видъ чары. Такимъ образомъ *чара есть дѣятельное, умышленное произведеніе перваго члена ассоціаціи съ цѣлью вызвать появленіе второго члена—желаемаго.*

При производствѣ чаръ чаще всего случается, что первый членъ ассоціаціи находится внѣ сферы вліянія человѣка—какъ напр. то бываетъ въ случаѣ небесныхъ явленій;—тогда его мѣсто замѣняетъ символъ. Весною солнце свѣтитъ ярко; но человѣкъ не можетъ сдѣлать солнце яркимъ, чтобы произвести весну, а потому онъ зажигаетъ колесо, которое служитъ символомъ солнца,—обрядъ, и донынѣ переживаемый многими народами. Въ другихъ случаяхъ пользуются изображеніемъ. Мы не станемъ здѣсь приводить примѣровъ, указывающихъ на то, что первобытный человѣкъ не различалъ изображенія и изображаемаго: этотъ фактъ засвидѣтельствованъ всѣми изслѣдователями, обращавшими на него вниманіе. При такомъ взглядѣ, желая воздѣйствовать на какой-нибудь предметъ, воздѣйствуютъ на его изображеніе. Прилетъ жаворонковъ служитъ примѣтою наступленія весны. Желая, чтобы наступила весна, человѣкъ не можетъ заставить жаворонковъ прилетѣть, а потому дѣлаетъ ихъ изображенія изъ тѣста и, разбрасывая ихъ по воздуху, говоритъ: „Жаворонки, прилетите, красно лѣто принесите!“ [2]).

Мы уже упоминали о томъ, какое важное значеніе имѣетъ для мысли первобытнаго человѣка сравненіе. Два предмета, у которыхъ при сравне-

[1]) Леббокъ. „Нач. цив.“ Стр. 108.
[2]) Майковъ. „Вел. Закл.“ № 361.

ніи оказывается нѣчто общее, могутъ быть мыслимы какъ тождественные. Отсюда, какъ мы уже говорили, употребленіе въ словахъ и дѣйствіи символа вмѣсто обозначаемаго имъ предмета; отсюда также пользованіе изображеніемъ наравнѣ съ изображаемымъ; отсюда, наконецъ, возможность пользованія—если нѣтъ на лицо символа или нельзя сдѣлать изображенія вмѣсто одного предмета или явленія другимъ, съ нимъ сходнымъ, приходящимъ на мысль по ассоціаціи на основаніи сходства. Съ теченіемъ времени послѣдній способъ произведенія чары становился, какъ намъ кажется, все употребительнѣе, такъ какъ гораздо легче найти предметъ, годный для сравненія, чѣмъ найти символъ или сдѣлать изображеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ все большее и большее значеніе должно было пріобрѣтать сравненіе; оно, наконецъ, стало силой, способной производить желаемое.

Если мы разсмотримъ послѣдніе примѣры чаръ, то увидимъ, что онѣ состоятъ изъ трехъ членовъ: перваго—съ которымъ сравниваютъ, второго—сравниваемаго и третьяго—желаемаго. Первый и второй члены связаны между собою ассоціаціей по сходству и представляютъ изъ себя члены сравненія, а второй и третій—ассоціаціей во времени. Здѣсь за чарой не непосредственно ожидается желаемое явленіе, а сначала то, которое ему предшествуетъ. Жаворонки изъ тѣста ничуть не напоминаютъ весны, но они напоминаютъ настоящихъ, живыхъ жаворонковъ, вслѣдъ за которыми вспоминается и ожидается желанная весна.

Собственно говоря, прилетятъ ли жаворонки, или не прилетятъ, было бы совершенно безразлично, если бы съ ихъ прилетомъ не было связано наступленіе желанной весны; а потому настоящее желаніе нѣсколько отодвигается и на его мѣсто ставится явленіе ему предшествующее, его обусловливающее; но тогда оно, въ свою очередь, становится какъ бы желаемымъ, ожидаемымъ вслѣдъ за чарой, представляющей его сравненіе. Отсюда постепенно вырабатывается такой пріемъ: если какое нибудь явленіе желательно, нужно, чтобы оно произошло, произвести самому явленіе сходное съ нимъ. Въ этомъ случаѣ чара принимаетъ видъ двухчленный, члены которой, будучи связаны между собою ассоціаціей по сходству, представляютъ изъ себя члены сравненія. Въ такомъ видѣ чара соотвѣтствуетъ тому опредѣленію ея, которое дано Потебней. По этому опредѣленію чара есть *„дѣятельное умышленное изображеніе перваго члена заранѣе готовой ассоціаціи (именно того, съ чѣмъ было сравнено желанное), имѣющее цѣлью вызвать появленіе второго члена, т. е. сравниваемаго и желаннаго“* [1]).

Мы не можемъ только согласиться съ Потебней, который считаетъ эту форму чары простѣйшей. Намъ кажется, что она гораздо сложнѣе той,

[1]) Потебня. „Малор. п. по сп. XVI в.“ Стр. 23.

которую мы принимаемъ за основную, и возникла такъ, какъ мы это изложили выше.

Мы уже говорили, что для произведенія желаемаго явленія производится чара, т. е. явленіе, сходное съ желаемымъ и ассоціированное съ нимъ. Положимъ, что у животнаго завелись черви въ какой нибудь части тѣла, напр. въ ухѣ. Желательно, чтобы животное выздоровѣло; а это, по народному понятію, возможно тогда, когда черви выпадутъ изъ раны—„высыплются". Это явленіе ассоціируется по сходству съ явленіемъ высыпанія земли изъ горсти сквозь пальцы. Отсюда возникаетъ чара: „Если заведутся черви у скотины, то нужно взять горсть земли и высыпать ее сквозь пальцы; тогда черви высыплются изъ раны". Постараемся выразить словами ту мысль, которая видна въ этой чарѣ, выразить то, что думаетъ человѣкъ, совершающій эту чару. Очевидно онъ думаетъ, что дѣлаетъ это для того, чтобы *„подобно тому, какъ земля высыпается изъ руки, такъ бы и черви высыпались изъ раны"*. Мы выразили на словахъ чару и ея цѣль и получили формулу заговора. Возьмемъ другой примѣръ. О человѣкѣ влюбленномъ говорятъ, что онъ отъ любовнаго огня „сохнетъ" по возлюбленной, что онъ „таетъ" предъ ней. Эти явленія легко ассоціируются съ тѣми, въ которыхъ грязь отъ огня сохнетъ, а воскъ таетъ. Отсюда возникаетъ такая чара: „нужно взять грязи и воску и, сдѣлавъ изъ нихъ любимаго человѣка, высушить первое на огнѣ, а второе растопить, и тогда возбудится любовь въ любимомъ человѣкѣ". Если, подобно предыдущему, мы выразимъ словами мысль, которая руководитъ при этомъ человѣкомъ, совершающимъ чару, то получилъ слѣдующее: „Какъ сохнетъ отъ огня грязь и таетъ воскъ, такъ бы сохъ и таялъ N. отъ любви". Опять мы получили формулу заговора. И дѣйствительно, эти чары и заговоры существуютъ. Первый изъ нихъ приведенъ въ сборникѣ Майкова, второй—у Потебни. У Майкова въ заговорѣ отъ червей существенная его часть читается такъ: „Какъ у меня, раба Божія (имя рекъ), какъ земля между перстовъ сыплется, высыпается (взять землю и сыпать сквозь пальцы), чтобъ изъ (имя рекъ) уха (или другой части тѣла, одержимой червями), сыпайся, высыпайся черви" [1]). У Потебни читаемъ такъ:

„Limus ut hic durescit et haec cera liquescit
Uno eodemque igni, sic—nostro Dafnis amore,"

(Verg. Ecl. VIII, 80).

какъ говоритъ женщина, приближая къ огню два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу, другое изъ воску" [2]).

[1]) Майковъ. „Вел. закл." № 205.
[2]) Потебня. „Мал. п. по сп. XVI в." Стр. 21.

Такимъ образомъ мы пришли къ заключенію, что заговоръ получился отъ чары; онъ есть словесное выраженіе того дѣйствія, которое совершается чарой, и цѣли, съ которою совершается чара. Если мы возьмемъ опредѣленія чары и заговора, данныя Потебней, то увидимъ, что чара—первоначально—составная часть заговора. Мы только внесемъ небольшое ограниченіе въ опредѣленіе Потебни основной формы заговора, которая есть словесное изображеніе сравненія *нарочно произведеннаго явленія*, а не „*даннаго* или нарочно произведеннаго". Намъ кажется, что даннымъ явленіемъ для сравненія въ заговорѣ стали пользоваться позже. Дѣйствительно, если мы для сравненія въ заговорѣ воспользуемся уже готовымъ, даннымъ явленіемъ, то тутъ уже нѣтъ надобности въ дѣйствіи, т. е. въ томъ обрядѣ, которымъ и теперь часто сопровождается заговоръ [1]); а между тѣмъ самъ Потебня еще раньше говорилъ, что заговоры „*сопровождаются иногда, а прежде, вѣроятно, всегда обрядами, согласными съ ихъ содержаніемъ*" [2]).

Итакъ заговоръ первоначально требовалъ дѣйствія, обряда. Конечно, нельзя сказать того же наоборотъ. „Въ смыслѣ первоначальнаго обряда, говоритъ Ор. Миллеръ, заключалось стремленіе овладѣть природой; тотъ же смыслъ—въ заговорѣ, *которымъ долженъ былъ уже изначала сопровождаться обрядъ*" [3]). Очевидно, что послѣднее мнѣніе несправедливо: обрядъ гораздо старше заговора и не могъ поэтому сопровождаться заговоромъ уже съ самаго начала.

Разсматривая выше два примѣра чаръ, мы старались проникнуть въ мысль человѣка, совершающаго ихъ, и увидѣли, что въ его мысли заключается словесное изображеніе сравненія производимаго имъ явленія съ желаннымъ, т. е. формула заговора. Несомнѣнно, что всякій разъ, какъ человѣкъ производилъ какую-нибудь чару, его мысль складывалась при этомъ въ ту форму, которая характеризуетъ заговоръ. Мысль первобытнаго человѣка по ея слабости и бѣдности похожа на дѣтскую, съ которой ее часто сравниваютъ. Наблюдая за ребенкомъ, мы часто можемъ замѣтить, что онъ, играя самъ съ собой, выражаетъ свои мысли вслухъ. Если предметомъ мысли служатъ дѣйствія, совершаемыя имъ въ это время, то мы можемъ, не глядя на него, знать, что онъ дѣлаетъ. То же самое можно наблюдать вообще у людей неразвитыхъ, необразованныхъ. Бѣдность мысли позволяетъ выражать ее въ звукѣ, не замедляя ее [4]); слабость же мысли даже требутъ выраженія

---

1) Мы здѣсь имѣемъ въ виду обряды, которые составляютъ сущность заговора. Какъ увидимъ ниже, при заговорахъ могутъ быть обряды, которые, не будучи существенными для содержанія заговора, служатъ для усиленія его дѣйствія, какъ бы помогаютъ ему.

2) Потебня. „О нѣкотор. символ." Стр. 32.

3) Ор. Миллеръ „Опытъ ист. об. рус. сл." 2-е примѣч. на стр. 84.

4) Намъ случилось наблюдать однажды каменщика, который, работая, не только говорилъ то, что онъ дѣлаетъ, а даже пѣлъ. Такъ онъ пѣлъ: „Возьму малаточикъ и забью

ея въ звукѣ для лучшаго пониманія. „Даже на недоступныхъ для многихъ высотахъ отвлеченнаго мышленія, а тѣмъ болѣе въ началѣ развитія, наша собственная темная мысль мгновенно освѣщается, когда мы сообщимъ ее другому, или, что все равно, напишемъ“ [1]). „Молчать понимая труднѣе, чѣмъ давать вольный выходъ движенію своей мысли. Такъ дѣти и вообще малограмотные люди не могутъ читать про себя: имъ нужно слышать результатъ своей умственной работы, будетъ ли она состоять въ простомъ переложеніи письменныхъ знаковъ въ звуки, или же и въ пониманіи читаннаго [2]).

Изложенныя только что соображенія приводятъ насъ къ предположенію, что разъ человѣкъ, совершая чару, мыслилъ ее, то онъ могъ выражать свою мысль и въ звуковой формѣ, и такимъ образомъ получался заговоръ. Конечно, сначала не всякій разъ, какъ человѣкъ производилъ чару, онъ говорилъ заговоръ (есть даже чары, приведенныя нами выше, которыя мы считаемъ за основныя,— чары, отъ которыхъ заговора не получается); кромѣ того, сначала заговоръ могъ и не имѣть того значенія, какое ему стали приписывать впослѣдствіи.

Мы теперь должны остановиться на томъ взглядѣ, который имѣлъ первобытный человѣкъ на человѣческое слово. Для насъ теперь слово есть простой звукъ, условный знакъ, только въ силу привычки напоминающій о предметѣ, имъ обозначаемомъ. Другой связи между словомъ и предметомъ нѣтъ, и мы можемъ, условившись, всякому предмету дать новое слово, создать такимъ образомъ цѣлый „Volapük“. „Теперь и въ простомъ народѣ, говоритъ Потебня, замѣтно нѣкоторое равнодушіе къ тому, какое именно изъ многихъ подобныхъ словъ употребить въ данномъ случаѣ. Судя по нѣкоторымъ пословицамъ (напр. „Не вмеръ Данило, болячка вдавила“), народу кажется смѣшнымъ не видѣть тождества мысли за различіемъ словъ. На такой степени развитія, какъ та, на которую указываютъ подобныя пословицы, находимся мы. За словомъ, которое намъ служитъ только указаніемъ на предметъ, мы думаемъ видѣть самый предметъ, независимый отъ нашего взгляда. Не то предполагаемъ во времена далекія отъ нашего и даже во многихъ случаяхъ въ современномъ простомъ народѣ, употребляющемъ упомянутыя пословицы. Между словомъ и мыслью о предметѣ была такая тѣсная связь, что наоборотъ измѣненіе слова казалось непремѣнно измѣненіемъ предмета. Въ примѣръ этого Ляцарусъ приводитъ анекдотъ про нѣмца, который къ странностямъ французовъ причислялъ то, что хлѣбъ они называютъ „du pain“. Вѣдь мы же, отвѣтилъ ему другой, говоримъ

гваздочикъ“, и при этомъ бралъ молотокъ и забивалъ гвоздь. Подобная импровизація была у него безконечной.

[1]) Потебня „Мысль и языкъ“. Стр. 138.

[2]) Потебня „М. и яз“. Стр. 144.

„Brod“. Да сказалъ тотъ, но оно Brod и есть. Слѣдуетъ замѣтить, что для этого нѣмца была уже, безъ сомнѣнія, потеряна внутренняя форма слова Brod; оно ничего ему не объясняло, а между тѣмъ казалось единственнымъ законнымъ названіемъ хлѣба. Это даетъ намъ право предположить, что въ то время, когда слово было не пустымъ знакомъ, а еще свѣжимъ результатомъ апперцепціи, объясненія воспріятій, наполнявшаго человѣка такимъ же радостнымъ чувствомъ творчества, какое испытываетъ ученый, въ головѣ коего блеснула мысль, освѣщающая цѣлый рядъ до того темныхъ явленій и неотдѣлимая отъ нихъ въ первыя минуты, что въ то время гораздо живѣе чувствовалась законность слова и его связь съ самимъ предметомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ языкѣ и поэзіи есть положительныя свидѣтельства, что, по вѣрованіямъ всѣхъ индоевропейскихъ [1]) народовъ, слово есть мысль, слово—истина и правда, мудрость, поэзія [2]) „*Слово есть самая вещь*, и это доказывается не только филологическою связью словъ, обозначающихъ слово и вещь, сколько распространеннымъ на всѣ слова вѣрованіемъ, что они обозначаютъ сущность явленій“ [3]). „Для первобытнаго человѣка слово (разсматриваемое независимо отъ человѣка его произносящаго) не есть простое сотрясеніе воздуха, доступное только одному чувству, а предметъ осязательный, матеріальный. По ирландскому повѣрію проклятье носится семь лѣтъ въ воздухѣ и въ каждое мгновеніе можетъ пасть на того, противъ кого было вымолвлено“ [4]). „Римляне сохраняли въ глубочайшей тайнѣ имя божества—покровителя г. Рима. Зная имя, владѣя, такъ сказать, именемъ, непріятель владѣлъ до нѣкоторой степени самимъ божествомъ. Утаеніе собственныхъ именъ встрѣчается тоже у жителей о. Борнео. Вѣра, что, называя имя, человѣкъ какъ будто отдаетъ себя во власть другому, мнѣ кажется, проглядываетъ въ самыхъ выраженіяхъ: nomen *dare, дать* имя, а еще болѣе въ слювахъ греческаго наговора: „...владыка Гермесъ, овладѣй всѣми этими именами“. (Ἑρμῆ κάτοχε, κάτοχος ἴσθι τούτων τῶν ὀνομάτων). Дикій не позволитъ снять съ себя портретъ, чтобы чужой человѣкъ, владѣя его портретомъ, не владѣлъ частью его существа. Сюда же слѣдуетъ отнести и суевѣрный страхъ, съ какимъ крестьяне подписиваютъ свое имя на бумагѣ. Не разъ они совершенно согласны на условіе, а подписать на немъ свое имя отказываются. Имя, равно какъ подпись или портретъ, представляются частью самаго предмета, а, по убѣжденію первобытнаго человѣка, дѣйствіе на часть есть дѣйствіе на цѣлость“ [5]). „Если невзначай языкъ вы-

---

[1]) Не только однихъ индоевропейскихъ, но и всѣхъ вообще народовъ. Намъ кажется, уже одно существованіе заклинаній у всѣхъ народовъ достаточно свидѣтельствуетъ это.

[2]) Потебня „Мысль и языкъ“. Стр. 174—6.

[3]) Ibid. 176.

[4]) Крушевскій „Заговоры, какъ видъ..“ Стр. 25.

[5]) Крушевскій. Стр. 26.

говоритъ не то слово, какого требуетъ мысль, то исполняется не мысль говорящаго, а слово. Напримѣръ сербская вѣштица, когда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наша вѣдьма) и говоритъ: „ни о трн, ни о грм (дубъ и кустарникъ тоже, какъ кажется, колючій), beh на пометно гумно!“. Разсказываютъ, что одна женщина, намазавшись этою мазью, невзначай вмѣсто „ни о трн и пр.“ сказала „и о трн“ и полетѣвши поразрывалась о кусты“ [1]).

Къ приведеннымъ нами выпискамъ нѣтъ уже надобности прибавлять чего-нибудь для того, чтобы понять, какую великую силу имѣло слово въ глазахъ первобытнаго человѣка. Поэтому понятно, что разъ при производствѣ чары получается словесное изображеніе ея сущности, то могъ возникнуть пріемъ, а затѣмъ и требованіе, по которому всякая чара должна сопровождаться и словеснымъ ея изображеніемъ, т. е. заговоромъ. Въ это время заговоръ уже становится такой же силой, способной производить желаемое, какъ и чара, и употребляется ей въ помощь.

Немного надо времени и смысла, чтобы замѣтить преимущество заговора, какъ способа производить желаемое, предъ чарой. Въ самомъ дѣлѣ, сущность и перваго и второй заключается въ сравненіи; но слово имѣетъ въ этомъ отношеніи громадное преимущество предъ дѣйствіемъ: въ заговорѣ мы можемъ воспользоваться для сравненія всякимъ явленіемъ, а въ чарѣ только тѣмъ, которое мы въ состояніи произвести сами. Напр. въ заговорѣ отъ вереда между прочимъ говорится такъ: „Есть въ чистомъ полѣ сухая шалга [2]), на той шалгѣ трава не растетъ, и цвѣты не цвѣтутъ; а такъ же у раба Божія (имя рекъ) не было бы ни чирія, ни вереда, ни баенной [3]) нечисти“ [4]). Очевидно, что сравненія, произведеннаго въ этомъ заговорѣ словомъ, невозможно произвести дѣйствіемъ. Въ этомъ-то случаѣ заговоръ пользуется уже готовымъ, *даннымъ* явленіемъ для произведенія сравненія. Мало того, заговоръ можетъ пользоваться для сравненія явленіемъ не только даннымъ или нарочно произведеннымъ въ *дѣйствительности*, но и произведеннымъ въ *мысли*. Приводя извѣстный нѣмецкій заговоръ съ именами Водана и Бальдера, А-ръ Н. Веселовскій высказываетъ мысль, что этотъ

[1]) Потебня „Мысль и языкъ“. Стр. 177.

[2]) Сухая гора или боръ, на которомъ не растетъ трава.

[3]) У Даля („Толков. сл.“) слово *бáенный* объяснено, какъ относящійся къ банѣ (см. бáнить), поэтому у Рыбникова: „Баенный—отъ баянка—баня“ („Пѣсни“ IV, 250, 1867 г.). Но употребленіе этого слова въ заговорахъ скорѣе придаетъ ему смыслъ: „наговореный“. У Даля подъ словомъ „баить“ говорится: „Мѣстами *баить* въ старин. знач. шептать, знахорить, заговаривать“. Въ словарѣ Караджича: Бȁјати, v. inf. zaubern, incanto (morbum, dolorem); бȁјȁње—das Zaubern, incantatio“. Въ болгарск. слов. Герова: „Бáіаніе—ворожба, гаданіе, колдовство; бáІЖ=ворожить, кудесить, наколдовывать, наговаривать“.

[4]) Майковъ. № 133.

разсказъ воспроизводитъ какую-нибудь забытую подробность нѣмецкой миѳологіи [1]). Намъ кажется, что этотъ эпизодъ могъ и не существовать ни въ одномъ изъ миѳическихъ сказаній, а былъ вымышленъ, воображенъ при случаѣ, аналогичномъ данному, но происшедшемъ не съ безсмертными богами, а съ какимъ-нибудь смертнымъ нѣмцемъ временъ Ариминія. Предположимъ для простоты, что существовалъ разсказъ о поѣздкѣ боговъ въ лѣсъ, но безъ дальнѣйшихъ подробностей. Случилось человѣку, знавшему этотъ разсказъ, поѣхать самому, и конь его вывихнулъ себѣ ногу. Размышляя о томъ, какъ бы пособить горю, человѣку вспомнилась поѣздка въ лѣсъ боговъ, и пришло въ мысль: „Что, если бы и у бога захромалъ конь? Конечно, боги заговорили бы вывихъ. Бальдеръ и другіе боги, пожалуй, и не заговорили бы, а Воданъ заговорилъ бы: и пришлась бы кость къ кости, кровь къ крови, суставъ къ суставу". Вотъ и готово явленіе для сравненія въ заговорѣ, и могъ бы получиться заговоръ: „Какъ Воданъ заговорилъ бы вывихъ и т. д., такъ я заговариваю", или въ томъ видѣ, въ которомъ онъ извѣстенъ на самомъ дѣлѣ.

Говоря о вступленіи въ заговорахъ и указывая на ихъ однородность съ пѣсенными началами, Потебня между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Даже въ заговорахъ явно-божественнаго содержанія вступленіе можетъ неимѣть никакого отношенія къ богопочитанію. Вотъ напр. идетъ раба Божія въ скорби и печали, идетъ, плачетъ и никто ее не спроситъ «о чемъ?» *Видится* [2]) ей, что встрѣчаетъ ее Матерь Божія, распрашиваетъ, утѣшаетъ, обѣщаетъ исцѣленіе отъ самаго Христа Этотъ личный опытъ вспоминается при другомъ горѣ, своемъ или чужомъ; образуется умыселъ воспроизвести это воспоминаніе и достигнуть того же результата, и возникаетъ заговоръ отъ напастей:

„Иду я плачу-ридаю, Матір Божу совстрічаю. Матір Божа мя питаэ: „чего ти раба Божа, рожденна, молитвенна, крещенна, плачеш-ридаеш?" Я плачу-ридаю: велику на собі вражду маю, велику напасть, ненависть, остуду-паскуду, пристріт и великій ніжень (?нежитъ? нежит?) на собі маю, та незнаю, де відблагаю.—Иди ти до ріки Ярдані! Сам Христос тя спціляэ, очищаэ и заступаэ".

„Відблагай від напасти, ненависти, остуди-паскуди, пристріту и великого ніжню" [3]).

Намъ кажется естественнѣе предположить, что рабѣ Божіей не *повидѣлась* Божья Матерь, не почудилось ей, что она *видитъ* ее, а просто-на-

---

1) А. Н. Веселовскій „Замѣтки и сомнѣнія" Ж. М Н. Пр. CXL, 286.

2) Нашъ курсивъ.

3) Потебня „Мал. п. по сп. XVI в.". Стр. 26.

просто она *вообразила, подумала,* что, если бы она встрѣтила Божью Матерь? Результатъ получится тотъ же самый.

Таковы преимущества заговора предъ чарой, и потому естественно, что они помѣнялись ролями: изъ служебнаго положенія заговоръ занялъ господствующее, преимущественное и сталъ сопровождаться чарой, какъ средствомъ для своего содержанія, такъ и для усиленія дѣйствія. Если являлась возможность обойтись безъ чары въ обоихъ случаяхъ, то заговоръ является безъ нея. Напримѣръ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Въ печи огонь горитъ, палитъ и пышетъ и тлитъ дрова; такъ бы тлѣло, горѣло сердце у рабы Божіей (имя рекъ) по рабѣ Божіемъ (имя рекъ) во весь день, по всякъ часъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь" [1]). При этомъ заговорѣ не укаазываются никакія дѣйствія. Даже не говорится, что нужно, прежде чѣмъ произносить заговоръ, растопить печь. Очевидно, что для этого можно воспользоваться всякой растопленной печью, какую въ это время прійдется увидѣть, или же достаточно вообразить себѣ, какъ топится печь, какъ горятъ и тлѣютъ дрова и т. д.

Такъ усиливалось значеніе заговора и вмѣстѣ съ нимъ усиливалось значеніе слова и его сила.

Если мы обратимся къ тѣмъ немногимъ изслѣдователямъ, которые останавливались на вопросѣ возникновенія заговора, то, по нашему мнѣнію, одинъ только Потебня смотрѣлъ на него правильно: какъ на способъ производить сравненіе. „Возникновеніе заговоровъ, говоритъ онъ, связано съ созданіемъ категоріи причины изъ отношеній „cum hoc" и „post hoc" въ частности изъ отношеній *сходства*. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса *сравненія* предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго, объективнаго) и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще)" [2]). Приведеннымъ мѣстомъ ограничивается указаніе Потебней по вопросу о возникновеніи заговора. Крушевскій отводитъ слишкомъ небольшую роль сравненію и видитъ лишь въ силѣ слова все значеніе заговора и отъ нея одной ведетъ его происхожденіе. Это происходитъ оттого, что Крушевскій не выдѣлилъ изъ всего наличнаго матерьяла заговоровъ основной ихъ формы, какъ это сдѣлалъ Потебня, а въ позднѣйшихъ заговорахъ, когда стала забываться роль сравненія и ослабѣвать его значеніе, во многихъ изъ нихъ его не оказывается. Говорятъ: „La comparaison n'est pas raison"; но это только для человѣка, стоящаго на извѣстной ступени умственнаго развитія, а для ума неразвитого, тѣмъ болѣе для ума первобытнаго, сравненіе есть именно „raison". Нашъ простой народъ и до сихъ поръ боится сравненія и говоритъ: „Не

1) Майковъ. № 5.

2) Потебня „Мал. пѣсня". Стр. 22.

приміряючи“, когда въ разговорѣ сравнитъ счастливаго съ несчастнымъ, живого съ мертвымъ и проч., и трудно опредѣлить, гдѣ здѣсь кончается обыкновенная вѣжливость и начинается серіозное опасеніе за жизнь и счастье собесѣдника“ [1]). Да оно и понятно: сравненіемъ исчерпывается весь предметъ для ума неразвитого, и предметъ сравниваемый представляется тѣмъ, съ чѣмъ его сравнили. Прислушаемся къ ссорѣ двухъ простолюдиновъ. „Чего ты гарчишь (=рычишь) какъ собака?“ говоритъ одинъ—„Какая я тебѣ собака?“ вскипаетъ другой. На словахъ было сдѣлано лишь сравненіе, а въ представленіи предметъ сравниваемый сталъ тѣмъ, съ чѣмъ его сравнили. Это та же слѣпота, только умственная, какъ и та, которая мѣшала слѣпому узнать, какого цвѣта молоко. Когда ему сказали, что оно бѣло какъ бумага, то онъ спросилъ: „Значитъ, оно и шуршитъ какъ бумага?“

Намъ остается теперь разсмотрѣть теорію происхожденія заклинаній, принадлежащую Спенсеру. Теорія эта находится въ первой части перваго тома его „Основаній соціологіи“. Въ этой книгѣ авторъ, начиная съ „надъорганическаго развитія“, переходитъ къ первобытному человѣку, разсматриваетъ его физическую сторону, чувство, умъ и дальше строитъ теорію, связывающую первобытныя идеи съ идеей богопочитанія! Заклинанія и колдовство составляютъ одно изъ звеньевъ той цѣпи, которой крайнія звенья—первобытныя идеи и идеи богопочитанія. Мы постараемся возможно короче изложить эту теорію отъ ея начала и до занимающаго насъ вопроса. Начнемъ съ идей объ одушевленномъ и неодушевленномъ.

Человѣкъ, равно какъ даже и животныя, не смѣшиваетъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Между тѣмъ—фактъ, что многія суевѣрія предполагаютъ такое смѣшеніе. Это объясняется тѣмъ, что человѣкъ видитъ часто во снѣ, будто онъ бодрствуетъ: путешествуетъ, ѣстъ, пьетъ, охотится, по пробужденіи же онъ видитъ себя на томъ же мѣстѣ, гдѣ легъ, а товарищи, бодрствовавшіе во время его сна, утверждаютъ, что онъ не сходилъ съ мѣста. „Самый простой выходъ изъ этого затрудненія состоитъ въ томъ, чтобы признать, что онъ одновременно былъ здѣсь и блуждалъ въ другихъ мѣстахъ—т. е., что онъ имѣетъ двѣ индивидуальности, изъ которыхъ одна по временамъ оставляетъ другую, но потомъ возвращается назадъ“ [2]). Въ случаяхъ обморока, апоплексіи и каталепсіи человѣкъ не помнитъ, что съ нимъ происходило въ это время, а окружающіе видѣли его полное безчувствіе, бездыханность. Это еще болѣе укрѣпляетъ увѣренность въ томъ, что другое „я“ можетъ покидать человѣка и снова возвращаться. Отсюда и до сихъ поръ существующее выраженіе о пробужденіи отъ обморока: „прійти въ себя“, въ то время какъ субъектъ въ экстатическомъ

1) Потебня „Мысль и языкъ“. Стр. 177.
2) Спенсеръ „Основанія соціалогіи“. Стр. 149.

состояніи очевидно находится „внѣ себя". Итакъ очевидно, что другое „я" можетъ покидать тѣло и снова возвращаться. Это другое „я"—душа. „Слово, которымъ южные австралійцы обозначаютъ человѣка, потерявшаго сознаніе, значитъ буквально „лишенный души" [1]). Смерть не всегда легко констатировать: иногда мнимо-умершіе оживаютъ. Отсюда старанія оживить трупъ, отсюда надежда на воскресеніе, отсюда забота о трупахъ, чтобы души нашли ихъ по своемъ возвращеніи цѣлыми. Но пока души возвратятся въ свои тѣла, онѣ въ это время блуждаютъ и проявляютъ свое существованіе и въ вихрѣ, и въ бурѣ, и въ томъ волнообразномъ движеніи воздуха, которое наблюдается въ жаркій день на горизонтѣ. Въ падучей человѣкъ, совершаетъ конвульсивныя движенія, о которыхъ впослѣдствіи не помнитъ, въ помѣшательствѣ онъ грызетъ себя зубами—поступокъ по меньшей мѣрѣ странный по отношенію къ самому себѣ. Оба эти явленія легко объяснить, предположивъ, что разъ душа можетъ оставлять тѣло и снова въ него возвращаться, то въ ея отсутствіи и чужая душа можетъ войти въ тѣло. При истеріи, чиханіи, зѣваніи и икотѣ человѣкъ сознаетъ свои дѣйствія, но они совершаются помимо его воли: онъ не можетъ отъ нихъ воздержаться; тутъ уже понятно, что своя душа была дома, но и чужая злая проникла въ тѣло первой и осиливаетъ ее. Понятно отсюда, что и другія разстройства тѣла и духа, т. е. болѣзни, происходятъ тѣмъ же путемъ; а такъ какъ за болѣзнью часто слѣдуетъ и смерть, то и эта послѣдняя зависитъ отъ той же причины. Если злая душа, принадлежащая, конечно, врагу, можетъ войти въ тѣло человѣка, то почему же не можетъ этого сдѣлать добрая душа предка, которая придаетъ человѣку силу, знаніе? Души умершихъ необыкновенно сильны. „Въ третьемъ папирусѣ Сальера, переведенномъ профессоромъ Лютингтонномъ и разсказывающемъ о побѣдѣ Рамзеса II, говорится, что побѣдитель воззвалъ къ своему „отцу Аммону" и получилъ такой отвѣтъ: „Рамзесъ Міамонъ, я нахожусь съ тобою, я твой отецъ Ра... я стою для тебя 100,000 человѣкъ, соединенныхъ въ одномъ" [2]). Конечно, если духъ предка можетъ придать такую громадную физическую силу, то онъ можетъ дать таковую же умственную. „Отсюда, говоритъ Спенсеръ, прямо слѣдуетъ, какъ логическій выводъ, ученіе о вдохновеніи въ области душевной дѣятельности. Мы въ настоящее время такъ далеки отъ этого ученія, что намъ трудно думать, что оно принималось когда-то буквально. Нѣкоторыя изъ существующихъ первобытныхъ расъ, каковы, напримѣръ, таитяне, и теперь еще обнаруживаютъ предъ нами, въ самой первоначальной формѣ, то вѣрованіе, что жрецъ, въ моментъ вдохновенія, „перестаетъ дѣйствовать

[1]) Спенсеръ „Осн. соц.". Стр. 164.
[2]) Спенсеръ „Основ. соц." Стр. 253.

и говоритъ какъ свободное существо, поступающее по своей волѣ, но движется и говоритъ, какъ человѣкъ, находящійся вполнѣ подъ сверхъестественнымъ вліяніемъ; такимъ образомъ, таитяне реализируютъ для насъ древнее вѣрованіе, что прорицатели будущаго и другіе подобные имъ люди были лишь каналами для проведенія изреченій боговъ" [1]). „Если нѣкоторые люди одержимы къ своему вреду духами злобы, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе одержимы къ своему благополучію дружественными духами, столь же могущественными или даже, пожалуй, болѣе могущественными, чѣмъ предыдущіе, то нѣтъ ли какой-нибудь возможности воспользоваться помощью добрыхъ духовъ, чтобы помѣшать злобнымъ вліяніямъ злыхъ духовъ,—можетъ быть, даже побѣдить и изгнать ихъ? Первобытный человѣкъ вполнѣ логически заключаетъ, что это возможно. Отсюда является заклинаніе бѣсовъ" [2]). Если возможно изгонять однихъ духовъ при помощи другихъ, то, естественно, съ помощью этихъ послѣднихъ возможно достигнуть и другихъ цѣлей: мстить своимъ врагамъ и вообще выполнять такія вещи, которыя самъ человѣкъ сдѣлать не можетъ. Отсюда колдовство. Цѣль колдовства двоякая: пріобрѣтеніе власти надъ живымъ человѣкомъ и надъ душами умершихъ. „На той ступени развитія, на которой анализъ еще не сдѣлалъ сколько-нибудь значительнаго прогресса, всякая спеціальная сила или всякое особенное свойство како-либо предмета предполагается присутствующимъ во всѣхъ его частяхъ, такъ что достаточно пріобрѣсти одну какую бы то ни было изъ его частей, чтобы пріобрѣсти особенное свойство или спеціальную силу" [3]). Отсюда, чтобы быть храбрымъ, дикарь ѣстъ мясо тигра или убитаго имъ врага. Далѣе первобытный человѣкъ думаетъ, что свойство предмета не только связано со всѣми частями послѣдняго, но даже и со всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ къ этому предмету какое-либо отношеніе. Даже наружность тѣла связана съ его свойствами, равно какъ и его части. Отсюда отвращеніе дикарей къ сниманію съ себя портретовъ. Имѣя портретъ, въ нѣкоторомъ родѣ часть предмета, владѣешь самимъ предметомъ. То же происходитъ и съ именами предметовъ. Отсюда скрываніе дикарями своихъ именъ. Такова же роль изображенія. Для первобытнаго человѣка различіе между живымъ и мертвымъ не велико, поэтому тѣ же пріемы прилагаются и для овладѣнія душами умершихъ.

Если все изложенное выше справедливо и если души умершихъ, будучи настроены враждебно, могутъ вредить человѣку, а будучи расположены, доставлять ему помощь, то, понятно, нужно заботиться о томъ, чтобы привлечь ихъ расположеніе, умилостивить ихъ. Отсюда религіозные обряды.

---

1) Спенсеръ „Осн. соц.". Стр. 254.

2) Ibid. Стр. 256

3) Ibid. Стр. 260.

Вотъ та часть теоріи Спенсера, которая оканчивается объясненіемъ интересующаго насъ вопроса, изложенная нами постольку, поскольку возможно изложить въ немногихъ словахъ то, что занимаетъ въ книгѣ знаменитаго англійскаго мыслителя около полутораста страницъ.

Мы не знаемъ, какъ совершенно объясняетъ эта теорія другіе вопросы, входящіе въ нее,—это требуетъ для каждаго изъ нихъ особаго обстоятельнаго разсмотрѣнія—что же касается нашего, то, какъ намъ кажется, она въ немъ не объясняетъ многаго. По теоріи Спенсера заклинателями являются люди, способные привлечь на себя покровительство благодѣтельныхъ духовъ. Почему же на самомъ дѣлѣ заклинать можетъ всякій, кто знаетъ лишь заклинательныя формулы? Откуда явилась вѣра въ силу слова? Наконецъ, что самое важное, намъ кажется, что анимистическое воззрѣніе, которому по Спенсеру обязано своимъ происхожденіемъ заклинательство и колдовство, наименѣе всего можетъ быть подмѣчено въ заклинаніяхъ и чарахъ. Если въ халдейскихъ заклинаніяхъ мы и встрѣчаемъ духовъ неба и земли, то это уже боги; собственно же анимизмъ не существенъ ни для заклинаній, ни для чаръ. Почему же для нихъ существенно сравненіе, какъ сила, способная доставить желаемое?

Мы старались выше объяснить происхожденіе заговора и нашли, что онъ обязанъ имъ весьма несложнымъ психологическимъ причинамъ; поэтому естественно какъ то, что мы встрѣчаемъ его у народовъ совершенно чуждыхъ другъ другу по своему происхожденію, такъ и то, что заговоры разныхъ народовъ часто сходны между собою не въ одной только основной своей формѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что заговоръ „Мерзебургскихъ отрывковъ" находитъ сходный съ собою русскій, и намъ кажется, что извѣстная статья Буслаева: „О сродствѣ одного русскаго заклятія съ нѣмецкимъ, относящимся къ эпохѣ языческой" можетъ оставаться во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной, кромѣ повода ея написанія. Малое знакомство съ заговорами другихъ народовъ приводило въ свое время въ изумленіе разнообразіемъ и богатствомъ русскихъ заговоровъ Ор. Миллера, Костомарова и Щапова. Первый въ своемъ трудѣ удѣлилъ особое мѣсто этому обстоятельству [1]); у Костомарова мы читаемъ слѣдующее: „Можно сказать, что жизнь каждаго русскаго, по мѣрѣ большей или меньшей наклонности къ мистической созерцательности, вся была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ систему" [2]). Намъ кажется, что вышеизложенное одинаково справедливо по отношенію ко всякому народу, стоящему на со-

---

1) Ор. Миллеръ „Опытъ ист. изл. р. сл.". Стр. 85.

2) Костомаровъ „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа". Изд. 3-е, стр. 268.

отвѣтствующей ступени своего развитія. Щаповъ, имѣя въ виду заговоры съ христіанской окраской, старается объяснить ихъ обиліе, съ одной стороны, тѣмъ, что „народъ русскій, при своемъ практическомъ характерѣ, смотрѣлъ на святыхъ большею частію съ натурально-практической точки зрѣнія. Онъ представлялъ, что святые назначены быть ему помощниками въ борьбѣ со стихіями природы, поддерживать его физическое, матеріальное благосостояніе, и ждалъ отъ ихъ чудесъ существенной матеріальной житейской пользы" [1]). Съ другой стороны, этого требовали тѣ громадныя усилія въ борьбѣ съ природой и труды для ея покоренія—работа, которую онъ самъ называетъ „страдой". Насколько это вѣрно, и насколько вѣрна характеристика русскаго человѣка съ его практическимъ характеромъ, мы останавливаться не будемъ, замѣтимъ только, что въ настоящее время извѣстно, что и другіе народы (напр., хотя нѣмцы) не менѣе насъ богаты заговорами. Что можно говорить о числѣ и разнообразіи русскихъ заговоровъ сравнительно съ заговорами другихъ народовъ, когда теперь извѣстно, что у аккадіянъ ихъ было „безчисленное множество", и относились они ко всякому „мало-мальски замѣтному явленію" [2]).

Мы старались показать, какъ изъ несложныхъ психологическихъ причинъ возникъ заговоръ. Три эпиграфа, поставленные въ началѣ нашей работы, выражаютъ, по нашему мнѣнію, сущность заговора, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ возникшее по *ассоціаціи сравненіе*, изображенное *словомъ*, какъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для произведенія сравненія. Если процессъ, происшедшій въ головѣ первобытнаго человѣка и приведшій его къ созданію заговора, дѣйствительно такъ простъ, какъ мы это старались показать, то, какъ мы уже говорили, нѣтъ ничего удивительнаго, что мы встрѣчаемъ заговоръ у различныхъ народовъ и что заговоры ихъ во многомъ сходны между собою. Между тѣмъ въ послѣднее время, благодаря большему и большему знакомству съ ассирійскими заклинаніями, открытыми въ глиняной библіотекѣ Ашурбанапала, въ науку начинаетъ проникать взглядъ, не обязаны ли заговоры всѣхъ индоевропейскихъ народовъ своимъ происхожденіемъ заклинаніямъ ассирійскимъ, или, вѣрнѣе, халдейскимъ, такъ какъ сами ассиріяне унаслѣдовали многія изъ нихъ отъ халдеевъ [3]). Наиболѣе опредѣленно этотъ взглядъ выраженъ въ появившейся

---

1) Щаповъ „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія". Ж. М. Н. Пр. Т. CXVII, стр. 40.

2) Сэйсъ „Ассиро-вавилонская литература". Стр. 36.

3) Сэйсъ, полагая, что всѣ ассирійскія заклинанія заимствованы у халдеевъ, говоритъ, что многія изъ ассирійскихъ заклинаній глиняной библіотеки не имѣютъ при себѣ „аккадскаго подлиннаго ихъ текста" и объясняетъ это тѣмъ, что заклинанія обращались въ народѣ, а жрецы, сохранявшіе въ подлинникѣ аккадскіе гимны, только терпѣли закли-

недавно статьѣ проф. В. Ѳ. Миллера, написанной по поводу новой книги д-ра Кнута Талльквиста, доцента Гельсингфорскаго университета,—книги, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Ассирійская заклинательная серія Maqlû, изданная по оригиналамъ британскаго музея". Сама статья проф. Миллера озаглавлена: „Ассирійскія заклинанія и русскіе народные заговоры" [1]). Сходство ассирійскихъ заклинаній съ русскими поразило профессора Миллера, и онъ въ своей статьѣ сопоставилъ русскій заговоръ съ ассирійскимъ заклинаніемъ. Мы не станемъ излагать всей статьи профессора Миллера, а выпишемъ только ея заключеніе, въ которомъ авторъ резюмируетъ результатъ своего сопоставленія.

„Резюмируя вышеприведенныя сопоставленія халдейскихъ и ассирійскихъ заклинаній съ нашими народными, мы припомнимъ, что указали аналогіи въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ пріемахъ магическихъ дѣйствій и словъ, въ содержаніи заклинаній и въ изложеніи. И тамъ, и здѣсь заклинательныя формулы произносится шепотомъ, въ благопріятное время, главнымъ образомъ ночью или передъ разсвѣтомъ. И здѣсь, и тамъ таинственное значеніе придается нѣкоторымъ числамъ (3, 7, 12, 77) и знанію именъ миѳическихъ силъ. И халдейскіе маги, и наши колдуны и знахари производятъ чары посредствомъ волшебныхъ узловъ и разныхъ операцій надъ символическими предметами, представляющими лицо, подлежащее волхвованію (изображеніями, волосами, лоскутами одежды, вырѣзанными слѣдами). И здѣсь, и тамъ содержаніе заклинаній состоитъ изъ категорическихъ повелѣній нечистой силѣ уйти, сгинуть, сопровождаемыхъ угрозами, и изъ молитвенныхъ обращеній къ благимъ силамъ заступникамъ, причемъ въ нашихъ заговорахъ, кромѣ христіанскихъ силъ, помощниками призываются олицетворенія силъ природы—солнце, мѣсяцъ, зо́ри, вѣтры и особенно царь огонь, играющій такую видную роль въ халдейскихъ и ассирійскихъ заговорахъ—молитвахъ. Наконецъ, со стороны изложенія мы отмѣтили аналогію между нашими и восточными заговорами въ типическомъ сочетаніи вступительнаго разсказа съ драматическимъ элементомъ, съ діалогомъ, завязывающимся между выводимыми миѳическими личностями.

„Къ чему приводятъ указанныя параллели? Должны ли мы только ограничиться выводомъ, что ничто не ново подъ луной, что одни и тѣ же психологическіе законы проявляются въ человѣчествѣ поразительно одинаково даже въ деталяхъ, въ народахъ различныхъ расъ, живущихъ подъ различными широ-

---

нанія. Можетъ быть отсутствіе аккадскаго текста нужно объяснять тѣмъ, что его и вовсе никогда не было, такъ какъ эти заклинанія были ассирійскими, а не заимсвованы у халдеевъ' какъ тѣ, которыя имѣютъ рядомъ съ ассирійскимъ текстомъ и аккадскій (Сэйсъ, стр. 36).

[1]) „Русская Мысль". 1896 г., VII, стр. 66—89.

тами при самыхъ различныхъ жизненныхъ условіяхъ—климатическихъ, географическихъ, историческихъ, экономическихъ? Или разсмотрѣнныя совпаденія хоть отчасти объясняются существованіемъ древней культурной традиціи, донесшей еще не извѣданными наукой путями нѣкоторыя черты восточной магіи въ наше и средневѣковое европейское колдовство? Мнѣ лично возможность отголосковъ такой традиціи представляется, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ чертахъ, вѣроятной. Но для уясненія объема этой традиціи и ея путей мы въ настоящее время не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе поиски въ восточной и средневѣковой старинѣ прольютъ свѣтъ и въ эту интересную и темную область, которой мы рѣшились коснуться (не болѣе какъ primis labris), только чтобъ указать на значеніе, которое могутъ имѣть открытія ассиріологовъ для культурной исторіи не только передней Азіи, но и средневѣковой Европы".

Если мы внимательно разсмотримъ аналогіи, приводимыя проф. Миллеромъ, то увидимъ, что онѣ не убѣждаютъ насъ въ возможности возникновенія индоевропейскихъ заклинаній подъ вліяніемъ халдейскихъ. Наоборотъ, присутствіе тѣхъ же самыхъ аналогій у народовъ, для которыхъ даже невозможно допустить какую-бы то ни было культурную традицію, именно и приводитъ къ признанію одинаковости психологическихъ законовъ для всего человѣчества. Конечно, никто не станетъ отрицать вліянія халдейской магіи на заговоры европейскихъ народовъ, что уже было указываемо [1]); но принимать всякое сходство въ заговорахъ народовъ, для которыхъ возможно признать культурное вліяніе халдеевъ, за заимствованіе у этихъ послѣднихъ, значитъ лишить себя возможности объяснить существованіе подобныхъ явленій у народовъ, не имѣющихъ къ халдеямъ никакого отношенія.

Что заговоры произносятся часто шепотомъ, это, намъ кажется, весьма естественно: съ одной стороны, этотъ пріемъ производитъ бóльшее впечатлѣніе на непосвященныхъ, съ другой—вся роль заговаривающаго заключается въ точномъ знаніи формулы, поэтому для профессіональнаго знахаря важно сохранять эту формулу въ тайнѣ [2]), тѣмъ болѣе, что существуетъ даже тотъ взглядъ, что, передавшій другому знаніе, передавшій самъ лишается всякой силы [3]). Шептанье не принадлежитъ исключительно халдеямъ или европейскимъ народомъ; мы уже приводили выше свидѣтельство

---

[1]) См. Помяловскій „Эпиграфич. этюды". Соколовъ „Апокрифич. матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками". „Ж. М. Н. Пр.". CCLXIII. Его же „Новый матер. для объясн...." Древности. Труды слав. ком. Имп. Моск. Арх. общ." т. I.

[2]) Аѳанасьевъ „Поэт. воззр.". I, 316.

[3]) Иващенко. Стр. 316. (Нужно замѣтить, что этотъ авторъ также придаетъ особое значеніе шептанью).

Ливингстона, въ которомъ между прочимъ говорится, что бечуанскіе закл-и натели дождя „бормочутъ“, т. е. шепчутъ, свои заклинанія.

Сходство въ опредѣленіи времени также не кажется намъ удивительнымъ: мы знаемъ, какъ мало опредѣленныхъ точекъ времени у необразованнаго человѣка; нашъ простой народъ и до сихъ поръ опредѣляетъ время только утромъ, днемъ, вечеромъ и ночью. Кромѣ того, съ зарею почти у всѣхъ народовъ связаны извѣстныя религіозныя представленія, а когда заговоръ сталъ дѣломъ исполненнымъ таинственнаго значенія, естественно было назначить полночь временемъ его произнесенія. Въ концѣ нѣкоторыхъ французскихъ заговоровъ мы читаемъ: „Pour que cette oraison produise son effet, il ne faut ni rencontrer, ni parl er à personne“ [1]). Исполненіе этого условія возможнѣе всего въ полночь.

Несомнѣнно, что халдейская астрологія съ ея числовыми отношеніями имѣла большое вліяніе на магію средневѣковой Европы; отсюда законны числовыя параллели между халдейской магіей и тѣми изъ европейскихъ заклинаній, въ которыхъ возможно подмѣтить инородное вліяніе. Извѣстно объясненіе И. Д. Мансветова числа $12^1/_2$ трясовицъ (отношеніе солнечнаго года къ лунному мѣсяцу) изъ халдейской астрологіи [2]). Устанавливать же связь съ халдейскими заклинаніями множества русскихъ заговоровъ по однимъ числамъ, да еще такимъ, которыя можно встрѣтить на каждой страницѣ любого сборника народныхъ произведеній,—вещь невозможная.

Мы могли бы привести множество примѣровъ того, что изображеніями пользуются при волхвованіи различные народы земного шара; многіе изъ этихъ примѣровъ собраны въ особомъ мѣстѣ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его „Культурныхъ переживаніяхъ“ и заимствованы имъ у Тайлора, Леббока, Спенсера, Lang'a и др. Мы ограничимся только однимъ примѣромъ съ мнѣніемъ о немъ Спенсера. „Китингъ, говоритъ Спенсеръ, разсказываетъ намъ о чиппеуозахъ, что у нихъ колдунъ переноситъ болѣзнь съ своего паціента на его врага слѣдующимъ образомъ: „онъ дѣлаетъ деревянное изображеніе врага своего паціента“, протыкаетъ ему отверстіе въ самое сердце и вводитъ черезъ отверстіе извѣстные порошки; тождество этого метода съ методами, извѣстными намъ изъ сказокъ о европейскихъ колдунахъ и ихъ пріемахъ, такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ“ [3]).

---

[1]) „Priéres populaires en Seine-et-Marne“. „Revue des trad. popul“. 1892 г., IV.

[2]) Отсюда намъ понятно, почему въ одномъ изъ заговоровъ противъ лихорадки въ сборникѣ Майкова (№ 104) общее число трясовицъ—13, а по именамъ названы 12. Въ пониманіи нашего народа $12^1/_2$ дѣвъ—трясовицъ вещь немыслимая, поэтому число $12^1/_2$ замѣнено 13-ю, но названы только 12, такъ какъ для тринадцатой имени не было (двѣнадцатая равнялась полутора).

[3]) Спенсеръ „Основ. соц.“ Стр. 263.

То же самое должно сказать и о пользованіи волосами и лоскутьями одежды; объ этихъ и подобныхъ имъ пріемахъ уже упоминалось нами выше въ изложеніи теоріи Спенсера. Многочисленныя свидѣтельства находятся какъ у него, такъ и у Тайлора и Леббока. Извѣстно, что первобытный человѣкъ приписываетъ свойства предмета не только предмету въ его цѣломъ; но даже его частямъ; отсюда дикарь, съѣдая сердце тигра, думаетъ этимъ самымъ пріобрѣсть его силу, или же ѣстъ трупъ убитаго имъ врага, надѣясь къ своей храбрости прибавить его храбрость. Любопытный образецъ такого воззрѣнія находимъ мы въ нашихъ былинахъ. Когда Святогоръ съ Ильей Муромцемъ наѣхали на гробъ, то Святогоръ легъ въ него и попросилъ Илью закрыть крышкой, а потомъ открыть; но крышка не открывалась. Началъ Илья бить по крышкѣ боевою палицею, но куда ударитъ, тамъ являются обручи желѣзные. Тогда понялъ Святоръ, что тутъ ему Богъ смерть судилъ.

„Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
Да пошла изъ его да пѣна вонъ.
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
„Ты послушай-ко, крестовый мой брателко!
Да лижи ты возьми вѣдь пѣну мою,
Дакъ ты будешь ѣздить по святымъ горамъ,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильнаго могучаго богатыря“ [1]).

Въ другой былинѣ разсказывается, что Илья Муромецъ лизалъ потъ умирающаго Святогора [2]).

Что же касается пользованія слѣдами, то „въ Китаѣ, въ Гуанъ-си и Гуанъ-дунѣ, существуетъ до сихъ поръ слѣдующій обычай: если воръ, убѣгая изъ обворованнаго имъ дома, на землѣ запечатлѣетъ слѣды своихъ ногъ, то пострадавшіе зовутъ опытнаго бонзу, который забиваетъ въ мѣсто, на которомъ оставленъ слѣдъ, бамбуковый колъ и, сосредоточившись, внушаетъ бѣглецу неотразимое желаніе вернуться къ мѣсту преступленія“ [3]).

На этомъ мы остановимся въ разсмотрѣніи выводовъ проф. Миллера и въ заключеніе приведемъ нижеслѣдующее соображеніе: Разсматривая тѣ немногія ассирійскія заклинанія, которыя были для насъ доступны, насъ прежде всего поражаетъ ихъ сходство съ позднѣйшими заговорами европейскихъ народовъ; для большинства изъ нихъ совершенно потеряна основная форма заговора, указанная Потебней; въ другихъ она затемнена тѣми

---

[1]) Гильфердингъ „Онежскія былины“. № 273.
[2]) Ibid. № 265.
[3]) „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1896 г., № 77. (Перепечат. изъ „СПб. Вѣд.“).

наслоеніями, которыя дѣлаютъ ихъ столь схожими съ молитвами. Что такое впечатлѣніе въ насъ не исключительно, это видно изъ того, что профессоръ Миллеръ называетъ ихъ и заговорами-молитвами и просто молитвами. Отсюда то заключеніе, что ассирійскія заклинанія въ своемъ развитіи пришли къ той формѣ, къ которой пришли гораздо позже европейскіе заговоры. Такимъ образомъ, если предположить, что европейскіе заговоры ведутъ свое происхожденіе отъ ассирійскихъ, становится совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ они сохранили свою форму въ теченіе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ. Еще болѣе станетъ непонятнымъ, откуда взялись европейскіе заговоры, представляющіе изъ себя формы древнѣйшія и простѣйшія, чѣмъ формы ассирійскихъ заклинаній-молитвъ, такъ что по однимъ только русскимъ заговорамъ возможно прослѣдить всю исторію эволюціи заговора.

Мы уже видѣли, что основную форму заговора характеризуетъ ея двухчленность. „Двухчленность заговора, говоритъ Потебня, мнѣ кажется лежитъ и въ основаніи другихъ его формъ, лишь повидимому болѣе простыхъ, а въ сущности относящихся къ первообразной приблизительно такъ, какъ опущеніе субъекта или предиката къ двухчленному предложенію, Въ заговорѣ, съ одной стороны, можетъ остаться одно примѣненіе одно пожеланіе, одна молитва; съ другой—можетъ быть на лицо одно изображеніе символа (будетъ ли это явленіе, имѣющее божественный характеръ, облеченное въ человѣкоподобный образъ, или нѣтъ), при которомъ примѣненіе лишь подразумѣвается“ [1]). Вотъ относящіеся сюда примѣры: „Іхав Рахайло-Мяхайло на білому коню, вив три хорти: еден білий. другий червоный, а третій чорный: білий біжіт, слёзи лиже; чорный біжіт, кров лиже, а червоный біжіт, більмо лиже“. „По практикуемому способу объясненія это значило бы: вѣтры—псы, сопровождающіе небесныя грозовыя божества, слизываютъ тучи и открываютъ солнце; а такъ какъ глазъ солнцеподобенъ, то пусть въ этомъ случаѣ сойдетъ съ него бѣльмо“ [2]). Въ данномъ заговорѣ мы находимъ одно изображеніе символа, а въ слѣдую-

---

[1]) Потебня. „Мол. п. по сп. XVI в.“ Стр. 22.

[2]) Потебня. „Мал. п. по сп. XVI в.“ II примѣч.

[3]) Ни о „сонъ-травѣ“, ни о „соняшникѣ“ нельзя сказать, что *„эти дѣйствительныя сонныя растенія,* замѣченныя старинными людьми въ природѣ, подали поводъ развить сказанія о нихъ въ чудесныхъ подробностяхъ“. (Владим. „Введеніе въ ист. русск. сл.“ Стр. 47). Въ дѣйствительности эти растенія вовсе не обладаютъ снотворнымъ дѣйствіемъ, а всѣ сказанія о нихъ развились изъ ихъ названій. Названіе свое „сонъ-трава“ получила по своему пониклому, какъ бы во снѣ, цвѣтку (см. Потебня. „Изъ лекцій по теор. сл.“ Стр. 118—9), а корень слова „соняшникъ“—тотъ же, что и въ словѣ „солнце“ (ср. подсолнечникъ, Helianthus)—народная этимологія сблизила съ словомъ „сонъ“.

щемъ одно только пожеланіе: „Топчучи весною сонъ--траву [3]), говорятъ „Щобъ на той рôкъ дождаты сону топтаты" [1]).

Такова была первоначальная форма заговоровъ; но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ сталъ приходить къ сознанію божества, по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ забывать основную роль сравненія въ заговорѣ и всю силу послѣдняго приписывать силѣ слова, выраженнаго къ тому же въ опредѣленныхъ точно произносимыхъ формулахъ, мы видимъ, какъ измѣняется форма заговоровъ. Подъ вліяніемъ богопочитанія въ началѣ заговора является необходимость указанія на божество, съ помощью котораго надѣются достигнуть заговоромъ желаемаго. Намъ кажется, что справедливо видитъ Аѳанасьевъ [2]) указаніе на то, что древній человѣкъ отдавалъ себя подъ защиту высшихъ силъ, въ такихъ формулахъ, какъ слѣдующая: „Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь студеной ключевой водою, утрусь тонкимъ полотенцемъ; *оболокусь я оболоками, подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцемъ, обтычусь частыми звѣздами и освѣчусь я краснымъ солнышкомъ*"... [3]) Такія указанія на божество, не составляя особой части заговора, проглядываютъ въ другихъ его частяхъ; но во многихъ заговорахъ является особая часть, которая заключаетъ въ себѣ обращеніе къ божеству за помощью. Въ христіанскихъ русскихъ заговорахъ эти обращенія имѣютъ слѣдующій видъ: „Господи Боже, Благослови Христосъ!" [4]). „Благослови раба Божія (имя рекъ)" [5]). „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго!" [6]) Или же заговоръ просто начинается словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь" [7]). Точно также и конецъ заговора сталъ закрѣпляться тѣми же самыми словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь"; иногда однимъ только словомъ: „Аминь".

По всей вѣроятности, раньше такого закрѣпленія возникло то, въ которомъ указывается на силу слова и на неотразимость его дѣйствія: „Слово мое крѣпко" [8]). „Будь ты, мой приворотъ, крѣпче камня, крѣпче желѣза" [9]). „Будьте, мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата, остраго ножа и борзомѣткаго копья. А ключь моимъ словамъ и утвержде-

---

[1]) Ефименко. „Сборникъ малорос. закл." № 100.
[2]) Аѳанасьевъ. „ Поэт. Воззр." I, 419.
[3]) Майковъ. № 42.
[4]) Ibid. № 11.
[5]) Ibid. № 2.
[6]) Ibid. № 62.
[7]) Ibid. № 5.
[8]) Майковъ. № 4.
[9]) Ibid. № 27.

нія, и крѣпость крѣпкая, и сила сильная въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ" [1]).

Кромѣ обращенія, членовъ сравненія и закрѣпленія, во многихъ заговорахъ встрѣчается еще одна часть, стоящая послѣ обращенія или, если его нѣтъ, то въ самомъ началѣ заговора. Часть эта выражается такой формулой: „Встану я (имя рекъ) на утренней зарѣ, на солносходѣ краснаго солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, на восточную сторону, въ въ чистое поле"... [2]) „Это, очевидно, говоритъ Крушевскій о такихъ формулахъ, совѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ упреждать самый заговоръ, а слилось оно съ послѣднимъ позже. когда уже самъ обрядъ не совершался" [3]). Точно также и Аѳанасьевъ подобныя формулы считалъ указаніями, по которымъ „надо было вставать рано, на утренней зарѣ, выходить въ открытое поле".... [4]) и т. д. Потебня, поправляя это мнѣніе, говоритъ слѣдующее: „Конечно, когда воспроизведеніе возобладало надъ созданіемъ, когда заговоръ сталъ повторяться буквально, то явилось несоотвѣтствіе словъ „встану я.... умоюсь" и проч. съ съ дѣйствіями знахаря, который, произнося заговоръ вовсе не встаетъ, не умывается и проч. Такая же неправда и въ началѣ пѣсни „з—за *ной* мі гори...", если пѣсня поется напр. въ хатѣ, откуда никакой горы не видно. Въ обоихъ случаяхъ начала могутъ стать готовыми общими мѣстами, легко прилаживаемыми къ любому, тоже готовому содержанію. Но воспроизведеніе и условность предполагаютъ созданіе и полное соотвѣтствіе слова и мысли. Если въ заговорѣ говорится „встану я и проч.", то нѣкогда такъ и дѣлалось, при томъ не въ силу совѣта знахаря, а прежде, чѣмъ сложились подобные совѣты. Изображенія дѣйствій невозможныхъ, имѣющія лишь символическое значеніе, напр. порученіе себя покровительству высшихъ силъ („оболокусь я оболокомъ, обтычусь частыми звѣздами" и т. п. Аѳ. Поэт. Воз. I, 611, въ родѣ того, что въ Мр. заговорахъ „Пресвята Богородица стояла, мени въ поміч ставала"), могутъ разсматриваться какъ позднѣйшія наслоенія. Основная черта этихъ введеній видится мнѣ не въ томъ, что въ нихъ могутъ быть слѣды обрядовъ богопочитанія. Первоначально они—то же по отношенію къ существенному содержанію заговоровъ, именно къ первому члену заключеннаго въ нихъ сравненія, что начала пѣсенъ, какъ „пійду я...", „стану я...", „сяду я..." по отношенію къ главнымъ мотивамъ этихъ пѣсенъ. Это—выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣ-

---

1) Ibid. № 7.
2) Майковъ. № 39.
3) Крушевскій. Стр. 31.
4) Аѳанасьевъ I, 415.

лать извѣстное наблюденіе, подвергнуться иллюзіи; это первоначально—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ. Заговоръ съ такими введеніями по формѣ древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва“ [1]).

Считая объясненія пѣсенчыхъ и заговорныхъ началъ, данныя Потебней, весьма замѣчательными, намъ кажется невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ имъ въ концѣ приведенной нами выписки, именно, что заговоры съ введеніями, о которыхъ говорилось выше, по формѣ древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва“. Намъ кажется что послѣдняя форма древнѣе первой. Самъ Потебня говоритъ объ этихъ введеніяхъ, что „это первоначально—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ“. Конечно, если подобныя заговорныя начала—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ возникъ заговоръ, то имъ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ эти обстоятельства налицо, т. е. въ моментъ созданія заговора. О заговорныхъ началахъ, какъ и о пѣсенныхъ, справедливо думать, что „это разбѣгъ, дѣлаемый мыслью для того, чтобы перейти къ предмету, недоступному сразу“ [2]). Нѣтъ надобности въ такомъ мысленномъ разбѣгѣ тамъ, гдѣ въ минуту созданія заговора предметъ вполнѣ доступенъ, находясь предъ заговаривающимъ, какъ это мы видимъ въ случаѣ „нарочно произведеннаго явленія“, а такіе случаи, какъ мы старались показать выше, являются по отношенію къ заговору древнѣйшими. То же самое должно сказать и относительно случая, когда для заговора пользуются явленіемъ уже готовымъ, „даннымъ“, если это послѣднее находится налицо. Эти введенія такимъ образомъ умѣстны лишь тамъ, гдѣ пользуются готовымъ явленіемъ, но недоступнымъ для наблюденія въ данную минуту, гдѣ необходимо сначала приблизиться къ нему мыслью, вспомнить его; или тамъ, гдѣ пользуются для сравненія явленіемъ вымышленнымъ. Если мы станемъ разсматривать заговоры, то увидимъ, что изложенныя нами соображенія подтверждаются. Въ тѣхъ заговорахъ, въ которыхъ предписывается произведеніе явленія, изображаемаго заговоромъ, введеній, подобныхъ вышеуказаннымъ, нѣтъ, какъ напр. это мы видимъ въ заговорѣ отъ червей, приведенномъ нами выше. Нѣтъ введенія и въ той присушкѣ, которую мы также приводили, гдѣ пользуются явленіемъ даннымъ, но такимъ, которое во всякій данный моментъ можетъ подлежать наблюденію. Но введеніе есть въ томъ заговорѣ отъ вереда, который мы уже выписывали, гдѣ даннымъ явленіемъ служитъ „сухая шалга“, которую нужно себѣ представить, вспомнить, прежде чѣмъ произвести сравненіе. Точно также имѣютъ подобныя

---

[1]) Потебня. „Мал. пѣсня“. Стр. 25.

[2]) Потебня. „Малорус. п. по сп. XVI в.“ Стр. 18.

начала и тѣ заговоры, въ которыхъ главная роль принадлежитъ такимъ очевидно вымышленнымъ явленіямъ, какъ встрѣча и бесѣда съ Божіей матерью и т.п.

Въ приведенной только что цитатѣ изъ Потебни обращаетъ наше вниманіе еще слѣдующее опредѣленіе заговорныхъ введеній. „Это первоначально—воспоминаніе обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ“. Вспомнимъ сначала какой нибудь заговоръ съ введеніемъ о которомъ идетъ рѣчь. Вотъ напр. заговоръ отъ вереда:

„Рабъ Божій (имя рекъ) вставалъ благословясь и пошелъ перекрестясь изъ избы дверьми, со двора воротьми, вышелъ въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ сухая шалга, на той шалгѣ трава не растетъ и цвѣты не цвѣтутъ; а также у раба Божія (имя рекъ) не было бы ни чирія, ни вереда, ни баенной нечисти. Очищается рабъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь“ [1]).

Возможенъ тотъ случай, что человѣкъ, имѣвшій чирій или вередъ, набрелъ въ полѣ на сухую шалгу, и у него тутъ же явилась мысль сравнить ее со своимъ тѣломъ. Получился заговоръ, приблизительно, такой: „Какъ на этой шалгѣ не растетъ трава и не цвѣтутъ цвѣты, такъ бы у меня на тѣлѣ не было ни чирія, ни вереда, ни боенной нечисти“. При такихъ условіяхъ созданія заговора, какъ мы старались выше показать, введенія не будетъ. Случилось тому же человѣку въ другой разъ заболѣть чиріемъ, и у него явилась мысль воспользоваться заговоромъ, созданнымъ въ первый разъ. Тутъ постепенно, безъ скачка въ мысли, приходятъ ему на память тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ создалъ заговоръ: какъ онъ вышелъ изъ дому, какъ пришелъ въ поле, какъ увидѣлъ шалгу и т. д., и такимъ образомъ возникъ заговоръ, находящійся въ сборникѣ. Въ этомъ случаѣ вѣрно то опредѣленіе введенія, которое дано Потебней. Но возможенъ и тотъ случай, что человѣкъ наблюдалъ сухую шалгу тогда, когда у него не было „ни чирія, ни вереда, ни баенной нечисти“, и онъ въ это время не создавалъ заговора. Когда у него впослѣдствіи, при нуждѣ, явилась мысль воспользоваться для сравненія явленіемъ, наблюдавшимся имъ прежде, то онъ, подобно предыдущему, сначала вспомнилъ, какъ вышелъ изъ дому. какъ пришелъ въ поле и т. д., и получился тотъ же самый заговоръ съ введеніемъ; только уже въ этомъ случаѣ введенію нельзя дать опредѣленія, по которому это—„воспоминаніе обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ“, а нужно сказать, что это—„воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ наблюдалось явленіе, которое сравнивается въ заговорѣ съ желаннымъ“. Это опредѣленіе можно распространить и на первый случай. Можетъ быть, самымъ лучшимъ опредѣленіемъ введеній служатъ тѣ слова

---

[1]) Майковъ. № 133.

Потебни, которыя предшествуютъ его опредѣленію: „Это, говоритъ онъ,— выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣлать извѣстное наблюденіе, подвергнуться иллюзіи".

Такія введенія, какъ: „Не молясь ложуся спать и не перекрестившись, встану не благословясь..." [1]) и т. д., нужно разсматривать какъ явившіяся на христіанской почвѣ въ связи съ разсказами о продажѣ души дьяволу и т. п. [2]). Такъ, чтобы напустить икоту, „должно снять съ шеи крестъ, положить его къ себѣ подъ пяту и, проносивъ такъ полсутокъ, проговорить: „Отрекаюсь отъ Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ..." [3]).

Итакъ содержаніе заговоровъ составляютъ пять формулъ: обращеніе, введеніе, два члена сравненія и закрѣпленіе. Самый простой заговоръ заключаетъ въ себѣ одинъ изъ членовъ сравненія, а самый сложный—всѣ пять формулъ. Средину между ними занимаютъ тѣ заговоры, которые образовались путемъ различныхъ соединеній указанныхъ формулъ. Желаніе придать болѣе силы заговору привело къ тому, что въ одномъ и томъ же заговорѣ мы находимъ нѣсколько обращеній, нѣсколько закрѣпленій, членовъ сравненія. Какъ примѣръ послѣдняго случая, мы приведемъ часть одной присушки: „... Какъ кипитъ подъ землею лѣтомъ бѣлой ключь, такъ бы кипѣло, горѣло сердце и душа у рабы Божіей (имя рекъ) по мнѣ, по рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Какъ всякой человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба, безъ соли, безъ платья, безъ ѣжи, такъ бы не можно жить рабѣ Божіей (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Коль тошно рыбѣ жить на сухомъ берегу безъ воды студенныя, такъ бы тошно было рабѣ Божіей (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Коль тошно младенцу безъ матери своей, а метери безъ дитяти, такъ тошно рабѣ Божіей (имя рекъ) безъ меня раба Божія (имя рекъ). Какъ быки скачутъ на корову, или какъ корова въ Петровки голову закинетъ, хвостъ залупя, такъ бы раба Божія (имя рекъ) бѣгала и искала меня, раба Божія (имя рекъ), Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы цѣловала, руками обнимала, блудъ сотворила. И какъ хмель вьется около кола по солнцу, такъ бы вилась, обнималась около меня, раба Божія (имя рекъ). Какъ цвѣла утренняя роса, дожидаясь краснова солнца изъ-за горъ изъ-за высокихъ, такъ бы дожидалась раба Божія (имя рекъ) меня, раба Божія (имя рекъ), на всякій день и на всякій часъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь" [4]).

[1]) Майковъ № 16.

[2]) Ср. Владиміровъ „Введеніе..." Стр. 51. Крушевскій. Стр. 28.

[3]) Майковъ № 244.

[4]) Майковъ № 11.

Мы уже обращали въ своемъ мѣстѣ вниманіе на вѣру въ силу слова, по которой исполняется все, выраженное словомъ, хотя бы это слово было произнесено случайно, безъ желанія произвести извѣстное явленіе. Съ другой стороны, понятно, что не можетъ исплониться желаніе, если оно выражено не вполнѣ, неясно, неопредѣленно. Отсюда въ заговорахъ мы видимъ стремленіе опредѣлять желаемое, по возможности, точно, опредѣленно и подробно. Поэтому, если желательно напр. избавиться отъ болѣзни, то стараются обозначить и ея причину; но такъ какъ причины одной и той же болѣзни бываютъ различны, а въ данномъ случаѣ неизвѣстно, которая изъ нихъ произвела болѣзнь, то стараются поименовать какъ можно большее число причинъ, въ надеждѣ, что въ числѣ ихъ окажется и настоящая. Отсюда, если желаютъ излѣчить переполохъ (испугъ), то, называя его въ заговорѣ, добавляютъ:

„Скотячий, овечий, кіньский,
Козячий, собачий, заячий,
Лисячий, вовчий, ведмежий,
Ящериний, жабьячий, черепаховый,
Гадючий, сорочий, воронячий,
Курячий, утячий, гусячий,
Индичий, голубьячий, ластивьячій,
Перепеловый, орловый, шуличий,
Синичий и соловьиный“ [1]).

По той же причинѣ, т. е. вслѣдствіе стремленія обозначить желаемое точно, въ случаѣ перелома или вывиха выражается желаніе, чтобы пришлись: кость къ кости, кровь къ крови, суставъ къ суставу и т. д.

Мы затрудняемся объяснить, почему народъ, желая уничтожить какое-нибудь явленіе, опредѣляемое числомъ, заговариваетъ его не сразу, а постепенно, по одному. Нужно ли тутъ видѣть бóльшую увѣренность въ дѣйствительности такого дѣйствія или здѣсь проявляется любовь народа къ обстоятельности и подробности, которая называется „эпической?“. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Святый Миколай, угодник Божій, ходи ко мнѣ на помочь!... Конь рыжôй, а в коня рана, а в ранѣ десять червякôв: один другого ѣсть, другой третёго, третій четвертого, четвертый пятого, пятый шестого, шестой сёмого, сёмый восьмого, восьмый девятого, девятый усѣх поѣсть!“ [2]).

“Svatý Petr leží v hrobě,
devět červů má při sobě;

[1]) Иващенко, стр. 321.
[2]) Ефименко. № 57.

osm červů má při sobě,
sedm červů má při sobě; atd
Svatý Petr leží v hrobě,
žádného červa nemá při sobě“ [1]).

Rose du bist neunerlei,
Rose du bist nichts;
Rose bu bist achterlei,
Rose du bist nichts; u. s. w. bis eins“ [2]).

Мы уже указывали на то, что въ нѣкоторыхъ заговорахъ одна и та же составная его часть можетъ быть повторена нѣсколько разъ при желаніи усилить заговоръ. Иногда съ этой цѣлью одинъ и тотъ же заговоръ произносятъ нѣсколько разъ сряду. Такъ одинъ заговоръ отъ зубной боли предписывается повторить 21 разъ [3]). Такимъ же образомъ если заговаривающему извѣстно нѣсколько заговоровъ на одинъ и тотъ же предметъ, то, заговаривая, онъ произноситъ не одинъ изъ нихъ, а нѣсколько, или даже всѣ ему извѣстные. Съ теченіемъ времени произносимые такимъ образомъ заговоры сливаются въ одинъ, въ которомъ иногда легко можно различить отдѣльные заговоры, иногда трудно, а во многихъ, вѣроятно, и совсѣмъ невозможно. Еще Крушевскій указалъ, что изъ присушекъ въ сборникѣ Майкова одна, которая стоитъ подъ № 1, составлена изъ трехъ, а другая, подъ № 25,—изъ двухъ. Намъ кажется, что и присушка подъ № 2 также состоитъ изъ трехъ. Самымъ любопытнымъ примѣромъ такого рода составныхъ заговоровъ можетъ служить оберегъ скота, списанный Н. Харузинымъ съ старинной раскольничьей рукописи; въ этомъ оберегѣ мы насчитали семь заговоровъ [4]).

Для усиленія заговора употребляются также многія магическія дѣйствія и различные пріемы. Къ числу первыхъ относятся такія дѣйствія, какъ сдуваніе, сплевываніе, очерчиваніе кругомъ вокругъ заговаривающаго и вообще различныя чары. Всѣ эти дѣйствія, не будучи связаны съ содержаніемъ заговора, усиливаютъ его. Къ числу различныхъ пріемовъ нужно отнести произнесеніе заговоровъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время; иногда предписывается произносить ихъ, не переводя духа, или, наоборотъ, прерывая въ извѣстныхъ мѣстахъ, совершать крестное знаменіе и бить поклоны и т. п.

---

1) Чешскій заговоръ Эрбена, цитир. Круш. на стр. 64.

2) Vechenstedt. „Wendische Sagen, Märchen und Gebräuche“. 1880. Стр. 462, № 5.

3) Майковъ. № 64.

4) Н. Харузинъ „Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудож. уѣз., Олонецкой г.“ Стр. 15 и сл.

По мѣрѣ того, какъ все большее и большее значеніе пріобрѣтала въ заговорахъ сила слова, терялось въ народномъ сознаніи значеніе сравненія, изъ котораго, какъ мы видѣли, возникъ самъ заговоръ. Сравненіе стало пріобрѣтать значеніе, какъ способъ выраженія мысли. Поэтому, если являлась возможность опредѣлить желаемое безъ помощи сравненія, то это послѣднее отсутствуетъ. Постепенно, съ большимъ и большимъ проникновеніемъ въ заговоръ религіознаго элемента, молитвенныхъ выраженій, заговоръ принимаетъ форму молитвы. Разница между заговоромъ и молитвой становится та, что заговоры-молитвы имѣютъ неизвѣстное происхожденіе, и употребленіе ихъ, такъ сказать, неоффиціальное. Но самое существенное различіе между ними заключается въ томъ, что молитвой *надѣются* достигнуть желаемаго, а заговоромъ *увѣрены* въ достиженіи.

При такомъ сходствѣ заговоровъ и молитвъ становится, наконецъ, возможнымъ такое ихъ смѣшеніе, что нѣкоторыя церковныя молитвы начинаютъ употребляться въ смыслѣ заговоровъ. Это можно заключить изъ того, что желаемое въ такихъ случаяхъ часто совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію молитвы.

Въ сборникѣ Романова послѣ одного заговора отъ зубной боли мы читаемъ:

„Также читается тропарь св. мчн. Антипѣ (11 апр.) при чемъ къ заключительнымъ словамъ: „да спасетъ души наши" прибавляется: „и зубы у раба Божаго". На больномъ зубѣ слѣдуетъ въ это время держать мизинецъ" [1].

Въ одномъ французскомъ заговорѣ, также отъ зубной боли, читаемъ слѣдующее:

„La personne, qui a mal aux dents, se leve à minuit, et va s'agenouiller au pied d'une épine blanche, où elle dit cinq *Pater* et cinq *Ave* en l'honneur et à l'intention des cinq plaies de Notre-Seigner Jésus-Christ.

Elle attache à l'épine un ruban qui n'a jamais servi et s'en retourne" [2].

Въ послѣднемъ примѣрѣ особенно ясно видно употребленіе молитвы въ смыслѣ заговора.

Когда было забыто основное значеніе заговора, когда вся его сила была приписана могуществу одного слова, выраженнаго при этомъ въ опредѣленной формулѣ, которую нельзя было измѣнять, естественно, возникло стараніе сохранять эти формулы въ неизмѣнномъ видѣ. Это обстоятельство послужило, съ одной стороны, къ тому, что многіе заговоры одной эпохи переходили часто въ неизмѣненномъ видѣ въ другую, весьма отдаленную эпоху, и до насъ, даже въ устной передачѣ, дошли такія формулы, кото-

---

1) Романовъ „Бѣлорус. сборникъ" V, 83, № 170.

2) „Priéres populaires en Seine-et-Marne". „Revue d. trad. pop." 1892, IV, № 1.

рыя справедливо должны быть отнесены къ весьма отдаленнымъ отъ насъ временамъ. Съ другой стороны, содержаніе заговоровъ не осмысливалось, а заучивалось механически, поэтому всякое недослышанное слово искажалось и въ такомъ видѣ передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, способствуя искаженію другихъ словъ, связанныхъ съ нимъ, и въ концѣ концовъ получалось то, что обыкновенно носитъ названіе „тарабарской формулы", состоящей изъ набора словъ, лишенныхъ всякаго смысла. Наибольшимъ источникомъ такихъ тарабарскихъ формулъ служили, конечно, заклинанія другихъ народовъ. Заимствуя заклинательныя формулы на чужомъ языкѣ, ихъ часто не переводили на свой, такъ какъ переводъ не имѣлъ никакого raison d'être, будучи уже самъ по себѣ измѣненіемъ формулы. „Отсюда слова и имена, имѣвшія въ свое время опредѣленное значеніе (этимологическое, легендарное или символическое), потомъ въ другой средѣ его утратили или же были осмысливаемы въ примѣненіи къ другому языку" [1]). Многія непонятныя слова въ русскихъ заговорахъ весьма напоминаютъ слова восточныхъ языковъ—еврейскаго, ассирійскаго; но можно себѣ представить, что сдѣлалось съ ассирійской или халдейской формулой, заимствованной евреями, переданной затѣмъ грекамъ, и унаслѣдованной, наконецъ, однимъ изъ современныхъ европейскихъ народовъ. Вотъ два примѣра такихъ тарабарскихъ формулъ.

Часть апокрифической молитвы св. Кипріана, заключающейся въ рукописяхъ Соловецкой библіотеки, читается такъ: „...Аще ли есть написано во седмидесятихъ и двою языкъ да разрѣшено будетъ, понеже азъ раздрѣшихъ и раздрѣшаю, прогнахъ и прогоняю, такалоусапоусь (въ друг. спискѣ: такоулȣсапȣсь) мароусалоукъ (въ др. сп: мараȣсалȣкъ) милоуре: мираханань (въ др. сп: михрананъ) прогнахъ и еще прогоняю, имена тахия сисахия елизоу (въ др. сп: елизвȣ). идаилъ..." [2]).

Въ древней заклинательной табличкѣ, найденной близъ Кумъ, одно мѣсто читается такъ:

„ερηκισθαρηδρδραραχαραραηθθις
ιαωιαβεζεβυθλαναβισαφλαν
εκτιπαμμουποφδηντιναζο" [3]).

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и возможны догадки о происхожденіи и смыслѣ такихъ загадочныхъ словъ—ὀνόματα ἄσημα, какъ называли ихъ еще въ древности,—то въ громадномъ большинствѣ случаевъ раскрыть ихъ смыслъ невозможно. „Магическія реченія, говоритъ Помяловскій, встрѣчаю-

---

[1]) Соколовъ. „Новый матеріалъ..." Стр. 187.

[2]) Порфирьевъ „Апокриф. молитвы по рукописямъ Соловецк. библ." „Труды IV Арх. съѣзда". Стр. 17.

[3]) Помяловскій „Эпиграфич. этюды". Стр. 151.

щіяся какъ въ эпиграфикѣ, такъ и въ литературѣ, уклоняются отъ всякой возможности пониманія; одно можно сказать объ нихъ положительно: они, если не всѣмъ своимъ происхожденіемъ обязаны Востоку, то все же должны носить на себѣ несомнѣнные слѣды его вліянія“ [1]).

Заговорныя формулы дѣйствительны не только тогда, когда ихъ произносятъ, но также и тогда, когда онѣ, будучи написаны, носятся человѣкомъ съ собою. Отсюда многочисленные списки заговоровъ, которые носятся зашитыми въ ладонкахъ или въ одеждѣ. Очевидно, что амулеты съ различными магическими надписями имѣютъ то же происхожденіе. Существуетъ даже у нѣкоторыхъ знахарей пріемъ, по которому онъ не шепчетъ надъ больнымъ заговора, а даетъ ему списокъ его для ношенія, пока болѣзнь не прекратится, послѣ чего списокъ или снова возвращается знахарю, или уничтожается. Обыкновенно, знахарь, вручая своему паціенту такую бумажку, беретъ съ него торжественную клятву въ томъ, что послѣдній не будетъ читать написаннаго. Кажется, что чаще всего подобные списки употребляются отъ лихорадки; но вообще этотъ пріемъ примѣнимъ и въ другихъ случаяхъ. У одного пойманнаго конокрада былъ найденъ списокъ заговора, имѣвшаго цѣлью помогать при конокрадствѣ“ [2]). Вмѣсто ношенія списковъ заговоровъ противъ болѣзней ихъ иногда предписываютъ съѣдать. Такъ нѣмцы-колонисты Камышинскаго уѣзда лѣчатъ „билетиками“ отъ бѣшенства и лихорадки, давая ихъ съѣдать больному. На такихъ билетикахъ пишется: „Was, Das, Emas“, Bel, Bore, Nasel, Kazel“ и т. п. [3]). Въ другихъ случаяхъ заговоры пишутся на коркахъ хлѣба или сыра, которыя даютъ съѣсть больному [4]). Любопытны предохранительные заговоры отъ всякаго рода несчастій. Для этой цѣли надъ дверями и окнами дома пишутъ: „Меня (насъ) нѣтъ дома“ [5]). Намъ приходилось видѣть написанными на тѣхъ же мѣстахъ слѣдующія слова: „Дома нѣтъ, приходи вчера“. Въ такихъ заговорахъ, намъ кажется, потеряна всякая связь съ основной формой какъ со стороны внѣшней, такъ со стороны внутренней—со стороны смысла.

Мы должны теперь перейти къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, касающихся заговоровъ—къ вопросу о классификаціи ихъ. При томъ громадномъ количествѣ матеріала, который представляютъ изъ себя заговоры, естественно стремленіе собирателей и изслѣдователей раздѣлить его на группы. Понятна въ научномъ отношеніи важность классификаціи заговоровъ, какъ и всякаго матеріала, подлежащаго научному изслѣдованію. Но дѣленіе

[1]) Ibid. Стр. 153.

[2]) Якушкинъ „О вліяніи религ. вѣров. на юрид. обычаи“. „Этн. Обозр.“ 1891, II, 9.

[3]) Минхъ „Народн. обычаи и пр. крестьянъ Саратов. г.“ Стр. 52.

[4]) Lubicz „Dwa zamawiania starożytne“. „Wisła“. 1891, III, 570.

[5]) Селивановъ „Этногр. очерки Воронеж. губ.“. „Воронеж. Юбилейн. Сборн.“ Стр. 94.

только тогда полезно и желательно, когда въ его основаніи лежитъ существенный признакъ, въ противномъ же случаѣ дѣленіе является не только не желательнымъ, но даже вреднымъ, раздѣляя одинаковое и соединяя различное. Въ сборникѣ Романова всѣ заговоры раздѣлены на два большихъ отдѣла: *заклинанія* и *заговоры* [1]), причемъ послѣдніе дѣлятся на заговоры отъ болѣзней человѣка и отъ болѣзней животныхъ, въ то время какъ къ первымъ относятся заговоры на всѣ остальные случаи жизни: отъ домового, вѣдьмы, глаза, любовные, отъ волковъ, охотничьи, при пожарѣ и т. д. На чемъ основано такое дѣленіе? Оба термина—и *заклинаніе*, или *заклятіе*, и *заговоръ*—народные. Намъ кажется, что оба они, по народному понятію, должны выражать одно и то же: роль *слова* въ формулахъ, обозначаемыхъ ими; только слово *заклятіе* по связи со словомъ *проклятіе* имѣетъ, такъ сказать, сугубое значеніе, поэтому мы чаще всего встрѣчаемъ этотъ терминъ при заговорахъ отъ бѣсовъ, лѣшихъ, вѣдьмъ; вообще же говоря, между обоими этими терминами не предполагается различія, и одна и та же формула называется часто и заговоромъ и заклинаніемъ. Кажется, что приведенное различіе и послужило составителю указаннаго сборника основаніемъ для дѣленія матеріала на заклинанія и заговоры, и поэтому онъ долженъ былъ къ первымъ отнести и заговоры отъ болѣзней, которыя, въ глазахъ народа, несомнѣнно происходятъ отъ бѣсовскаго дѣйствія, таковы падучая, бѣснованіе, сумасшествіе и т. п. Афанасьевъ въ своей книгѣ: „Поэтическія воззрѣнія...“ употребляетъ слово *заговоръ* и *заклинаніе* безразлично. Майковъ озаглавилъ свой сборникъ заговоровъ: „Великорусскія заклинанія“ на томъ же основаніи, на какомъ онъ могъ бы озаглавить его: „Великорусскіе заговоры“.

При помощи заклинательныхъ формулъ человѣкъ можетъ, съ одной стороны, отвратить отъ себя зло, а съ другой — наслать его на другого. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ заговоры называются *наговорами*. Однако на этомъ основаніи нельзя проводить рѣзкаго различія между заговоромъ и наговоромъ, какъ это дѣлаетъ Помяловскій. Указанное различіе не составляетъ существеннаго признака въ понятіи о заговорѣ вообще, цѣль котораго есть исполненіе желанія *вообще*. Нѣтъ никакого основанія отдѣлять отъ заговора и наговора *привороть*, или заговоръ для привлеченія любви, какъ это дѣлаетъ Помяловскій [2]). Привороть есть видовое понятіе по отношенію къ заговору и наговору.

Иващенко представилъ классификацію шептаній въ статьѣ, на которую мы уже указывали нѣсколько разъ; но такъ какъ это дѣленіе основано на слишкомъ маломъ матеріалѣ, то мы на немъ останавливаться не будемъ,

[1]) Романовъ „Бѣлорус. сб.“ V, стр. XI.
[2]) Помяловскій „Эпиграф. эт.“. Стр. 51.

замѣтимъ только, что основаніемъ для его дѣленія служатъ такіе признаки, какъ: извѣстна ли или неизвѣстна причина болѣзни, которую заговариваютъ. Отсюда заговоры отъ „переполоху“, „бишихи“, „зубів“, „жовтяниць“ и др. различаются отъ заговоровъ „одъ більма“, „гадюки“, „червы“, и т. п. Всякій, мало-мальски знакомый съ заговорною литературой, скажетъ, что это различіе совершенно ничтожно, и, кромѣ того, это признакъ трудно уловимый, что можно видѣть въ группировкѣ заговоровъ сборника самого автора.

Въ одномъ изъ засѣданій „Нео-Филологическаго общества“ [1]) А. Ѳ. Браунъ сдѣлалъ докладъ о заговорахъ и, между прочимъ, установилъ такое дѣленіе ихъ: 1) Первоначальные тексты молитвъ, обращенныхъ въ заклинанія; 2) заговоры книжнаго происхожденія, которые распадаются на двѣ категоріи: а) изреченія изъ Священнаго Писанія, б) наборъ словъ или точнѣе—членораздѣльныхъ звуковъ безъ значенія; 3) заговоры народные. Первая группа приведеннаго нами дѣленія, какъ видимъ, зависитъ отъ господствующаго взгляда на заговоръ, какъ на остатокъ языческой молитвы, что, какъ мы выше старались поважать, невѣрно. Эти заговоры тѣ же, что и обозначенные въ третьемъ пунктѣ, только подвергшіеся вліянію религіозныхъ воззрѣній. Относительно второй группы, какъ справедливо было замѣчено докладчику, должно сказать, что нѣтъ никакой возможности разграничивать заговоры книжные отъ народныхъ. Это тѣ же народные заговоры, только созданные подъ книжнымъ вліяніемъ, какъ заговоры, первой группы подъ вліяніемъ религіознымъ. Самъ докладчикъ отказался отъ принятаго имъ дѣленія, указавши, что онъ принялъ его только лишь въ видахъ удобства изложенія, и заключилъ, что вопросъ объ индо-европейскихъ заклинаніяхъ еще мало разработанъ, и въ настоящее время нельзя указать на какіе-либо принципы, которые послужили бы для научной классификаціи заговоровъ.

То же самое должно сказать и относительно другихъ группировокъ заговоровъ, подобныхъ предыдущей. Такъ Amman дѣлитъ заговоры также на три группы: 1) Heilsprüche, 2) Beschwörungs-oder Zauberformeln, 3) Kirchlische Segen und Gebete.

Если мы обратимся къ самимъ заговорамъ, если мы разсмотримъ ихъ форму, то, какъ мы уже это видѣли, всѣ заговоры восходятъ къ той основной формѣ, которая установлена Потебней, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ они одинаково ее измѣняли, такъ что едва ли мы ошибемся, если, позволимъ себѣ сдѣлать заключеніе, что дѣлить заговоры по формѣ нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, содержаніе заговоровъ такъ однообразно, что прилаживается легко къ какому угодно случаю жизни, и между

---

[1]) „Записки Нео-Филологич. общ.“ № 2, стр. 10.

двумя заговорами часто то лишь бываетъ различіе, что у нихъ различныя явленія желанныя. Поэтому мы думаемъ, что всякая группировка заговоровъ должна быть болѣе или менѣе искусственной и можетъ быть допущена лишь въ виду удобства изложенія матеріала и его изученія. Изъ такихъ группировокъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время самая лучшая та, по которой распредѣлены заговоры въ сборникѣ Майкова.

Мы уже приводили въ самомъ началѣ нашей работы мнѣніе Аѳанасьева, по которому „въ самую раннюю эпоху слово, какъ выраженіе духовныхъ стремленій человѣка, какъ хранилище его наблюденій и познаній о силахъ обоготворенной природы и какъ средство для сообщенія съ богами, рѣзко отдѣлилось отъ ежедневнаго обиходнаго разговора эпическимъ тономъ и стихотворнымъ размѣромъ. Священное значеніе рѣчи, обращенной къ божеству или повѣдающей его волю, требовало выраженія торжественнаго, стройнаго; сверхъ того, всѣ народы на первоначальныхъ ступеняхъ любятъ пѣсенный складъ, который звучнѣе, пріятнѣе говоритъ уху и легче запечатлѣвается въ памяти. Первыя молитвы народа были и первыми пѣснопѣніями; онѣ являлись плодомъ того сильнаго одушевленія, какое условливалось и близостью человѣка къ природѣ, и воззрѣніемъ на нее, какъ на существо живое, и яркостью первичныхъ впечатлѣній ума, и творческою силою древнѣйшаго языка, обозначавшаго все въ пластичныхъ, живописующихъ образахъ. Отъ священныхъ гимновъ Ведъ вѣетъ истиннымъ, неподдѣльнымъ духомъ поэзіи; заговоры наши также исполнены мастерскими описаніями природы; въ нихъ замѣчается метръ и подчасъ народная риѳма“ [1]). Мы уже указывали выше на идиллическій взглядъ автора на первобытнаго человѣка [2]), выраженный въ этихъ строкахъ. Мы замѣтимъ теперь, что изъ этого же мѣста можно заключить, что Аѳанасьевъ приписываетъ заговору въ моментъ его возникновенія такія свойства, какими онъ не обладалъ. Мы думаемъ, что въ первое время заговоръ создавался для какого угодно случая всякимъ лицомъ. Если тому же самому лицу случалась надобность въ заговорѣ вторично для той же самой цѣли, то оно могло создавать новый заговоръ. Въ виду этого трудно допустить, чтобы первобытные заговоры отличались и пѣсеннымъ складомъ, и метромъ, и даже риѳмой [3]). Когда же

---

[1]) Аѳанасьевъ „Поэтич. возвр.“ I, 412.

[2]) При этой идеализаціи первобытнаго человѣка невольно вспоминаются дѣйствительныя наблюденія надъ поэзіей современныхъ дикарей. Примѣромъ можетъ служить пѣсня и способъ пѣнія лопаря, описанные Максимовымъ (М. Е. Халанскій „Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ“. I, 169—170).

[3]) Можетъ быть, мнѣніе Аѳанасьева основано на слѣдующихъ словахъ Гримма: „Но торжественно-сложенные слова, чтобы могли имѣть силу, необходимо должны быть связаны съ пѣсней и напѣвомъ; поэтому вся сила рѣчи, которой пользуется жрецъ, лѣкарь и колдунъ, тѣсно связана съ формой поэзіи. Grimm „D. Myth.“ 1173.

вся сила заговора была приписана силѣ слова и сопутствующимъ его обрядамъ, тогда требовались „точность произнесенія заговора и точное соблюденіе всѣхъ и малѣйшихъ подробностей обряда. Подобной же точности, при количествѣ тѣхъ и другихъ, уже нельзя было ожидать отъ всѣхъ и каждаго. Подобная точность все болѣе и болѣе становилась дѣломъ особаго знанія и вѣдѣнія, она же давалась не такъ-то легко, только людямъ съ особыми способностями и призваніемъ, получившими названіе вѣдуновъ и знахарей" [1]). Въ это время, намъ кажется, стали образовываться въ заговорахъ общія формулы, общія мѣста, и заговоры стали, такъ сказать, отдѣлываться въ форму, свойственную всѣмъ эпическимъ произведеніямъ; тогда-то сталъ заговоръ принимать форму мѣрной рѣчи, и стала, наконецъ, проникать въ него риѳма, вообще мало свойственная народнымъ произведеніямъ. Намъ кажется, что послѣднія два обстоятельства должны были служить къ измѣненію содержанія. Желаніе привести къ метру и риѳмѣ служило часто къ искаженію словъ, замѣнѣ однихъ другими и т. п. Въ одномъ заговорѣ, напр., черный попъ взмахиваетъ болѣзни „съ костей, съ моздей (мозговъ?) съ ясныхъ очей, съ высокихъ бровей и со тридевяти суставей" [2]). „Риѳма, говоритъ Крушевскій, вообще имѣетъ разрушительное вліяніе на смыслъ заговора" [3]). Въ виду вышеизложеннаго, мы думаемъ, что заговоры въ стихотворной формѣ вообще новѣе заговоровъ прозаическихъ. То обстоятельство, что нѣкоторые изъ первыхъ сохраняютъ иногда черты болѣе древныхъ воззрѣній, намъ кажется, не можетъ служить доказательствомъ вообще большой древности стихотворныхъ заговоровъ—чаровническихъ пѣсенъ, какъ называетъ ихъ Э. Вольтеръ. Послѣднія соображенія мы приводимъ имѣя въ виду слѣдующее мнѣніе Э. Вольтера: „Нашептыванія при родахъ, обнародованныя г. Трейландомъ, имѣютъ прозаическую форму. Чаровническая пѣсня—болѣе древнее произведеніе народнаго творчества. Въ наговорахъ Трейланда часто призывается Святая Марія, заступающая мѣсто языческой богини Лаймы" [4]).

Въ приведенной немного выше выпискѣ изъ Аѳанасьева, указана параллель между заговорами и ведаическими гимнами. Въ другомъ мѣстѣ по этому по этому поводу онъ говоритъ такъ: „Кто приступитъ къ изученію заговоровъ сравнительно съ ведаическими гимнами, того непремѣнно поразитъ замѣчательное согласіе въ представленіяхъ, допускаемыхъ тѣми и другими. Различіе только въ томъ, что въ гимнахъ Ведъ представленія эти не утратили еще ни своей ясности, ни взаимной связи; а въ заговорахъ

[1]) Ор. Миллеръ. „Опытъ". Стр. 68.
[2]) Майковъ. № 218.
[3]) Крушевскій. Стр. 47.
[4]) Э. Вольтеръ. „Матеріалы для этн. лат. пл." I, 133.

смыслъ ихъ уже окончательно затерянъ для народа“ [1]). Такъ ли это? Мы слишкомъ мало знакомы съ Ведами, чтобы рѣшиться высказать что-нибудь опредѣленное; замѣтимъ только, что въ вопросахъ, подобныхъ настоящему, понятіе о древности относительное. Чтобы приведенное мнѣніе Аѳанасьева было справедливо, необходимо доказать, что заговорныя формулы Ведъ по формѣ и содержанію относительно древнѣе тѣхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло.

Близко къ заговорамъ подходятъ другія словесныя выраженія: простыя пожеланія, ругательства, проклятія и клятвы. Всѣ эти выраженія, какъ и заговоръ, предполагаютъ вѣру въ силу человѣческаго слова; но есть и существенное отличіе ихъ отъ заговора: они не предполагаютъ вѣры въ силу сравненія. Если они и пользуются сравненіемъ, заключая его въ своей формѣ, то сравненіе для нихъ есть только способъ выраженія мысли. Основная ихъ форма не предполагаетъ непремѣнно словеснаго выраженія сравненія, какъ заговоръ, а предполагаетъ только словесное выраженіе пожеланія. На этомъ и основано опредѣленіе заговора Потебни въ отличіе отъ опредѣленія Крушевскаго. Извѣстны пожеланія, какъ: „Дай, Богъ!“ „Помогай, Боже!“ и т. п.; но вотъ пожеланіе, которое напоминаетъ заговоръ. Въ Малороссіи, когда пьютъ вино на крестинахъ или вообще за здоровье ребенка, то остатокъ вина въ рюмкѣ выплескиваютъ на потолокъ и говорятъ: „Дай, Боже, щоб ріс такий великий!“ [2]).

Не всякое сравненіе, какъ мы уже говорили, есть заговоръ. Между тѣмъ нѣкоторые изслѣдователи склонны относить къ заговорамъ и пожеланія, и клятвы, и т. п., лишь бы онѣ только заключали въ себѣ сравненіе. Профессоръ Владиміровъ въ своей книгѣ: „Введеніе въ исторію русской словесности“ приводитъ слѣдующія мѣста изъ извѣстныхъ договоровъ Игоря и Святослава съ греками: 1) а елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, *да не ущитятся щиты своими*, и да посѣчены будутъ мечи своими, и отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего и да будуть раби и въ сий викъ и въ будущій“; 2) „да имѣемъ клятву отъ бога, въ неже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, бога скотья, *да будемъ золоти, якоже золото се*, и своимъ оружьемъ да посѣчени будемъ, да умремъ“.— „Два тавтологическихъ выраженія, продолжаетъ проф. Владиміровъ,—„да не ущитятся щиты своими“ и „да будемъ золотѣ, якоже золото се“, свойственныя русской и славянской народной поэзіи, относятся къ языческимъ клятвамъ въ договорахъ. Эти выраженія, связанныя съ вѣрой въ языческихъ боговъ, съ клятвами надъ оружіемъ, несомнѣнно и относятся къ числу лю-

[1]) Аѳанасьевъ. I, 44.

[2]) Можетъ быть плесканье вверхъ, производимое при этомъ пожеланіи и выражающее только сравненіе, выродилось изъ того плесканія, которое и теперь употребляется на свадьбахъ, и есть слѣдствіе древняго поклоненія солнцу. (Н. Ѳ. Сумцовъ. „О свадебныхъ обрядахъ...“ Стр. 150).

бопытнѣйшихъ древнѣйшихъ заклинаній-заговоровъ“ [1]). Мы думаемъ, что эти выраженія никоимъ образомъ не могутъ быть названы заговорными, а первое изъ нихъ даже ничуть и не напоминаетъ заговора. Если каждое сравненіе считать за заговоръ, то мы должны будемъ назвать заговоромъ и такое выраженіе изъ извѣстной церковной молитвы, какъ: „Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою“. Даже Аѳанасьевъ, который былъ склоненъ многое смѣшивать съ заговоромъ, приводя тѣ же самыя клятвы отдѣляетъ ихъ отъ заговоровъ [2]).

Подобно предыдущему, мы не можемъ согласиться съ изслѣдователями относительно еще одного мѣста древне-русскихъ памятниковъ. Мы говоримъ о «Плачѣ Ярославны». Вотъ что говоритъ по этому поводу Аѳанасьевъ: „Поэтическія обращенія Ярославны къ солнцу, вѣтрамъ и Днѣпру представляютъ прекрасный примѣръ стариннаго заклятья“ [3]).—„Наша старина, говоритъ Буслаевъ, сохранила и цѣлое поэтическое произведеніе, имѣющее содержаніемъ заклятіе. Я разумѣю извѣстную пѣсню Ярославны въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, состоящую изъ заговоровъ на оружіе, на солнце, вѣтеръ, и рѣку“ [4]). Намъ кажется, что ни самыя слова Ярославны, ни контекстъ не даютъ возможности видѣть здѣсь заговоръ. Проф. Владиміровъ ограничивается только указаніемъ на сходство поэтическихъ обращеній къ стихіямъ и небеснымъ свѣтиламъ въ заговорахъ и въ „Плачѣ Ярославны“ [5]). Лучшіе комментаторы „Слова“—Потебня и Огоновскій ничего не говорятъ о сходствѣ „Плача“ съ заговоромъ. Они, очевидно, его не видятъ. Для насъ особенно важно сослаться въ данномъ случаѣ на Потебню, который писалъ свои комментаріи къ „Слову“ послѣ статьи: „Малорусская пѣсня по списку XVI в.“, гдѣ выражены его взгляды на заговоръ.

Какая страшная сила приписывается заговорамъ и различнымъ магическимъ дѣйствіямъ мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Леббокъ разсказываетъ объ одномъ магическомъ дѣйствіи, которое зовется „вакадранико“. Оно состоитъ въ томъ, что особые магическіе листья завертываютъ въ другіе листья или вкладываютъ въ бамбукъ и зарываютъ въ саду человѣка, котораго хотятъ околдовать. „Туземное воображеніе, продолжаетъ Леббокъ, до такой степени безусловно подъ контролемъ страха этихъ чаръ, что люди, узнавъ, что они были предметомъ подобныхъ чаръ, ложились на землю и умирали со страха“ [6]).

1) Владиміровъ. „Введеніе ..“ Стр. 124.
2) Аѳанасьевъ I, 431.
3) Аѳанасьевъ. I,
4) Буслаевъ. „Ист. очерки рус. народн. сл. и искус.“ Т. I, 35.
5) Владиміровъ. „Введеніе...“ Стр. 126.
6) Леббокъ. „Начало цивилизаціи“. Стр. 109.

Въ 1767 г. нѣкій Петръ Малютинъ, подканцеляристъ, дѣлалъ съ чародѣйскихъ писемъ наговоры на пряники и яблоки и давалъ ихъ ееть двумъ дѣвицамъ для совращенія ихъ въ блудъ и самъ ѣлъ. Такъ какъ дѣвицы ничего не знали, то на нихъ, конечно, наговоры не производили никакого дѣйствія, а самъ Малютинъ такую „великую тоску имѣлъ", что самъ донесъ на себя суду и былъ наказанъ продолжительнымъ заключеніемъ въ монастырѣ [1]).

Въ концѣ небольшого сборника заговоровъ, напечатаннаго г. Ивановымъ въ „Кіевской Старинѣ", читаемъ слѣдующее: „Было бы въ высшей степени интересно и важно приведенные мною и существующіе въ печатныхъ сборникахъ заговоры и нашептыванія сличить и со стороны содержанія и со стороны языка съ тѣми, которые въ огромной массѣ находятся въ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Выводъ отъ такого сличенія былъ бы, кажется, крайне неутѣшительный. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что собственно народъ нашъ въ этомъ отношеніи не подвинулся ни на шагъ впередъ. Тотъ же глубокій мракъ облегаетъ его теперь, какъ и сто, двѣсти и болѣе лѣтъ назадъ" [2]). Пессимистическій взглядъ, выраженный въ послѣднихъ строкахъ, намъ кажется совершенно неумѣстнымъ. Всякому извѣстно, что не только за столь большой промежутокъ времени, какъ сто, двѣсти лѣтъ, а даже за послѣдніе тридцать пять лѣтъ, т. е. со времени эмансипаціи, нашъ простой народъ подвинулся впередъ далеко, и хотя, конечно, остается желать еще многаго, тѣмъ не менѣе прогрессъ его замѣтенъ даже для поверхностнаго наблюдателя, стоящаго часто отъ него вдали, тѣмъ лучше это видятъ люди, приходящіе въ общеніе съ нашимъ простонародьемъ. То, что нашъ простой народъ продолжаетъ вѣрить въ колдовство и заговоры, еще ничего не доказываетъ. Нѣмецкій и французскій простолюдинъ, который по своему развитію стоитъ, несомнѣнно, выше нашего, также не свободенъ отъ этого грѣха. „Между весьма распространенными суевѣріями Böhmerwald'a, пишетъ Amman, еще до сихъ поръ находятъ большое употребленіе молитвенныя формулы отъ разныхъ болѣзней людей и животныхъ. Употребленіе молитвенныхъ формулъ еще до сихъ поръ со стороны народа почти *повсемѣстно*" [3]). Во Франціи беарнскій крестьянинъ суевѣренъ не менѣе нашего, судя по замѣткѣ Bourchenin'a [4]). Это явленіе зависиситъ отъ живучести народныхъ воззрѣній, и пройдетъ можетъ быть не одна сотня лѣтъ, и тогда этнографъ и историкъ культуры найдетъ остатки заговоровъ въ видѣ культурныхъ переживаній.

---

[1]) А. С. Лебедевъ. „О борьбѣ духовн. властей съ суевѣріями". „Кіев. Стар." 1890, I, 11.

[2]) П. В. Ивановъ. „Знахарство, шептанія и заговоры въ Староб. и Купян. у., Харьк. губ." „Кіевск. Стар." 1885, XII, 743.

[3]) Amman. „Volkssegen aus dem Böhm". „Zeitschr d. v. f. Folkskunde". 1891, II, 197.

[4]) Bourchenin „Croyances et superstitions béarnaises". „Revue de trad. pop." 1889, VII, 394.

Даже сами заговоры, будучи сличены между собою и не въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ это предлагаетъ сдѣлать г. Ивановъ, даютъ возможность видѣть измѣненіе народнаго взгляда на этотъ предметъ въ постепенномъ переходѣ заговора въ молитву. Мы можемъ изъ этого заключить, что въ народномъ сознаніи заговоръ все болѣе и болѣе теряетъ свой авторитетъ. Еще лучшимъ свидѣтельствомъ этого могутъ служить шуточныя пародіи заговора, которыя находятся въ обращеніи у народа. Это уже, такъ сказать, профанація заговора, скептическое отношеніе къ могуществу слова. Вотъ подобный заговоръ отъ зубной боли:

„Шутникъ говоритъ каждую строчку, а больной повторяетъ:

„Стоить гора,
А на горѣ дубъ,
А подъ дубомъ вовкъ.
Якъ той вовкъ скуглить,
Щобъ я такъ рабъ Божій..,
Изъ зубами скугливъ“ [1]).

Намъ извѣстенъ слѣдующій шуточный заговоръ отъ боли въ желудкѣ у женщины:

„Шепоту, шепоту
По бабиному животу,
А з бабиного живота
Та на дідови ворота,
А з дідових воріт
Та знов на бабин живіт“.

Такъ говоритъ шутникъ, вызвавшійся полечить. У г. Иванова въ указанномъ сборникѣ, на ряду съ другими заговорами отъ „завины“ (боли въ желудкѣ) приводится этотъ же самый заговоръ, только составитель сборника напрасно считаетъ этотъ заговоръ серьезнымъ заговоромъ [2]).

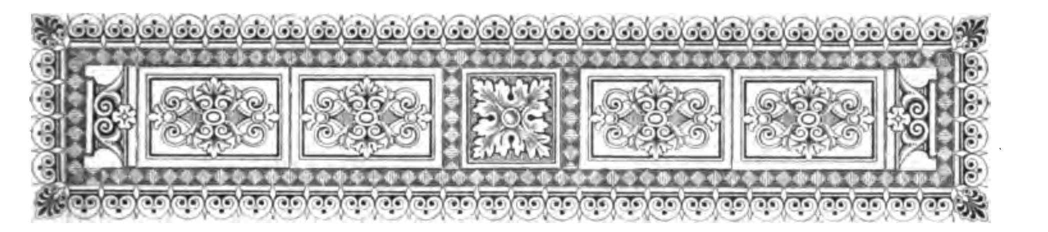
Къ заговорамъ, подобнымъ вышеприведеннымъ, принадлежитъ и слѣдующій польскій заговоръ отъ рожи:

W Imię Ojca itd
Ojze nasz itd.
Zdrowaś Maryjio itd.
Nie ja lekarz.
Pan Bóg lekarz.
Ciebie boli, ty wyrzekasz.
Od obory do stodoly,
Iak bolało, tak i boli;
Od wiezej, do wierzej,
Co ma być lepiej,
To ci gorzej.
Czy pomoże, czy nie pomoże,
Zapłać, nieboże.
W Imię, Ojca itd.
Zdrowaś Maryja itd [3]).

Ѳ. Ю. Зелинскій.

---

[1]) Гавриловъ. „Сб. Х. И. Ф. О.“. IV, 283.
[2]) Ивановъ „Кіев. Ст.“ 1885, XII, 743.
[3]) „Wisła“ 1896, III, 705.



Пѣсни о Травинѣ.

Великорусскія разбойничьи пѣсни нашли прекраснаго изслѣдователя въ лицѣ покойнаго профессора Н. Я. Аристова (его обширное изслѣдованіе на эту тему напечатано въ Филолог. Запискахъ 1874 и 1875 г.). Что же касается до малорусскихъ разбойничьихъ пѣсенъ, то онѣ не привлекли вниманія ученыхъ, разбросаны въ разныхъ сборникахъ, подъ разными заголовками, и мы не можемъ указать обстоятельныхъ статей на эту тему. Между тѣмъ собранъ уже значительный, можно сказать, даже богатый матеріалъ въ Кіевской Старинѣ, въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, Новицкаго, Поповскаго, Руликовскаго и др. Пѣсни эти большей частью идутъ подъ названіемъ гайдамацкихъ или разбросаны среди пѣсенъ историческихъ, думокъ (у Кольберга) и даже бытовыхъ пѣсенъ (у Чубинскаго). Если бы сдѣлать сводъ пѣсенъ этого рода, то, на мой взглядъ, во главѣ темныхъ украинскихъ разбойныхъ рыцарей нужно поставить Гнатку Голаго (думы о Нечаѣ), затѣмъ пойдутъ Кармелюкъ, Гавриленко, Недуменко, Джерменко и др. пѣсенные представители разбойнаго дѣла.

Если далѣе сравнить малорусскія разбойничьи пѣсни съ великорусскими (въ сборникахъ Мордовцева, Якушкина, М. Соколова и др.), то, по всей вѣроятности, удастся опредѣлить характерныя и своеобразныя черты малорусскихъ гайдамацкихъ и галицко-русскихъ опрышковыхъ пѣсенъ.

Такой планъ предлагаемъ для любителей малорусской этнографіи, въ увѣренности, что при добромъ желаніи этотъ планъ будетъ расширенъ и улучшенъ.

Не принимая на себя теперь этой интересной работы и не разсчитывая заняться ею въ ближайшемъ будущемъ, мы въ настоящей статейкѣ остановимся лишь на одномъ мало извѣстномъ малорусскомъ разбойномъ дѣя-

телѣ—Травинѣ. Пѣсни о немъ записаны въ Кіевской и въ Харьковской губерніяхъ. Въ V т. *Чубинскаго* (стр. 1027). приведена слѣдующая пѣсня (приводимъ цѣликомъ):

Ой пишовъ же Травинъ
У степъ косить самъ-одинъ.
  Бида-горе Травину
  На чужини одному [1]).
Косить день, косить два
Та й на табунъ погляда.
Якъ загнавъ же Травинъ
Стадо коней самъ одинъ
Якъ пригнавъ же Травинъ
Въ Ротмистровку самъ одинъ.
Якъ продавъ же Травинъ
Стадо коней самъ одинъ.
Якъ узявъ же Травинъ
Сорокъ тысячъ самъ одинъ
Десь узялыся паны
Та Травина завъязалы,
Та въ кайданы закулы,
Та въ Черкасы завелы,
Та въ салдаты оддалы.

Варіантъ этой пѣсни напечатанъ г. Новицкимъ въ *87 № „Кіевскихъ Губерн. Вѣдомостей“ 1867 г.* „Родывся Травынъ сынъ на чужбинѣ самъ одинъ“. Онъ имѣлъ «стадовья», продалъ ихъ на базарѣ и получилъ много золота и серебра. Травинъ сталъ громко звать своего брата. Его поймали, связали и посадили въ тюрьму. Неожиданно явилась дѣвушка съ черными глазами и серебряными ключами. Она выпустила заключенныхъ въ тюрьмѣ, а Травина вывела за руку на улицу.

Въ 8 т. *Харьковскаго Сборника* 1894 г., стр. 145 напечатанъ недавно записанный въ Харьковской губерніи варіантъ, весьма сходный съ варіантомъ Чубинскаго. „Уродывся Травынъ...“ и сталъ думать, какъ ему жить на свѣтѣ. Онъ пошелъ въ чистое поле, поднялся на могилу, увидѣлъ табунъ коней, загналъ его и продалъ на ярмаркѣ за 8000 р. Конецъ такой:

И зачавъ Травынъ
Думу думать самъ одынъ:
И якъ мини Травыну
Прожить казну одному?

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Та й узявъ пятачекъ,
Та й пишовъ въ кабачекъ.

Пѣсни о Травинѣ заимствованы малоруссами у великороссовъ, что обнаруживается во 1) въ странной совсѣмъ несвойственной малорусской народной поэзіи общей формѣ пѣсни, во 2) въ великорусскомъ имени героя Травинъ вмѣсто обычныхъ въ малорусскихъ пѣсняхъ именъ на ко, юкъ, ай и др. т. п., въ 3) въ присутствіи такихъ словъ, какъ „стадовья“, „казна“, „кабачекъ“, „самъ-одынъ“ и въ 4) въ томъ обстоятельствѣ, что имя героя Травинъ въ формѣ Травникъ встрѣчается въ великорусской пѣснѣ.

Самый фактъ перехода великорусской разбойничьей пѣсни въ Малороссію не представляетъ ничего характернаго или исключительнаго. Въ сборникѣ *Поповскаго* въ VIII т. Zbór Wiadomości мы находимъ разбойничью пѣсню „Мене батько сгодовавъ“, варіантъ широко-распространенныхъ великорусскихъ пѣсенъ о мужѣ разбойникѣ. Драгомановъ указалъ на отраженіе великорусскихъ пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ въ малорусской народной поэзіи (казакъ Гарасимъ) [1]). Если мы остановились на малорусскихъ пѣсняхъ о Травинѣ, то потому, что великорусскій варіантъ ихъ оказывается весьма интереснымъ по времени записи и первоначальному изданію въ сборникѣ Кирши Данилова. По словамъ Калайдовича, сборникъ „старинныхъ россійскихъ стихотвореній“ былъ составленъ Киршей Даниловымъ и списанъ для Прокофія Демидова въ половинѣ прошлаго вѣка (П. Демидовъ 1710—1786). Происхожденіе этого замѣчательнаго сборника неизвѣстно въ точности (см. ст. г. Шеффера, въ 1 кн. Извѣстій отд. рус. яз. И. Акад. Наукъ 1897, стр. 47).

1. А и дѣялося къ веснѣ
2. На старой на Канакжѣ—
3. Ставилъ Потанька плужокъ
4. Подъ окошко къ себѣ на лужокъ.
5. Отъ моря то синяго,
6. Изъ за горъ высокихъ,
7. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго.
8. Вылеталъ молодой Травникъ,
9. Прилеталъ молодой Травникъ,
10. Молодой зуй болотничекъ.
11. А садился Травникъ на лужокъ,
12. А травку пощипываетъ,
13. По лужку похаживаетъ
14. Ходючи Травникъ по лужку
15. Да попалъ Травникъ во плужокъ
16. Своей лѣвой ноженькой,
17. Онъ правымъ крылышкомъ,
18. Да мизиннымъ перстичкомъ.
19. А и пикъ, пикъ, пикъ Травникъ—
20. Сидючи Травникъ на лужку,
21. На лужку, Травникъ, во плужку.
22. Едва Травникъ вырвался,
23. Взвился Травникъ высоко,

[1]) Предположеніе Аристова объ отраженіи Пугачева въ малорус. пѣсняхъ „Ой сивъ гачъ на могыли“ несостоятельно и ошибочно.

24. Полетѣлъ Травникъ далеко,
25. Залетѣлъ Травникъ въ Москву,
26. И нашелъ въ Москвѣ кабачекъ,
27. То кабачекъ, то кручокъ.
28. А тутъ и поймали его
29. Били его въ...
30. Посадили его въ тюрьму,
31. Пять недѣль, 5 недѣль посидѣлъ.
32. Пять алтынъ, 5 алтынъ заплатилъ,
33. И за то его выпустили,
34. Да кнутомъ его выстегали,
35. По рядамъ его выводили.
36. Ѣдетъ дуга на дугѣ,
37. Желудякъ на хромой лошади—
38. А все Травника смотрѣть,
39. Все молодого смотрѣть.
40. Едва Травникъ вырвался,
41. Взвился Травникъ высоко,
42. Полетѣлъ Травникъ далеко,
43. На старую Канакжу,
44. Ко Семену Егупьевичу,
45. И ко Марьѣ Алферьевнѣ,
46. И ко Аннѣ Семеновнѣ.
47. Залетѣлъ Травникъ въ окно—
48. По избѣ онъ похаживаетъ
49. А низко спину гнетъ,
50. Носомъ въ землю претъ,
51. Збой за собой держитъ
52. И лукавство великое.
53. А Семенъ Травника не взлюбилъ,
54. Господинъ Травника не взлюбилъ,
55. А что за птица-то,
56. А что за лукавая?
57. Она ходитъ лукавится,
58. Збой за собой держитъ,
59. А и низко спину гнетъ,
60. А носомъ въ землю претъ.
61. И Семенъ Травника по щекѣ,
62. Господинъ по другой сторонѣ,
63. А спину, хребетъ столочилъ,
64. Тѣло печень прочь оттопталъ.
65. Пряники сладкіе, сапогами печатные,
66. Калачи крупичатые, сапогами толоченные.
67. Въ тѣ поры мужики,
68. Неразумные канакжане,
69. Они ходятъ дивуются:
70. „Гдѣ Травника не видать?
71. Гдѣ молодого не слыхать?
72. Не клюетъ травинки
73. Онъ вѣчно зеленыя".
74. Говоритъ Травникова жена,
75. Душа Анна Семеновна,
76. А наливная ягодка,
77. Виноградное вишенье:
78. „А, глупые мужики,
79. Неразумные канакжане!
80. Травникъ съ похмѣлья лежитъ,
81. Со Семеновы почести;
82. А Семенъ его потчивалъ,
83. Господинъ его чествовалъ:
84. Спину, хребетъ столочилъ,
85. Тѣло, печень оттопталъ.

Пѣсня разбойничья. Въ сборникѣ Кирши Данилова она стоитъ между двумя разбойничьими пѣснями—„Усы, удалы молодцы" и „Какъ далече" (Встрѣча Ильи Муромца со станишниками). Любопытно, что и пѣсня объ усахъ (синонимъ разбойниковъ) носитъ на себѣ слѣды искусственно игривой

и ухарской обработки, должно быть, старинной скоморошеской. Усы—разбойники огнемъ пытаютъ крестьянъ и отнимаютъ у нихъ деньги. Такимъ усомъ-разбойникомъ является и Травникъ; но здѣсь игривая обработка ударилась въ другую сторону, на излюбленный въ народной поэзіи мотивъ о свадьбѣ птицъ, и разбойникъ Травинъ обрисовывается въ аллегорической формѣ задорной птицы травника [1]), причемъ большая часть стиховъ является или простой эпической амплификаціей (таковы всѣ повторенія) или эпическимъ разъясненіемъ зоологической аллегоріи—откуда прилетѣлъ Травникъ и что это за птица лукавая. Въ пѣсню вплетена семейная исторія какого-то Семена Егупьевича, должно быть тестя Травника, и про его дочку—наливную ягодку Анну Семеновну. Пѣсня о Травникѣ предполагаетъ другіе варіанты, сравнительно болѣе древніе и болѣе простые. Можно предположить, что скоморохи сочинили эту пѣсню въ честь властнаго и сильнаго Семена Егупьевича, воспользовавшись разбойничьей пѣсней о Травинѣ. Вообще, пѣсня „Кто Травника не слыхалъ“ по стилю очень напоминаетъ скоморошескую передѣлку западно-европейской новеллы о невѣрной женѣ, Пѣсню о Гостѣ Терентьищѣ.

Гдѣ это „старая Канакжа“—не знаемъ; не называется ли здѣсь такъ мѣстность по р. Канѣ Орскаго у. Оренбургской губ.? [2]).

Наиболѣе древнимъ элементомъ пѣсни, на мой взглядъ, оказываются 25—35 стихи: Травникъ попалъ въ Москву, въ кабачекъ, а изъ кабачка въ тюрьму, откуда выбрался по старому времени благополучно, сидѣлъ всего 5 недѣль, и потомъ откупился; да кнутомъ въ добавокъ его постегали. Въ этихъ стихахъ скрывается указаніе на тотъ народный пѣсенный оригиналъ, который былъ передѣланъ для Семена Егупьевича услужливыми пѣвцами. Нужно думать, что здѣсь былъ извѣстный по малорусскимъ пѣснямъ конокрадъ Травинъ.

Предположеніе наше состоитъ въ томъ, что въ старое время, трудно сказать когда именно, вѣроятно еще въ XVII в., въ Великороссіи возникла пѣсня о ворѣ Травинѣ, которая получила широкое распространеніе и проникла въ Малороссію.

Мы имѣемъ несомнѣнный документъ (см. *Кирпичниковъ*, Къ вопросу о др. рус. скоморохахъ, 18), что въ первой половинѣ XVII в. у большихъ бояръ (какъ князь Иванъ Шуйскій, князь Димитрій Пожарскій) были свои скоморохи, ходившіе для своего промыслишку по свѣту и наживавшіе деньги по тогдашнему не малыя. Изъ челобитной трехъ боярскихъ скомороховъ, поданной царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1633 г., видно, что они заработали

---

1) *Травникъ*—небольшой болотный бѣлобрюхій иззелена-черный куличекъ; *зуй*—общее названіе для куликовъ разныхъ видовъ; „бродитъ что зуй по болоту“ (*Даль*).

2) Въ Геогр. стат. словарѣ Семенова Канакжи нѣтъ.

втроемъ 37 рублей. Такіе странствующіе скоморохи во дворѣ милостивца Семена Егупьевича обработали мотивъ о ворѣ Травинѣ, воспользовавшись этимологическимъ смысломъ прозвища героя и попутно вставивъ похвалы строгому господину Семену Егупьевичу, упомянувъ и Марью Алферьевну, нужно думать, его супругу, и наливную ягодку Анну Семеновну, оттѣнивъ лукавство непочтительнаго зятя, и, по дорогѣ, бросивъ насмѣшку насчетъ глупыхъ мужиковъ канакжанъ.

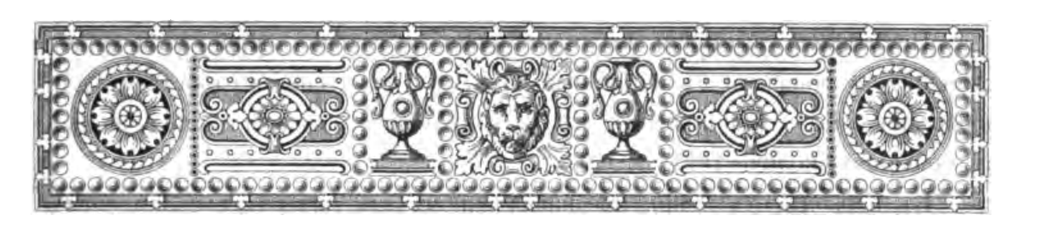
Вообще, вся пѣсня о Травникѣ отзывается скоморошнымъ пошибомъ и весьма характерна по чертамъ профессіональной скоморошной обработки. Пѣсни о Травникѣ и о гостѣ Терентьищѣ образцовыя скоморошьи пѣсни. Чего стоитъ одна такая острота, какъ

Пряники сладкіе—ногами печатные,
Куличи крупичатые—сапогами толоченые,

когда слушатель уже заранѣе предупрежденъ, что Семенъ Егупьевичъ у Травника „спину столочилъ“ и „тѣло, печень прочь оттопталъ“. Въ этой формѣ находится извѣстнаго рода (для слушателей) указаніе на красоту Травника и извѣстнаго рода (для Семена) похвала.

Если мы предположимъ, что малорусскія пѣсни о Травинѣ и великорусскія о Травникѣ имѣютъ одинъ общій источникъ—именно великорусскую разбойничью пѣсню, то мы многое выигрываемъ въ пониманіи малорусскихъ пѣсенъ. Тогда намъ становятся вполнѣ понятны выраженія Травинъ сынъ, самъ-одинъ, стадовья, казна, тогда намъ будетъ понятно и странное окончаніе харьковскаго варіанта, что Травинъ ушелъ въ кабачокъ. Интересна подробность въ варіантѣ Новицкаго, какъ дѣвица вывела Травина изъ тюрьмы на улицу. Подробность эта общее эпическое мѣсто. Она могла быть въ предполагаемомъ великорусскомъ оригиналѣ, могла нарости и на малорусскомъ варіантѣ. Эта черта излюблена не только великорусскимъ эпосомъ, гдѣ она въ особенности часто встрѣчается (въ былинахъ о Василіи Буслаевичѣ и нѣкот. др.), но и въ малорусскомъ (дивка Богуславка думъ).

Н. Ѳ. Сумцовъ.



Латышская этнографическая выставка на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г.

Научная Коммиссія Рижскаго Латышскаго Общества давно уже собираетъ матеріалъ для латышскаго этнографическаго музея. Она получила также нѣкоторые цѣнные предметы отъ любителей этнографіи, и на собственныя средства снарядила экспедиціи въ разныя латышскія мѣстности. Императорское Московское Археологическое Общество предложило ей въ 1893 г. прислать своего депутата на засѣданія подготовительнаго комитета X археологическаго съѣзда. Депутатъ Научной Коммиссіи, присяжный повѣренный А. Веберъ, сообщилъ комитету, что коммиссія намѣрена устроить во время съѣзда латышскую этнографическую выставку.

Чтобы хорошо обставить выставку, Научная Коммиссія въ 1894 и 1895 годахъ снарядила до 10 экспедицій въ различныя мѣстности, обитаемыя латышами, и вошла въ сношенія съ другими латышскими Обществами. Коммиссія устройствомъ этой выставки оказала большую услугу отечествовѣдѣнію прибалтійскихъ губерній. Въ короткое время воздвигнуты зданія на площади Іакова, собрана масса матеріала, и не мало труда стоило разобрать, привести его въ порядокъ и размѣстить удобно для осмотра. Не слѣдуетъ далѣе упускать изъ виду, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ въ первый разъ сдѣлана была попытка сконцентрировать въ одномъ мѣстѣ все то, что осталось отъ прежнихъ временъ и имѣетъ значеніе для исторіи латышскаго народа, что мы слѣдовательно имѣемъ дѣло съ новымъ созданіемъ.

Такъ какъ настоящая родина латышей Курляндія и нѣкоторыя части Лифляндіи и Витебской губерніи, то и на выставкѣ за немногими исключеніями принимались во вниманіе только три вышеупомянутыя губерніи. Это пространство, имѣющее 53,000 квадратныхъ верстъ и обитаемое 1.460,000 латышей, граничитъ на протяженіи 485 верстъ съ Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ и имѣетъ 3 гавани: Ригу, Виндаву и Либаву.

Посѣтители выставки входили прямо въ главное зданіе, увѣнчанное куполомъ, и попадали въ обширный залъ, гдѣ со вкусомъ и удобствомъ для обозрѣнія былъ сгруппированъ въ 12 отдѣленіяхъ матеріалъ, полученный въ большомъ количествѣ.

Въ первомъ отдѣленіи, предназначенномъ для литературы, ландкартъ и видовъ, находилось значительное количество предметовъ. Къ этому далѣе примыкали минералы, кристаллы граната, бурый уголь, найденные въ гольдингенскомъ уѣздѣ близь рѣки Виндавы, янтарь, найденный по берегамъ Курляндіи и Лифляндіи; потомъ растенія и животныя; лифляндскій жемчугъ, частью совершенно развившійся, частью еще не развившійся, найденъ въ рѣкѣ Пенѣ (peene=молоко) въ Венденскомъ уѣздѣ и также въ рѣкѣ Аа. Въ прежнія времена, именно въ концѣ прошедшаго столѣтія ловля жемчуга была довольно прибыльна. Теперь жемчужная раковина стала рѣдкостью. Здѣсь также находились различныя породы дерева и мѣстныя аптекарскія растенія.

Второе отдѣленіе посвящено исторіи, законамъ и судопроизводству латышей. Въ немъ находилось много видовъ и плановъ городищъ (т. называемыхъ „Burgberge“), портреты историческихъ лицъ, большое количество документовъ, хроникъ и собраній законовъ. Древняя исторія латышей до сихъ поръ мало изслѣдована. Болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія о латышахъ мы имѣемъ отъ христіанскихъ миссіонеровъ, которые приходили къ латышамъ съ востока и запада. Въ 1158 году нѣмецкіе купцы изъ Любека въ первый разъ явились у Двины; однако латышскія племена (летгалы, венды, зелы, земгалы и куры) только въ 13-мъ столѣтіи пришли въ близкое соотношеніе съ нѣмцами. Когда эти племена приняли отъ нѣмцевъ христіанскую вѣру, они заключили съ ними свободные договоры, но вскорѣ латыши пришли въ зависимое положеніе: они должны были платить нѣмцамъ извѣстныя подати, должны были платить десятинную подать; они содержали священниковъ и судей, строили дорожныя сооруженія и крѣпости и должны были нести военную службу. Но маленькіе вассалы не могли долго защищать свою личную свободу; они постепенно сдѣлались крѣпостными. Въ началѣ 16-го вѣка было введено лютеранское вѣроисповѣданіе и латыши сдѣлались настолько зависимы отъ своихъ повелителей, что должны были безпрекословно повиноваться имъ. Только немногіе составляли исключеніе изъ этого, какъ напр. курляндскіе безоброчные крестьяне, которые сохранили свою личную свободу и пользовались нѣкоторыми привилегіями. Этимъ крестьянамъ принадлежатъ 6 крестьянскихъ имѣній въ гольдингенскомъ уѣздѣ; они называются: Конини, Драгуны, Калеи, Зеймелы, Весалги и Плоики. Эти крестьяне издревле носятъ въ народѣ названіе „куронскихъ королей“. Вѣроятно это названіе произошло

отъ названія одного изъ упомянутыхъ поселковъ, населенныхъ ими, именно „Конини“, а на старолатышскомъ языкѣ „Konin“ = König означаетъ король. Они не только въ теченіи всего крѣпостнаго права сохранили свою личную свободу, но и получили свои владѣнія въ свободное пользованіе на вѣчныя времена. Древнѣйшій документъ этого рода относится ко времени магистра ордена Гергарда Іорке; онъ былъ данъ Тонтегоде въ 1320 году. Послѣдній получилъ 2 Haken (гакъ=неравная мѣра земли въ балтійскомъ краѣ) земли, безъ обязанности повиновенія или платы податей. Его потомки живутъ еще и теперь подъ тѣмъ же самымъ именемъ. Подобныя опредѣленія содержатъ и другіе документы, дарующіе свободу. Герцоги Курляндскіе Готтардъ Кеттлеръ (1562—1587), Іаковъ, его внукъ (1642—1682), Эрнстъ Биронъ (1763—1769) и др. утвердили привилегіи безоброчныхъ крестьянъ. Но послѣднее время, съ введеніемъ общей воинской повинности, и безоброчные крестьяне должны выставлять своихъ рекрутовъ (они прежде были избавлены отъ этого). Такимъ образомъ, хотя они потеряли нѣкоторыя личныя привилегіи, но все еще сохранили свободное пользованіе земельной собственностью.

Третье отдѣленіе посвящено антропологіи и статистикѣ; здѣсь мы находимъ научныя изслѣдованія док. Г. Шульца, проф. Вирхова, Штида, Велькера, Отто Вебера, проф. Раубера, директора юрьевскаго анатомическаго института и док. медицины Р. Вейнберга. Сравнительно бо́льшая часть матеріала доставлена Отто Веберомъ. Онъ измѣрилъ 60 мужчинъ и 40 женщинъ въ гробинскомъ уѣздѣ въ нижней Курляндіи и, опираясь на это, описываетъ латышей слѣдующимъ образомъ: „Латышъ средняго роста, иногда и выше, крѣпокъ и пропорціонально сложенъ. Полнота встрѣчается рѣдко. Цвѣтъ кожи бѣлый, волоса на тѣлѣ мало развиты; волоса на головѣ гладкіе или курчавые, большей частью рыжіе, часто свѣтлорусые, рѣже темнорусые. Цвѣтъ глазъ большей частью сѣроголубой, сѣрый или голубой, рѣдко карый. Глаза средней величины. Борода небольшая; окладистая борода большая рѣдкость. Латыши большей частью брѣютъ бороду. Голова довольно длинна и широка. Лицо вообще овальное, рѣдко широкое и угловатое. Цвѣтъ лица не блѣдный, но и не особенно свѣжій. Лобъ высокій, носъ прямой и довольно длинный, но встрѣчаются также носы короткіе и широкіе. Ротъ средней величины, зубы большей частью хорошіе и прямые, губы полныя“. Отто Веберъ утверждаетъ, что латыши по росту занимаютъ въ Европѣ третье мѣсто, и что ихъ въ этомъ отношеніи превосходятъ только шотландцы и норвежцы.

Четвертое отдѣленіе занято было латышскимъ языкомъ. Онъ арійскаго происхожденія и имѣетъ болѣе сродства съ славянскимъ, чѣмъ съ германскимъ языкомъ. Онъ распадается на три нарѣчія, которыя легко

отличить другъ отъ друга: 1) верхне-курляндское, 2) нижне-курляндское и 3) среднее. На первомъ діалектѣ говорятъ туземные латыши въ витебской губерніи, въ восточной Лифляндіи и верхней Курляндіи. Книги, большей частью духовнаго содержанія, отъ 1604—1894 года вышли въ количествѣ 133-хъ. На нижне-курляндскомъ нарѣчіи говорятъ по берегамъ рѣки Виндавы и ея притокамъ, также на курляндскомъ полуостровѣ. Болѣе всего распространенъ средній діалектъ, на которомъ говорятъ въ остальной Курляндіи и Лифляндіи. Этотъ же діалектъ употребляется въ письменныхъ произведеніяхъ, въ церковной службѣ и въ школѣ.

Древнѣйшій памятникъ латышскаго языка Отче Нашъ Симона Грунау въ 1526 г.; въ томъ же столѣтіи въ 1586 г. была напечатана первая латышская книга. Впервые стали заботиться о латышскомъ языкѣ лютеранскіе пасторы, изъ которыхъ въ 17-мъ столѣтіи Эрнстъ Глюкъ, пасторъ въ Маріенбургѣ, перевелъ Библію на латышскій языкъ.

Пятое отдѣленіе занято было литературой преданій латышскаго народа, его сказаніями, сказками, пѣснями и т. п. Древность этихъ литературныхъ произведеній очень различна. Они уже существовали, когда латыши еще были самостоятельнымъ народомъ. У латышей литература преданій сохранилась гораздо долѣе чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, потому что они долго были устранены отъ вліянія чуждой культуры. Они разсказываютъ свои сказки осенью и зимою у очага и поютъ пѣсни во время дневной работы, то весело и беззаботно, то печально и трогательно. Древнѣйшія печатныя пѣсни находятся въ латышской грамматикѣ Стендера, вышедшей въ 1761 году. Самый большой сборникъ, который, говорятъ, содержитъ до 60,000 самостоятельныхъ пѣсенъ и варіантовъ, издаютъ съ 1894 года Кр. Баронъ и Г. Виссендорфъ; до сихъ поръ вышли только шесть выпусковъ. Латышскія народныя пѣсни большей частью лирическаго характера; эпическія встрѣчаются рѣдко. Чародѣйство встрѣчается болѣе всего въ медицинѣ. Въ прежнія времена лѣченіемъ занималась почти каждая пожилая латышская женщина, какъ бываетъ и теперь въ отдаленныхъ мѣстностяхъ остзейскихъ провинцій.

Шестое отдѣленіе посвящено современной литературѣ. Существующая литература ведетъ свое начало съ 16-го столѣтія. Въ 1586 явилась первая латышская книга, извѣстная подъ названіемъ „Энхиридіонъ"; она духовнаго содержанія и была напечатана въ Кёнигсбергѣ по порученію курляндскаго герцога Готгарда Кеттлера. Книги, изданныя на латышскомъ языкѣ, представляютъ преимущественно сборники духовныхъ пѣсенъ, проповѣди, молитвенники и Библіи. Научная литература мало развита. Изданіе газетъ сдѣлало за послѣднее время большіе успѣхи. Первый журналъ „Latwiska gada grahmata" издавалъ М. Штоббе, по одной книгѣ въ три

мѣсяца. Потомъ появилась „Latweeschu Awises“ (латышская газета) съ 1822 года, въ 1829 году „Widsemes Latweeschu Awises“, въ 1832 году „Latweeschu ļauschu draugs“. Первая газета, основанная и издаваемая самими латышами, „Mahjas Weesis“ (Гость дома) съ 1856 года. Теперь латыши имѣютъ 12 журналовъ, 2 ежедневныхъ, 2 иллюстрированныхъ ежемѣсячныхъ, 2 спеціальныхъ, 5 политическихъ еженедѣльныхъ газетъ и одну газету „Amerikas Wēstnesis“, которая издается въ Бостонѣ. Довольно важную роль въ латышской литературѣ играютъ календари, большей частью спеціальные: календари для сельскихъ хозяевъ, хозяекъ дома, садовниковъ, пчеловодовъ, ремесленниковъ, купцовъ, музыкантовъ и учителей.

Седьмое отдѣленіе представляетъ намъ учебную часть; мы здѣсь находимъ рисунки, виды, планы училищъ и церквей, портреты извѣстныхъ учителей и т. д. Мы узнаемъ, что первые народные учителя въ Лифляндіи и Курляндіи были калѣки или слабосильные старики, которые не были въ состояніи дѣлать тяжелую работу. Они часто ходили изъ дома въ домъ, чтобы вечеромъ обучать дѣтей духовнымъ пѣснямъ, чтенію Библіи и катехизису. Позже уже во времена герцога Г. Кеттлера были основаны настоящія школы, причемъ духовенство старалось все болѣе и болѣе захватить преподаваніе въ свои руки и поднять его. Въ 1835 году уже между жителями Курляндіи было только отъ 5 до 10% неумѣющихъ читать. Основаніе чисто народныхъ школъ произошло только послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Въ 1894 году однако въ Курляндіи и въ латышской части Лифляндіи было уже 1062 народныхъ школы. Несмотря на учительскія семинаріи въ Лифляндіи и Курляндіи количество учителей, оканчивающихъ тамъ свое образованіе, не можетъ удовлетворить потребности въ преподавателяхъ, такъ какъ спросъ на учителей чрезвычайно великъ.

Восьмое отдѣленіе посвящено латышскимъ обществамъ. Всѣ латышскія общества можно раздѣлить на двѣ группы, изъ которыхъ одна преслѣдуетъ матеріальныя, а другая интеллектуальныя цѣли. Есть общества страхованія, общества вольныхъ пожарныхъ, общества трезвости, общества потребителей, сельско-хозяйственныя общества, благотворительныя, и т. д. Почти всѣ эти общества имѣютъ свои читальни и библіотеки; нѣкоторыя содержатъ школы и устраиваютъ театральныя представленія.

Девятое отдѣленіе показываетъ намъ народную музыку съ небольшимъ но очень интереснымъ собраніемъ древнихъ инструментовъ, напр. Seetiņsch (сито) въ родѣ тамбурина, дудка изъ вербоваго лыка, ольховаго дерева, пастушескій рожокъ (taure) изъ ольховаго лыка, козій рогъ, рогъ зубра съ мѣдной оправой, волынка, арфа, цимбалы, скрипка, цитра и т. д. Латышей часто называли „народомъ пѣвцовъ“. Ихъ предки съ давнихъ временъ занимались искусствомъ пѣнія. Древнія народныя мелодіи латышей въ

новѣйшее время изслѣдовалъ А. Юрьянъ въ Харьковѣ, который для этой цѣли побывалъ во многихъ мѣстахъ, обитаемыхъ латышами. Согласно А. Юрьяну латышскія народныя мелодіи раздѣляются на три группы, которыя можно обозначить такъ: пѣніе, игра и хороводы. Основатель латышскаго хорового пѣнія валкскій директоръ семинаріи И. Цимзе издалъ въ 8-ми частяхъ собраніе пѣсенъ „Dseesmu rota“ (украшеніе пѣсенъ). Благотворное вліяніе директора Цимзе обнаружилось яснѣй всего во время устроенныхъ латышскихъ „празднествъ пѣвцовъ“ dseedaschanassvehtki Sängerfeste, а именно въ 1864, 1866, 1873, 1880, 1888 и 1895 годахъ.

Въ 10-мъ отдѣленіи для живописи мы находимъ только небольшое собраніе картинъ латышскихъ художниковъ. Достойны упоминанія: Карлъ Гунъ, А. Алкснисъ, В. Пурвицъ, П. Балодисъ, Заринъ, Лапинъ и И. Розенталь, картина котораго „Посѣтители церкви послѣ окончанія богослуженія“ была удостоена награды.

11-е отдѣленіе посвящено драматическому искусству. Латышскія театральныя представленія начались съ основанія рижскаго латышскаго общества въ 1868 году. Основатель латышскаго театра А. Аллунанъ, подъ управленіемъ котораго онъ находился отъ 1875—1884 года. Театральныя представленія бываютъ въ домѣ общества.

12-е отдѣленіе посвящено костюмамъ и одеждамъ. Здѣсь мы находимъ богатую коллекцію одеждъ, тканей, предметовъ украшенія и т. п. Древнія одежды все больше и больше вытѣсняются культурой. Въ Лифляндіи и Курляндіи ихъ почти нельзя встрѣтить, но древнія одежды еще носятъ въ польской Лифляндіи. Головное украшеніе дѣвушекъ такъ называемый „wainags“ т. е. вѣнокъ. Онъ имѣетъ символическое значеніе, а именно: если о молодой дѣвушкѣ говорятъ, что у нея нѣтъ болѣе „wainadzin“, то этимъ хотятъ сказать, что она потеряла свою дѣвическую честь. Его носили при торжественныхъ случаяхъ; во время дневной работы достаточно было головного платка. Упомянутое головное украшеніе изготовлялось или изъ лошадинаго волоса, стеклянныхъ бусъ, или это были обручи изъ мѣди, выстланные мягкимъ въ срединѣ, украшенные стеклянными бусами, или обручъ съ зеркальными стеклами и золотой парчей, или обручъ, обшитый чернымъ сукномъ, или обручъ, обшитый краснымъ сукномъ и украшенный стеклянными бусами и т. д. Замужнія женщины лѣтомъ носили бѣлые чепчики изъ бумаги (mizes), зимой шапки, формой похожія на рыцарскіе шлемы съ открытымъ забраломъ. Снаружи онѣ состоятъ изъ бархата или камки; внутри бѣлый или сѣрый мѣхъ; украшена шапка мѣхомъ выдры или овцы. Въ позднѣйшее время вездѣ стали носить головные платки. Они похожи на полотенце или мѣшокъ, у котораго одна сторона открыта. Они изъ полотна и ихъ носятъ лѣтомъ. Зимой носили трехугольные шерстяные

платки, собственнаго тканья, отдѣланные бахромой. Первые назывались „Nahmats“ и „Sapans“, послѣдніе, если они были безъ бахромы, „Kutschas“. Шейные платки „sagschas“, „willaines“ и „segenes“ изъ шерсти, обыкновенно носили на плечахъ; сдерживался платокъ на плечѣ или локтѣ нарядной булавкой (sakta). Края этихъ платковъ имѣютъ различныя украшенія; у курляндскихъ (безоброчныхъ) крестьянъ они обыкновенно украшены спиралами, цѣпочками и бляхами изъ мѣди. Женская рубашка состоитъ изъ двухъ частей: нижняя, изъ грубой матеріи, приготовляется изъ пакли, для верхней употребляютъ тонкое полотно. Но здѣсь есть и рубашки съ вышивкой на верху, или съ вязанными крючкомъ кружевами у рукавовъ, кокетки рубашекъ съ стеклярусомъ и вышивкой и т. д. Женскія юбки „lindraki“ или „bruntsehi“ носятъ большей частью до таліи. Но есть и такія, которыя поднимаютъ до плечъ и прикрѣпляютъ помочами. Юбки большей частью полосатыя съ полосами, идущими сверху внизъ. Но есть и юбки пришитыя къ таліи, онѣ называются „kapatas“. Эти юбки сдѣланы изъ полотна или шерстяной матеріи. Кофты на латышскомъ языкѣ имѣютъ очень разнообразныя названія: ņeeburs, burste, ņeeburste, libķens (корсетъ), spensers (спензеръ), kamzoļi (кофта), wamzchi, lamzchi (фуфайка) и т. д. Спензерами обыкновенно называются лѣтнія кофты. Есть кофты съ рукавами и безъ нихъ, съ вышивкой или съ золотыми полосами. Сверхъ кофты (ņeeburs) и юбки завязывали передникъ. Передники были самые разнообразные. Особенное вниманіе обращено на перчатки. Вездѣ встрѣчаются рукавицы и перчатки съ пальцами. Большей частью бѣлыя шерстяныя перчатки съ вышивкой или нитяныя, вывязанныя съ узоромъ. Во время свадьбы невѣста должна дарить родственникамъ своего жениха перчатки. Дѣвушки въ юности приготовляютъ большой запасъ перчатокъ, такъ какъ имъ ко дню ихъ свадьбы надо имѣть большой запасъ. Въ день свадьбы танцовали особенный танецъ, называвшійся „Zimdu-danzis“ (танецъ перчатокъ), при которомъ, какъ невѣста, такъ и всѣ другія молодыя дѣвушки, должны были раздавать перчатки. Чулки очень разнообразны относительно вышивокъ и цвѣта. Носили также онучи или платки „seetawas“, и обертывали вокругъ икръ такъ называемые „usmautschi“. Древнѣйшую и простѣйшую форму обуви составляютъ лыковые башмаки (vihses). Потомъ слѣдуютъ кожаные сандаліи (pastalas). Лапти носятъ вездѣ и теперь. Только при торжественныхъ случаяхъ или идя въ церковь носятъ башмаки или сапоги. Верхней одеждой мужчины и женщины были осенью сѣрые плащи, а зимой овечьи шубы. Шубу сдерживалъ поясъ. Мужчины лѣтомъ носили соломенныя или войлочныя шляпы („woiloka platmales, gardibenes, ratenes“). Зимой носили шапки съ наушниками; подкладка шапокъ была изъ овчины. Во время болѣзни или на одрѣ смерти мужчинамъ надѣвали бумажные чепцы, какіе

носятъ женщины; ихъ называютъ „mirstamas mizes“ „Sterbemützen“ (чепцы, надѣвающіеся въ ожиданіи смерти). Мужская рубашка состояла изъ одного куска и имѣла широкій воротникъ съ вышивкой или безъ нея. Бѣлые холстинные панталоны обыкновенно носили лѣтомъ; они сдерживались металлической запонкой или деревяннымъ колышкомъ. Зимой носили шерстяные панталоны, встрѣчаются также панталоны, доходящіе до колѣнъ „uhsas“. Жилетъ и сюртукъ были обыкновенно изъ одной матеріи. Богатые люди носили сразу по нѣсколько жилетовъ. Это былъ знакъ ихъ зажиточности. Сюртуки носили короткіе и длинные. Цвѣтъ шерстяной матеріи былъ большей частью сѣрый. Сверхъ сюртука носили шинель „paltraki“ или „schinelis“.

Украшенія латышей состояли изъ серебра, янтаря и т. д. Самыя извѣстныя женскія украшенія были серебрянныя брошки „saktas“, большія для большихъ платковъ „villaines“, меньшія для воротниковъ рубашекъ. Самыя большія и красивыя брошки находятъ въ Виндавскомъ уѣздѣ.

Что касается платьевъ, то тамъ, гдѣ современная культура уже вытѣснила національную одежду, одѣваются согласно съ городской модой; только матеріи еще большей частью ткутъ дома. Платья, купленныя въ городѣ, носятъ только женщины, но и это случается не очень часто. Прежде, крашеніе, расчесываніе и пряденіе шерсти составляло предметъ домашняго трудолюбія; въ настоящее время эти работы въ Лифляндіи и Курляндіи большей частью дѣлаются на фабрикахъ. Тканье значительно развилось у латышей. Больше всего имъ занимаются въ Пебальгѣ, гдѣ оно составляетъ особенную отрасль промышленности, потому что пебальгскія матеріи извѣстны не только въ остзейскихъ провинціяхъ, но и въ пограничныхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Псковѣ и Витебскѣ.

13-е отдѣленіе содержитъ постройки. Здѣсь въ естественную величину и вполнѣ устроенныя латышскія постройки представлены въ трехъ историческихъ зданіяхъ. Два изъ нихъ представляютъ старинныя латышскія жилыя строенія, первое въ Курляндіи, второе въ Лифляндіи; третье зданіе есть изображеніе жилища зажиточнаго крестьянина, хозяина настоящаго времени. Старинное жилое зданіе въ Курляндіи выстроено изъ неотесанныхъ еловыхъ или сосновыхъ бревенъ на крѣпкомъ массивномъ фундаментѣ, въ высоту стѣна содержитъ 10 бревенъ. Щели между бревнами затыкали обыкновенно мохомъ. Крыша съ обѣихъ сторонъ простирается до фронтона, который не имѣетъ никакихъ украшеній. Она состоитъ изъ досокъ (Lubben), которыя положены сверхъ еловой коры; послѣдняя имѣетъ цѣль не пропускать воды. Внутреннее устройство латышскаго дома состояло изъ трехъ частей. Первая часть—сѣни „nams“ безъ оконъ и потолка. Въ немъ разводится огонь на глинобитномъ полу. На лѣвой сторонѣ примыкаетъ къ „намсу“—„istaba“,

т.-е. горница, въ которой живетъ одна или нѣсколько семей. Она снабжена окнами, потолкомъ и печью. Напротивъ горницы находится, такъ называемый „kambari“, коморка для хозяйственныхъ нуждъ. Въ древнѣйшее время эта коморка не была соединена съ сѣнями, а стояла отдѣльно на дворѣ, точно также какъ и „istaba“, которая была отдѣлена отъ сѣней. Практическія соображенія способствовали сліянію этихъ трехъ отдѣльныхъ помѣщеній въ одинъ домъ. Кромѣ того на крестьянскомъ дворѣ были клѣть „klete“ съ крытымъ крыльцомъ, построенная на высокомъ фундаментѣ, которая служила не только кладовой, но и квартирой семьи въ лѣтнее время, и рига „rige“, мѣсто для сушки хлѣба. Въ горницѣ находилась группа фигуръ, которыя изображали осеннія и зимнія домашнія работы. Устройство этого дома совершенно приспособлено къ крестьянской жизни, какъ она была въ старыя времена.

Второе зданіе представляетъ старинный жилой домъ въ Лифляндіи. Онъ уже снаружи имѣетъ другой видъ, чѣмъ предыдущій. Широкая соломенная крыша плоско ниспадаетъ съ обѣихъ сторонъ; конекъ крыши имѣетъ нѣсколько украшеній. Но величайшая разница состоитъ во внутреннемъ устройствѣ этого зданія. Хлѣбная сушильня „rige“, токъ и жилыя помѣщенія всѣ находятся подъ одной кровлей. Пристройку съ лѣвой стороны сушильни владѣлецъ употреблялъ для жилья лѣтомъ и осенью, пока работали въ сушильнѣ. Это помѣщеніе получало немного теплоты отъ задней стороны печи сушильни. Свѣтъ входилъ черезъ два узенькихъ окна со стекломъ. Съ другой стороны сушильни была каморка для ручной мельницы. Кромѣ большой наружной двери въ сушильнѣ была еще полудверь; когда открывали первую, чтобы выпустить дымъ и паръ, то полудверь оставалась закрытой, такъ что ни одно домашнее животное не могло проникнуть въ сушильню. На другомъ концѣ этого зданія находится токъ („kuls или peedarbs“). Здѣсь была поставлена группа фигуръ, которая представляла 4-хъ молотниковъ въ національномъ костюмѣ съ поднятыми цѣпами. У дверей тока стоитъ человѣкъ, занятый провѣваніемъ хлѣба. Другой занятъ очищеніемъ льна колотушкой. Между современными жилищами въ Лифляндіи и Курляндіи нѣтъ разницы. Третье зданіе изображаетъ жилище зажиточнаго крестьянина. Уже наружность дома, какъ и все окружающее его, показываетъ какъ сильно измѣнились условія жизни латышей. Зданіе имѣетъ стеклянную галлерею; изъ этой входятъ въ переднюю, освѣщенную двумя окнами. Хотя здѣсь видно большое измѣненіе, но все же замѣчаешь старое дѣленіе на три части латышскаго жилья. Изъ сѣней дверь налѣво ведетъ въ жилище крестьянина, направо въ помѣщеніе работниковъ. Въ домѣ три комнаты: большой залъ въ четыре окна, столовая въ серединѣ дома и спальня въ углу дома. Въ залѣ помѣщена большая группа фигуръ. Она пред-

ставляетъ раздачу подарковъ, какъ это водилось прежде на свадьбахъ. Въ послѣдній день свадьбы молодая одѣляла подарками родственниковъ своего мужа и приносила жертвы всѣмъ духамъ дома на очагѣ, въ коровникѣ, въ банѣ и въ другихъ мѣстахъ. Чѣмъ большее значеніе для хозяйства имѣло мѣсто, тѣмъ больше было жертвоприношеніе: перчатки или чулки; овчарня напр. получала только подвязку. Эти жертвоприношенія послѣ разбираемы были дѣтьми или стариками и старухами. Когда хотѣли начинать эту церемонію, то заявляли объ этомъ дружкѣ (wedeja tehws).

Чрезъ столовую проходятъ въ кухню, а оттуда на чердакъ, гдѣ устроены три комнаты. Въ одной живутъ служанки, въ двухъ другихъ гости или взрослыя дѣти крестьянина.

Эти 3 историческихъ зданія изображаютъ древнѣйшій и новѣйшій періодъ латышскихъ построекъ; но большая часть строеній настоящаго времени принадлежитъ къ постройкамъ средняго періода. Строенія этого періода развились непосредственно изъ строеній древняго періода и раздѣляются преимущественно на двѣ части: жилую комнату и кухню, изъ которыхъ первая раздѣлена на двѣ или три части. Домашнія животныя обыкновенно имѣли свои помѣщенія. Иногда къ конюшнямъ примыкаетъ еще амбаръ (клѣть) „klete“, такъ что всѣ зданія образуютъ кругъ или четыреугольникъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ построекъ строили еще баню „pirte“, которая принадлежитъ къ древнѣйшимъ и достопримѣчательнѣйшимъ постройкамъ латышей, но она не составляла, какъ предполагаютъ, первобытнаго дома латышей; первобытный домъ былъ, такъ называемый „naminsch“, т.-е. лѣтняя кухня, построенная изъ шестовъ. Она походитъ на юрт северныхъ кочевыхъ народовъ и вѣроятно въ древнѣйшее время также, какъ у нихъ, была покрыта шкурами. Такой „намингшъ“ еще въ нынѣшнее время служитъ рыбакамъ Ангернскаго озера временнымъ мѣстожительствомъ. О банѣ упоминаютъ уже лѣтописцы, въ миѳологіи она также играетъ выдающуюся роль, потому что осенью здѣсь угощали души умершихъ. Въ прежнія времена баня была посвящена богинѣ счастья (laima) и здѣсь обыкновенно женщины разрѣшались отъ бремени. Здѣсь, какъ въ церкви, надо было вести себя тихо и благоговѣйно и за каждое дѣйствіе, несогласное съ этимъ, виновникъ строго наказывался.

14-е отдѣленіе, посвященное домашнему труду, содержало значительное количество предметовъ. 50 лѣтъ тому назадъ въ домѣ крестьянина почти не было предмета, который бы не былъ сдѣланъ самими обитателями дома; всю мебель, домашнюю утварь, замки приготовляли сами домохозяева. Матеріалъ состоялъ премущественно изъ дерева, какъ для посуды, предназначенной для пищи и питья, такъ и для мѣръ, коробокъ, подсвѣчниковъ, предметовъ, употреблявшихся при пряденіи и тканьѣ, орудій, и т. п.

Въ новѣйшее время большую часть потребностей удовлетворяютъ ремесленники, въ которыхъ нѣтъ недостатка. Хотя и теперь дома приготовляютъ различные предметы (корзины, ведра, соломенные стулья, рѣшета, колеса и т. д.), но ихъ приготовляютъ менѣе для собственнаго употребленія, чѣмъ для продажи. Оригинальны—станокъ, въ который вставлялась зажженная лучина, желѣзные подсвѣчники крайне первобытной работы, и формы для литья свѣчей; далѣе стоитъ обратить вниманіе на собраніе табачныхъ трубокъ и тарелокъ изъ дерева, жести и глины.

15-е отдѣленіе посвящено пчеловодству. Древніе латыши имѣли мало понятія о раціональномъ пчеловодствѣ. Они въ лѣсу отыскивали пчелиные рои и вынимали медъ изъ дупла деревьевъ, при этомъ они употребляли особенный снарядъ, такъ называемый „dsëinis". Впослѣдствіи они начали заниматься пчеловодствомъ дома. Латыши употребляли медъ для лѣкарства и варили изъ него напитокъ. Какъ высоко латыши цѣнили свое пчеловодство, показываетъ намъ событіе, засвидѣтельствованное исторіей. Въ 1812 году латыши изъ Антины жаловались епископу рижскому Альберту, что рыцари ордена изъ Вендена похитили у нихъ ульи пчелъ. Когда ихъ жалоба не имѣла успѣха, они соединились, чтобы произвести возстаніе. Въ серединѣ этого столѣтія было положено начало раціональнаго пчеловодства и въ Митавѣ основано первое общество пчеловодства. Въ настоящее время въ Курляндіи и въ латышской части Лифляндіи насчитываютъ до 10 подобныхъ обществъ.

16-е отдѣленіе назначено для сельскаго хозяйства; оно довольно содержательно. Главный источникъ доходовъ латышей составляетъ сельское хозяйство; по крайней мѣрѣ $^{3}/_{4}$ всѣхъ латышей занимаются отраслями сельскаго хозяйства, какъ: земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и т. д.

Въ этомъ отдѣленіи мы находимъ различныя сохи, нѣсколько шведскихъ плуговъ, бороны изъ вербовыхъ вѣтвей съ деревянными или желѣзными зубцами, серпы и косы, хлѣбныя косилки, далѣе орудія, употребляющіяся для засѣванія поля, цѣпы, снаряды для чистки хлѣба, повозки, сани, сбрую древнихъ и новыхъ временъ и т. д.

Заслуживаетъ вниманія 17-е отдѣленіе, посвященное рыболовству. Рыболовный промыселъ распространенъ между латышами; по статистическимъ даннымъ рыбная ловля въ Лифляндіи приноситъ милліонъ рублей. Хотя въ Курляндіи нѣтъ рѣки, столь богатой рыбой, какъ Двина, но за то тамъ развита морская рыбная ловля. Къ сожалѣнію раки въ нѣкоторыхъ рѣкахъ совершенно передохли. Семги, вемгаллы, миноги и угри—рыбы, ловъ которыхъ лучше всего оплачивается. Изъ морскихъ рыбъ можно упомянуть камбалу, кильки и салакушки.

18-е отдѣленіе, назначенное для судоходства, представляетъ рядъ мо-

делей (напр. курляндскій военный корабль 1681 года). Уже въ древнѣйшія времена курляндцы были извѣстны шведамъ и датчанамъ какъ отважные мореплаватели и опасные морскіе разбойники. Когда курляндцы и лифляндцы утратили свою самостоятельность, развитіе судоходства на прибалтійскомъ побережьѣ остановилось. Правда, во времена герцога Іакова курляндскіе корабли выходили во всѣ страны свѣта, какъ изъ либавской, такъ и изъ виндавской гаваней, но это движеніе продолжалось немногіе годы. Послѣ этого судоходство опять было оставлено. Хотя у рижскихъ береговъ и плавали постоянно небольшіе корабли, но ихъ количество отъ 1850—1860 гг. не превышало числа 20—30. Латышскіе мореплаватели были пробуждены къ новой дѣятельности нѣкимъ К. Вольдемаромъ; онъ въ 50-хъ годахъ пишетъ въ нѣмецкихъ и русскихъ журналахъ о важности судоходства. Его старанія увѣнчались успѣхомъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ теперь 12 училищъ для моряковъ, которыя отъ 1864—1895 года посѣщались 8224 учениками. Изъ нихъ выдержали экзаменъ 3053 человѣка; 805 человѣкъ получили дипломы на право дальняго плаванія. Большая часть воспитанниковъ этихъ школъ теперь работаютъ на русскихъ моряхъ. Кромѣ того латышскія суда въ большомъ количествѣ плаваютъ въ настоящее время по атлантическому океану и командующіе этими судами, исключительно воспитанники вышеназванныхъ латышскихъ школъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Экипажъ состоитъ также почти только изъ латышскихъ прибережныхъ жителей. 1-го января 1896 года латышамъ принадлежали 315 парусныхъ судовъ и число экипажа простиралось до 1974 человѣкъ.

Кончая свой рефератъ о латышской этнографической выставкѣ въ Ригѣ во время X археологическаго съѣзда, я долженъ замѣтить, что она, не смотря на нѣкоторые недостатки, которыхъ почти невозможно избѣжать при какомъ бы то ни было первоначальномъ предпріятіи, все же представляла много интереснаго и поучительнаго.

Г. Ирмеръ.

Харьковъ,
12 Декабря 1896 г.

Памяти Н. С. Тихонравова.

(Окончаніе) [1].

(Обзоръ трудовъ Н. С. съ 1874—1893 г.).

Въ 1874 г., по окончаніи курса въ Костромской гимназіи, я поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Живо помню то особенное, какое-то благоговѣйное чувство, съ которымъ вступали мы, провинціалы, подъ каменные своды этого древнѣйшаго храма русской науки. Съ какимъ нетерпѣніемъ стремились мы услышать тѣхъ профессоровъ, славныя имена которыхъ долетали до провинціальной глуши, гдѣ мы воспитывались. Меня особенно интересовали профессоры Тихонравовъ и Буслаевъ, такъ какъ еще на гимназической скамейкѣ я намѣтилъ себѣ скромную дѣятельность преподавателя русскаго языка.

Какъ теперь вижу я отчетливо и ясно широкоплечую, коренастую фигуру Н. С., съ серьезнымъ, на первый взглядъ, пожалуй, даже строгимъ лицомъ. Спокойной, ровной походкой, входитъ онъ на каѳедру въ большой словесной аудиторіи, окидываетъ своими умными, выразительными глазами всю небольшую группу своихъ слушателей и начинаетъ по тетрадкѣ чтеніе первой лекціи. Онъ читаетъ мастерски, ясно, выразительно, но слегка шепелявитъ, что придаетъ его дикціи особенную своеобразность.

Курсъ 1874—5 года былъ посвященъ исторіи древней русской литературы, начиная со временъ первыхъ славянскихъ апостоловъ свв. Кирилла и Меѳодія. Первыя восемь лекцій составляли какъ бы введеніе къ общему курсу. Въ нихъ Н. С. знакомилъ своихъ слушателей съ палеографіей и библіографіей.

---

[1]) См. IX т. Сборн. Х. И.-Ф. Общ.

Такъ какъ древняя русская литература почти до XV столѣтія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ литературы византійской съ одной стороны и юго-славянской и сербской съ другой, то Н. С. ставитъ непремѣннымъ условіемъ для изученія исторіи русскаго языка обстоятельное знакомство съ древними русскими, болгарскими и сербскими рукописями.

Приступая къ изученію литературнаго памятника, прежде всего нужно опредѣлить время его появленія, и потому Н. С. выясняетъ своимъ слушателямъ способы опредѣленія мѣста и времени написанія рукописи: a) по матерьялу, на которомъ написана данная рукопись, b) по почерку и c) по правописанію, или языку. Переходя къ библіографіи, Н. С. ставилъ на видъ, что древне русская литература и до сихъ поръ не можетъ похвалиться особенной научной разработкой: историко-литературные памятники русской старины большею частью въ рукописяхъ заперты монастырскими стѣнами или лежать не изслѣдованными въ архивахъ.

Труды по библіографіи начинаются съ XVII вѣка попыткою чернеца Сеньки Медвѣдева: „Оглавленіе книгъ и кто ихъ сложилъ". Это оглавленіе, по мнѣнію Н. С., не потеряло и до сего времени своего высокаго значенія, такъ какъ Медвѣдеву были извѣстны такого рода произведенія, которыя теперь совершенно ускользнули отъ вниманія изслѣдователей.

Въ XVIII в., особенно первое время, благодаря реформамъ Петра, интересъ къ изученію древней русской литературы совершенно охладѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ образованномъ классѣ общества, такъ какъ все, что лежало до XVIII в. въ глубинѣ старины, для людей новаго времени было результатомъ первобытнаго варварства.

Въ первой четверти XVIII в. памятники русской старины заботливо охранялись людьми стараго порядка, врагами реформы, брадатыми раскольниками. Не ранѣе, какъ въ царствованіе Екатерины II, когда улеглась борьба между старымъ и новымъ направленіемъ, почувствовалась потребность возвратиться къ прошедшему, къ древней русской литературѣ. И вотъ въ 1773—4 г. Новиковъ началъ издавать журналъ: „Древняя Россійская Вивліоѳика. Первою задачею этого журнала было противодѣйствовать тому иностранному, преимущественно французскому направленію, которое все болѣе и болѣе крѣпло въ жизни и въ литературѣ. Въ предисловіи Новиковъ беретъ подъ защиту древнюю Русь, старается показать, что она не такъ невѣжественна и груба, какою ее старались выставить въ XVIII в.; онъ говоритъ, что тѣ же черты грубости и варварства, которыя ставились въ упрекъ до-Петровской Руси, можно найти въ исторіи всѣхъ образованныхъ государствъ Западной Европы. Указавъ на недостатки изданія памятниковъ старины Новиковымъ, заключавшіеся въ томъ, что Новиковъ, въ видахъ популяризаціи, позволялъ себѣ измѣнять языкъ и изложеніе старинныхъ

памятниковъ, Н. С. дѣлаетъ краткую оцѣнку другого труда Новикова: „Опытъ Историческаго Словаря Россійскихъ писателей". Затѣмъ довольно подробно останавливается на издательской дѣятельности Мусина-Пушкина, которому принадлежитъ первая попытка научнаго изданія рукописей. Далѣе Н. С. переходитъ къ разсмотрѣнію библіографической дѣятельности Баузе, Тимковскаго, Востокова, Калайдовича, братьевъ Строевыхъ, трудовъ Горскаго, Невоструева, Срезневскаго, Харьковскаго митрополита Филарета. Намѣтивъ такимъ образомъ цѣлый рядъ пособій, ознакомленіе съ которыми необходимо при изученіи древней русской литературы, Н. С. прежде чѣмъ перейти къ изложенію самаго курса, далъ студентамъ на выборъ три темы для годичнаго сочиненія. Одна изъ этихъ темъ касалась Стоглава. Изложивъ вкратцѣ исторію возникновенія этого памятника, указавъ лучшія его изданія, Н. С. даетъ совѣтъ, на чемъ именно должно быть сосредоточено вниманіе пожелавшихъ изучить этотъ памятникъ: 1) характеризовать направленіе лицъ, заправлявшихъ Стоглавымъ Соборомъ; 2) характеризовать противоположное направленіе, напр., тѣхъ книгъ, которыя запрещалъ соборъ читать; 3) представить тогдашніе обычаи народнаго быта, на сколько они рисуются въ вопросахъ.

Втора[illegible] тема: Паннонскія житія о Кириллѣ и Меѳодіи. Задача была поставлена не трудная: составить простой разсказъ о Кириллѣ и Меѳодіи по Паннонскимъ житіямъ и итальянской или латинской легендѣ.

Значеніе этихъ памятниковъ и ихъ взаимное соотношеніе было выяснено Н. С. предварительно.

Задавая такія темы, Н. С., какъ видно, преслѣдовалъ двѣ задачи: 1) заставить своихъ слушателей обстоятельно изучить тотъ или другой важный литературный памятникъ со стороны содержанія и 2) со стороны языка. Такъ, давъ послѣднюю тему, Н. С. замѣчаетъ: языкъ Паннонскихъ житій сохранилъ до сихъ поръ слѣды глубокой древности и въ формахъ и словахъ, такъ что изученіе текста даже со стороны языка представитъ вамъ полезное занятіе [1]). Въ заключеніе Н. С. поставилъ слѣдующее требованіе для всѣхъ темъ: въ началѣ работы долженъ быть представленъ конспектъ, т. е. планъ работы; при существованіи такого плана, сочиненіе можетъ быть и не окончено, но въ томъ только случаѣ, если будутъ даны доказательства, что памятникъ прочтенъ весь и планъ обдуманъ. Затѣмъ, прибавилъ Н. С., въ виду вашего же интереса, я совѣтовалъ бы ограничиться указанными пособіями и не задаваться широкими задачами.

Снарядивъ такимъ образомъ своихъ слушателей въ научный путь

---

1) Къ сожалѣнію я не помню, какая была третья тема, а въ сохранившихся у меня лекціяхъ недостаетъ, какъ разъ на этомъ мѣстѣ, нѣсколькихъ листовъ.

указавъ, на чемъ и какъ именно они должны пробовать свои силы, Н. С. приступилъ къ чтенію общаго курса.

Желая заранѣе подготовиться къ той преподавательской дѣятельности, которую я себѣ намѣтилъ заранѣе, я обратился въ корридорѣ университета за совѣтомъ къ Н. С. Выслушавъ меня, онъ далъ такой отвѣтъ: спеціализироваться еще рано, а если хотите заниматься, ступайте въ Румянцевскій музей и читайте рукописи...

Переходя къ изложенію общаго курса, Н. С. въ двухъ лекціяхъ указалъ на роль сравнительнаго изученія языковъ и на положеніе языка русскаго среди другихъ арійскихъ языковъ. Изложеніе древняго періода русской литературы Н. С. началъ подробною біографіею св. Кирилла и Меѳодія; въ основу этой біографіи были положены Паннонскія житія, а итальянская или латинская легенда служила лишь дополненіемъ; затѣмъ Н. С. перешелъ къ ознакомленію съ древнѣйшими памятниками болгарской письменности—Шестодневомъ Іоанна экзарха Болгарскаго, Изборникомъ Святослава; потомъ къ романамъ и повѣстямъ, переведеннымъ съ греческаго и находящимся въ сборникѣ Мусина-Пушкина, а именно—объ Акирѣ Премудромъ, Индійскомъ царствѣ и Дѣяніи Девгеніевѣ.

Такъ какъ калики перехожіе были, по мнѣнію Н. С., главными посредниками литературнаго общенія древней Россіи съ Византіей, то Н. С. довольно подробно знакомилъ слушателей съ возникновеніемъ и организаціей этой дружины. Результатъ литературной дѣятельности странствующихъ русскихъ каликъ перехожихъ выразился въ двухъ родахъ произведеній: съ одной стороны они писали о томъ, что видѣли и слышали въ Святой землѣ, и вотъ съ конца XII—XVII ст. мы видимъ цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ паломниковъ, ксеносовъ, странниковъ и т. п. Съ другой стороны люди неграмотные передавали въ формѣ духовныхъ стиховъ свои наблюденія, и вотъ появляется обширный отдѣлъ въ древне-русской народной словесности, извѣстный подъ названіемъ духовныхъ русскихъ стиховъ. Н. С. дѣлитъ духовные стихи по содержанію на три категоріи: а) стихи о Голубиной книгѣ, коренную основу которыхъ составляетъ древняя космогонія; b) стихи, содержаніе которыхъ составляютъ житія святыхъ, каковы, напр., стихи объ Алексіи Божіемъ человѣкѣ, Кирикѣ, Улитѣ, Святомъ Егоріи, Іоасафѣ Царевичѣ и т. п. и с) стихи о будущемъ вѣкѣ и страшномъ судѣ. Этотъ отдѣлъ духовныхъ стиховъ разсматривается Н. С. съ двухъ точекъ зрѣнія: а) въ немъ удержались древнѣйшія преданія индоевропейскихъ народовъ о загробномъ мірѣ, преданія, отзывающіяся въ жизни, языкѣ, быту и народной поэзіи всего индоевропейскаго семейства; b) въ началѣ XVI в. этотъ отдѣлъ получилъ

жизнь, благодаря тому обстоятельству, что русскіе раскольники старались передавать эти преданія о страшномъ судѣ въ духѣ своей секты.

Показавъ двоякое вліяніе Востока на древнюю русскую литературу— во 1-хъ черезъ книгу и во 2-хъ черезъ каликъ перехожихъ, Н. С. перешелъ къ обзору тѣхъ памятниковъ русской литературы, которые шли изъ Византіи въ древнюю Русь и опредѣлили собою направленіе древней русской словесности; для выясненія этого направленія Н. С. останавливается подробно на нѣкоторыхъ византійскихъ сборникахъ, которые играли у нашихъ предковъ важную роль, а именно на Палеѣ толковой и Палеѣ исторической или малой.

XIV в. былъ отмѣченъ особеннымъ процвѣтаніемъ сказаній о страшномъ судѣ, такъ какъ въ то время господствовала моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти. Указавъ на развитіе ея въ Германіи, Н. С. говоритъ о возникновеніи тамъ секты самобичевателей, гейслеровъ,—и ставитъ съ нею въ связь возникновеніе въ Новгородѣ ереси стригольниковъ,—а изъ этой послѣдней, подъ вліяніемъ литовскихъ и нѣмецкихъ выходцевъ, секты жидовствующихъ. Въ связи съ религіозными теченіями въ XV в. Н. С. излагаетъ и содержаніе памятниковъ, которые получали тогда особый интересъ для русскихъ людей, а именно слово Меѳодія Патарскаго о концѣ міра.

Таково было обильное содержаніе прочитаннаго курса. Мною намѣчены лишь общія черты, указанъ, такъ сказать, планъ, конспектъ.

Принимая же во вниманіе обстоятельную, детальную обработку всѣхъ существенныхъ вопросовъ, затронутыхъ этимъ курсомъ, широкія обобщенія и выводы, основанные на фактахъ и сравнительныхъ данныхъ, оригинальное, своеобразное освѣщеніе многихъ темныхъ дотолѣ уголковъ древней русской письменности, массу научнаго матеріала, положеннаго въ основу всего курса и общую идею, лежащую въ его основаніи и связывающую въ одну цѣльную, стройную картину отдѣльныя мелкія подробности, можно съ увѣренностью сказать, что такой курсъ и въ настоящее время можетъ служить весьма солиднымъ методическимъ руководствомъ при изученіи исторіи древней литературы.

Въ высшей степени былъ интересенъ курсъ, прочитанный Н. С. въ 1876--7 учебномъ году. Этотъ курсъ былъ посвященъ XVII в. Въ первой лекціи Н. С. указалъ, что единственнымъ руководствомъ по исторіи русской литературы служитъ исторія русской словесности Галахова, но такъ какъ первая половина этого руководства вышла въ 1863 г., а съ тѣхъ поръ издано много памятниковъ литературныхъ и историческихъ, то она нуждается въ пересмотрѣ. Кромѣ того, въ основу этого труда положена эстетическая точка зрѣнія; эстетическая же исторія литературы старыхъ временъ не представляетъ строгаго прагматическаго изложенія

исторіи литературы. Въ основѣ сочиненія лежитъ мысль, что наша образованность позднѣйшая и что мы должны были идти путемъ подражательнымъ, подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ: въ началѣ до XVII в. вліяніе было византійское, въ XVII в. польское, въ XVIII в. французское. Относительно вліянія Византіи Галаховъ, оставляя непосредственное изученіе древнихъ памятниковъ въ связи съ соотвѣтствующими памятниками византійскими, ограничивается только краткимъ очеркомъ византійской словесности, который онъ заимствовалъ у Бернарди. Переходя къ новому періоду, Галаховъ ставитъ на первое мѣсто польское вліяніе и придаетъ ему такое значеніе, котораго онъ никогда не имѣлъ: все, что было самостоятельнаго въ русской литературѣ того времени, приписывается польскому вліянію. Относительно раскольничьей литературы, раскольничьяго движенія у Галахова нѣтъ ничего. Расколъ разсматривается съ точки зрѣнія церковной: онъ составился единственно, чтобы удержать только старинныя книги. Въ виду такой особенной точки зрѣнія въ руководствѣ Галахова, Н. С. и расположилъ свой курсъ такъ, чтобы онъ служилъ дополненіемъ къ книгѣ Галахова.

Курсъ начинался краткимъ обзоромъ второй половины XVI в., вѣка переходнаго, большинство литературныхъ памятниковъ котораго носитъ охранительный характеръ; цѣль ихъ поддержать расшатывающуюся русскую старину: таковы Домострой, Азбуковники, Подлинники, Стоглавъ, Великія Чети-Минеи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Н. С. держался такой программы: сначала движеніе раскольничьей литературы, затѣмъ произведенія новыхъ людей, которые всего лучше характеризуютъ направленіе XVII в.,—Семена Полоцкаго, его наставниковъ и послѣдователей. Затѣмъ шелъ общій очеркъ литературы народныхъ книгъ и наконецъ эпоха Петра Великаго въ ея литературныхъ явленіяхъ.

Изложеніе раскольничьей литературы начинается съ ознакомленія съ жизнью и сочиненіями знаменитаго протопопа Аввакума. Мастерски составленная и замѣчательно прочитанная біографія этого представителя старой Руси, со всей ея хорошей и дурной стороной, производила на слушателей особенно сильное впечатлѣніе, которое сохранилось и до сихъ поръ. Какъ живая возставала предъ нами могучая духомъ фигура поборника бородатой старины. Нерѣдко вся аудиторія разражалась взрывомъ смѣха отъ какого-нибудь необычайно мѣткаго сопоставленія или характеристики, но самъ профессоръ оставался серьезенъ, и лишь въ глазахъ блестѣла улыбка. Аввакумъ, по мнѣнію Н. С., обладалъ вполнѣ богословскимъ образованіемъ, которое могла доставить любознательному человѣку старая русская литература, онъ вполнѣ проникся тѣми идеалами, которые такъ рѣзко и опредѣленно

выразила православная Русь въ Стоглавѣ и Домостроѣ. Въ концѣ XVII в., время столь близкое къ реформѣ Петра, Аввакумъ былъ весь обращенъ къ отходившему прошедшему: старая Русь идеализируется въ глазахъ его, между тѣмъ какъ начатки новаго не находили себѣ отголоска въ его душѣ. Протопопъ энергично работаетъ во имя этого прошедшаго, и мы, добавляетъ Н. С., не рѣшимся сказать, чтобы у него была къ старинѣ „ревность не по разуму". Мы не будемъ, говоритъ далѣе Н. С., смотрѣть на Аввакума съ точки зрѣнія церковныхъ историковъ; было бы величайшей ошибкой видѣть въ дѣятельности Аввакума только выраженіе его личныхъ антипатій къ Никону, результатъ его временныхъ неудовольствій на царя и патріарха: въ произведеніяхъ Аввакума рѣзко выразилось убѣжденіе массы, преданной старинѣ, и вотъ почему въ глазахъ представителей старины онъ сдѣлался святымъ. Развитіе раскольничьей литературы съ XVIII в. до сего дня въ существѣ своемъ вѣрно тому, что высказалъ Аввакумъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ. Смыслъ литературнаго движенія XVII в. будетъ намъ вполнѣ понятенъ, если мы сопоставимъ Аввакума съ главными представителями новаго направленія и обличителями старовѣрства. Такимъ сопоставленіемъ двухъ противоположныхъ направленій и обставлено изложеніе жизни и сочиненій Аввакума.

Переходя къ объясненію литературной роли Польши въ XVII в. Н. С. говоритъ, что эта роль ограничивалась главнымъ образомъ тремя литературными областями: 1) областью романовъ, повѣстей и сатирическихъ басенъ, 2) областью школьной драмы и 3) областью теоріи поэзіи и прозы и проповѣдью.

Прямого, тѣснаго общенія съ западной словесностью въ допетровскую эпоху не было. Страхъ потерять вѣру отцовъ и впасть въ ересь удерживаетъ отъ путешествія въ чужія страны, отъ чтенія чуждыхъ романовъ и повѣстей. Одни только послы могли ѣздить за границу и оставались посредниками между Русью и Западной Европой, но ихъ образованіе не настолько высоко, чтобы они могли понять самыя обыкновенныя явленія западной жизни, а потому и вліяніе пословъ на нашу литературу до XVII в. еле можно замѣтить. Это отсутствіе прямыхъ литературныхъ сношеній съ западомъ и восполняется посредническою ролью Польши, которая въ XVII в. съ большею легкостью и полнотою могла передать въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ произведенія европейской словесности.

Во главѣ перваго отдѣла памятниковъ, (т. е. повѣстей и разсказовъ), переданныхъ Польшею, Н. С. ставитъ Gesta Romanorum. Опредѣленію главныхъ типовъ этого сборника, времени и мѣста ихъ происхожденія и указанію ихъ вліянія на всю западно-европейскую поэзію до позднѣйшаго времени были посвящены три лекціи. Затѣмъ Н. С. переходитъ къ разсмот-

рѣнію сатирическихъ повѣстей и разсказовъ и на первомъ планѣ ставитъ извѣстный разсказъ о польскомъ Совесдралѣ. Исторія Совесдрала и его нѣмецкаго оригинала Eulenspiegel'я и опредѣленіе источниковъ послѣдняго было также изложено въ трехъ лекціяхъ. Затѣмъ разсматривается рядъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ: Смѣхотворныхъ повѣстей, (книга, глаголемая фацеціи или жарты польскія, бесѣды, повѣсти и утѣшки московскія) опредѣляется ихъ составъ, содержаніе, указывается вліяніе итальянской новеллы Боккачіо, Поджіо, классическаго сборника Іоганна Паули, французскихъ fabliaux, Томаса Мурнера. Анализъ „Смѣхотворныхъ повѣстей" заканчивается такимъ обобщеніемъ: „Исторія Смѣхотворныхъ повѣстей XVII в. далеко выходитъ за предѣлы этого вѣка. Въ XVIII в., въ вѣкъ господства французскаго вкуса, въ среднемъ сословіи эти старыя польскія фацеціи принадлежали къ числу книгъ, которыми развлекались русскіе читатели.

Надъ составленіемъ этихъ сборниковъ въ XVIII в. работали приверженцы того новаго литературнаго направленія, которое создало мѣщанскую литературу. Это было направленіе, которое группировалось около Новикова, которое считало въ ряду своихъ послѣдователей цѣлую массу людей, противниковъ ложноклассическаго французскаго направленія. Во главѣ людей этого направленія былъ и Крыловъ, который часто воспроизводилъ фацеціи въ своихъ басняхъ.

Совершенно другимъ характеромъ отличается сборникъ Великое зертало притчей и прилоговъ; въ немъ господствуетъ строго-церковное направленіе, ультракатолическое, что сближаетъ его съ направленіемъ прологовъ и патериковъ. По преобладающему своему характеру Зерцало осталось достояніемъ старыхъ русскихъ людей и дало матеріалъ многочисленнымъ старовѣрческимъ цвѣтникамъ.

Но ни въ одной отрасли русской литературы XVII и XVIII в., по мнѣнію Н. С.. не выразилось вліяніе Польши такъ сильно, какъ именно въ русской школьной драмѣ и русской школьной дисциплинѣ. Драма Кіевской академіи начала развиваться гораздо раньше Московской и въ началѣ XVIII в. подъ перомъ своихъ даровитыхъ авторовъ достигла уже значительной самостоятельности, такъ что, сохраняя свою архаическую польскую форму, искала себѣ содержанія уже въ отечественной старинѣ и даже русской современности; тогда какъ школьныя дѣйства московско-славяно-греко-латинской академіи, этихъ „новосіяющихъ Аѳинъ" даже въ XVIII в. вѣрны были въ формѣ, въ обработкѣ сюжетовъ тѣмъ началамъ, которыми опредѣлилось развитіе школьной драмы въ Польшѣ—въ XVII в. Обстоятельному ознакомленію со школьной драмой, въ связи съ схоластической теоріей русской литературы въ XVII в. было посвящено все второе полугодіе.

Послѣдній годъ Н. С. читалъ спеціальный курсъ, предметомъ котораго была лѣтопись Нестора. Цѣль этого курса, какъ объявилъ Н. С. при самомъ вступленіи, была пріучить къ чтенію рукописей. Упомянувъ о томъ, что мы не имѣемъ ни одного памятника чистаго церковно-славянскаго языка, и что одна изъ наиболѣе трудныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарныхъ работъ—разложить правописаніе памятника на составные элементы, Н. С. ознакомилъ слушателей съ южно-русскимъ письмомъ, затѣмъ—со способомъ изданій рукописей Мусинымъ-Пушкинымъ, Тимковскимъ, Миклошичемъ и, указавъ главнѣйшіе недостатки его, приступилъ къ изъясненію текста лѣтописи Нестора по изданію археографической коммиссіи.

Къ сожалѣнію, сложныя служебныя занятія по должности ректора, которую Н. С. занималъ съ мая 1877 г., отнимали у него слишкомъ много времени, а потому этотъ курсъ былъ самый маленькій, и мы успѣли познакомиться лишь съ выводами изъ разбора этнографической таблицы и съ брачными обычаями у славянъ.

Таково было содержаніе трехъ курсовъ, прочтенныхъ Н. С. въ бытность мою его слушателемъ.

Помимо этого, у меня сохранились кое-какія и другія лекціи, читанныя Н. С. въ различное время. Изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія разборъ слова о полку Игоревѣ и лекціи, посвященныя новой литературѣ. Такъ въ теченіе 1880—81 учебнаго года Н. С. представилъ въ своихъ лекціяхъ рядъ очерковъ о главныхъ выдающихся явленіяхъ литературной исторіи XVIII в., начиная съ Третьяковскаго и Ломоносова. Свое намѣреніе дать лишь „рядъ очерковъ" Н. С. объясняетъ тѣмъ, что въ настоящее время едва ли можно взять на себя трудную, неисполнимую задачу представить полную картину литературнаго движенія XVIII в. Причинъ на это очень много: во 1-хъ, источники для такого рода литературной исторіи представляются крайне скудно или даже совершенно не разработанными, а во 2-хъ, самое изданіе писателей XVIII в. до такой степени небрежно и произвольно, что даже самый текстъ ихъ въ его первоначальномъ видѣ большею частью утраченъ.

Читая изданія Ломоносова и Фонъ-Визина, кто повѣритъ, говоритъ Н. С., что мы имѣемъ произведенія этихъ писателей съ непрошенными помарками и передѣлками какого-либо Козодавлева или княгини Дашковой.

Вотъ почему, присовокупляетъ Н. С., я признаю полезнымъ каждому изъ отдѣльныхъ очерковъ предпослать возможно сжатый и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно полный обзоръ тѣхъ пособій, которыя могли бы быть употреблены при разборѣ отдѣльныхъ писателей XVIII в. Отказываясь стать на чисто эстетической точкѣ зрѣнія и дорожа единственно исторической, Н. С. удаляетъ въ своемъ разборѣ такихъ писателей, какъ Херасковъ, и выдви-

гаетъ писателей второстепенныхъ съ точки зрѣнія эстетической, но являющихся представителями не только литературнаго, но и общественнаго направленія.

Этотъ рядъ очерковъ былъ слѣдующій: Третьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Лукинъ и сатирическіе журналы. Какъ бы продолженіемъ этого курса служилъ другой, излагавшій вторую половину XVIII в., когда русская литература начинаетъ отставать отъ основныхъ положеній ложноклассической школы и искать образцовъ внѣ очарованнаго круга французскихъ писателей такъ называемаго золотого вѣка. Этотъ курсъ посвященъ главнѣйшимъ образомъ дѣятельности Новиковскаго Дружескаго общества. Въ связи съ дѣятельностью Новикова и его кружка разсматривается и дѣятельность Карамзина. По мнѣнію Н. С., новый періодъ литературнаго слова и слога созданъ не Карамзинымъ, а Дружескимъ ученымъ обществомъ: Карамзинъ былъ тамъ молодой сотрудникъ. Преемникомъ литературныхъ преданій Карамзина является В. А. Жуковскій, обзоромъ дѣятельности котораго до 1813 г. и завершается данный курсъ.

Заканчивая это краткое обозрѣніе извѣстныхъ мнѣ лекцій Н. С., я, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію его печатныхъ трудовъ за этотъ періодъ времени, позволю себѣ привести здѣсь отзывы объ его лекціяхъ другихъ его слушателей, а также появившійся въ началѣ текущаго года въ Вѣстникѣ Европы отзывъ Пыпина.

„Не стану распространяться о высокихъ научныхъ достоинствахъ курса о второй половинѣ XVII и началѣ XVIII в.,—говоритъ одинъ изъ его слушателей Г. Аммонъ,—объ исключительной важности самаго историческаго момента, избраннаго профессоромъ для освѣщенія, скажу только о впечатлѣніи, вынесенномъ нами изъ первой лекціи Н. С. и затѣмъ укрѣплявшемся и усиливавшемся съ каждой новой его лекціей.

Это было прежде всего впечатлѣніе не только полнаго обладанія предметомъ, но и полной самостоятельности изслѣдованія, не нуждающагося въ ссылкахъ на чужія мнѣнія, всегда опирающагося на результаты собственныхъ изысканій и приходящей къ своимъ оригинальнымъ выводамъ. Но не одна самостоятельность мысли, соединенная съ детальнѣйшимъ знаніемъ предмета, неотразимо приковывала вниманіе аудиторіи: не менѣе сильно дѣйствовала на умы слушателей цѣльность, стройность и законченность его изложенія, всегда проникнутаго одною руководящею идеею.

Благодаря этой цѣльности, особенно яркими являлись характеристики отдѣльныхъ дѣятелей литературы и цѣлыхъ эпохъ въ духовной жизни народа съ ихъ господствующимъ міросозерцаніемъ и идеалами. Стоитъ только вспомнить отдѣлы курсовъ Н. С., посвященные Кантеміру, Третьяковскому, Ломоносову, Сумарокову, которые всѣ, какъ живые, проходили передъ слу-

шателями въ своеобразномъ освѣщеніи и ярко очерченной физіономіей; въ особенности считаю себя въ правѣ утверждать это по отношенію къ грандіозной фигурѣ русскаго самородка XVII в., богатыря раскола, протопопа Аввакума, неизгладимо врѣзавшейся въ воображеніи, точно изваянной во всемъ величіи ея мрачнаго фанатизма и несокрушимой энергіи [1]).

Вотъ что говоритъ о лекціяхъ Н. С. Тихонравова Пыпинъ: „Лекціи его составлялись изъ трудолюбиво подобранныхъ и мастерски сложенныхъ подробностей, которыя осторожно обобщались и умѣренно освѣщались разсужденіями лектора. Нерѣдко лекція имѣла видъ изящной мозаики разнообразныхъ мелкихъ данныхъ, которыя своимъ подборомъ и расположеніемъ представляли такое послѣдовательное развитіе мысли профессора и живостью конкретныхъ чертъ сообщали предмету такую изобразительную наглядность, что, не смотря на свое обиліе, легко и стройно укладывалась въ памяти слушателей. Особенно успѣлъ онъ критическимъ разборомъ и сопоставленіемъ списковъ и редакцій, мозаическимъ подборомъ источниковъ и варіантовъ выяснить происхожденіе, ростъ и составъ какого-либо апокрифа, зарожденіе, развитіе и осложненіе легенды, идею и ходъ разработки литературнаго типа. Всѣмъ этимъ, при его превосходной манерѣ чтенія, лекціи его производили сильное методологическое впечатлѣніе“ [2]).

Въ высшей степени поучительна, говоритъ его слушатель М. Сперанскій, самая форма лекцій. Н. С. былъ особенно требователенъ въ томъ, что касалось строго научной, точной, добросовѣстной разработки вопроса. Это строгое отношеніе предъявлялъ онъ себѣ и въ курсахъ: ни одной мысли ни одного положенія въ нихъ не встрѣтимъ мы не мотивированными, не доказанными глубоко и всесторонне освѣщенными фактами. Этимъ объясняется и внѣшняя сторона его курсовъ: всякое слово, произнесенное имъ съ каѳедры, прежде было тщательно взвѣшено; поэтому лекцій Н. С. не говорилъ наизусть: все до послѣдняго слова было всегда написано.

Замѣчательный стилистъ, обладавшій недюжиннымъ художественнымъ талантомъ слова, Н. С. могъ художественно и въ тоже время живо и строго научно создавать передъ слушателями широкія картины прошедшаго [3]).

Въ 1874 г. Н. С. были изданы къ 200 лѣтнему юбилею русскаго театра: „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 г.“ въ двухъ томахъ. „Въ предлагаемомъ изданіи,—говоритъ Н. С. въ предисловіи,—мы имѣли цѣлью представить по возможности полное собраніе оригинальныхъ и переводныхъ драматическихъ произведеній въ періодъ времемени съ 1672 по 1725 годъ включительно. Конечно, далеко не всѣ изъ піесъ, вошедшихъ въ составъ

---

1) Пам. Тих. Изд. Арх. общ. стр. 59—61.

2) Пыпинъ. Вѣст. Евр. 1897 г. мартъ, стр.

3) Пам. Тих. Изд. Арх. общ. стр. 56—57.

сборника, имѣютъ литературное достоинство; но для изслѣдователя судебъ русскаго театра въ эпоху преобразованій и предшествующую ей онѣ представляютъ несомнѣнный интересъ. Къ сожалѣнію, многія и часто важнѣйшія піесы русскаго репертуара 1672—1725 г. утрачены или же остались неизвѣстными составителю предлагаемаго сборника, извлекавшему матеріалы изъ рукописей Императорской публичной библіотеки, Императорской академіи наукъ, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Московской синодальной библіотеки, Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, Московской духовной академіи, Московскаго Успенскаго собора и Кіевской духовной академіи. Въ примѣчаніяхъ помѣщены свѣдѣнія о рукописяхъ и историко-литературныя разысканія, имѣющія главною цѣлью разъяснить происхожденіе и литературную исторію каждой піесы стараго русскаго репертуара. Приложенный словарь имѣетъ въ виду съ одной стороны облегчить чтеніе собранныхъ піесъ, съ другой—представить нѣсколько новыхъ матеріаловъ для исторіи русскаго языка. Имѣя дѣло съ произведеніями конца XVII в. и начала XVIII, мы сочли полезнымъ внести въ словарь нѣкоторыя толкованія словъ изъ такихъ компиляцій, каковы Лексиконъ Памвы Берынды и азбуковники XVII в. Наконецъ для характеристики русскаго литературнаго языка въ эту эпоху мы отмѣтили въ словарѣ и отчасти въ примѣчаніяхъ тѣ русскія реченія, варваризмы и неологизмы, которые употреблялись русскими переводчиками при передачѣ на родномъ языкѣ новой неизвѣстной у насъ въ старину литературной отрасли—драматической".

Изъ этого предисловія видно, на сколько широко былъ задуманъ данный трудъ и сколько потребовалось усидчивой кропотливой работы, чтобы привести все это въ исполненіе. Къ сожалѣнію, 3-й томъ, въ который должны были войти примѣчанія и словарь, вслѣдствіе банкротства издательской фирмы Кожанчикова, не былъ оконченъ изданіемъ, а отдѣльные напечатанные листки сохранились лишь въ незначительномъ количествѣ и составляютъ библіографическую рѣдкость.

Въ началѣ перваго тома приложена статья: „Репертуаръ русскаго театра" въ первые пятьдесятъ лѣтъ его существованія, которая была предметомъ актовой рѣчи въ предыдущемъ году.

Въ двухъ томахъ было напечатано 25 піесъ изъ числа 44, означенныхъ въ хронологическомъ перечнѣ драматическихъ произведеній 1672—1725 г. На сколько солиденъ былъ этотъ трудъ лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ то, что „за 20 лѣтъ, протекшихъ со времени его изданія, было открыто очень немного драматическихъ произведеній, относящихся къ данной эпохѣ и не вошедшихъ въ это изданіе" [1]).

[1]) (Пам. Тих. Изд. Арх. Общ. стр. 90).

„Вообще труды Тихонравова въ области древняго русскаго театра обнимаютъ все цѣнное, что сдѣлано до сихъ поръ наукой. Рядомъ съ нимъ можно поставить лишь изслѣдованіе Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ“ и монографію Морозова: „Очерки изъ исторіи русскаго театра XVII—XVIII ст.“ говоритъ А. С. Архангельскій въ своей книжкѣ, посвященной памяти Н. С. Тихонравова.

Въ томъ же году въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ была напечатана сообщенная Н. С. „Записка о разговорѣ съ двумя духоборцами архимандрита Евгенія, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго.

Будучи въ томъ же году на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, Н. С. прочелъ тамъ въ одномъ изъ засѣданій рефератъ, подъ заглавіемъ: „Исторія статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.“ Рефератъ этотъ не былъ напечатанъ и съ содержаніемъ его мы можемъ познакомиться по краткому извлеченію изъ него, сдѣланному въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда

Начало этой „Исторіи“ восходитъ къ первымъ памятникамъ русской письменности, а конецъ ея совпадаетъ съ эпохой, предшествовавшей реформамъ Петра Великаго, такъ какъ статья въ окончательномъ видѣ явилась въ знаменитой Кирилловой книгѣ 1644 г.

„По мнѣнію референта, этотъ небольшой памятникъ отразилъ важнѣйшіе фазисы культурнаго развитія древней Россіи, поэтому разложеніе его на составныя части можетъ объяснить намъ, какого рода вліяніе на русскую письменность шло изъ Болгаріи, Сербіи, Византіи, далекаго христіанскаго Востока, и что въ ней возникло независимо отъ посторонняго вліянія. Референтъ началъ свое изслѣдованіе сообщеніемъ, что только въ XI в. по Р. Х. начали думать о составленіи списка каноническихъ книгъ. Затѣмъ перешелъ къ древнѣйшему славянскому списку книгъ истинныхъ и ложныхъ, относящемуся ко второй половинѣ XI в. Онъ состоитъ изъ перевода, между прочимъ, статьи, приписываемой Анастасію: она-то и была тѣмъ основнымъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи развилась и сложилась русская статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Съ особенною подробностью референтъ остановился на болгарскомъ индексѣ книгъ истинныхъ и ложныхъ, который былъ принесенъ въ Россію митрополитомъ Кипріаномъ (XIV в.) и внесенъ въ его требникъ. Этотъ индексъ значительно отличается отъ своего оригинала, т. е. указаній Анастасія. Главное отличіе его заключается въ страстной полемикѣ автора съ тѣми еретиками, которые распустили множество ложныхъ писаній на соблазнъ людей и во главѣ которыхъ былъ попъ Іеремія. По всѣмъ соображеніямъ, составленіе этого индекса должно быть отнесено къ первой половинѣ XI в. Въ XV в. статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ измѣнилась въ томъ отдѣлѣ, который былъ посвященъ книгамъ истиннымъ и ложнымъ: здѣсь нашла себѣ

представителей вся почти оригинальная русская письменность, которая была плодомъ христіанскаго просвѣщенія, развившагося подъ византійскимъ вліяніемъ и особенно процвѣтавшаго въ XV в. Затѣмъ вопросъ о томъ, какія книги нужно считать ложными, въ XVI в. получилъ особенное значеніе. Онъ вытекалъ изъ потребностей русской жизни, смущенной еретическими ученіями и толками о концѣ міра. Подъ вліяніемъ эпохи измѣнилась и статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Съ конца XVI в. начинают проникать въ русскую жизнь иностранныя вліянія, появились сочиненія, переведенныя съ нѣмецкаго, польскаго и латинскаго языковъ,—и вотъ въ статью заносятся заглавія этихъ сочиненій. Въ началѣ XVII в., когда господство византійскихъ догматовъ сильно ослабѣло, когда вліяніе западное, поддерживаемое Московскими государями, все болѣе и болѣе укрѣплялось, уже немногіе заводили рѣчь о необходимости преслѣдовать ложныя книги. Только отсталые люди, напр., старовѣры, могли еще въ то время сѣтовать, что православные увлекаются ложными ученіями. Въ заключеніи референтъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ индексѣ ложныхъ книгъ, который составленъ былъ Никономъ Черногорцомъ" [1]).

Въ 1875 г. въ Русской Старинѣ (т. VIII, стр. 436) была напечатана сообщенная Н. С. съ корректурнаго экземпляра Московской типографской библіотеки, съ соблюденіемъ правописанія, афиша временъ Петра Великаго: Объявленіе всякаго чіна персонамъ (особамъ) какіе посмѣшные дівотворствія и протчіе посмѣшные дивотворствіи и протчіе забавные дѣіствіи въ государствахъ презентованы, а имянно въ Цесаріи, Пруссіи, Франціи, Польшѣ и другіхъ княженіяхъ: а какіе о томъ ниже слѣдуютъ позітуры съ перемѣнными виды і дѣйствіи, а имянно:

1. Вначалѣ наша въ свѣтѣ похвалная агліиская мастерица, опрокинясь назадъ ногами, на платъ прострется.

2) Обѣ ноги кругъ шеи объвиваетъ подобно галстуку и т. п. всего 13 пунктовъ. Въ той же книжкѣ напечатано сообщенное Н. С. стихотвореніе Печорина бывшаго профессора греческой словесности въ Московскомъ университетѣ, сдѣлавшагося впослѣдствіи миссіонеромъ и братомъ ордена Іисуса:

„Прочь, о демонъ лучезарный
Демонъ счастья и любви!"

Въ засѣданіи этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія Н. С. было прочитано изслѣдованіе: „Черты народнаго русскаго быта въ допетровскихъ памятникахъ духовной литературы", а въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности—„Московская

---

[1]) Труды 3-го археол. съѣзда 1874 г. стр. LVIII.

школьная драма въ первой половинѣ XVIII в.“, но ни то, ни другое изслѣдованіе не было напечатано.

Въ Вѣстникѣ Общества Древне-русскаго Искусства за 1876 г. (кн. 1, отд. III, стр. 37—42) былъ напечатанъ новый отрывокъ изъ „Путевыхъ записокъ суздальскаго епископа Авраама. И. Ф. Дюмушель перевелъ этотъ отрывокъ съ замѣткою Тихонравова на французскій языкъ, подъ названіемъ Nouveau fragment de l’itinéraire d’Abraham, évêque de Souzdal.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за тотъ же годъ (№ 332) былъ напечатанъ некрологъ Виктора Ивановича Григоровича, одного изъ первыхъ по времени профессоровъ по кафедрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ.

Я позволю себѣ привести этотъ некрологъ почти цѣликомъ, такъ какъ онъ, по моему мнѣнію, весьма характеренъ для обрисовки личности самого Н. С., его склонностей и симпатій и, быть можетъ, даже даетъ косвенное объясненіе нѣкоторыхъ сторонъ его дѣятельности. „Въ лицѣ Григоровича угасла, смѣемъ думать, большая научная сила. Чѣмъ бы ни обусловливалась та рѣдкая ученая скромность, которою отличался покойный, скромность, заставлявшая его таить въ рукописи плоды своихъ глубокихъ разысканій, мы можемъ сожалѣть, что и та немногочисленная семья ученыхъ монографій Григоровича, которыя онъ, можно сказать, вынужденъ былъ напечатать, не собрана въ одно цѣлое. Отдавъ изъ своей профессорской дѣятельности 34 года провинціальнымъ университетамъ, Григоровичъ тѣмъ самымъ скрылъ отъ большинства читателей неспеціалистовъ смыслъ своихъ ученыхъ открытій, истинное значеніе своего научнаго авторитета. Преданный исключительно разрѣшенію научныхъ вопросовъ, вращаясь въ ихъ идеальной области, онъ спокойно отдавалъ обнародованіе открытыхъ имъ памятниковъ старославянской литературы другимъ, и въ числѣ этихъ другихъ былъ и знаменитый П. І. Шафарикъ.

Можетъ быть, поэтому имя проф. Григоровича не имѣетъ у насъ внѣ университетской сферы подобающей ему популярности. Симпатіи Григоровича, какъ ученаго, обращены были по преимуществу къ первымъ вѣкамъ славянской письменности и культуры. Его обильныя содержаніемъ монографіи: Изысканія о славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи, статьи, касающіяся древне-славянскаго языка, службы свв. апостоламъ Кириллу и Меѳодію, о св. Климентѣ Болгарскомъ и изслѣдованія о происхожденіи и памятникахъ Глаголицы освѣтили яркими лучами древнѣйшій періодъ исторіи старославянской литературы; и вмѣстѣ съ трудами другихъ изслѣдователей легли въ основаніе историческихъ изысканій о блаженныхъ первоучителяхъ славянскихъ. Древне-русскіе паломники, отдаваясь порывамъ

своего благочестиваго вѣрованія, стремились къ той святой землѣ, „по которой Христосъ походилъ своими ногами“.

Однимъ изъ первыхъ ученыхъ предпріятій Григоровича было также походить по святой землѣ, ознаменованной апостольскою дѣятельностью насадителей славянскаго просвѣщенія, и заботливой рукою ученаго, вѣрующаго въ судьбы славянской народности, бережно собрать и соблюсти отъ Турецкой дикости и равнодушія грековъ письменные остатки старославянской литературной старины.

Желаемъ искренно, чтобы слушатели покойнаго передали намъ съ полной искренностью, безъ неприличной реторики свои воспоминанія о преподаваніи Григоровича. Эти сообщенія дороги для оцѣнки ученой личности. Григоровичъ былъ ученый по преимуществу, въ особенномъ смыслѣ этого слова. Внѣ научной сферы для него, кажется, не существовало другого міра, и онъ къ этому другому міру былъ вполнѣ равнодушенъ и безотвѣтенъ. На его внѣшности отражалось это аскетическое затворничество въ тихомъ пристанищѣ ученаго кабинета. Изъ своей келіи онъ любилъ выносить результаты своихъ изысканій не въ печать, а въ столь же тихую, какъ его кабинетъ, немногочисленную аудиторію своего университета, или въ тѣсный кружокъ своихъ сотоварищей. И кто знаетъ? можетъ быть сѣмена, брошенныя въ скромныхъ аудиторіяхъ Казани, уже успѣли принести плодъ, которымъ пользуется наша литература, не спрашивая о томъ, кому она обязана имъ. Ученые Казанской духовной академіи обогатили науку многочисленными историческими трудами, которые были бы невозможны безъ умѣнья читать и, главное, почитать, т. е. уважать рукописные памятники русской и общеславянской литературной старины. Эта особенность въ направленіи ученой дѣятельности профессоровъ Казанской духовной академіи не объясняется ли тѣмъ, что Щаповъ, Павловъ, Добротворскій и Порфирьевъ испытали на себѣ вліяніе профессора Казанской академіи Григоровича?

Я буду еще имѣть случай остановиться на этомъ некрологѣ а пока перейду къ разсмотрѣнію другихъ научныхъ трудовъ Н. С.

Къ 1878 году относится появленіе одного изъ капитальныхъ трудовъ Н. С. по исторіи русской литературы—это рецензія на книгу А. Д. Галахова: „Исторія русской словесности древней и новой“, напечатанная въ отчетѣ о 19-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова а также и отдѣльными оттисками (124 стр.). Эту рецензію самъ Н. С. въ шутку называлъ своей докторской диссертаціей.

Чтобы хотя отчасти познакомить съ этимъ трудомъ, представляющимъ въ настоящее время также біографическую рѣдкость я укажу лишь ея главнѣйшія положенія.

„Важнѣйшимъ, существеннымъ недостаткомъ Исторіи русской словесности Галахова является эстетическая точка зрѣнія, положенная въ ея основаніе. *Законы искусства и превосходнѣйшія* творенія классическихъ писателей—вѣрная примѣта той эстетической критики, которой опредѣлялись старинные курсы исторіи литературы,—уже давно осуждены на забвеніе, говоритъ Н. С., современною исторической наукою за ихъ антиисторическое направленіе и аристократическій характеръ.

Въ силу такой точки зрѣнія на первомъ планѣ исторіи словесности остаются писатели и произведенія, удовлетворящіе эстетическому чувству, распространители идей истины и добра, писатели, которые представляли *геніальные* образцы, послужившіе основаніемъ для постройки болѣе истинынхъ теорій,—однимъ словомъ, классическіе писатели. Главный предметъ изученія современной исторіи литературы—литературныя произведенія массы, многоразличныя проявленія національности въ словѣ не получилъ подобающаго мѣста въ Исторіи русской словесности: интересъ эстетическій преобладаетъ въ немъ надъ историческимъ, классическіе писатели, единицы,—надъ массой, надъ народомъ.

Второй недостатокъ заключается въ томъ, что Галаховъ вмѣсто авторитетовъ научныхъ, выводы которыхъ основаны на сравнительно-историческомъ методѣ (братья Гриммъ, В. Гумбольдъ) обращаются за руководящими воззрѣніями или къ такимъ диллетантамъ, какъ Эдуардъ Арндъ или къ послѣдователямъ устарѣлой эстетической школы, какъ Цимерманъ или, наконецъ, черпаетъ эти положенія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. При обзорѣ народной поэзіи Галаховъ обращается за руководящими указаніями не къ классическому мнѣнію В. Гримма: Deutsche Heldensage, а къ коротенькому учебнику Вильмара Geschichte der deutschen Nationalliteratur.

Затѣмъ авторъ исторіи русской словесности слишкомъ строго придерживается пособій—Исторіи церкви Макарія, Исторіи русской словесности Шевырева и отдѣльныхъ монографій, большею частью принадлежащихъ перу Горскаго и Невоструева. Но всѣ эти сочиненія разсматривали свой предметъ исключительно съ точки зрѣнія исторіи церкви. Строго историко-литературный методъ требовалъ отъ Галахова знакомства съ другими учеными трудами и, кромѣ того, непосредственнаго изученія рукописей, которыми слѣдовало восполнить, повѣрить, осмыслить и оживить скудныя библіографическія указанія Строева, Калайдовича, преосв. Филарета.

Вообще исторія русской словесности Галахова не обнаруживаетъ въ авторѣ серьезной филологической подготовки, которая необходима для изученія литературныхъ памятниковъ древней Россіи по рукописямъ, точно также какъ послѣднее, при современной обработкѣ предмета, необходимо для уясненія историческаго хода до-петровской литературы. Скажемъ бо-

лѣе: безъ непосредственнаго знакомства съ нашими древними рукописями невозможно въ настоящее время воспользоваться съ надлежащей основательностью историко-литературными изслѣдованіями и указаніями, разсѣянными въ такихъ монументальныхъ твореніяхъ, каковы: Описаніе рукописей Румянцевскаго музея Востокова, описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева. Это, можно сказать, краеугольные камни будущей исторіи древне-русской и славянской литературы. Отсутствіемъ непосредственнаго знакомства съ рукописями объясняются неточности, обмолвки и важныя ошибки, очень нерѣдко встрѣчающіяся въ исторіи русской словесности. Результатомъ того же самаго незнакомства съ рукописями въ связи съ желаніемъ дать обзору до-петровской литературы внѣшнюю полноту является нерѣдко искаженіе фактовъ и совершенно невѣрное опредѣленіе литературныхъ памятниковъ. Такъ Галаховъ смѣшиваетъ Измарагды съ Златоустами и даже съ Златоструями; невѣрно опредѣляетъ время появленія Александрій, отказываетъ въ самостоятельномъ существованіи такому характерному памятнику, какъ Толковая Палея, памятнику, который, по мнѣнію Н. С., въ области религіозныхъ и художественныхъ идей древней Россіи играетъ роль, можетъ быть, болѣе важную, чѣмъ библія бѣдныхъ и историческая библія на Западѣ (biblia pauperorum и Historienbibel). Въ результатѣ Н. С. приводитъ къ выводу, что безъ непосредственнаго знакомства съ рукописями невозможно дать надлежащей оцѣнки ни одного изъ болѣе выдающихся памятниковъ до-петровской литературы. Далѣе Н. С. указываетъ, что Галаховъ расширяетъ область польскаго вліянія на до-петровскую литературу далѣе ея историческихъ границъ. Такъ онъ смѣшиваетъ совершенно различныя по происхожденію и характеру группы драматической литературы и видитъ польское вліяніе тамъ, гдѣ его не было. Школьныя піесы при Алексѣѣ Мих. и Петрѣ Великомъ дѣйствительно стояли подъ *исключительнымъ* польскимъ вліяніемъ чисто іезуитскихъ образцовъ, но репертуаръ Грегори, Куншта, Фирша стоялъ подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣмецкаго театра. У Галахова осталось неразъясненнымъ духовное настроеніе эпохи Стоглава, Великихъ Четьихъ Миней, Домостроя, Максима Грека. Симптомы тяжелой переходной эпохи, развитіе борьбы стараго идеала съ новымъ—ярко выражается въ литературномъ и умственномъ движеніи Московской Руси въ XVI в. Здѣсь, а не во 2-й половинѣ XVIII в. начинается, по мнѣнію Н. С., и новый періодъ русской литературы. Вообще характеристика отдѣльныхъ столѣтій нашей литературной исторіи страдаетъ у Галахова неопредѣленностью и отсутствіемъ твердой исторической методы: Галаховъ пріурочиваетъ литературный памятникъ къ тому столѣтію, въ спискѣ котораго онъ случайно извѣстенъ ему. Такимъ образомъ Галаховъ, характеризуя извѣстный памят-

никъ разбираемой эпохи, на самомъ дѣлѣ пишетъ характеристику совершенно другого литературнаго періода и вліянія. Историческій обликъ литературы XVII в. совершенно стушевался въ этомъ сочиненіи: мы не видимъ борьбы, не видимъ характерныхъ духовныхъ стремленій и литературныхъ произведеній брадатыхъ поборниковъ старины. Какими драгоцѣнными бытовыми чертами обогатилъ бы исторію литературы обзоръ однихъ сочиненій Аввакума, этого „попа-богатыря".—Переходя къ эпохѣ Петра Великаго, Н. С. говоритъ, что тутъ уже чувствуется твердая рука самостоятельнаго изслѣдователя, преданнаго предмету своего труда.

Но Галаховъ показываетъ одну сторону литературы Петровскаго времени, литературу печатную, болѣе или менѣе оффиціальную; мы не видимъ литературы противоположнаго лагеря, старовѣрческой; историческая картина не представляетъ необходимой полноты. Мы видимъ снова однихъ представителей и не знаемъ, что движется и глухо волнуется подъ поверхностью оффиціальной литературы, какіе тетради и листки обносятся по рукамъ, кромѣ книгъ, напечатанныхъ по Царскаго Величества указу. Книга Галахова не даетъ замѣтить, кто сталъ въ центрѣ ея, заправлялъ ею, кто самъ поправлялъ вѣдомости, церковныя службы, выбиралъ книги для переводовъ, писалъ программы для руководства, указывалъ идеи, которыя слѣдовало распространять путемъ печатнаго слова, т. е. самого царя. Взглянемъ, говоритъ Н. С., хотя на ту литературу, которая развилась въ теченіе великой сѣверной войны—на проповѣди, школьныя драмы, объясненія тріумфальныхъ вратъ, издававшіяся для всенароднаго множества, на первые отзывы публицистики, даже эктеньи на супостатовъ, церковныя службы: какое единство мысли, направленій, даже образовъ! Чувствуешь, что сокровенныя нити всѣхъ этихъ произведеній сходятся въ твердыхъ рукахъ одного человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла и не любящаго диссонансовъ.

Вѣрный положеніямъ эстетической критики, Галаховъ для каждаго царствованія выставляетъ литературнаго представителя. Онъ придаетъ этимъ представителямъ значеніе вождей общественной мысли, оставляя менѣе заслугъ на долю общества. Литературная дѣятельность Карамзина, почти закончившаяся въ вѣкъ Екатерины II, излагается подъ рубрикой Александръ I. Разбираемая книга, какъ будто имѣетъ въ виду характеризовать не литературу извѣстной *эпохи*, а литературныя произведенія извѣстнаго лица, насильственно выдвинутаго изъ того времени, которое его воспитало, окружало и опредѣляло его дѣятельность всею совокупностью своихъ духовныхъ стремленій и средствъ. Такимъ образомъ читатель не знакомится, такъ сказать, съ генезисомъ литературнаго явленія или даже направленія: оно разсматривается какъ нѣчто готовое, неизвѣстно чѣмъ вызванное къ

жизни. Галаховъ отрываетъ Карамзина отъ того просвѣтительнаго литературнаго движенія, которое шло отъ московскихъ массоновъ Екатерининскаго времени, отъ Дружескаго Ученаго Общества и компаніи типографической. Далѣе Н. С. указываетъ на то, что исторія русской литературы XVIII в. и частію текущаго столѣтія требуетъ сравнительнаго изученія ея въ связи съ явленіями тѣхъ европейскихъ литературъ, которыя оказали сильное вліяніе на нашу. Разбираемое сочиненіе лишь въ довольно слабой степени удовлетворяетъ этому требованію. Такъ для объясненія вліянія философскаго вѣка на просвѣщеніе и литературу русскую Галаховъ руководствуется исторіей литературы XVIII в. Геттнера; но этотъ очеркъ, по мнѣнію Н. С., недостаточенъ для объясненія важнѣйшихъ явленій русской литературы XVIII в.: они нуждаются въ прямомъ сравнительномъ изученіи съ произведеніями западной литературы".

Доказавъ sine ira несостоятельность первой части руководства Галахова, такъ что она потребовала почти полной переработки при второмъ изданіи, выяснивъ существенные недостатки 2-й части, Н. С. отдалъ справедливую дань и положительнымъ сторонамъ этого обширнаго труда: онъ отмѣтилъ, что авторъ не щадилъ ни времени, ни трудовъ, чтобы доставить своему сочиненію возможную полноту: сторона библіографическая обработана тщательно и осторожно. 2-я обширнѣйшая часть, посвященная новой литературѣ, излагаетъ результаты многолѣтнихъ историко-литературныхъ изслѣдованій Галахова и имѣетъ всѣ права на титулъ самостоятельнаго изслѣдованія. Особенную цѣнность придаетъ Н. С. тѣмъ горячимъ симпатіямъ къ успѣхамъ русской литературы и просвѣщенія, которыми проникнута эта книга.

Разсматриваемый нами трудъ Н. С. важенъ для насъ не съ точки зрѣнія критики исторіи русской словесности Галахова, хотя и эта точка зрѣнія имѣетъ свое значеніе, такъ какъ 2-я часть исторіи литературы Галахова и до сихъ поръ является единственнымъ обширнымъ руководствомъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ той или другой эпохѣ;—этотъ трудъ важенъ по общимъ широкимъ вопросамъ въ области литературно-исторической. „И долго будетъ еще, говоритъ А. Веселовскій, руководить изслѣдованіями вопросовъ русской литературной исторіи эта мастерски намѣченная программа работъ, гдѣ библіографическая обстоятельность является только однимъ изъ орудій изслѣдованія, гдѣ изъ за исторіи книгъ и писателей выдвигается исторія развитія мысли, судебъ творчества, и національная словесность входитъ въ кругъ общечеловѣческой культуры, гдѣ древніе и новѣйшіе литературные факты одинаково важны, какъ звенья безконечной и неразрывной цѣпи, гдѣ сливается уваженіе къ старинѣ и чуткость къ современнымъ запросамъ. Здѣсь, очевидно,

собраны и выражены догадки и желанія, добытыя цѣлою жизнью труда и размышленій—и добытыя человѣкомъ, который принялъ дѣло изъ рукъ такого приторнаго романтика-клерикала, какъ Шевыревъ, и выступилъ съ своими работами и лекціями въ такую пору, когда *научной* исторіи литературы у насъ не существовало" [1]).

Эта рецензія на трудъ Галахова, по моему мнѣнію, должна быть настольною книгою у каждаго преподавателя русскаго языка и потому было бы весьма желательно видѣть ее вновь изданной въ ближайшемъ будущемъ.

Въ томъ же 1878 г. Н. С. была прочтена публичная лекція: „Древне-русскія сказанія о паденіи Цареграда"; лекція эта не была напечатана.

Въ слѣдующемъ году въ журналѣ Мин. Нар. Просв. была помѣщена статья Н. С. „Трагедокомедія" Θеофана Прокоповича „Владиміръ".

Въ началѣ этой статьи Н. С. излагаетъ краткую исторію возникновенія и развитія школьной драмы въ Западной Европѣ и указываетъ на ея значеніе въ исторіи европейской драматической литературы. „Школьная драма, по мнѣнію Н. С., противопоставила распущенности средневѣковыхъ мистерій строго опредѣленный типъ античной драмы. Выдвигая драматическія зрѣлища изъ нѣдръ народной жизни въ узкую сферу людей образованныхъ, подтачивая въ самомъ корнѣ народныя основы театра, она подчиняла формы драматической поэзіи извѣстнымъ, хотя изчужи заимствованнымъ правиламъ. Затѣмъ Н. С. переходитъ къ школьной драмѣ въ Польшѣ и знакомитъ съ содержаніемъ польскихъ школьныхъ комедій въ XVII в.

Комедіи Θеофана Прокоповича познакомили Москву XVII в. съ формой и существенными принадлежностями ученой, школьной польской драмы; еще ранѣе привилась она въ Кіевской коллегіи, гдѣ издавна былъ обычай въ извѣстное время года представлять драматическія дѣйства. Этимъ обычнымъ временемъ представленія школьной драмы въ Кіевской академіи были лѣтнія каникулы. Въ три майскія рекреаціи, пишетъ митрополитъ Евгеній, всѣ ученики и учители и сторонніе любители наукъ выходили для забавы на гору Скавыку, между овраговъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись самыми невинными играми и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учители діалоги. Не привязанная къ церкви, замѣчаетъ далѣе Н. С., какъ въ Львовскомъ братствѣ, или къ академичеткой залѣ торжественныхъ собраній, какъ въ Москвѣ, школьная драма Кіева свободно развивалась подъ открытымъ небомъ, какъ средневѣковая мистерія Западной Европы съ того времени, какъ вышла изъ подъ опеки церкви. Святость, авторитетъ мѣста, которые естественно должны были стѣснять наставниковъ Львовскаго братства и Московской

[1]) Пам. Тих. Изд. Археол. общ., стр. 15.

славяно-греко-латинской академіи при сочиненіи обычныхъ школьныхъ „дѣйствъ" не давили въ этомъ случаѣ наставника Кіевской академіи, не обязывали его рабски влачиться по пути, указанннму іезуитской схоластикой, и скрывать свою мысль подъ туманными символами или облекать свое чувство въ холодныя аллегоріи".

Переходя къ разсмотрѣнію трагедокомедіи „Владиміръ", Н. С. предварительно знакомитъ съ тѣми правилами поэзіи, которыми руководился Прокоповичъ при сочиненіи этой трагедокомедіи и которыя онъ передавалъ въ классѣ своимъ слушателямъ; затѣмъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что Прокоповичъ въ этомъ произведеніи развивалъ ту же тему, которая ранѣе была предметомъ его проповѣди на день св. Владиміра, и что послѣдняя служитъ любопытнымъ комментаріемъ къ первой.

Изложивъ подробно содержаніе пьесы по дѣйствіямъ, Н. С. говоритъ: „Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича во многомъ отошла отъ того типа школьной драмы, который выработался и господствовалъ въ іезуитскихъ школахъ Западной Европы и пустилъ крѣпкіе корни въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Вкусъ, образованный чтеніемъ древнихъ, и внимательное изученіе піитики Аристотеля отвратили Ѳ. Прокоповича отъ схоластическихъ формъ іезуитской школькой драмы. Человѣкъ впечатлительный, чуткій къ вопросамъ современности, одаренный наблюдательностью и тонкимъ юморомъ, Ѳеофанъ не могъ принести своихъ наблюденій въ жертву тому символическому аллегорическому стилю, который характеризуетъ панегирическія драмы Московской академіи. Трагедокомедія Ѳеофана выше московскихъ школьныхъ дѣйствъ, справедливо носящихъ названія „діолегій"; она пытается представить зрителямъ послѣдовательный ходъ борьбы, начавшейся въ душѣ избраннаго ею героя.

Комическій элементъ, проявлявшійся въ московской школьной драмѣ эпизодически, въ отдѣльныхъ интермедіяхъ, втиснутыхъ между актами и не имѣвшихъ никакого отношенія къ самой піесѣ, въ трагедокомедіи Ѳеофана разлитъ по всему произведенію и не отвлекаетъ вниманіе зрителя отъ хода главнаго дѣйствія. Свое изслѣдованіе Н. С. заключаетъ такими словами; „Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы утверждать, что со времени Прокоповича начинается новый періодъ въ исторіи кіевской драмы, но не можемъ не замѣтить, что въ одномъ изъ первыхъ литературныхъ произведеній Прокоповича—въ его трагикомедіи—уже сказалась та свобода мысли, жажда новаго, смѣлость и рѣзкость слова, которыя такъ ярко выступили впослѣдствіи въ литературной и общественной дѣятельности автора „Духовнаго регламента".

Героемъ своей школьной драмы Ѳеофанъ дѣлаетъ великаго реформа-

тора древней Россіи; весь интересъ піесы сосредоточенъ на борьбѣ новаго просвѣщенія со старымъ невѣжествомъ.

Въ школьной драмѣ молодого монаха образы невѣжественныхъ жрецовъ, которыхъ нельзя сдѣлать пастухами даже „овчому стаду" даютъ ясно видѣть черты современнаго Прокоповичу духовенства.

Симпатіи автора обращены къ приверженцу „новаго закона" Владиміру, который видитъ источникъ зла и религіозныхъ заблужденій въ отсутствіи просвѣщенія: Родъ нашъ жестокъ и безсловній, и письменъ ненавидяй есть тому виновній [1]).

6 іюня 1880 г., по случаю открытія въ Москвѣ памятника А. С. Пушкину, Н. С. была произнесена въ торжественномъ собраніи Московскаго университета рѣчь, посвященная Пушкину, которая и была напечатана затѣмъ въ Вѣстникѣ Европы за тотъ же годъ. Обрисовавъ общее направленіе европейской литературы въ первой половинѣ XIX в., какъ реакцію французской революціи и просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., Н. С. такъ характеризуетъ состояніе русской литературы того же времени: „Не переживши великаго движенія германской философіи и критики, задавивши массонскимъ піэтизмомъ и мистицизмомъ развитіе просвѣтительныхъ идей, русская литература начала XIX в. представляла въ полномъ цвѣтѣ господство ложнаго классицизма, съ его типическими формами—торжественной одой, эпической поэмой и героической трагедіей. Первому поколѣнію писателей Александровскаго царствованія предстояло окончательно разрушить тотъ строй литературныхъ преданій, который въ Англіи, Франціи и Германіи давно уже былъ сломленъ могучимъ движеніемъ философскихъ и литературныхъ идей XVIII в.

Указавъ на вліяніе Наполеоновскихъ войнъ, на неудовлетворительное состояніе русской печати, которая не могла уже удовлетворять новымъ потребностямъ, явившимся послѣ этихъ войнъ, Н. С. останавливается на первоначальномъ образованіи Пушкина, на его знакомствѣ съ французскими классиками „великаго вѣка" и революціонной французской литературой XVIII в. и отмѣчаетъ рано обнаружившуюся въ поэтѣ основную черту его духовной природы „реальное направленіе", сказавшееся и въ первыхъ литературныхъ симпатіяхъ и въ первыхъ поэтическихъ опытахъ Пушкина. Зародыши энергической реакціи ложному классицизму живо чувствуются въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ.

Выяснивши основы и условія поэтическаго творчества Пушкина, Н. С. указываетъ на могущественное нравственное воздѣйствіе этого творчества, какъ на самаго Пушкина, такъ и на общество: „Реальная и свѣтлая поэзія

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1878 г. ч. CCIII, кн. V, стр. 52—96.

Пушкина, говоритъ Н. С., приносила съ собою въ общество „бодрость для духа и свѣжесть для мысли; она воспитывала въ читателѣ не только эстетическій вкусъ, но и нравственное чувство".

Чѣмъ болѣе мужалъ геній поэта, говоритъ далѣе Н. С., чѣмъ свободнѣе становилось его поэтическое творчество, тѣмъ самостоятельнѣе относился онъ къ своимъ прежнимъ образцамъ и тѣмъ болѣе сказывалось въ душѣ поэта любовь къ прямой дѣйствительности, къ русскому быту и русской жизни. Указавъ на отношеніе Пушкина къ Гоголю, Н. С. останавливается на выясненіи народности писателя. Народность въ писателѣ, говоритъ онъ, есть достоинство, которое можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками, для другихъ оно не существуетъ и даже можетъ показаться порокомъ. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Вотъ почему, продолжаетъ Н. С.,—„съ любопытствомъ и благоговѣніемъ" обращался Пушкинъ „къ стариннымъ памятникамъ нашей словесности, чтобы въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа наблюдать исторію нашего народа". Вотъ почему, соединяя идею національности съ сознаніемъ необходимости европейскаго просвѣщенія, Пушкинъ благоговѣетъ передъ Петромъ Великимъ, признавая его войны „благодѣтельными и благотворными" чтм „успѣхъ народнаго преобразованія, когда „европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы".

Говоря объ языкѣ Пушкина, Н. С. выражается такъ: „Въ литературномъ языкѣ Пушкина нашли себѣ примиреніе всѣ стихіи русской рѣчи: все подготовленное исторіей богатство ея слито Пушкинымъ въ гармоническое цѣлое, которое служитъ основою современнаго литературнаго языка" [1]).

Въ XXVIII томѣ Русской Старины за 1880 г. было напечатано сообщенное Н. С. „Подметное письмо 1728 года" изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. Въ слѣдующій 1881 г. ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Пирогова Н. С. была издана брошюра: „Николай Ивановичъ Пироговъ въ Московскомъ университетѣ". За неимѣніемъ подъ руками этой брошюры я не имѣю возможности познакомить съ ея содержаніемъ.

Къ 1884 году относится нѣсколько небольшихъ статей, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ. Такъ въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей былъ напечатанъ по рукописи Н. С. „Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгановыхъ". Въ предисловіи содержится описаніе рукописи. Изъ обзора содержанія Н. С. приходитъ къ заключе-

1) Вѣстникъ Европы 1880 г. кн. 8, стр. 706—729.

нію, что владѣлецъ, а можетъ быть и составитель синодика инокъ принадлежалъ къ роду Строгановыхъ и вообще изъ лѣтописца видно, что немало Строгановыхъ кончало жизнь въ монашествѣ. Родительскій лѣтописецъ въ томъ видѣ, какой представляетъ описываемый сборникъ могъ составиться лишь на основаніи болѣе древнихъ родовыхъ памятей и записей, въ которыя событія рода вносились по годамъ, и представляетъ не болѣе, какъ позднѣйшую редакцію послѣднихъ, принаровленную, по своему расположенію, къ церковному обиходу [1]).

Въ Русской Старинѣ (кн. 3, стр. 609—18) помѣщено сообщенное Н. С. изъ принадлежащаго ему рукописнаго сборника конца XVIII в. письмо неизвѣстнаго лица къ Сумарокову, представляющее любопытную характеристику этого писателя: письмо это дополняетъ новыми чертами нравственную физіономію Сумарокова, столь ярко выразившуюся въ его комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ, оффиціальныхъ прошеніяхъ и доношеніяхъ и особливо въ частной перепискѣ.

Въ той же Русской Старинѣ (кн. 1, стр. 105—13) была напечатана статья: Д. В. Дашковъ и гр. Д. И. Хвостовъ въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812 г. Здѣсь сообщена привѣтственная рѣчь Дашкова Хвостову, выбранному, вопреки мнѣнію перваго, въ почетные члены названнаго общества. Рѣчь была наполнена похвалъ, но вмѣстѣ и такой ироніи, которая бросалась въ глаза всякому и уничтожала всѣ другія мнѣнія въ пользу поэзіи новаго члена. Рѣчь эта надѣлала много шуму въ кружкѣ литераторовъ и была причиною исключенія Дашкова изъ числа членовъ.

Въ той же книжкѣ Русской Старины помѣщенъ сообщенный Н. С. „Приказъ Н. М. Карамзина своему бурмистру“.

Съ 1886 г. начинаются труды Н. С., посвященные преимущественно Гоголю. Такъ въ этомъ году былъ изданъ первоначальный сценическій текстъ Ревизора, извлеченный изъ рукописей, съ примѣчаніями, варіантами, приложеніями, со статьею „Очеркъ исторіи текста комедіи Ревизоръ“, и со снимками рисунковъ Гоголя. Въ предисловіи къ этому изданію Н. С. говоритъ слѣдующее: „Настоящее изданіе ставитъ себѣ цѣлью представить читателю текстъ Ревизора въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Гоголь отдалъ его на театръ и внесъ въ театральную цензуру, безъ всякихъ поправокъ и исключеній, сдѣланныхъ въ комедіи частію самимъ авторомъ, частію цензоромъ до перваго представленія Ревизора на петербургской сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать до мельчайшихъ подробностей тѣ измѣненія, которымъ подвергался этотъ первоначальный сценическій текстъ, пройдя вновь цен-

---

1) Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. 1880 г., кн. 1, отд. 1, стр. 1—23.

зуру автора и цензора, прежде чѣмъ явиться въ печатномъ изданіи 1836 г. и въ той сценической рукописи, по которой Ревизоръ игрался въ теченіе не одного десятка лѣтъ. Всѣмъ, интересующимся исторіей жизни и поэтическаго творчества Гоголя, ходомъ развитія его какъ человѣка и художника, долженъ быть дорогъ этотъ архаическій Ревизоръ, какъ нерукотворный памятникъ одной изъ наиболѣе знаменательныхъ эпохъ въ жизни писателя. Анализъ этого архаическаго Ревизора въ связи съ генетическимъ изученіемъ настоящаго, послѣдняго Ревизора составитъ когда-нибудь поучительную главу въ біографіи Гоголя".

Тексту предпослано найденное въ бумагахъ Гоголя „предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ Ревизора".

Въ V-й книжкѣ Русской Мысли за 1886 г. была напечатана статья Н. С. „Первое представленіе Ревизора на московской сценѣ".

Гоголь первоначально самъ хотѣлъ ставить Ревизора, но послѣ пріема, оказаннаго петербургской публикой, отказался и просилъ Щепкина взять на себя все дѣло. Но еще за 10 дней до представленія шли споры о томъ, кому должна достаться честь постановки Ревизора: Аксакову, Щепкину или дирекціи. Вслѣдствіе этого постановка была спѣшная, и Щепкинъ остался недоволенъ первымъ актомъ, игрой жены и дочери городничаго, которые были очень безжизненны. Кромѣ того, общимъ недостаткомъ въ игрѣ актеровъ была торопливость, скороговорка. О пріемѣ со стороны публики Щепкинъ говоритъ такъ: играли въ абониментъ и потому публика была *высшаго тона;* она была изумлена *новостью*, хохотала чрезвычайно много, но прибавляетъ Щепкинъ: *я ожидалъ гораздо большаго пріема.* Но одинъ знакомый замѣтилъ ему на это: „помилуй, какъ можно лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей*. Далѣе Н. С сообщаетъ отзывы современныхъ газетъ о комедіи Гоголя и объ исполненіи на сценѣ. Статья въ издаваемой Надеждинымъ газетѣ „Молва" была, по словамъ Н. С., первою попыткой объяснить читающей публикѣ „внутреннюю сторону, подкладку Ревизора и освѣтить значеніе Гоголевскаго смѣха". Актеры (говорится въ этой газетѣ) *думали быть смѣшны: мысль ложная!* Они должны быть *жалки, страшны* и все это должно проистекать отъ точнаго исполненія характеровъ, безъ *всякаго увеличенія, усиленія, просто, вѣрно, тихо, добродушно.* Чтобы оцѣнить вѣрность этихъ указаній, замѣчаетъ Н. С., достаточно ихъ сблизить съ предувѣдомленіемъ, недавно найденнымъ въ бумагахъ Гоголя. Далѣе въ этой статьѣ указывается на то значеніе, какое должна имѣть комедія Гоголя въ исторіи нашего театра.

Въ противоположность этой вѣрной оцѣнкѣ комедіи Гоголя Булгаринъ провозглашалъ въ Сѣверной Пчелѣ, что въ Ревезорѣ нѣтъ правдоподобія и натуры. Ему вторилъ Сеньковскій въ Библіотекѣ для чтенія, го-

воря, что сочиненіе Гоголя даже не имѣетъ въ предметѣ нравовъ общества, безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ—анекдотъ, старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный. *О картинѣ русскаго общества* и *говорить нечего*: самый анекдотъ выдуманъ не въ Россіи.

Такъ, заключаетъ Н. С., первыми по времени вѣрными и искренними толкователями Ревизора въ Москвѣ были: на сценѣ М. С. Щепкинъ, въ литературѣ критикъ Молвы. Воздадимъ должное мало оцѣненной заслугѣ великаго артиста и помянемъ добрымъ словомъ критика Молвы! [1]).

Въ Русской Старинѣ (окт. 1886 г. стр. 129—148) были напечатаны Н. С. десять писемъ Н. В. Гоголя къ М. С. Щепкину безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій (какъ это было въ сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя, издан. Кулишемъ) съ оригиналовъ, переданныхъ въ распоряженіе Тихонравова М. В. Лентовскимъ. Въ концѣ приложено неизданное до того времени письмо Щепкина къ Гоголю. Всѣ письма касаются главнымъ образомъ постановки Ревизора. Въ 1887 г. въ Русской Старинѣ были напечатаны главы неизданной редакціи „Тараса Бульбы" Гоголя.

Въ 1861 г. въ журналѣ „Время" Гербель напечаталъ статью: „О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ лицею князя Безбородко". Гербель сдѣлалъ о нихъ такой отзывъ: „Слѣдовательно, всѣ первыя пять рукописей *не представляютъ ничего новаго и интереснаго и распространяться о нихъ нечего*. Между тѣмъ непосредственное знакомство съ Нѣжинскими рукописями Тараса Бульбы убѣдило Н. С., что эти рукописи сохранили яркіе слѣды того любопытнаго періода въ жизни великаго писателя, который обрисованъ такими тонкими, правдивыми чертами въ мастерской характеристикѣ П. В. Анненкова: Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 г. [2]).

Въ 11-й книгѣ Русской Старины за тотъ же годъ напечатано письмо Н. С. къ П. Н. Батюшкову по поводу изданныхъ послѣднимъ сочиненій К. Н. Батюшкова. Письмо это весьма характерно по взгляду Н. С. на задачи издателя, такъ строго примѣненному имъ самимъ къ вышедшимъ изъ подъ его редакціи въ слѣдующемъ году сочиненіямъ Гоголя. Въ русской литературѣ, говоритъ Н. С., до сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительнаго изданія классическихъ русскихъ писателей. До послѣдняго времени издатели только исправляли по своему, т. е. портили текстъ русскихъ классиковъ. Такое фривольное обращеніе съ нашими образцовыми писателями началось съ XVIII в. и первою жертвою издателей былъ Кантемиръ. Одинокимъ исключеніемъ изъ традиціонныхъ пріемовъ изданія классиковъ является у насъ академическое изданіе Державина. Ставя на одинъ

---

1) Русская Мысль 1886 г. кн. V, стр. 84—105.

2) Русская Старина 1887 г. кн. 3, стр. 711—731, кн. 4, стр. 63—89.

уровень съ нимъ и изданіе сочиненій Батюшкова, Н. С. выражаетъ желаніе, чтобы этотъ примѣръ нашелъ больше послѣдователей и убѣдилъ издателей, что только добросовѣстное изученіе жизни и сочиненій издаваемаго писателя, съ соблюденіемъ требованій литературной критики, можетъ подготовить матеріалъ для классическаго изданія классическихъ писателей. Въ концѣ письма Н. С. выражаетъ желаніе, чтобы явилось школьное изданіе сочиненій К. Батюшкова, цѣною не выше рубля, въ интересахъ укрѣпленія въ молодомъ поколѣніи уваженія къ писателямъ русскимъ и въ интересахъ расширенія въ нашемъ отечествѣ эстетическаго образованія.

1889 годъ ознаменовался выходомъ 5 томовъ сочиненій Гоголя, подъ редакціей Н. С. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ этому изданію:

„Время историческаго изученія произведеній Гоголя уже наступило. Въ русской литературѣ давно уже чувствуется потребность въ такомъ изданіи сочиненій Гоголя, которое удовлетворяло бы задачамъ историческаго изученія поэта. Вслѣдствіе особыхъ исключительныхъ условій текстъ сочиненій Гоголя, еще при жизни его подвергся искаженіямъ и произвольнымъ поправкамъ. Такимъ образомъ *пересмотръ текста* произведеній Гоголя и провѣрка онаго *собственноручными* рукописями поэта выдвигается въ настоящее время на первый планъ при изданіи его сочиненій, особенно такомъ, которое удовлетворяло бы требованіямъ историческаго изученія ихъ.

Кто желаетъ разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, тому необходимо изучить по оставшимся документамъ этотъ „подвигъ“ художника, войти въ „его подвижническую келію“, по прекрасному выраженію П. Анненкова.

Этому пересмотру текста произведеній Гоголя и провѣркѣ онаго собственноручными рукописями и были посвящены послѣдніе годы жизни Н. С., начиная съ 1885 г.

Не малый и не легкій трудъ! „Нужно было розыскивать рукописи Гоголя и тщательно изучать его черновики и замѣтки въ памятныхъ книжкахъ, что, конечно требовало не только умственнаго, но и громаднаго физическаго напряженія. Только сознаніе пользы такой работы и беззавѣтная любовь къ научному труду, хотя бы самому черному и физически-тяжелому, побудили Н. С. на склонѣ лѣтъ совершить такой подвигъ. Но за то этотъ подвигъ покрылъ его навсегда неувядаемой славой. Такъ отзывается объ этомъ трудѣ Н. С. одинъ изъ его учениковъ [1]). „Изощренный пройденной въ теченіе предшествующей жизни строгой, научной школой,

---

[1]) Пам. Тих. Изд. Арх. общ. стр. 90—91.

онъ, говоритъ новѣйшій біографъ Гоголя Шенрокъ, приступилъ къ изученію рукописей Гоголя вполнѣ хозяиномъ дѣла. Вездѣ онъ обращаетъ вниманіе между прочимъ на качества почерка, на форматъ и клейма бумаги, на цвѣтъ и свѣжесть чернилъ, на малѣйшія поправки Гоголя, даже на типографскія опечатки и ошибки писца. Получается образцовое описаніе рукописей, дающее возможность дѣлать, даже не имѣя ихъ подъ руками, опредѣленныя и вѣрныя заключенія, такъ что, если бы по какому-нибудь несчастному случаю существующія рукописи Гоголя были затеряны или сгорѣли, то многое восполнялось бы съ успѣхомъ описаніемъ и разъясненіями Тихонравова [1]).

Изданіе сочин. Гоголя, говоритъ Архангельскій, „это монументъ, вполнѣ достойный и великаго русскаго писателя, и вмѣстѣ—знаменитаго ученаго, съ такой любовью и такъ долго изучавшаго творенія писателей! Изданіе дало не только исправленный и дополненный текстъ, но вмѣстѣ съ этимъ, въ обширныхъ „примѣчаніяхъ" редактора представило подробную картину *исторіи* этого текста, исторіи каждаго произведенія и всей литературной дѣятельности Гоголя, въ связи съ исторіей собственнаго внутренняго развитія писателя. Предъ нами—не только *сочиненія, но и самъ писатель*, его внутренняя біографія, правда, не имѣющая внѣшней послѣдовательности, какъ бы отрывочная, но вообще дающая такую массу новыхъ фактовъ, представленная съ такимъ знаніемъ и освѣщенная такой серьезною и тонкою критикою, что все это, по своей научной важности, безмѣрно превосходило все, сдѣланное дотолѣ по изученію Гоголя [2]).

Въ Русской Старинѣ за тотъ же 1889 г. было напечатано сообщенное Н. С. „Одно изъ донесеній протоіерея Петра Алексѣева" о непорядкахъ въ средѣ монаховъ въ XVIII в.

9 окт. 1889 г. заканчивается профессорская дѣятельность Н. С.: по разстроенному здоровью онъ покидаетъ каѳедру, но научная дѣятельность его продолжается по прежнему и внѣ университета. Я не останавливался на административной дѣятельности Н. С. сначала въ качествѣ декана ист.-фил. фак. (1876—1877), а затѣмъ въ качествѣ ректора Московскаго университета (съ 31 мая 1877 по 4 сент. 1883), такъ какъ эта дѣятельность не входитъ въ мою програму. За свои ученые труды Н. С. еще въ 1863 г былъ избранъ въ члены корреспонденты Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1890 г. былъ назначенъ ординарнымъ академикомъ.

Въ 1890 г. Н. С. была напечатана въ журналѣ Артистъ (кн. V. стр. 84—99) статья подъ заглавіемъ М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь, а въ Рус-

1) Тамъ же стр. 103.
2) Архангельскій. Пам. Тих., стр. 62.

ской Старинѣ того же года (кн. 9, 451—461) Н. И. Новиковъ въ его переепискѣ съ Н. П. Трубецкимъ.

На 8-мъ археологическомъ съѣздѣ въ томъ же году Н. С былъ прочтенъ рефератъ: О дѣяніи и житіи Девгеніевѣ.

„3 окт. 1890 г. исполнилось сорокъ лѣтъ со времени появленія первой ученой статьи Н. С. Весною того же года ученики Н. С. рѣшили ознаменовать 40 лѣтнюю годовщину литературной дѣятельности высокоуважаемаго учителя изданіемъ, которое, служа на пользу русской наукѣ, свидѣтельствовало бы учителю о глубокой признательности учениковъ, а для учениковъ служило воспоминаніемъ о тѣхъ незабвенныхъ годахъ, когда вдохновляющая рѣчь учителя раздавалась съ университетской каѳедры. Ученики Н. С. остановились на мысли критическаго изданія Толковой Палеи, замѣчательнаго памятника нашей древней письменности, впервые нашедшаго всестороннее научное освѣщеніе въ университетскихъ лекціяхъ Н. С.“ (Предисл. къ изд. Толк. Палеи). Въ настоящее время вышли въ свѣтъ двѣ части самаго сборника Толковой Палеи, но еще нѣтъ обѣщанныхъ къ ней толкованій.

Въ 1891 г. въ Этнографическомъ обозрѣніи (кн. VIII, № 1) было напечатано Н. С. пять былинъ по рукописямъ XVIII.

Въ предисловіи Н. С. выясняетъ важное значеніе рукописныхъ сборниковъ XVIII в.

„Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсенъ, говоритъ онъ, относятся, на сколько до сихъ поръ извѣстно, къ первой четверти XVII в. (Ричардъ Джемсъ). Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ для литературнаго чтенія. Рукописная литература XVIII в., продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы. Къ первой четверти XVIII в. относится драгоцѣнный сборникъ произведеній, принадлежащій Ѳ. И. Буслаеву. Изъ этого сборника напечатаны: 1) Ставръ Гедеоновичъ, 2) Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье Разбойнике 3) Варіантъ къ тексту этой былины, напечатанный изъ рукописнаго сборника библ. Н. С., 4) Сказаніе о 3 богатыряхъ о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче, 5) Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляютъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII в.: въ нихъ находятся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоцѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы

отрывки изъ Девгеніева Дѣянія. Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и низшаго класса общества, рукописные сборники XVIII в. нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ. Первые собиратели русскихъ былинъ мало обращали вниманія на подобные сборники, съ простонароднымъ содержаніемъ, направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической, оффиціальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній, могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародія“.

Въ Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 г. Н. С. были напечатаны: a) „Законы Дружескаго Литературнаго Общества, основаннаго В. А. Жуковскимъ, въ 1801 г.“, b) Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, составленный Н. В. Гоголемъ, и его повѣсть Коляска въ первоначальномъ видѣ и c) Замѣтки о Словарѣ, составленномъ Гоголемъ. Въ Русской Старинѣ за тотъ же годъ, кн. 8 была напечатана рукописная сатира 1801 г.: Судъ и судьи въ началѣ XIX в. Въ ней сообщается для свѣдѣнія во Владимиръ о подаркѣ Александровскимъ судьямъ, о бездушныхъ тваряхъ: С., Б. Г. и П.

О злыя времена, о нравы!
Вездѣ плутни и обманъ,
Прочь законы и уставы—
Судьямъ только дай въ карманъ.

Въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности Н. С. прочелъ статью: Лермонтовъ въ Москвѣ.

Въ 1892 г. Н. С. была напечатана въ учено-литературномъ сборникѣ: Помощь голодающимъ: статья „Литературныя мелочи неурожайнаго 1786 г.“.

Въ приложеніи къ журналу Царь Колоколъ были напечатаны сочиненія Н. В. Гоголя, извлеченныя изъ рукописей: стихотвореніе „Непогода“ комедія „Женихи“, переводъ Мольеровой комедіи „Сганарель“, „Выдержка изъ карманныхъ записныхъ книжекъ“ и комедія Ревизоръ въ своей первой законченной редакціи.

Кромѣ того, были заготовлены къ печати: a) древнія житія преподобнаго Сергія Радонежскаго, состоящія изъ собранія древнихъ текстовъ и историко-литературнаго обзора жизнеописаній святаго угодника и b) Фонвизинскій сборникъ.

Первый трудъ такъ и не былъ напечатанъ, а второй изданъ Импе-

раторской академіей наукъ въ 1893 г. уже послѣ смерти Тихонравова, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина“.

Изъ предисловія къ этому изданію Л. Майкова видно, что Н. С., въ виду исполнявшагося въ декабрѣ 1892 г. столѣтія со дня кончины Фонвизина, предложилъ Отдѣленію русскаго языка и словесности издать въ свѣтъ составленные имъ матеріалы для полнаго собранія сочиненій знаменитаго автора Бригадира и Недоросля. Это предложеніе было принято, и въ половинѣ 1892 г. Н. С. уже приступилъ къ печатанію своего сборника на средства отдѣленія. По плану Н. С. въ составъ этого изданія должны были войти: 1) драматическія произведенія Фонвизина, издававшіяся до сихъ поръ съ искаженіемъ текста, именно: трагедія „Альзира“ и комедія „Каріонъ“ или печатаемыя обыкновенно, какъ „Бригадиръ и Недоросль, только въ позднѣйшемъ текстѣ, также искаженномъ; 2) сочиненія и переводы Фонвизина, вовсе не бывшіе въ печати или не включенные ни въ одно изданіе его произведеній и 3) сочиненія, приписываемыя Фонвизину.

Н. С. успѣлъ отпечатать только 20 листовъ сборника, заключавшіе почти весь первый отдѣлъ—смерть прервала неоконченнымъ и этотъ трудъ Н. С. Сборникъ изданъ подъ редакціей Л. Майкова. Въ него вошли: а) драматическія произведенія Фонвизина: Альзира, Каріонъ, Бригадиръ, Недоросль, b) сочиненія, приписываемыя Фонвизину: Чертикъ на дрожкахъ, Повѣствованія мнимаго Глухаго и Нѣмаго. Оба отдѣла заканчиваются примѣчаніями, составленными Л. Майковымъ. Сочиненія Фонвизина, совершенно неизданныя, Отдѣленію не извѣстны, а потому 2-й отдѣлъ сборника составленъ не по плану Н. С.

Вмѣсто обѣщаннаго Н. С. новаго изслѣдованія о сочиненіяхъ Фонвизина, въ началѣ сборника напечатана біографія Фонвизина, составленная Н. С. въ 1852 г. для біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета. Не смотря на истекшіе почти 40 лѣтъ, біографія эта, по мнѣнію Л. Майкова, заслуживаетъ переизданія не только какъ одинъ изъ начальныхъ трудовъ молодого ученаго, оказавшаго впослѣдствіи столь важныя услуги изученію русской литературы, но и какъ самостоятельное изысканіе о дѣятельности Фонвизина, богатое фактическими данными и основательными соображеніями, донынѣ имѣющими научную цѣнность и сохраняющими въ значительной степени интересъ новизны. (Предислов. стр. III, IV, VII).

Въ 1893 г. вышло въ свѣтъ одиннадцатое изданіе Маркса первыхъ пяти томовъ Гоголя, подъ редакціею Тихонравова. Были также обработаны матеріалы для 6-го и 7-го томовъ, но они уже вышли послѣ смерти Н. С. Въ этомъ году Н. С. удалось открыть новый памятникъ русской паломнической литературы XV в.: Два хожденія въ Іерусалимъ іеромонаха Варсо-

нофія, о чемъ было извѣщено 2-е Отдѣленіе Императорской академіи наукъ небольшею замѣткою, напечатанною въ Сборникѣ названнаго Отдѣленія (т. LV, стр. IV—V, XXII—XXIII) а 19 мая въ засѣданіи славянской коммиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Н. С. прочелъ о немъ докладъ, напечатанный, по смерти автора, въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ (1893 г. № 11).

Послѣднею, такъ сказать, лебединою пѣснью Н. С. была сказанная имъ 31 октября въ собраніи Общества Любителей Россійской словесности рѣчь: И. С. Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ въ 1833—34 г. Эта статья, напечатанная въ Вѣстн. Евр. 1894 г. кн. 2, знакомитъ насъ, между прочимъ, съ характеромъ университетскаго преподаванія. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія одно замѣчаніе Н. С. Говоря объ учрежденіи для вновь вступающихъ въ университетъ, взамѣнъ прежнихъ приготовительныхъ курсовъ, общаго предварительнаго курса, Н. С. замѣчаетъ: „Долгое время держался въ Московскомъ университетѣ этотъ общеобразовательный курсъ, такъ могущественно поддерживавшій въ студентахъ идеальныя стремленія, гуманныя начала и охранявшій ихъ отъ безсердечнаго и черстваго спеціализма. Прежде выработай въ себѣ человѣка, которому не чуждо бы было ничто человѣческое, а потомъ вырабатывай ученаго спеціалиста, думали наши идеалисты 30—40 годовъ“.

Эти послѣднія, можно сказать, почти предсмертныя слова какъ нельзя лучше обрисовываютъ намъ высоко-гуманные взгляды почившаго профессора. 27 ноября 1893 г. Н. С. скончался и былъ погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ вблизи могилы Гоголя, изученію произведеній котораго онъ посвятилъ послѣдніе годы. Такова была въ общихъ чертахъ сорокатрехлѣтняя научная дѣятельность Н. С. Я говорю „въ общихъ чертахъ“, ибо въ моемъ очеркѣ разсмотрѣны далеко не всѣ труды Н. С.: руководствуясь при обзорѣ его трудовъ главнѣйшимъ образомъ библіографическимъ очеркомъ Д. Д. Языкова (Рус. Мысль 1890 г. кн. 10 и Памяти Тих. Изд. Арх. Общ. стр. 136—157) я, за неимѣніемъ возможности достать нѣкоторыя сочиненія Н. С., принужденъ былъ ограничиться лишь упоминаніемъ о нихъ, не знакомя съ содержаніемъ.

А какая обширная и несомнѣнно весьма цѣнная часть этихъ трудовъ скрыта въ черновыхъ тетрадяхъ покойнаго и въ тѣхъ литографированныхъ лекціяхъ, которыя многочисленные ученики его хранятъ, какъ драгоцѣнное сокровище!

Дѣятельность Н. С. поражаетъ насъ прежде всего своимъ разнообразіемъ: Н. С. не былъ узкимъ спеціалистомъ, отмежевавшимъ себѣ небольшой клочекъ на обширномъ полѣ русской словесности и на немъ только сосредоточившимъ свои научныя изслѣдованія,—нѣтъ, онъ смотрѣлъ на дѣло

шире и, можно сказать, нѣтъ почти ни одного темнаго уголка въ исторіи русской словесности, куда не пытался бы Н. С. пролить свѣтъ своимъ детальнымъ „мозаичнымъ" изслѣдованіемъ.

Не допуская возможности научнаго изученія памятниковъ древней словесности безъ непосредственнаго знакомства съ рукописями и, въ виду малой доступности послѣднихъ, онъ съ самаго начала ученой дѣятельности задается цѣлью сдѣлать общедоступными наиболѣе выдающіеся древне-русскіе памятники—издаетъ лѣтописи русской литературы.

Высказавъ еще на студенческой скамьѣ, по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій Ломоносова, взглядъ, что „прежде чѣмъ произносить судъ надъ писателемъ, опредѣлять значеніе его дѣятельности, нужно напередъ изучить *все*, что вышло изъ подъ пера его и что только тогда сужденіе о немъ не будетъ шаткимъ и одностороннимъ"—онъ черезъ сорокъ лѣтъ даетъ образцовое изданіе сочиненій Гоголя; матеріалы для изданія сочиненій другаго писателя Фонвизина, который интересовалъ его также еще въ бытность студентомъ, являются на свѣтъ Божій уже по смерти Н. С. съ біографіей, составленной тридцать лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ сохранившей свое научное достоинство.

Такова была строгая послѣдовательность, устойчивость и научная цѣнность его взглядовъ на задачи и цѣли литературы и методы ея изслѣдованія. И все это разнообразіе его научныхъ трудовъ, не имѣющихъ, повидимому, между собою никакой связи, объединяется одной общей идеей, какъ это прекрасно выяснено проф. Ключевскимъ. „Предметомъ спеціальнаго изученія Н. С. былъ вопросъ о двухъ вліяніяхъ—византійскомъ и западномъ, которыя одно за другимъ особенно сильно подѣйствовали не только на нашу литературу, но и на весь складъ жизни нашего общества. Этимъ объясняются его печатные труды, видимо столь разнообразные по своимъ темамъ и казавшіеся плодомъ случайныхъ находокъ въ рукописяхъ: о боярынѣ Морозовой, о Кульманѣ, о московскихъ вольнодумцахъ, о началѣ русскаго театра. Вопросъ объ отреченныхъ книгахъ органически сростался съ вопросомъ о вліяніяхъ византійскомъ и западномъ. Изученіемъ отреченныхъ книгъ древней Россіи Тихонравовъ подходилъ къ тому таинственному, трудно уловимому моменту—къ моменту встрѣчи пришлой книги съ народною фантазіею и мыслью, которыя перерабатывали книжный матеріалъ въ легенду, повѣрье, понятіе, даже въ пѣсню, въ духовный стихъ—этотъ моментъ особенно привлекалъ вниманіе Тихонравова, такъ какъ здѣсь всего удобнѣе было наблюдать дѣйствіе обоихъ вліяній, сначала византійскаго на народную мысль и фантазію, еще пропитанныя языческими понятіями и образами, потомъ западнаго—на умы, уже выдержанные византійскимъ вліяні-

емъ, съ его обрядовой дисциплиной, съ его монашескими идеалами, съ его замкнутою въ богословскую сферу наукою и литературою“ [1]).

Н. С. не спѣшилъ, какъ мы видѣли, печатать свои изслѣдованія и имѣлъ обыкновеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдѣлывать и исправлять ихъ, пользуясь какими-нибудь вновь открытыми документами. За то все, вышедшее изъ подъ его пера, было обработано съ изумительной научной пунктуальностью.

Если Н. С. и не оставилъ послѣ себя, какъ это ставилось на видъ нѣкоторыми, ни одного цѣльнаго, обширнаго труда, за то онъ указалъ, какъ слѣдуетъ разрабатывать почти еще не тронутый матеріалъ.

Невольно припоминается здѣсь такъ тепло и симпатично написанный Н. С. некрологъ Григоровича. Не та ли же, быть можетъ, ученая скромность, заставляла и Н. С. таить въ рукописи плоды своихъ глубокихъ разысканій? Не такъ ли же и онъ болѣе любилъ выносить результаты своихъ изысканій не въ печать, а въ столь же тихую, какъ его кабинетъ, немногочисленную аудиторію своего университета или въ тѣсный кружокъ своихъ сотоварищей?

О той же научной скромности свидѣтельствуетъ, кажется мнѣ, и самый методъ изложенія Н. С. Во всѣхъ его изслѣдованіяхъ, открывавшихъ совершенно новые научные горизонты, нигдѣ не замѣтно его личности: вездѣ говорятъ за себя лишь одни факты, что сообщаетъ его работамъ особенную научную цѣнность.

Даже въ рецензіяхъ Н. С., порой довольно рѣзкихъ, особенно если онъ усматривалъ въ разбираемомъ трудѣ такъ нетерпимый имъ научный диллетантизмъ или же высокомѣрное отношеніе къ трудамъ предшественниковъ—даже въ такихъ рецензіяхъ, при всей ихъ ѣдкости, вы видите лишь опроверженіе фактовъ фактами, но не видите „я“ противника.

Но каковы бы ни были, скажемъ и мы, причины, побуждавшія Н. С. такъ бережно хранить плоды своихъ научныхъ изысканій, всѣ, для кого не совершенно чужды судьбы русской словесности, должны искренне пожелать, чтобы все, какъ напечатанное Н. С., такъ и сохранившееся въ черновыхъ записках и литографированныхъ лекціяхъ, было собрано и издано: это изданіе всѣхъ его трудовъ и будетъ тѣмъ „нерукотворнымъ памятникомъ“, который воздвигъ себѣ еще при жизни почившій профессоръ.

Н. И. Алякритскій.

---

[1]) Н. С. Тихонр. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1897 г. февр. и мартъ.

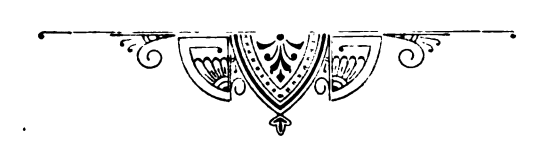
В. П. Милорадовичъ.

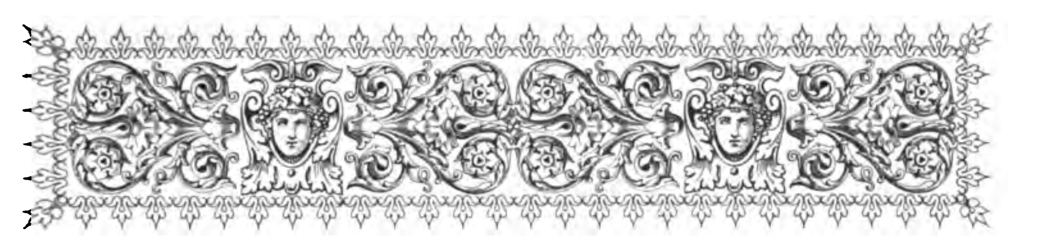
НАРОДНЫЕ

ОБРЯДЫ и ПѢСНИ

Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

записанные въ 1888—1895 г.





ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Лубенскомъ уѣздѣ нѣкоторые изъ представителей мѣстной интеллигенціи занимались въ разное время этнографіей. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ, М. Т. Симонова, давно сдѣлавшихся достояніемъ науки, записывалъ еще народныя пѣсни въ срединѣ уѣзда писатель Аѳанасьевъ (Чужбинскій), добрая память о которомъ до сихъ поръ жива на родинѣ его, въ с. Юсковцахъ. Затѣмъ, также вблизи Лубенъ, записывали сказки и пѣсни: профессоръ А. Е. Зайкевичъ, докторъ Н. Г. Кондратковскій, извѣстный въ спеціальной литературѣ, мировые судьи Н. Мельникъ и В. Я. Яновскій, одно время сотрудничавшій въ Кіевскомъ телеграфѣ, В. Н. Л-вичъ, г-жи Я—ская, З—вичъ и др. Изъ временныхъ жителей уѣзда записывали въ немъ пѣсни и сказки П. А. Кулишъ и Ѳ. И. Каменскій, помѣщавшій свои замѣтки въ Кіевской Старинѣ. Немногія изъ этихъ записей увидѣли свѣтъ; по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и др. развѣ какой-нибудь десятокъ пѣсенъ и сказокъ помѣченъ Лубнами. Такимъ образомъ, этнографическія изслѣдованія производились въ Лубенскомъ уѣздѣ отрывочно, несистематично, по мѣстамъ; при томъ, въ большинствѣ случаевъ результаты изслѣдованій исчезали, почему Лубенскій уѣздъ остается все таки наименѣе изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи. Между тѣмъ, онъ помѣщается въ срединѣ Малороссіи и свѣдѣнія, здѣсь собранныя, могутъ имѣть значеніе для характеристики всего южнорусскаго племени. Нельзя только далѣе медлить съ собираніемъ произведеній народнаго творчества, особенно въ виду всеобщей обязательной грамотности, къ которой стремится уѣздъ, и которая неминуемо уничтожитъ послѣдніе остатки старины.

Настоящій сборникъ, имѣя цѣлью пополнить въ нѣкоторой степени этнографическіе недочеты и пробѣлы по Лубенскому уѣзду, заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ подъ общимъ названіемъ „Родинъ" слѣдующія части: 1) вступительную главу съ народнымъ сонникомъ и другими предсказаніями важ-

нѣйшихъ событій: рожденія, вѣнчанія и смерти; 2) возможно полное изложеніе самой обрядности родинъ; 3) краткія народно медицинскія замѣтки о раннемъ дѣтствѣ ребенка; 4) сборникъ колыбельныхъ пѣсенъ. Таково содержаніе перваго выпуска сборника.

Второй выпускъ посвященъ молодежи, ея играмъ, развлеченіямъ и пѣснямъ, но такъ какъ малорусскія народныя игры были неоднократно описаны, а въ сочиненіяхъ Номиса упоминается въ частности и объ играхъ Лубенскаго уѣзда, то я ограничился лишь приведеніемъ небольшаго количества значительнѣйшихъ варіантовъ игръ и припѣвовъ, перечисливъ затѣмъ всѣ другія съ менѣе важными различіями въ примѣчаніи. Кромѣ игръ во II-мъ выпускѣ содержится еще очеркъ развлеченій молодежи на улицахъ и досвиткахъ, и четыре сборника пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью так. наз. челядскихъ: веснянокъ, петривокъ, трендычокъ и любовныхъ пѣсенъ. Конечно, трендычки (вечерничныя пѣсни) въ большинствѣ случаевъ незначительны, но въ нихъ разсѣяно много бытовыхъ подробностей; иногда они блестятъ искрами южнорусской веселости и юмора. Притомъ наука, по замѣчанію профессора Н. Ѳ. Сумцова (Кіев. ст. 92 г. № 7, стр. 123) „не знаетъ мелочей въ народной жизни, для нея все одинаково важно". Изъ этихъ сборниковъ исключены почти всѣ пѣсни, встрѣчавшіяся раньше въ печати, кромѣ немногихъ варіантовъ, болѣе полныхъ въ сравненіи съ напечатанными въ другихъ этнографическихъ собраніяхъ или значительно отдаленныхъ. Изъ круга челядскихъ пѣсенъ исключены колядки и щедривки уже раньше напечатанныя въ моемъ очеркѣ: Рождеств. святки въ сѣверной части Луб. уѣзда. Полт. 1893 г. (25 пѣсенъ) и рабочія пѣсни, также уже напечатанныя въ Кіев. Стар. 95 г., кн. X, стр. 10—22, (31 пѣсня).

Третій выпускъ занимаютъ свадьбы и свадебныя пѣсни. Н. Ѳ. Сумцовъ считаетъ малорусскій брачный обрядъ вообще наиболѣе изслѣдованнымъ; по Лубенскому же уѣзду въ частности былъ напечатанъ мой сборникъ съ 259 свадебными пѣснями въ Кіевской Старинѣ 90 г., кн. 7—9. Впечатлѣніе, производимое картиной мѣстной свадьбы, передано мною въ двухъ очеркахъ: 1) „На свадьбѣ у богача" (въ Одесск. журналѣ „По морю и сушѣ" 95 г. (№ 18, стр. 2) и 2) „Деревенская оргія" (въ Кіев. Стар. 94 г. Извѣст. и зам. № 12, стр. 488).

Тѣмъ не менѣе ограничиться означенными данными при изученіи весильнаго ритуала Лубенскаго уѣзда невозможно, такъ какъ въ Кіевской Старинѣ помѣщенъ только обрядъ сѣверной части Лубенскаго уѣзда, по Сулѣ, и свадебныя пѣсни трехъ волостей. Въ настоящемъ же выпускѣ прибавлены еще особенности обряда средней и южной частей уѣзда и сѣверной полосы по Удаю („мыля, покраса", маскированіе молодой и т. д.) и новыя свадебныя пѣсни или отдаленные варіанты. Около десятка пѣсенъ

заимствовано изъ рукописныхъ сборниковъ: Л. А. Я—ской, В. Н. Л—вича, или продиктовано О. Е. З—вичъ, за что приношу живѣйшую благодарность,—остальныя собраны лично мною.

По естественному ходу вещей, слѣдовало бы дать свѣдѣнія о крестьянской семьѣ, хозяйствѣ, экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянина, но эти свѣдѣнія собраны мною еще въ недостаточномъ количествѣ и мало разработаны, почему послѣдній, четвертый, выпускъ настоящаго сборника заканчивается похоронной причетью и погребальнымъ обрядомъ Лубенскаго уѣзда, тѣсно связаннымъ единствомъ міросозерцанія съ родиннымъ и брачнымъ обрядами и никогда еще не описаннымъ. Къ сборнику сдѣланы еще краткія примѣчанія съ цѣлью связать излагаемые обычаи съ другими южнорусскими и общечеловѣческими, такъ какъ по замѣчанію Риля этнографія по природѣ своей наука сравнительная.

В. Милорадовичъ.

ГЛАВА 1.

Народный сонникъ.

Общія замѣчанія о народной онейромантикѣ Лубенскаго уѣзда. Сны и другія предзнаменованія родинъ, свадебъ и похоронъ.

Народная онейромантика Лубенскаго уѣзда располагаетъ незначительнымъ количествомъ общихъ замѣчаній, касающихся лишь времени возникновенія сновидѣній. Къ числу такихъ замѣчаній принадлежатъ слѣдующія: только сны, случившіеся на первой четверти луны, сбываются,—на третьей нѣтъ. Сны предъ понедѣльникомъ, вторникомъ сбываются, предъ другими днями недѣли—нѣтъ. Не сбываются также сны наканунѣ праздниковъ, кромѣ сновъ наканунѣ новаго года и крещенія, когда дѣвица, соблюдая извѣстныя условія, напр. съѣвъ коржикъ изъ муки, соли и воды, или посѣявъ ленъ на дровникѣ, увидитъ во снѣ будущаго мужа. [1]) Также, если ляжетъ спать, снявъ сапогъ съ правой ноги. Затѣмъ, сны съ вечера до полночи вообще остаются безъ послѣдствій: „вечирній сонъ пиде мымо; куды ничъ, туды й сонъ". Сонъ къ утру непремѣнно „справдытця". Сны днемъ не имѣютъ никакого значенія". [2]) Этимъ исчерпываются общія замѣчанія о дѣйствительности сновъ по времени ихъ возникновенія. Затѣмъ, отдѣльныя сновидѣнія объясняютъ всего чаще по способу обратнаго истолкованія[3]) и на основаніи ассоціаціи идей. Кое гдѣ прибѣгаютъ къ печатнымъ сонникамъ и оракуламъ („ракулямъ"). Популярность онейромантики въ Лубенскомъ уѣздѣ, конечно, преимущественно между женщинами, видна изъ слѣдующаго мѣстнаго народнаго пересказа библейской легенды: „Одному чоловикови прыснывсь сонъ, що ходять симъ коровъ по писку и таки сыти, що сало на йихъ такъ и дрягтыть. Потимъ выходять изъ мора симъ коровъ худихъ. Такъ худи сытихъ и пойилы. Такъ бувъ якійсь гадатель,—

[1]) См. мой оч. „Рожд. св. въ Лубен. уѣздѣ". Полтава 1893 г., стр. 21.

[2]) Сонъ можетъ быть сдѣланъ недѣйствительнымъ, если его, проснувшись, разсказать и смотрѣть въ окно. Почти также и у древнихъ, разсказывавшихъ сны солнцу для того, чтобы они не сбылись. Буше-Леклеркъ. Изъ исторіи культуры. 1881 г. Кіевъ. стр. 262.

[3]) По разъясненію Буше-Леклерка (ibid. 252) обратное толкованіе сновидѣній развилось, вѣроятно, изъ вѣры въ реальность обстоятельствъ, представлявшихся во снѣ. Кто обезглавленъ во снѣ, не будетъ казненъ, потому что нельзя быть обезглавленнымъ дважды.

у ёго и сонныкъ бувъ,—такъ отгадавъ тому чоловикови: „се буде симъ годивъ недороду, такъ ти годы пойидять де якый йе хлибъ и по хамазеяхъ. Голодни года поидять и ти, що дородъ давалы. Стройте хамазеи и засыпайте бильшь хлиба“ [1]).

Такъ какъ по народному замѣчанію три событія въ жизни человѣка достойны особаго вниманія, рожденіе, вѣнчанье и смерть, то сны и другія вѣщія предзнаменованія сами собою группируются около этихъ важнѣйшихъ пунктовъ человѣческаго существованія въ три отдѣла: 1) указанія родинъ и вообще прибыли; 2)—счастливыхъ событій и свадебъ; 3)—непріятностей, несчастій, болѣзни и смерти.

I. Сны и другія событія, предвѣщающіе роды и вообще прибыли.

Беременная женщина, которая увидитъ себя передъ родами бродящею по водѣ, особенно въ половодіе, благополучно разрѣшится отъ бремени. Передъ родами также приснится, что въ хатѣ разсвѣтъ. Мѣсяцъ во снѣ предвѣщаетъ рожденіе мальчика, звѣзда (заря, зирка)—дѣвочки. „Мени снылось, разсказывала Вильшанская крестьянка Марія Харланова, що иде тры мисяця помаленьку. Я перехрыстылась и думаю соби: зроду не бачыла трёхъ мисяцивъ у купи. Одынъ мисяць проты моеи хаты одійшовъ и пишовъ у лисъ. Родывсь у мене сынъ; потимъ корова прывела бычка. Черезъ дви недили знову бычокъ у другои коровы. А дали вовкъ зъивъ одного бычка“.

Паденіе двухъ яблокъ съ яблони во снѣ означаетъ рожденіе близнецовъ. Предъ родами хозяину или хозяйкѣ снится, что рой пчелъ [2]) прилетѣлъ къ нимъ въ хату и садится на голову. Если хозяинъ или хозяйка поймаютъ во снѣ паука, окуня, карася, голубя, селезня, то у нихъ родится мальчикъ, если жабу (или послѣдняя „упнется въ груды“), плотву щуку, голубку, утку, вообще птичку, мышь,—будетъ дѣвочка. Предъ родами приснится, что утка ходитъ съ утенкомъ. Предъ родами же женщинѣ приснится, что она лежитъ въ гробу или у нея дитя на рукахъ.

Видѣть пшено во снѣ, также дойную корову, доить корову во снѣ означаетъ прибыль.

Изъ наблюденій надъ дѣйствительностью вынесено народомъ слѣдующее замѣчаніе: предъ родами крышка (вико) въ учиненной дижѣ или самая дижа лопаютъ.

Посуда бьется—къ прибыли, лопаетъ—на убыль.

---

[1]) Отъ кр. м. Снѣтина Н. Ивахненка.

[2]) Гонятся за пчелами въ онейрокритикѣ Артемидора означаетъ прибыль. Тэйлоръ Первоб. культ., стр. 114—115.

II. Сны къ счастливымъ событіямъ, удачѣ и браку.

Слышать во снѣ громъ, звонъ, колокольный звонъ означаетъ сватовство, иногда только извѣстіе.

Бѣлый платокъ во снѣ указываетъ на письмо съ пріятнымъ извѣстіемъ. Церковь—разговоры.

Передача матерью дочери во снѣ иконы въ шатѣ—къ свадьбѣ. Также хоругви.

Предъ свадьбой матери приснился сынъ ея въ церкви.

Смерть дѣвушки во снѣ—къ выходу ея замужъ въ дѣйствительности.

Предъ свадьбой приснится перстень гладкій, безъ камня („вичка"). Иногда половина перстня свѣтлая, ясная, а другая—темная. Ясный мѣсяцъ, молодикъ, означаетъ жениха парня, а мѣсяцъ на исходѣ вдовца [1]).

Иногда темный мѣсяцъ во снѣ означаетъ, что сватовство не состоится.

Солнце и мѣсяцъ могутъ означать и просто передачу родственниками и знакомыми поклоновъ.

Чистая вода [2]), пить ключевую воду—къ здоровью.

Зелень, трава,—къ удачѣ [3]).

Цвѣтущій садъ—къ добру, радости. Красные цвѣты—предъ свадьбой. Всякаго рода хлѣбъ на корню: жито, пшеница, ячмень, овесъ—къ браку, кромѣ проса, означающаго лишь просьбу.

Жито иногда къ добру [4]).

Жать спѣлое жито—къ счастливому житью.

Жать жито съ парубкомъ, или вообще работать съ нимъ у отца того парня—къ браку дѣвушкѣ съ этимъ парнемъ.

Возить, молотить жито—къ замужеству.

Жито собранное („въ купи")—къ хорошему житью.

Складывать копы въ полукопки—перемѣнное житье.

Если во снѣ приснится скирда, распадающаяся пополамъ, то половина брачной жизни будетъ хорошая, а половина—нѣтъ. Если во снѣ укуситъ собака, то это означаетъ сватовство.

Нищіе (старцй) означаютъ появленіе старостъ.

Предъ замужествомъ снятся воры.

„Варци, передъ тимъ, якъ иты замижъ, снылось, що тры злодія у комори одбылы засовъ и забралы збижжя и скрыню вытяглы".

Ярмарокъ между двумя горами—къ замужеству, впрочемъ, несчастливому.

---

[1]) Также въ Труд. Чуб. т. 1, стр. 90.

[2] и [3]) Также у магометанъ. Тэйл. Пер. К., стр. 114—115.

[4]) Также у Чуб. т. 1, стр. 90

Идти на гору съ провальемъ—также. На яву—когда молодая шьетъ своему будущему мужу рубашку и на этой рубашкѣ много узловъ, то молодому предстоитъ долгая жизнь. Если рубашка шьется гладко, то короткая. Часто не сноситъ даже той рубашки (потому что мертвецу шьютъ рубашку на живую нитку).

Неудачный (глевкій) коровай—къ скверному житью.

III. Сны и событія, предвѣщающіе непріятности, страданія, болѣзни и смерть.

Видѣть во снѣ мѣсяцъ, половина котораго затуманилась, означаетъ смерть.

Вѣтеръ—хлопоты.

Туча съ молніей, туча, дождь, буря, градъ, громъ съ дождемъ—обозначаютъ смерть. Въ частности туча съ молніей—судъ, дождь—слёзы, градъ выбившій окна—ушибъ, всѣ перечисленные сны, кромѣ смерти, предсказываютъ иногда просто непріятность.

„Снылось, разсказывала крестьянка с. Литвяковъ, що зъ за Сулы иде чорна хмара, а я зъ дочкою билыла полотно, та зложыла ёго въ човенъ, прыкрыла соломою. Колы ось швыдко чоловикъ мій померъ“. (Отъ Варвары Максимейковой). Козачкѣ с. Тишковъ снилось, что сильный ударъ грома оглушилъ ея сына и зажегъ мостъ. Черезъ пять дней провезли мужа чрезъ тотъ мостъ, больного холерой. Онъ умеръ. Вскорѣ началась холера въ Лубенскомъ уѣздѣ въ 1892 г. (отъ Маріи Кириленковой).

Нечистая вода, грязь приснятся передъ болѣзнію.

Качать воду изъ колодца—передъ несчастіемъ.

Стоять въ водѣ къ смерти.

Гора означаетъ горе, смерть.

Идти на гору—тоже.

Выселеніе на гору—смерть. Иногда переселеніе на слободы, „на вильный степъ“.

Провалье, яръ (оврагъ)—смерть.

Идти яромъ—предъ смертью.

Яма, погребъ, погребъ съ наложеннымъ сверхъ него хворостомъ—къ смерти; ровъ—также.

Дочери предъ смертью матери снилось, что дорога къ избѣ послѣдней преграждена рвомъ, такъ что некуда пройти.

Идти дырявымъ мостомъ—означаетъ хлопоты.

Опрокинутый, уплывающій челнъ—къ смерти.

Цвѣты во снѣ означаютъ слёзы.

Огурцы—непріятность (по созвучію „огирки—гирки“).

Зеленые огурцы—потеря, огорченіе.

Клубника, вишни, сливы, груши, яблоки, кислицы, всякіе вообще плоды,—къ слезамъ, несчастію.

Сухія ягоды--предъ болѣзнью.

Садъ съ спѣлыми плодами—досада, слёзы.

Гулять въ саду—досада.

Лѣсъ, изъ котораго выносятъ гробы и ставятъ среди двора—къ смерти.

Паденіе съ вербы—смерть.

Пшеничный хлѣбъ, печеный хлѣбъ,—печаль, несчастная жизнь (въ замужествѣ).

Мука—мука, мученія (по созвучію).

Конфекты, медъ, сахаръ—къ смерти, потому, что входятъ въ составъ панихиды.

Три головы сахару—къ смерти мужа.

Собирать рой, рой въ волосахъ („якъ рій укрутытця въ косы")—къ смерти.

Укушеніе змѣи—ссора, непріятность, „щось такъ словомъ укусыть, шо ты ёму не вымовчышъ".

Пѣтухи—предъ пожаромъ.

Гуси, голуби, улетающіе—къ смерти. „Проты смерты двохъ сынивъ мени снылось, шо два голубы прылетило въ оселю. Я забрала ихъ у хату. Воны посыдилы, посыдилы, та незнать де й дилысь" (отъ к. р. с. Литвяковъ Агафіи Шевченковой). „Проты смерты матери мовъ бы голубка сыза сыза въ хати гуде, а я хочу іи піймать, такъ не піймаю, а розигналась за нею тай упала съ печи тай проснулась" (отъ нея же).

Яйца во снѣ—болѣзнь, хлопоты.

Драть во снѣ яйца означаетъ ссору и непріятность въ дѣйствительности.

Рыбы--вредъ („рыють").

Овцы—ссора, непріятность.

Свиньи—смерть.

Выгонять кабана изъ сажа—къ смерти.

Коровы—также (по созвучію съ „корогвы"—хоругви).

Рогатый скотъ—также.

Отелившаяся корова—несчастіе.

Лежащіе волы и кони предсказываютъ болѣзнь.

Собачій лай—напасть.

Если собака рветъ и кусаетъ во снѣ, то это означаетъ побои въ дѣйствительности.

Волка увидѣть—значитъ быть „у позвахъ передъ панамы".

Дитя—напасть, ссору, хлопоты.

Дитя на столѣ, оживающее—смерть дитяти.

Мальчикъ—несчастіе.

Дѣвочка—хлопоты.

Если дѣвушка или женщина чешетъ себѣ косу во снѣ, то этотъ сонъ означаетъ дорогу.

Прать бѣлье—къ смерти.

Монахъ, нищій, просящій милостыню,—къ смерти.

Солдатъ—болѣзнь.

Пьяный человѣкъ, еврей - обманъ.

Видѣть себя во снѣ раненнымъ сѣкирой, свердломъ или косой предвѣщаетъ смерть.

Зубъ, выпадающій съ кровью [1])—смерть близкаго родственника.

Выпаденіе одной стороны зубовъ - предъ смертью.

Подошва, отпадающая отъ сапога—къ смерти.

Черный платокъ—дурное извѣстіе.

Рушникъ—къ смерти.

Полотно—дорога.

Намисто—къ стыду.

Дыра въ скрынѣ, пустая скрыня, разваливающаяся скрыня—къ смерти.

„Проты пьятныци мени прыснылась скрыня повна добра, а у вивторокъ батько умерлы".

Серебряныя и мѣдныя деньги—къ несчастью. (По другимъ наблюденіямъ только послѣднія).

Дижа лопнеть—къ смерти.

Строить, ставить, мазать хату—къ смерти.

Паденіе крыши во снѣ предвѣщаетъ смерть. „Проты смерты дочкы крыша ссунулась на прычилокъ".

Горящая крыша—къ смерти старика.

Пожаръ вообще означаетъ стыдъ, ссору, [2]) хлопоты, побои и болѣзнь.

Пожаръ трубы - смерть.

Дымъ—удивленіе (дыво) и смерть.

Раздвоеніе избы, паденіе сволока, потолка, стѣны (особенно „покутней") печи, верха печи („ко́мина") означаетъ смерть.

Печь, „печына" (кирпичъ)—печаль.

Огонь въ печи—болѣзнь.

Ризы, церковная процессія—къ смерти.

Красныя хоругви—предъ пожаромъ.

Кладбище, гулять по кладбищу—къ смерти.

---

1) Тоже въ Онейрокрит. Артемидора. Тэйлоръ. Перв. Культ., стр. 114—115.

2) Тоже у Чуб. т. I, стр. 90.

Образа—хлопоты.

Икона Божіей Матери въ облакахъ—къ смерти.

Кресть, нѣсколько крестовъ въ облакахъ—также.

Богоматерь на банѣ церкви—къ смерти матери.

Кромѣ вѣщихъ сновъ еще нѣкоторыя событія и признаки по мнѣнію крестьянъ Лубенскаго уѣзда указываютъ на смерть. Такъ наканунѣ Рождества наблюдаютъ въ чью сторону пойдетъ дымъ отъ свѣчи,—тотъ долженъ умереть. Тогда же замѣчаютъ чья ложка изъ оставляемыхъ надъ вечерей на ночь обернется,—тотъ умретъ [1]). Предъ смертью извѣстнаго лица замѣчено появленіе многихъ мухъ въ его жильѣ, даже и зимой. Иногда и одна муха гудетъ подъ сволокомъ.

Въ тяжкой болѣзни или при отбываніи воинской повинности производятъ такой опытъ: садятъ паука въ новый горшокъ, который ставится на покутя. Если паукъ оснуетъ паутину на днѣ горшка, то больной умретъ, а если на верху горшка—выздоровѣетъ, а подлежавшій рекрутской повинности освободится отъ нея.

Сычъ появляется на хатѣ умирающаго („кугачъ реготивъ"). [2]). Куры усиленно несутся и высиживаютъ или начинаютъ пѣть пѣтухомъ. Предъ смертію ребенка небольшая птичка трижды стучитъ въ окно. „Ятель" долбитъ стѣну [3]). Собака воетъ мордой вверхъ предъ пожаромъ и внизъ—къ смерти [4]). Предъ смертью женщины бѣгалъ неизвѣстный жеребенокъ. Предъ смертью дитяти подходитъ къ дверямъ неизвѣстное дитя [5]) и говоритъ: одчинить! Предъ смертью взрослаго—старикъ. Предъ смертью извѣстнаго лица его ночью зовутъ (гукають). Полъ, столъ и сволокъ избы трескаютъ предъ смертью жильца. Также пустая дижа, или съ нея спадаетъ обручъ. Благословенный образъ падаетъ на землю.

Каша и лемишка лѣзутъ изъ горшка.

2. Родины.

I. Безплодіе. Гигіена беременности. Осложненія беременности. Наблюденія надъ беременной.

Безплодіе считается крестьянами большимъ несчастіемъ. Такой, выработанный вѣковыми преданіями, взглядъ поддерживается въ настоящее время народно-бытовыми условіями. Поэтому давно уже народное естествознаніе отыскиваетъ способы опредѣленія причинъ безплодія и средствъ помочь

[1]) Рожд. св., стр. 3.

[2] и [3]) Тоже у Чуб. т. 4 й, стр. 697. Стукъ у Римлянъ, шумъ подъ поломъ, три удара въ головахъ больнаго или его родныхъ предвѣщаютъ смерть. (Тэйл. стр. 135—136).

[4]) Сходное повѣріе у нѣмцевъ (ibid., стр. 111).

[5]) Подобное вѣрованіе въ Бѣлозеркахъ, Херс. губ. Сб. Черняв. Харьковъ. 93 г., стр. 2.

такому состоянію. Безплодіе по народнымъ свѣдѣніямъ можетъ быть какъ врожденнымъ недостаткомъ, такъ и результатомъ употребленія предосудительныхъ средствъ—„пороблене“. Для того, чтобы опредѣлить не представляетъ ли изслѣдуемый случай безплодія врожденнаго недостатка, другими словами—могутъ ли вообще у данныхъ супруговъ быть дѣти, разбиваютъ куриное яйцо пополамъ и выпускаютъ. Въ средину яйца помѣщаютъ землю и зерна ржи. Смачиваютъ зерна водой, складываютъ скорлупу и закапываютъ на покути. Если зерна черезъ три дня и больше взойдутъ, то производительность супруговъ считается доказанной. Завязываютъ также конопляное сѣмя въ рубашки супруговъ и кладутъ въ жлукто. Если сѣмя проростетъ—то дѣти будутъ. Для того, чтобы опредѣлить точнѣе кто именно изъ супруговъ безплоденъ, нужно наполнить черепокъ землей, разграничить пополамъ и, назначивъ съ одной стороны половину мужа, а съ другой—жены, посѣять жито. На чьей сторонѣ не будетъ всхода зеренъ—та и виновата въ безплодіи. Какъ только выяснилось, что безплодіе врождено, всякое употребленіе средствъ, кромѣ религіозныхъ молитвъ, посѣщеній св. мѣстъ, питья воды, капающей съ креста во время водосвятія,—безполезно и предосудительно, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго мною въ д. Пятигорцахъ отъ 75 лѣтней повитухи. Одна баба повела молодыцю у Мыхновцяхъ до ставка у глупу ничъ. Такъ тая молодыця крыкнула: „я не хочу до вику и дитей и его (дьявола) знать!“ тай утекла. Друга багата жинка схотила дитей. Поихала до бабы. Баба ій прыготовыла чогось изъ своими согласныками. А роботныкъ намазавъ тій жинци саломъ свяченымъ губы и потимъ увійшла вона въ хату. Баба каже: „не можна тоби прынять, якъ-бы на двиръ не ходила“. Жинка стала прохать, щобъ баба дала ій до дому той кушынъ. Завьязала баба его тряпками и дала. Якъ уихалы въ лисъ, узявъ роботныкъ той кушинъ и розбывъ объ дуба. Сталы диты бигты за жинкою и крычать: „мамо! не кыдай насъ: мы твои диты“! Другое дѣло, если безплодіе пороблено. Въ этомъ случаѣ помогаетъ питье 5-ти капель крови изъ пуповины новорожденнаго ребенка [1]) или настоя изъ пупка [2]).

Женщина, желающая имѣть дѣтей, купается въ той ваннѣ, которую только что приняла родильница, или садится на днищѣ, положенномъ на такую ванну и покрытомъ рядномъ. Также шьютъ рубашку ребенку, который долженъ родиться у какой нибудь женщины, или берутъ чужое дитя на воспитаніе. Если безплодіе наступило по рожденіи ребенка, то послѣдъ откапываютъ и женщина завязываетъ его въ пелену во время

---

1) Почти также у Ящуржинскаго въ К. Стар. 93 г., № 7.

2) Въ рукописи Чепы: „отъ неплодія пупецъ намочить и пить“, К. Стар. 92 г., № 1, стр. 127.

брачныхъ отношеній. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще бабы относятся отрицательно ко всякой попыткѣ „щепыть дитей“.

Въ первый періодъ беременности [1]) у женщины изъ народа не замѣтно никакой перемѣны образа жизни, хотя какъ она, такъ и ея мужъ, обязательно слѣдуютъ извѣстнымъ правиламъ подъ опасеніемъ разныхъ несчастныхъ случайностей. Предосторожности появляются преимущественно съ двадцатой недѣли, когда почувствуется движеніе ребенка. Въ счастливыхъ супружествахъ мужъ съ этого времени носитъ солому и воду вмѣсто жены. Вообще ее предохраняютъ отъ нѣкоторыхъ работъ и тѣлодвиженій. Напр. ей не даютъ толочь проса, перегибаться низко въ „кишъ“, подпирать скрыню головою, какъ въ обыкновенное время поступаютъ женщины, открывая скрыню. Беременная женщина не должна мазать печь внутри и трусить сажи, потому что дитя будетъ удушливымъ. Она не должна также подымать ничего тяжелаго, а въ случаѣ неосторожнаго поднятія тяжести, поднявшую ставятъ надъ миской съ зажженной водкой, парятъ въ ваннѣ и опоясываютъ рушникомъ, на которомъ святили пасху [2]). Женщина не должна выметать соръ, лить помои и воду черезъ порогъ, иначе у дитяти будутъ рвоты и помочь можетъ только мать, если купая положитъ свои серьги въ купель. Беременная женщина не должна переступать коромысла, веревки, снасти, упряжи, частей плуга („вія, скракли“). Если переступитъ веревку—ребенокъ родится запутаннымъ въ пуповину или съ чертой („смугой“). Если черезъ вія и скракли, у дитяти сдѣлаются „стиски“—грудная болѣзнь. Женщина не должна также бить и толкать ногою животныхъ [3]), иначе у ребенка будутъ сухоты и онъ будетъ въ шерсти [4]), будетъ колоться. Въ этомъ случаѣ помогаетъ купанье дитяти въ золѣ или выкачиваніе его горячимъ хлѣбомъ. Самое главное правило народной гигіены беременности—безусловное запрещеніе рубить, шить, прясть, вообще работать по праздникамъ [5]), даже и небольшимъ, притомъ не только женѣ, но и мужу, подъ опасеніемъ самыхъ разнообразныхъ несчастій съ новорожденнымъ ребенкомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Лубенскаго уѣзда. Беременная

[1]) Беременная женщина называется важка, товста, времена, черевата, ходыть такою, у такимъ дили или у такимъ положеніи. О моментѣ зачатія думаютъ, что зачатый подъ праздникъ будетъ воромъ или увѣчнымъ, дѣвочка—распутной. При проходѣ беременной женщины нужно посторониться и не переходить дорогу. Ударить такую женщину грѣхъ.

[2]) Во второмъ періодѣ беременности женщины часто повязываютъ себѣ низъ живота полотенцемъ или узкимъ пояскомъ (крайкой)—чаще послѣдней.

[3]) Также въ Италіи. См. „Вѣдьма“ Чіамполи. Сѣв. Вѣстникъ 1892 г., № 4 стр. 70.

[4]) Шерсть—так. наз. щетинки, шероховатость кожи, происходящая отъ неопрятности (Жижиленко. Учебн. родовспомог. иск., стр. 220).

[5]) Беременная не должна также по пятницамъ мыкать мычки.

женщина рубила въ воскресенье мясо и губа у ребенка разрублена; другая рубила дрова—на ножкѣ ребенка обозначился какъ-бы разрѣзъ ниткой. Беременная крестьянка сел. Песокъ сѣкла капусту на Кузьму-Демьяна, и у ея ребенка перерублены губы и десна видна до носа. Мужъ беременной крестьянки с. Вильшанки рубилъ дрова на праздникъ св. Саввы, и у дитяти оказались отрубленными пальцы на ногахъ—„передкы". Другой затесалъ грабли—дитя оказалось безъ пальцевъ; третій крутилъ завертки, „каблучкы"—у ребенка были скручены ручки. Крестьянинъ д. Пятигорецъ работалъ „на Параскы". Родились двойни: дѣвочка, оказавшаяся жизнеспособной и мертвый мальчикъ. Отецъ выразилъ при этомъ случаѣ древній взглядъ на вещи, сказавъ: „доброта погыбла, а чорзнащо осталось".

Крестьянка х. Тернавщины Софія Латенкова (Писаренкова) разсказывала о такомъ случаѣ: „чоловикъ Ляшенковои у въ осены, саме на Михайлово чудо, шывъ чоботы. Жинка писля того якъ стала родыть, то тры дни и тры ночи былася." Тоди сказалы Ляшенку, щобъ поровъ чоботы. Якъ ставъ винъ пороть, то въ еи въ животи стало трищать такъ якъ хто сухи дрова ламавъ, або ото якъ нытки порешъ. На другый день найшлось у Ляшенковои друге, уже невременне". У беременныхъ женщинъ, шьющихъ въ праздникъ, рождаются дѣти съ приросшимъ языкомъ, сшитыми пальцами, зашитымъ заднимъ проходомъ, неспособные къ мочеиспусканію, а у мотавшихъ—обмотанныя пуповиной. У женщины, выбиравшей картофель на Семена, были преждевременные роды. Мажущая въ праздникъ сапоги дегтемъ рискуетъ имѣть дитя съ темными пятнами. „Моя дочка, разсказывала мнѣ бабка сел. Вильшанки Марія Харланова, мазала дегтемъ чоботы, тай капнула, а въ дытыны и выйшла на щочи латка".

Такимъ образомъ почти всѣ случаи уродствъ: заячья губа, волчья пасть у ребенка, сростаніе членовъ и т. п. приписываются народомъ несоблюденію родителями праздниковъ.

Беременной женщинѣ опасно красть, такъ какъ у дитяти украденный предметъ, напр. слива, можетъ отпечатлѣться на тѣлѣ. Когда женщина сорвала георгину („жоржыну")—у ея новорожденной дѣвочки оказалась вся ручка въ красныхъ пятнахъ. Такіе случаи особенно часты при испугѣ. Напр., если женщина схватится за себя во время пожара, у дитяти будетъ красное пятно, если наступитъ на рака—изображеніе послѣдняго на ножкѣ ребенка.

Беременная женщина не должна ни съ кѣмъ браниться, избѣгать нѣкоторыхъ встрѣчъ. Нельзя встрѣчаться съ женщиной, несущей три сосуда съ рѣки. Напр. два ведра и кувшинъ, такъ какъ у ребенка будутъ сухоты; если однако встрѣча послѣдовала, то встрѣтившаяся женщина разбиваетъ свою посуду („глечыкъ, тыкву"). Сухоты будутъ у ребенка и въ томъ случаѣ,

когда встрѣтится женщина, несущая сухое суровое, незоленное полотно, нитки и валъ, такъ какъ она обязана обмочить эти предметы еще дома,— и женщина, несущая рубашку въ менструаціи. Однажды беременная женщина, увидавъ на ярмаркѣ калѣку, котораго везли въ повозочкѣ, сказала: „якъ бы въ мене таке, то ябъ его закопала“! И что же? У нея самой родился такой же ребенокъ—калѣка. „Не треба було завыдувать“ наставительно замѣтила разсказчица. Беременная не должна крестить дѣтей, присутствовать на похоронахъ со времени прибытія священника, особенно при пѣніи вѣчной памяти.

Крайне опасна встрѣча съ вихремъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Нивистка йшла зъ зовыцею по глыну въ клечану субботу. Де узявся выхорь; якъ пидвіе. Невистка упала тай лежить, а зовыця вернулась додому. Узялы невистку въ рядно и прынеслы. Годувалы іи ложкою. Полегшало. Стала вона ходыть. Якъ понесла полотно стлать на ричку, такъ изъ неи выпало якъ вороненя, та въ воду ляпъ“. (Отъ С. Писаренковой д. Тернавщины).

Кулина Логвиненкова, не имѣя тридцать недѣль менструацій, родила затѣмъ только одну голову, такую какъ клубокъ или твердый комокъ мяса. „То іи пидбигъ выхорь и скрутывъ на клубокъ дытыну“. (Отъ Е. Недилькиной, с. Литвяковъ). Одну женщину „пидбигъ выхорь“. Она три года была беременна такъ, что рубашка въ три полотнища не сходилась. При вскрытіи найденъ живой ребенокъ съ рогами. (Отъ М. Шевченковой, с. Волчки). Беременная женщина, обвиненная въ кражѣ, поклялась вихремъ: „якъ шо я взяла, то нехай мене выхремъ рознесе“! И что же? Не успѣла она выйти на дворъ, какъ ее подхватилъ вихорь. Родившееся дитя до семи лѣтъ ничего не говорило, ржало какъ конь и ѣло, сколько бы ни давали.

„На троецкихъ святахъ выхорь скынувъ постиль молодыци, котору вона вынесла на жердочку. Выхорь схопывъ постиль и кынувъ додолу. Молодыця та полола. Сонъ іи налягавъ. Такъ вона взяла ту постиль, положыла у синяхъ и сама лягла. И се вона не була беременна, а то забеременила. Уже й черезъ годъ перейшло. Повелы іи до знахаривъ. Знахарь каже: „у тебе выхорь; будешъ помирать, тоди ажъ винъ выйде“. Якъ выходывъ винъ зъ тіеи мертвои молодыци (Явдохы), то млынъ перекынувъ (отъ крестьянки д. Пятигорецъ).

Вообще по народнымъ понятіямъ, если въ женщину проникнетъ вихрь, то она сойдетъ съ ума и произведетъ выкидышъ. Такимъ образомъ случаи ложной беременности, также отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной, объясняются народомъ вліяніемъ вихря.

При встрѣчѣ съ вихремъ, женщина должна лечь ницъ, крестясь и произнося молитву, или, по крайней мѣрѣ, присѣсть на корточки и плотно

обтянуть вокругъ ногъ сподницу или запаску [1]). „Тильки роззява не прысяде“. Если и затѣмъ вихрь подбѣжитъ, то выливаютъ переполохъ, но это средство не помогаетъ и у ребенка бываетъ падучая, также даютъ пострадавшей пить „стритеньску“ воду съ смирной и заставляютъ читать „воскресного Бога“ и сонъ пр. Богородицы [2]).

Изложенные факты приводятъ къ выводу, что народная гигіена беременности, при всей фантастичности объясненій, даваемыхъ ею различнымъ естественнымъ явленіемъ, все же въ сущности стремится предохранить, насколько возможно, мать и будущаго ребенка отъ механическихъ и душевныхъ потрясеній [3]).

Въ случаяхъ осложненія беременности народная медицина совѣтуетъ слѣдующія средства: при извращеніи вкуса, напр. при отвращеніи отъ борща, при желаніи свѣжей или соленой рыбы, также меда, необходимо удовлетворить желанію беременной, иначе родившееся дитя будетъ обжорливымъ. Притомъ эту пищу женщина должна ѣсть съ дижи. При изжогѣ беременная женщина не должна ѣсть мѣлъ, потому что въ послѣдствіи родившееся дитя будетъ также его ѣсть. Гораздо лучше помогаютъ въ этомъ случаѣ по мнѣнію бабъ сырой горохъ, гречневыя крупы и мука. Отъ тошноты употребляютъ маточныя капли. При запорѣ мочи—петрушку и сокирки. Также поднимаютъ и подвязываютъ животъ рушныкомъ. При отекѣ ногъ—ихъ растираютъ оливой съ камфорой. Беременную женщину опасно купать, развѣ минуты три. Подмываній также никогда не дѣлаютъ. Истеченія вытираютъ сорочкой и только. Беременную женщину нельзя парить на камнѣ, такъ какъ дитя будетъ синее. Только въ крайности, въ предупрежденіе выкидыша,—какъ выше сказано,—или при послѣдовавшемъ

---

[1]) Боязнь скрывающагося въ вихрѣ духа распространена повсемѣстно. Напр. Данакили бросаются на вихорь и тычуть его ножами (Спенс. Основ. Соц. 76 г., стр. 216). У насъ есть повѣріе, воспроизведенное въ одномъ стихотвореніи Мея, что на орудіи, брошенномъ въ вихрь, будетъ кровь.

[2]) Пресвятая Богородыця, мате Хрыстова у Ерусалыми у гради ночувала, прыйшовъ до неи Ісусъ Хрыстосъ: маты моя, пресвятійшая! чы ты спышъ, чы ты такъ лежышъ? Сыну мій и Боже мій! я не сплю, я такъ лежу, прыснывсь мени сонъ предывенный, що мій сынъ Ісусъ Хрыстосъ на велыкый муци. Его жыды мучылы, на хрестъ роспыналы, зализнымы круцямы руци и ногы прыбывалы и на твою главу терновый винець надивалы и съ праваго ребра копіи доставалы. Мате моя, пресвятійшая! не есть се сонъ,—есть се правда. Хто буде сей сонъ рано и вечирь чытать, того буде Господь на страшнимъ суди, на будущому вику, грихамы дарувать.

[3]) Нѣкоторыя дѣйствія, безусловно запрещаемыя беременнымъ подъ опасеніемъ выкидыша, употребляются напротивъ, какъ изложено ниже, для ускоренія родовъ, также и для вытравленія плода. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣвушка скачетъ съ вышины внизъ, поднимаетъ тяжесть сверхъ силъ, перевертывается черезъ дижу, также пьетъ порохъ или синьку, отваръ піоніи, сухаго луку, шафрана, рожковъ (secale cornutum) чернобыля, возлѣ Лубенъ принимаютъ коричневую воду, также дѣлаютъ горячія ножныя ванны изъ горчицы.

уже выкидышѣ („уровыще") грѣютъ камень, поливаютъ его квасомъ, дегтемъ, кладутъ хрѣнъ и надъ паромъ ставятъ женщину. Ставятъ также и надъ зажженной водкой. Если женщина часто сбрасываетъ, то необходимо настоять въ водѣ часть стараго воздушка и дать ей выпить ту воду.

Уже во время беременности дѣлаются нѣкоторыя наблюденія надъ беременной женщиной съ цѣлью выяснить судьбу и полъ будущаго ребенка. Такъ если во время беременности изъ грудей женщины отдѣляется покоръ, то дитя не будетъ жить—„на вмируще". Также если она хочетъ соленой рыбы, а если свѣжей, то дитя будетъ жизнеспособно. Женщина, часто страдающая изжогой и ослабѣвающая, родитъ мальчика. „Передъ дивчынкою жинка буде бравиша". Передъ мальчикомъ животъ у женщины круглый какъ тыква, предъ дѣвочкой плоскій („плесковатый"). Предъ мальчикомъ соски, иногда вся грудь, щеки женщины—темные. Лицо ея покрывается желтоватыми пятнами, похожими на веснушки („жинка буде смаглювата"). Положеніе ребенка до родовъ въ утробѣ матери по народнымъ представленіямъ таково: „якъ дытына ще ненародывши, то лежыть поперекъ: мовъ у колысци. Хлопець у правый бикъ головочкою, а дивчына—у ливый". Поэтому если женщина ощущаетъ въ первый разъ движеніе ребенка въ правомъ боку, то у нея будетъ сынъ. По той же причинѣ движенія правой ноги у нея затруднено. Роды мальчика замедляются на недѣлю („хлопець перетяга"), дѣвочки –ускоряются на недѣлю

Также у коровъ и кобылъ.

. Первые и вторые сроки родовъ (отъ открытія матки до появленія младенца). Народное акушерство. Пріемы при замедленіи родовъ.

Необходимымъ условіемъ успѣшности родовъ является прежде всего по народнымъ, почти общечеловѣческимъ, понятіямъ полное уединеніе роженицы, такъ какъ каждый грѣхъ знающаго о случаѣ родовъ вызываетъ особыя страданія у ней. Поэтому роженица предъ наступленіемъ родовъ, если время года позволяетъ, удаляется въ сарай, повитку, клуню или на огородъ—на предполагаемое счастливое мѣсто. Зимой очищаютъ избу: взрослыхъ и подростковъ удаляютъ изъ нея, дѣтей прячутъ на печь, но случайно вошедшій остается до конца родовъ. Его не выпускаютъ. Конечно выборъ мѣста невозможенъ при внезапныхъ родахъ: въ полѣ, на ярмаркѣ и т. д. При родахъ въ полѣ ребенка перевязываютъ ниткой отъ завязки мѣшка, осыпаютъ землей вмѣсто воды трижды и, укутавъ въ мѣшокъ, приносятъ или привозятъ домой.

Если роды случатся на ярмаркѣ, то заѣзжаютъ къ знакомому и какая нибудь бабка приметъ ребенка. Женщина изъ подгороднаго села Вильшанки родила на базарѣ. Здѣсь удалили пуповину и молодица принесла дитя въ

кошикѣ домой. Бываетъ, что и на домъ бабу зовутъ уже послѣ родовъ для удаленія пуповины. Но дѣятельность бабы крайне необходима при замедленіи родовъ. Бабу вызываютъ обманомъ для сохраненія тайны о родахъ, причемъ и она должна обмануть свое семейство, говоря, что идетъ „заваривать сояшныцю" или что нибудь въ такомъ родѣ. Баба, отправляясь къ роженицѣ, моетъ руки, надѣваетъ бѣлую рубашку и, по возможности, чистую одежду. Народная пѣсня изображаетъ такимъ образомъ шествіе бабы къ роженицѣ:

Сіи ночи опивночи
Бижыть Олексійко по бабусеньку.
А бабусенька догадалася,
Бижыть боса, щей безъ пояса.
Що въ ливій руци свичу несе,
Правою рукою Бога просыть:
Ой, спасы-жъ, Боже, мою онучечку
И младеньску душечку [1]).

Баба, входя къ роженицѣ, крестится, кладетъ три земныхъ поклона и трижды восклицаетъ: „Христосъ воскресъ!" или: „Боже поможы"!—Рятуйте, бабусю! отзывается роженица.—Хай тебе Богъ рятуе.—Перейма (схватки) хвата.—Колыбъ щей дужче! говоритъ баба.

Осмотрѣвшись, ловкая баба приготовляетъ роженицѣ постель на полу изъ соломы. Затѣмъ изслѣдуетъ положеніе ребенка съ цѣлью опредѣлить по поперечному или продольному положенію его предстоятъ ли немедленно роды или нѣтъ. Убѣдившись, что предстоятъ роды, баба принимаетъ слѣдующія мѣры къ ихъ облегченію и ускоренію: смазываетъ мыломъ или оливой животъ роженицы и наружныя дѣтородныя части и слегка нажимаетъ животъ сверху внизъ, причемъ шепчетъ и читаетъ молитву Пр. Богородицѣ: „Божая маты Спаса родыла, черезъ частокилъ Спаса прыймала и намъ помочи давала". Какъ только начнутся „переймы", баба водитъ роженицу трижды вокругъ стола, по сѣнямъ, по коморѣ, стараясь перевести черезъ три порога, по току — съ цѣлью найти гдѣ нибудь счастливое мѣсто. Роженицу заставляютъ переступать черезъ мѣшокъ, черезъ штаны мужа, черезъ коромысло. Ее ставятъ на колѣни на разостланномъ шерстью вверхъ кожухѣ и заставляютъ просить прощенія у старшихъ родственниковъ. На нее надѣваютъ рубаху мужа. Заставляютъ пить воду изо рта послѣдняго. Также воду, которой обмыли иконы, особенно благословенныя. Говорятъ,

[1]) Записана въ 1892 г. отъ кр. х. Тернавщины Софіи Латенковой (Писаренковой) 50 л. Пѣсня эта поется при крестинахъ.

что въ 1848 г. въ Лубнахъ священникъ обмылъ чашу и далъ роженицѣ, мучившейся въ родахъ, выпить этой воды.

Всѣ узлы развязываютъ, помѣщенія растворяютъ. Изъ ушей роженицы вынимаютъ серьги, разстегиваютъ рубашки на присутствующихъ, развязываютъ мѣшки; выбрасываютъ солому („гнѣздо“) изъ жлукта. Раскрываютъ скрыню, дижу, окна, двери, стекляной кіотъ въ иконѣ. Наконецъ просятъ священника раскрыть царскія врата. Пробуютъ держать женщину надъ паромъ отъ раскаленныхъ въ печи камней и садить въ ванну [1]). При обморокѣ роженицу вспрыскиваютъ холодной водой и трутъ ею лицо и около сердца. При очень трудныхъ родахъ неискусныя бабки позволяютъ роженицѣ скакать съ лавы или съ полу [2]).

Излюбленное положеніе роженицы въ Лубенскомъ уѣздѣ при родахъ стоячее [3]), причемъ она опирается поясницей. Рѣдко женщина родитъ лежа; ложиться на бокъ ей совсѣмъ не дозволяютъ.

Гораздо чаще женщина, стоя на голомъ полу, держится за поясъ, продѣтый къ сволоку, нѣсколько присѣвши и отбросивъ тѣло назадъ, а баба давитъ въ крестецъ колѣнкомъ. Иногда помогаютъ свекровь и мужъ. Бываетъ и такой пріемъ: мужъ или и посторонній мужчина ставитъ роженицу на колѣни спиной къ себѣ и, крѣпко упирая въ поясницу, выгибаетъ къ себѣ. Вслѣдствіе сильной боли женщина иногда кусается. Иногда баба встряхиваетъ за ноги роженицу, или мужъ охватываетъ жену изъ за спины подъ грудь, слегка приподымаетъ и трижды встряхиваетъ ее какъ грушу. Одна дама, приглашенная дать совѣтъ роженицѣ, оставшейся безъ медицинской помощи, застала слѣдующее: подъ сволокомъ укрѣплены были два пояса, изъ которыхъ одинъ былъ продѣтъ подъ плечи, а другой подъ поясницу лежавшей на этихъ поясахъ, въ горизонтальномъ положеніи, роженицы, которую присутствующіе раскачивали какъ въ люлькѣ [4]).

Если ребенокъ показывается головкою внизъ, то бабка остерегается брать за головку изъ опасенія оторвать ее. При выпаденіи ручки на животъ роженицы кладутъ припарку изъ проса или высѣвокъ и животъ потихоньку приподымаютъ, покуда ручка не войдетъ обратно. Если ребенокъ

---

1) Такой пріемъ рекомендуетъ наука при судорогахъ.

2) «Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ бываетъ разрывъ perinci. См. Коваленко. Къ народной медицинѣ Малор. Оттискъ изъ Этногр. Обозр. Кн. X, стр. 175.

3) Стоячее положеніе ускоряетъ процессъ родовъ.

4) Отсюда уже недалеко до существующаго въ Великороссіи особаго пріема подвѣшиванья роженицы къ сволоку ногами вверхъ, а головою внизъ, приведеннаго въ интересной рѣчи проф. Г. Е. Рейна „О рус. нар. акушерствѣ“. Спет. Типогр. М. Стасюл. 1889 г. Какъ въ этой рѣчи, такъ и у Чубинск. (т. 4, стр. 3--4) и въ вышепривед. соч. Коваленка приведены нѣкотор. акушерскіе пріемы, сходные съ приводимыми мной. Встряхиванье, пряганье и тѣ ничего кромѣ вреда не приносятъ. Учеб. род. иск. Жижил. Сп. 1885 г., стр. 229.

выходитъ ножками, то бабка тихонько вытягиваетъ его, но только до головки, а тамъ только говоритъ: „працюйсь, моя голубочко!“ Вообще при поперечномъ положеніи дитяти бабѣ дозволяется только нажимать правой рукой сверхъ живота роженицы противъ головки малютки для того, чтобы повернуть его головкой внизъ, но вводить руку въ пороги для извлеченія ребенка нельзя.

Необходимо еще прибавить, что, по убѣжденію малороссіянокъ, родить незаконнорожденнаго легче.

III. Третій срокъ родовъ. Удаленіе пуповины, уходъ за родильницей. Выходъ послѣда. Родины.

Наконецъ ребенокъ появился на свѣтъ Божій („найшовсь, жинка россыпалась“). Баба рада, „бо якъ задушытця дытына, то грихъ бабы“; благодаритъ Бога, читаетъ Отче нашъ „бо то всимъ молытвамъ молытва“ и креститъ ребенка, не глядя на него и приговаривая: „якъ я не знаю що ты таке, щобъ ты такъ не знало ни прыстрита, ни крыклывыць, ни переполоху“. Обращеніе къ новорожденному дѣлается еще и въ другой формѣ: „Чуже дытятко ягнятко, мое—ведмежатко. Лапкамы одгрибается, зубкамы одгрызается. Уроку, прыстрыту не боится“. Въ с. Хитцахъ баба, принимая новорожденнаго, произноситъ двѣнадцать разъ: даръ Духа Святого. Затѣмъ бабка отмѣряетъ пуповину на три пальца отъ пупочнаго кольца и также на три пальца съ противной стороны и удаляетъ пуповину на топорѣ мальчику и на гребнѣ отъ прялки дѣвочкѣ; мажетъ кровью въ трехъ мѣстахъ на лбу дитяти крестики, чтобы онъ набирался крови и завязываетъ пупъ матиркой, приговаривая трижды: „завьязую тоби съ щастямъ, здоровьемъ, викомъ довгимъ, розумомъ добрымъ“. Если обрѣзать пуповину коротко, то у ребенка будетъ всю жизнь рѣзь. Но если вслѣдствіе стремительныхъ родовъ, часто бывающихъ при стоячемъ положеніи женщины, оборвалась пуповина, то подвязываютъ пупокъ, натягивая кожку живота новорожденнаго. Пупокъ мать прячетъ въ особое отдѣленіе скрыни „прыскрынокъ“, покуда дитя подростетъ и развяжетъ пупокъ. Такое дитя будетъ умное. Затѣмъ дитя кладется на кожухѣ, чтобъ было богатымъ, поперекъ лавы, чтобъ было долголѣтнимъ. Въ Черевковской волости дитя кладутъ на покути, по мѣстамъ на полу, чтобъ не боялось морозу, а кое гдѣ на край печи. У ребенка, родившагося въ „переходѣ“ (родимцѣ), не удаляютъ тотчасъ же пуповину, но ожидаютъ окончанія припадка, накрывъ ребенка чернымъ, иначе онъ былъ бы съ большой головой, что считается большимъ недостаткомъ. Особаго ухода за невременнымъ ребенкомъ нѣтъ, его кладутъ на печь (коминъ), гдѣ онъ лежитъ шесть недѣль въ рукавѣ отъ кожуха. Обмершее дитя вначалѣ только отгукуютъ: „Христосъ воскресъ“! (трижды).

Также на имя отца: „Иване, гу“! или на имя матери: „Ганно, гу!“ или на кого нибудь изъ родичей. Иногда отгукуютъ часа три. Также щекочутъ головкой булавки въ ноздряхъ и ушахъ.

Давятъ подъ пахи. Иногда отъ легкаго удара по задницѣ „воно квакне“. Баба раскрываетъ ему ротъ и дышетъ раза два—три [1]). Однимъ изъ лучшихъ средствъ признается примачиваніе ребенка квасомъ или сыровцемъ. Наконецъ крайнее средство: зажигаютъ тряпку (ганчирку) или конопляный клокъ и натыкаютъ на дымъ ребенка. „Тоди воно хлыпне“. Обмершее дитя не кладутъ на землю, „бо въ землю пиде“.

Во время родовъ опять дѣлаютъ заключенія о характерѣ родившагося и его судьбѣ по слѣдующимъ признакамъ: если мать послѣ родовъ спитъ, то ребенокъ недолговѣченъ. Также, если дитя родилось лицемъ вверхъ [2]). Ребенокъ, родившійся днемъ будетъ неспокойнымъ, сердитымъ; будетъ обладать хорошимъ аппетитомъ. Родившійся ночью будетъ спокойнымъ, сонливымъ. Родившійся на большой праздникъ будетъ несчастнымъ, на Благовѣщенье—юродивымъ, на Наума—умнымъ. Также будетъ умнымъ дитя, часто чихающее при родахъ. Быстро глядящее и кричащее—скорымъ и злымъ. кричащее—клеветникомъ. Дитя, запутавшееся въ пуповину, вслѣдствіе ея излишней длины, будетъ плутомъ, если пуповина обмотала шею и солдатомъ—если свѣсилась черезъ плечо. Дѣвочка будетъ развратной. Родившійся въ чепцѣ (пузырѣ, сорочкѣ) будетъ счастливымъ. Чепецъ этотъ нужно высушить на раздвоенной („россоховатій“) палочкѣ, спрятать и впослѣдствіи брать съ собою какъ талисманъ. „Отъ того буде фортуна“. Послѣ родовъ новорожденнаго купаютъ, чаще всего вмѣстѣ съ матерью, въ водѣ, къ которой прибавляютъ сѣна, аера, по мѣстамъ ароматическихъ травъ: „живокоста, товстушкы, руты, огирочныка, омана и хробуста, кромѣ того въ купель новорожденнаго бросаютъ еще мелкія серебряныя деньги. Воду изъ купели выливаютъ въ сторону, забрасывая вылитое землей и жаромъ. Кто нечаянно попадетъ въ эту воду можетъ заболѣть „жовтяницами“; даже и скотина будетъ сохнуть. Къ ночи совсѣмъ не выносятъ купели.

Ребенка купаютъ отдѣльно отъ матери въ томъ случаѣ, когда еще не отошелъ послѣдъ. Отдѣленія послѣда принято выжидать два часа. Если его нѣтъ, то родильницѣ даютъ муку съ примѣсью зеренъ. которыя посыпали

---

[1]) Лѣченіе посредствомъ вдыханія очень распространенный способъ; также подкуриванье больнаго и употребляемое нашими бабами ссасываніе кожи ребенка при купаніи его. Иногда болѣзнь сжигается и бросается въ воду. Леббокъ. Нач. цивилизаціи. Спт., 76 г. стр. 25 и 26.

[2]) Позже о недолговѣчности ребенка заключаютъ еще по тому твердо ли тѣло и плотно ли прилегаетъ къ костямъ. Если нѣтъ, если соединительная плева въ глазу мала и на переносьи есть синяя жилка,—то дитя не будетъ жить.

на новый годъ, а затѣмъ родильницу заставляютъ пить оливу, дуть въ пустую бутылку, забиваютъ ей ротъ волосами съ цѣлью произвесть давленіе грудобрюшной преграды на матку. Иногда вытягиваютъ послѣдъ за пуповину. Если пріостановилось послѣродовое очищеніе („брудъ"), то родившей даютъ пить шафранъ, цвѣты піоніи, настой вишневой коры, ромашку и растертые коралы. Послѣдъ закапываютъ у порога, подъ печью, поломъ, лавой или на самомъ мѣстѣ родовъ съ прибавленіемъ къ нему ржи, овса, проса, пшена, для того, чтобы ребенокъ былъ богатъ, а постель родильницы выбрасываютъ свиньямъ. Дѣтямъ разсказываютъ какую нибудь сказку о появленіи на свѣтъ ребенка. Напримѣръ: „мама бродыла, бродыла по рищци, колы плыве дытына, а я (баба) его піймала, думаю: кудыжъ его понесты? Чы нехай вамъ? Диты такъ и очеплюця—нехай намъ". Обмывъ родильницу, которая, разрѣшившись отъ бремени, называется уже „породилей", баба кладетъ ее на полу,—доскахъ, служащихъ постелью семейству. Здѣсь породиля лежитъ до трехъ дней, иногда и дольше, смотря по состоянію своего здоровья, хозяйственнымъ и семейнымъ условіямъ [1]).

Какъ только баба кончитъ обмываніе, отецъ новорожденнаго угощаетъ ее и породилю водкой, выпиваетъ самъ и несетъ тестю „родыво"—собственно извѣстіе о событіи, съ приложеніемъ паляницы и полкварты водки. Входя, онъ говоритъ родителямъ своей жены: „прошу Бога и васъ на родыны," и угощаетъ ихъ водкой. Тесть, отправляясь на родины, захватываетъ съ собой кварту, а если багатъ, то и четвертину водки, яичницу и пироги; теща—полотно, подушечки, рядно и старое бѣлье на пеленки. Они привѣтствуютъ породилю такой фразой: „будь здорова зъ животомъ!" крестятъ дитя, садятся и пьютъ водку. Въ большей части селеній Лубенскаго уѣзда кромѣ родителей приглашаются еще тотчасъ по благополучномъ разрѣшеніи породили ближайшіе родственники и сосѣдки; послѣднія приносятъ породилѣ коржи, вареники, паляницы и отдаютъ, приговаривая: „на тоби окраець, та заткны той бикъ що выскочивъ заець" [2]). Гости выкидаютъ на осьмину въ томъ убѣжденіи: „що скильки посадымъ за столомъ, стильки посыдымъ и въ царстви небеснимъ". Баба же, выпивая водку, приговариваетъ: „дай, Боже, щобъ воно малымъ було сонлыве, а велыкимъ щаслыве! А породиля щобъ выдужувала та дытыну годувала!"

Затѣмъ баба идетъ къ священнику объявить о новорожденномъ съ обычными приношеніями: хлѣбомъ, солью, десяткомъ яицъ или цыпленкомъ и водкой (отъ 3-хъ осьминъ—1/2 кв.) также 5 коп., изъ которыхъ съѣстные

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ м. Снѣтина соблюдался шестинедѣльный покой породили и при крѣпостномъ правѣ, а женщина, родившая двойни, освобождалась на годъ отъ панщины.

[2]) Выраженіе, употребляемое въ д. Шекахъ.

припасы принадлежатъ породилѣ, а деньги—бабины. Въ дорогѣ баба должна воздерживаться отъ физіологическихъ отправленій. Хозяинъ между тѣмъ идетъ приглашать кумовъ. Этимъ удаленіемъ хозяина и бабы кончается обрядъ родинъ, но прежде нежели перейти къ крестинамъ, необходимо упомянуть объ обычаѣ крестить ножомъ окна хаты, въ которой находится новорожденный и зажженіе свѣчи,—а не керосина, который „чортове свитло,“—по ночамъ покуда ребенокъ не окрещенъ [1]). Несоблюденіе послѣдняго обычая можетъ повесть къ важнымъ послѣдствіямъ. Напр. въ с. Вильшанкѣ дитя, положенное на полъ, оказалось въ темнотѣ перемѣщеннымъ на печь. Былъ и такой случай: „Передъ Меланками (31 Декабря, день св. Меланіи) найшовсь хлопчыкъ Васыль. Баба пишла до дому, а породиля потушила свичку тай заснула. Баба прыходыть у ранци и недодывылась, що воно зробылось дивчыною. Священныкъ вылаявъ бабу, а дытыну назвавъ Мылашкою“. (Отъ М. Харлановой).

IV. Крестины (хрыстыны, хрысты). Приглашеніе въ кумы. Передача ребенка. Удаленіе и возвращеніе кумовьевъ. Обѣдъ.

Общія правила о кумахъ гласятъ: „1) баба сужена, а кумы люблени, 2) съ такимъ чоловикомъ треба куматьця, щобъ не лаятьця“. Поэтому, напримѣръ, лучше избѣгать близкихъ сосѣдей въ качествѣ кумовьевъ. Слѣдуетъ выбирать кумовъ между родственниками, хорошими знакомыми, съ которыми живется по любви и людьми богатыми. Людямъ, имѣющимъ дочерей, не слѣдуютъ куматьця съ парнями, и вообще число кумовъ должно быть какъ можно меньше въ виду ограниченій брака между кумовьями, что очень важно для небольшихъ селеній. Поэтому нужно держаться однихъ и тѣхъ же кумовьевъ, если предыдущія дѣти, или окрещенныя ростутъ благополучно. Нельзя „одхрыщувать“. Женщинѣ опасно имѣть много крестниковъ („хрещеныкивъ“). Если дѣти у родителей мрутъ, то послѣдніе приглашаютъ въ кумы брата и сестру изъ одного и того же семейства, также первыхъ встрѣчныхъ, „стритенныхъ“. Если и это не помогаетъ, то черезъ шесть недѣль послѣ родинъ родители новорожденнаго избираютъ счастливыхъ по ихъ мнѣнію людей, такъ назыв. закупныхъ кумивъ. Закупной кумъ кладетъ деньги, закупная кума—крыжмо, состоящее, какъ и обыкновенно,

[1]) Освѣщеніе новорожденнаго происходитъ изъ страха подмѣны ребенка. По общечеловѣческому взгляду духи любятъ темноту, оттого въ Индіи, Австраліи, Ю. Америкѣ ходятъ съ факелами. Китайцы зажигаютъ огни на свадьбахъ. На Малайскихъ островахъ горятъ огни вокругъ роженицы, чтобы не допустить къ ней злыхъ духовъ. У Скандинавовъ огонь горитъ до крещенія ребенка, иначе его похитятъ троли. На Гебридскихъ островахъ вокругъ роженицъ и дѣтей обносятъ огонь для защиты отъ злыхъ духовъ. (Тэйл. Первоб. Культ. стр. 253) Сюда же примыкаютъ разсказы объ одминкахъ, обмѣненныхъ чертомъ дѣтяхъ. (Чуб. Эт. Ком. т. I, стр. 194).

изъ 3—4 арш. холста. Присутствующіе также сбрасываютъ деньги. Отношенія къ этимъ закупнымъ кумамъ устанавливаются такія же, какъ и къ настоящимъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ родители должны выкупить своихъ дѣтей у кумовъ, до какого выкупа дѣти принадлежатъ послѣднимъ. Этотъ выкупъ производится такимъ образомъ: на первый день Свѣтлаго праздника породиля беретъ дитя и дары: булку, калачъ, платокъ или хустку, цѣной въ 5—10 коп. и подноситъ ихъ кумамъ. Кумы угощаютъ породилю водкой, берутъ дитя на руки и даютъ гостинецъ—5 коп. Отецъ приглашаетъ кумовъ въ такой формѣ: „послухайте дытыну у хрестъ увесты". Отказываться „одъ хреста" грѣшно. Обычай требуетъ, чтобы хозяинъ по возвращеніи домой угостилъ кумовъ водкой и закуской. Затѣмъ онъ опять удаляется приглашать гостей на обѣдъ, а кумы становятся въ парѣ. Баба закутываетъ новорожденнаго въ мужскую рубаху и передаетъ имъ. Унося ребенка, кумъ переступаетъ правой ногой черезъ сѣкиру [1]) съ раскаленнымъ на ней углемъ для того, по объясненію бабокъ, чтобъ на ребенка не нападали жовтяныци. Крестный отецъ незаконнорожденнаго ребенка подвязывается уздечкой или налыгачемъ, смотря по тому, желаетъ ли онъ, чтобъ у него плодились кони или бычки. По пути къ священнику ангелъ ведетъ куму подъ правую руку. На первомъ же перекресткѣ кума бросаетъ влѣво, гдѣ предполагается нечистый, узелокъ съ углемъ, кирпичемъ (печыною), хлѣбомъ и солью. Иногда при этомъ плюетъ. До какой степени распространенъ этотъ обычай видно изъ того, что одной сельской учительницѣ, Лубенской гимназисткѣ, приглашенной въ кумы, женщины дали такой узелокъ въ руки и настояли, чтобы она также дала подать чорту. Кумы подносятъ священнику хлѣбъ съ солью, 5—10 коп. и водку. Во время крещенія они опять дѣлаютъ наблюденія надъ ребенкомъ. Если онъ сожмется, то будетъ жить, если расприямится—умретъ. „Якъ вмажетця, або вмочытця пидъ хрестомъ буде въ стыду", (т. е. развратенъ). Кума выноситъ дитя отъ священника. Она не должна никому открывать имени ребенка потому, что онъ можетъ умереть. Имя, даваемое новорожденному, должно по общенародному убѣжденію со-

---

[1]) Вѣроятно для того, чтобы ребенокъ былъ здоровъ. По замѣчанію проф. Вл. Б. Антоновича желѣзо закапывалось подъ порогомъ дома для того, чтобъ сообщить крѣпость и здоровье жильцамъ. Гапка Мельничиха, обвиненная въ 1705 г. въ колдовствѣ, объяснила, что совѣтывала закопать желѣзо отъ плуга подъ порогъ дома для того, чтобы переступающіе черезъ него были здоровы какъ то желѣзо. (Ант. Колдовство. Спт. 77 г., стр. 19 и 357). Отсюда выраженіе: желѣзное здоровье. Для излѣченія дѣтской сыпи (вогныка) кузнецъ кропитъ трижды ребенка водой, въ которой охлаждалось желѣзо (Чуб. Этн. экс. т. I, стр. 138). Въ Индіи, когда рождается мальчикъ, надъ дверью вѣшаютъ зеленую вѣтвь и желѣзное кольцо. (Р. Киплингъ. Хищники. Нов. Вр. 17 Дек. 94 г. № 6755, стр. 2). Объ очистительномъ значеніи сѣкиры какъ символа огня, которую у Славянъ и въ Великороссіи кладутъ на порогѣ или на гробѣ при похоронахъ,—у Котляревскаго. Погреб. обыч. Слав. Спет. 91 г. стр. 224 и 246.

впадать съ именемъ святаго, чествуемаго въ день родинъ. Перемѣна имени приноситъ ребенку несчастіе. Поэтому, напримѣръ, у женщины въ Засульи четыре сына и всѣ Иваны. Возвратясь отъ священника, кумы передаютъ дитя бабѣ съ такимъ заявленіемъ: „мы въ васъ бралы нарождене, а вамъ дамо молытвяне и хрещене“! Поздравляютъ бабу и родителей, садятся за обѣдъ, приготовленный бабой по возможности съ мясомъ, а въ постные дни съ рыбой, и состоящій изъ борща, локшины, кнышей, пироговъ и жаркого. Водки берутъ къ обѣду отъ кварты и до ведра, смотря по состоянію. Угощеніе начинается съ того, что баба или кума даетъ породилѣ водки и миску съ отсыпанными въ ней тремя ложками кушанья. Потомъ всѣ распиваютъ „ковалеву горилку“ [1]), такимъ образомъ: предъ борщемъ потчуетъ гостей кумъ, послѣ борщу предъ локшиной—кума. Послѣ обѣда хозяинъ проситъ гостей еще посидѣть: „щобъ усе добре садылось“. Баба предлагаетъ и отъ себя варену, т. е. водку съ сухими фруктами, заранѣе приготовленную хозяевами. Варена стоитъ на подносѣ съ двумя рюмками и маленькими букетами калины. Присутствующіе пьютъ попарно въ такомъ порядкѣ: хозяинъ и хозяйка, кумъ и кума, гости и въ заключеніе баба. Гости, забирая калину, говорятъ: „квиткы красни! щобъ такъ наша породиля красна була“! и отдаютъ затѣмъ калину породилѣ на купель дитяти. Присутствующіе бросаютъ бабѣ на тарелку мелочь, а она проситъ: „попробуйте моей варенои, та выкыньте на пидметкы, бо я боса“. Изъ этихъ денегъ баба даетъ тотчасъ породилѣ 2—5 коп. на покупку свѣчи для такъ называемыхъ „вводинъ“, т. е. когда породиля идетъ послѣ шести недѣль пріобщить дитя въ церковь. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ похрестынъ на крестинахъ бываетъ иногда музыка и гости танцуютъ всю ночь.

V. Злывки [2]). Первое кормленіе грудью. Способы увеличенія покорма.

На разсвѣтѣ слѣдующаго послѣ крестинъ дня, иногда еще при мѣсяцѣ, баба идетъ къ рѣкѣ и черпаетъ воду съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Добрыдень тоби, водо Уліяно, и ты, земля Оссіяно! Прыбуваешъ ты, водо, изъ гиръ, изъ могылъ, изъ усякихъ украинъ. Прыбудь моій породили и въ костяхъ и въ крыжахъ и въ усихъ іи маслакахъ. Рожденный, молытвянный и хращеній породили“ (имя). (Отъ кр. с. Литвяковъ Аг. Шевченковой).

Есть слѣдующіе варіанты настоящаго обращенія къ водѣ:

„Добрыдень, водо Уляно, и ты, земле Тетяно! Наповняешъ моря, наповняешъ рикы, наповны Явдоси породили іи кости, іи уста, іи груды,

---

[1]) Ковалемъ называется отецъ новорожденнаго, какъ и въ пѣснѣ: „Спасыби тому ковалю“, которая есть и въ Луб. уѣздѣ и въ 4 т. у Чубинск.

[2]) Злывки иначе описаны въ соч. *Богдановича*, Сборн. свѣд. о Полт. губ. Полтава. 1877, стр. 177 и въ соч. *Арендаренка* „Зап. о Полт. губ.“ 1849, т. II, 214.

хрещенному, нарожденному Ивасю кормыть. (Отъ М. Танцюриной, с. Кононовки).

„Добрыдень тоби, водо Тетяно, земля Уляно! ты очыщаеся, ты освящаеся, ты преспоряеся [1]). Преспоры рожденыци, хрещеныци, рабы Божои Явдохы покорму. Ты, пичъ, мате! прыспоры рожденыци, молытвяныци, хрещеныци, рабы Божои Явдоси дытя годуваты". (М. Харланова, с. Вильшанки).

„Добрыдень, водо Тетяно, земля Уляно! Поможы мени сiи воды набрать зъ пидъ зилля, зъ пидъ креминя. Та одъ Явдохы хрещенои молытвянои нечысть ту одигнать" [2]). (Троянова, с. Песокъ).

Въ принесенную такимъ образомъ воду баба бросаетъ овесъ, рожь, конопляное сѣмя и хлѣбъ и ставитъ въ горшкѣ на припечкѣ. Затѣмъ въ избу вносятъ ночвы, въ которыя кладутъ сѣкиру и стебелекъ нехворощи или вербы. Породиля ставитъ правую ногу на сѣкиру и баба трижды сливаетъ ей на руки находящуюся въ горшкѣ воду.

Въ Черевковской волости, гдѣ зливки бываютъ въ день родинъ, къ сѣкирѣ присоединяютъ также ножъ, или употребляютъ только послѣднiй такимъ образомъ, что женщина просовываетъ его межъ пальцами ноги. Породиля глотаетъ сливаемую ей на руки воду, моетъ полными пригоршнями лице, третъ и моетъ себѣ плечи и грудь, причемъ трижды проситъ прощенiя у бабы, а затѣмъ также сливаетъ трижды на руки бабѣ, которая говоритъ: „просты жъ, моя дытыно, и мене!" По мѣстамъ кладутъ еще вербу на плечи и грудь породили. Потомъ породилю садятъ на кожухъ [3]) и въ это время ей даютъ первый разъ покормить ребенка, а до того послѣднему мажутъ только губки медомъ, а если ребенокъ очень безпокоенъ,

---

[1]) Претворяешься.

[2]) Примѣч. Одинъ изъ старыхъ Снѣтинскихъ разсказчиковъ, Николай Ивахненко, передавалъ мнѣ, что при крѣпостномъ правѣ женщина, черпая воду изъ Сулы, приговаривала: „Господы благословы! Здорово була, водо Уляно! Ты, водо, святыся, ты водой хрыстыся! Благословы, Душе святый, воды набрать!" Въ такихъ обращенiяхъ къ водѣ, сквозь позднѣйшее христiанское наслоенiе, виднѣется еще общечеловѣческое почитанiе воды. Такъ, Индусы бросаютъ деньги въ воду, переѣзжая рѣку. Во Францiи (близь Тулузы), Англiи (ключъ Ланмеръ и др.), Шотландiи и Ирландiи,—вездѣ священныя воды (Леб. Нач. цив., стр. 215—220). Древнiе греки считали воду началомъ бытiя (Вѣд. въ ант. мiрѣ. Буше-Леклерка. Кiевъ, 1881, стр. 152). Также и славяне, у которыхъ богослуженiя и гаданiя происходили на берегу рѣки. Въ воду бросали деньги, приношенiя и изображенiя. Ключи и озера, считающiеся священными, находятся во всякой славянской странѣ. Въ древней Руси приносили жертвы болотамъ и колодцамъ. По понятiямъ малоруссовъ, воду нельзя засорять. Она цѣлебна. (Финск. Вѣстн. 1847 г. О языч. богослуж. др. Славянъ, стр. 19—23. Котляр. Погреб. об. др. Славянъ, т. III стр. 128. Изд. 91 г. Костом. Очер. жизни Велик. нар. Соврем. 60 г., № 11, стр. 532 и Чуб. т. I, стр. 41—43.

[3]) Въ упоминавшемся нерѣдко помѣщенiи матери и новорожденнаго на кожухѣ слѣдуетъ видѣть воспоминанiе о жертвоприношенiи животныхъ. Н. Ѳ. Сумцовъ. О влiян. греч. и рим. ритуала, стр. 19.

то его кормитъ посторонняя женщина. [1]) Начинать кормить нужно правою грудью. Вообще каждый разъ слѣдуетъ давать правую грудь прежде. При первомъ кормленіи грудью нужно читать Отче нашъ. Послѣ омовенія породили, ребенка также купаютъ трижды въ приготовленной указаннымъ выше способомъ водѣ съ нехворощью и коноплянымъ сѣменемъ.

Обрядъ злывокъ въ настоящее время, по заявленіямъ бабъ, выполняется только для того, чтобы у породили прибывалъ покормъ.

Баба, участвуя въ злывкахъ, высказываетъ породилѣ пожеланіе: „щобъ молоко прыбувало" [2]).

Если послѣ злывокъ молока недостаточно, что бываетъ „зъ очей", то покормъ думаютъ увеличить повтореніемъ сливанія воды на руки породилѣ и предложеніемъ ей напиться воды изъ ведра черезъ порогъ; а при недостаточности этихъ средствъ прибѣгаютъ къ такимъ:

1) Къ ночи баба набираетъ изъ рѣки или колодца воды съ приведеннымъ выше заговоромъ: „добривечиръ тоби, водо Уляно!" отмѣряетъ тридевять ложекъ, сливаетъ ихъ въ кувшинъ и ставитъ на всю ночь. Утромъ баба измѣряетъ воду. Вѣрятъ, что если за ночь прибавится лишняя ложка воды, то прибавится и покормъ, а если уменьшится на одну ложку—дитя умретъ. Этой водой поятъ породилю и ребенка.

2) Родильница, вдвоемъ съ мужемъ, набираетъ воды изъ трехъ криницъ въ три тыквы; приноситъ домой, грѣетъ купель, сливая воду вмѣстѣ, бросаетъ туда вербу, умывается сама и купаетъ дитя, затѣмъ относитъ эту воду во всѣ три криницы обратно.

3) При недостаточности одной воды, въ обрядъ вводятъ еще хлѣбъ такимъ образомъ: баба отрѣзываетъ кусочекъ перваго вынутаго изъ печи хлѣба, привязываетъ ниткой къ палочкѣ и относитъ въ рѣку или коло-

[1]) Обыкновеніе вредное, какъ для матери, такъ и для ребенка.

[2]) Значеніе зливокъ въ настоящее время очевидно съужено. На самомъ дѣлѣ зливки ничто иное, какъ церемоніальное послѣродовое очищеніе ребенка и родильницы, развившееся изъ необходимости очиститься физически. По общечеловѣческому убѣжденію, женщина послѣ родовъ считается нечистой. Она не должна приближаться къ огню изъ опасенія осквернить его; посуду, которую она употребляла, не можетъ употреблять ея мужъ, не окуривъ предварительно. (Православ. Благов. 94 г. № 10, стр. 53). Омовеніе роженицъ производится у Готентотовъ, въ Западной Африкѣ, у Монтрасовъ, Монголовъ. Въ Индіи церемоніальное очищеніе женщины и нареченіе имени ребенку бываетъ въ одинъ день. Кипчаки, Якуты, Новозеландцы, Гвинейцы омываютъ новорожденныхъ или кропятъ ихъ водой и окуриваютъ, давая имя, черезъ 3—8 дней послѣ рожденія. Также въ Китаѣ и Японіи (черезъ мѣсяцъ). Тибетцы погружаютъ ребенка въ воду, а Лапландцы моютъ теплой водой, въ которую кладутъ вѣтки ольхи. Въ Мексикѣ кормилица омывала ребенка во имя богини воды. У Грековъ женщина, присутствовавшая при родахъ, мыла руки, а кормилица обносила ребенка вокругъ огня и давала ему имя. У Римлянъ кормилица мазала слюной ребенку губы и лобъ. (Тейлоръ. Первоб. культура т. 2. Обряды и церемоніи. Гл. 18, стр. 463—472).

дезь на всю ночь. Если хлѣбъ сохранится, породиля съѣдаетъ его утромъ съ освященной солью.

4) Баба или родильница—если въ силахъ, замѣшиваетъ дижу и выдавливаетъ навкрестъ рукою 3—4 углубленія, куда наливаетъ воды. Когда хлѣбъ взойдетъ и вода окажется на верху, баба, разсматривая это обстоятельство, какъ благопріятное предзнаменованіе, собираетъ воду, омываетъ грудь и плечи породили, также даетъ ей немного выпить. Если вода войдетъ въ хлѣбъ—дитя умретъ.

5) Если хлѣбъ не помогаетъ, то разыскиваютъ въ мышиномъ гнѣздѣ камешекъ, величиной и видомъ напоминающій дробь. Найденный камень погружаютъ въ освященную воду и ставятъ на ночь на дворѣ противъ покутя, накрывая ведромъ. Третья часть кувшина оставляется пустой. Утромъ воды прибудетъ, если ребенокъ долженъ жить; въ противномъ случаѣ, она останется въ прежнемъ количествѣ. Способъ употребленія этой воды такой, какъ выше объяснено.

VI. Продырыны (очедерыны, похрыстыны).

Подъ продырынами, изрѣдка называемыми похрыстынами, слѣдуетъ понимать семейное торжество, бывающее на другой день послѣ крестинъ, въ честь новорожденнаго. Въ большей части Лубенскаго уѣзда они отжили свое время и представляютъ только остатки; въ мѣстечкѣ же Снѣтинѣ и въ Волчковской волости они сохранились еще вполнѣ. Не то было прежде, когда „пиціймалы такы родыны, якъ теперъ весилля“ и распивали 1—2 ведра водки. Гости собираются на продырины „оченята продырать дытыни, щобъ було зирке“, „очей драть“ къ званному обѣду, такому же, какъ на крестинахъ и также приготовленному бабой. За обѣдомъ сама породиля угощаетъ бабу и гостей, которые пьютъ водку, приговаривая: „дай, Боже, щобъ дытына була бачуща, выдюща и памятуща! зирка и швыдка! Щобъ куды йшло—тай найшло. Щобъ робоче и охоче. Щобъ швыдке, прудке, повновыде, уродлыве!“ Затѣмъ мальчику желаютъ еще: „щобъ велыкый рисъ. умивъ ткать, бондарювать, усёго дила швыдко хватать! И швець, и кравець, и чоботарь. Щобъ межъ панаамы. Щобъ бувъ велыкый кныжныкъ!“ Дѣвочкѣ желаютъ: „Щобъ щасна, красна, довголитня и многолитня; щобъ хлопци любылы и по персню носылы; щобъ помитуха и помазуха и швачка и прачка и пряха.“ Иной гость приводитъ двустишіе изъ шуточной пѣсни:

„Щобъ до плуга и до рала
За хлопцямы боса драла!“

При этихъ пожеланіяхъ кладутъ иногда деньги на ребенка.

Послѣ обѣда развеселившіеся гости ведутъ бабу, завернутую въ подарки, въ питейный домъ продавать. Въ Вильшанкѣ ее тянутъ на вѣткѣ глода, а въ х. Тернавщинѣ везутъ на высоко помощенномъ возѣ въ лучшей одеждѣ породили. Въ с. Юсковцахъ, гдѣ нѣтъ продыринъ, вспоминаютъ еще: „якъ не пидемъ у шынокъ, то крадена дытына", а за отказомъ бабы, шутя грозятъ бабѣ: „зависьмо бабу до сволока". Гости, проходя по селу шумною толпой: „щобъ люды зналы, що у насъ не крадена дытына", поютъ или горланятъ („верзуть") извѣстную пѣсню: „Спасыби тому ковалю и т. д." Въ корчмѣ баба должна угостить спутниковъ изъ своего скуднаго гонорара [1].)

---

[1]) *Примѣчаніе 1-е.* Значеніе продыринъ. Публичность продыринъ, представляющихся оглашеніемъ о событіи рожденія и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія: «у насъ дытына не крадена», позволяютъ видѣть въ этомъ обыкновеніи остатокъ арійскаго обычая—признанія отцемъ дитяти и присоединенія его чрезъ то къ извѣстному роду. Фюстель де Куланжъ въ соч. Древнее общество (Сктп. 67 г., стр. 66 и 67) объясняетъ, что въ Римѣ, Греціи и Индіи отецъ собиралъ семейство, призывалъ свидѣтелей, приносилъ жертву очагу и обнесеніемъ новорожденнаго вокругъ огня установлялъ религіозную и нравственную связь младенца съ семьей. Необходимость такого публичнаго заявленія отца о новорожденномъ съ чисто французскимъ остроуміемъ указана Жиро-Телономъ: материнство, говоритъ онъ, выражается очевидною, чисто физическою связью ребенка съ матерью. Отчество (paternité) не исходитъ изъ такого очевиднаго факта и, являясь предположеніемъ, нуждается въ особомъ юридическомъ актѣ явственнаго или молчаливаго усыновленія. Бракъ въ Греціи и Римѣ не былъ самъ по себѣ достаточнымъ для установленія происхожденія. Только подиятыя отцемъ съ земли дѣти получали воспитаніе. (Les origines de la famille par A. Giraud-Teulon. Genève, Paris. 1874 p. 203—205). Необходимость продыринъ, по моему мнѣнію, логически вытекаетъ изъ принципа тайны при родахъ.

Примѣчаніе 2-е. Значеніе дѣятельности бабы при родахъ. Дѣйствія бабъ при родахъ также носятъ на себѣ признаки культурнаго переживанія. Когда люди селились отдѣльными дворищами, печищами, то обязанности бабки только и могла, конечно, исполнять старшая родственница. И теперь, напр., у Осетинъ бабка, принявшая ребенка, считается родной. (Соврем. обычай и законъ Ковал. Москва. 1886 г., стр. 312) То же и у насъ, что доказывается, во 1-хъ) тѣмъ обстоятельствомъ, что отношенія бабки къ призвавшему ее семейству не могутъ быть сведены къ договору, какъ и у Римлянъ. Уклониться отъ своей обязанности баба не можетъ—грѣшно. «Баба сужена» говоритъ народъ. Ничтожный гонораръ бабы, состоящій изъ 2 арш. холста или чернаго платка, цѣной въ 20 к. („тилько що не ганчирка") назначается ей лишь за замѣну породили въ хозяйствѣ: печеніе хлѣба, изготовленіе двухъ обѣдовъ. Помощь породилѣ и принятіе младенца не оплачиваются. 2) Между бабой, породилей и принятыми дѣтьми устанавливаются отношенія, подобныя родственнымъ. На свят. вечеръ дѣти, наравнѣ съ кровными родичами и крестными отцемъ и матерью, ходятъ и къ бабѣ съ вечерей: кутей и медомъ. На Рождество мать принятаго ребенка приходитъ къ бабѣ съ хлѣбомъ, солью и водкой, на Свѣтлый праздникъ—съ крашанками, на проводахъ и поминальныхъ субботахъ—съ паляницами. Обязанности эти настолько священны по народному убѣжденію, „що якъ хрещеникы не носытымуть вечерю хреснымъ батьку и матери, то буде конець викови."

3. Раннее дѣтство.

I. Народная дѣтская гигіена. Содержаніе ребенка: купель, пища. Отлученіе отъ груди. Ростъ дитяти, первыя слова и движенія. Пострижчины (постриги).

Малорусская дѣтская гигіена въ первые мѣсяцы жизни ребенка направлена главнымъ образомъ на то, чтобы сонъ дитяти былъ продолжителенъ и непрерывенъ. Этой цѣли служатъ: мѣрное покачиваніе колыбели, тугое повиваніе ребенка, однообразная мелодія колыбельныхъ пѣсенъ и частью также купель.

Новорожденное дитя купаютъ первыя шесть недѣль ежедневно или, по крайней мѣрѣ черезъ день въ водѣ до 30°/о съ примѣсью сѣна, деревія, чебреца, иначе чепчыка, листьевъ вишни и калины, также гвоздики. Кладя въ воду говорятъ: „мате водыця! а ты въ ій прысвятыся“ [1]). Дитя заворачиваютъ въ пеленки и сливаютъ горстью или чашкой, прибавляя: „на тоби сонъ зъ усихъ сторонъ“. Въ купели его измѣряютъ, сводя вмѣстѣ противоположный локоть и колѣно. При этомъ облизываютъ дитя и сплевываютъ. Купель считается удачной, если дитя въ ней уснуло. Купаютъ въ ночвахъ. Послѣ купели мать завѣртываетъ ребенка въ пеленки, сдѣланныя изъ стараго бѣлья, и связываетъ крестообразно узкимъ повивачемъ (крайкой), туго стягивая ножки. Пеленаютъ большею частью разъ въ день. Мать, укладывая въ колыбель ребенка, молится: „Лягаю я спаты, коло мене Божая маты. Анголы въ головахъ, хранытели по бокахъ. Хранить мою душу зъ вечора до пивночи, а одъ пивночи до свиту, а одъ свиту до самаго вику“ [2]).

Дитя лежитъ въ колыбели на подушкѣ изъ куриныхъ перьевъ, укутанное въ рядно. Если начинаетъ кричать, то закачиваютъ усиленно, толчками. скорѣй трусятъ, чѣмъ качаютъ. Продолжаютъ закачивать дитя годъ и два, покуда не появится новое, которому нужно освободить люльку. Дитя одѣваютъ до перваго причащенія (вводинъ) въ такъ называемый „плáщокъ“ или „плащечокъ“—рубашку безъ рукавовъ, а на вводины дѣлаютъ настоящую изъ крыжма.

Другая важная сторона физическаго воспитанія ребенка—пища состоитъ въ первое время жизни изъ материнскаго молока. Но даже въ случаѣ достаточнаго количества молока у матери прикармливаніе ребенка посторонними пищевыми средствами: жидкой пшенной кашей, писпой, квашей,

---

[1]) Въ главѣ о родинахъ было упомянуто о почитаніи воды, о слизываніи ребенка и объ осторожномъ обращеніи съ купелью. Остается добавить, что купель не выливаютъ къ ночи и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ходятъ люди, также подъ дерево, а туда, куда сходятся плетни. Въ жатву купель бываетъ только по воскресеньямъ.

[2]) Отъ Маріи Кунаковой, сел. Литвяковъ.

картофелемъ и тыквой начинается рано: на второмъ, третьемъ и четвертомъ мѣсяцѣ жизни дитяти. Эту пищу кладутъ въ свертокъ изъ стараго, мягкаго холста, такъ называемую куклу, и запихиваютъ ею ротъ дитяти. Гораздо раньше полугодія разрѣшаются также дѣтямъ свѣжіе овощи и фрукты. Вода нѣсколько позже, съ 8, 9 мѣсяца, такъ какъ до того дитя поятъ ангелы. Крестьянки никогда не пригоняютъ кормленія грудью къ опредѣленному времени, но кормятъ постоянно, насколько позволяютъ работы: „Якъ заплаче, такъ и цыцьку", начиная только всегда кормить правою грудью для того, чтобы дитя не было лѣвшей. Недостатокъ или отсутствіе молока у матери настоящее бѣдствіе. Женское молоко замѣняютъ коровьимъ или овечьимъ, разведеннымъ на треть или на половину водою,—иногда совсѣмъ не разведеннымъ, что зависитъ отъ густоты молока. Кормятъ соской. Но такъ какъ коровье молоко за уменьшеніемъ числа коровъ доставать трудно, то дитя кормятъ указанной выше пищей, также размоченной булкой. Въ такомъ случаѣ дитя иногда умираетъ отъ голода или отъ воспаленія кишечника. Еще чаще умираетъ оно, оставшись сироткой безъ матери.

При достаточномъ количествѣ молока въ груди крестьянка старается кормить дитя какъ можно дольше: до двухъ лѣтъ или до новой беременности. „Порожня годуе два годы". Стараются не отлучать въ постъ, а предъ постомъ, особенно предъ Спасовкой. Иныя матери выбираютъ для отлученія день рожденія дитяти. Другія предпочитаютъ пятницу. Кромѣ общеизвѣстнаго способа отлученія, т. е. предложенія матерью ребенку черезъ плечо хлѣба и соли, иногда и яйца, съ объявленіемъ: „на тоби хлибъ и силь, а на цыцьку не надійсь!"—есть еще слѣдующіе пріемы. Мать надѣваетъ себѣ рубашку грудью на спину для того, чтобы дитя не нашло пазухи; или прячетъ за пазуху щетинную щетку, которою мычутъ мычки, тыкаетъ ею ребенка и говоритъ: „вова!" Также мажетъ сосокъ сажею и перцемъ. Отлучивъ ребенка, его кормятъ иногда цѣлую недѣлю булкой, размоченной съ сахаромъ. Разъ отлученное дитя нельзя уже подъ опасеніемъ глупости припускать къ груди вторично. Подростая, дитя часто до года произноситъ общечеловѣческія слова: мамо, тато, бабо. До того „гукаетъ". Если первое произнесенное ребенкомъ слово будетъ мама, то у матери родится слѣдующее дитя дѣвочка, а если—тато, то мальчикъ.

На третьемъ мѣсяцѣ и раньше дитя уже садятъ въ деревянную коробку или сито, а затѣмъ и на полъ. Съ восьми мѣсяцевъ оно уже начинаетъ ходить. Учатъ ходить посредствомъ „постоячки", состоящей изъ двухъ круговъ на четырехъ ножкахъ. Въ средину ставятъ дитя. Постоячка дѣлается для того, чтобы ребенокъ не мѣшалъ занятіямъ. Вообще по бытовымъ условіямъ мать не можетъ удѣлять много времени дитяти. Большое счастіе, если бабуся можетъ замѣнить мать. Въ противномъ случаѣ дитя

отдается на руки старшей сестры, иногда дѣвочки 6—7 лѣтъ. Неудивительно, если охраняемое такою нянькой дитя пощипають гуси или ранитъ свинья.

Первый годъ жизни ребенка оканчивается маленькимъ семейнымъ праздникомъ — обстрыжчынами или пострыжчынами. Во время праздника дитя садятъ на столъ, мальчика на сѣкирѣ, для того, чтобы изъ него вышелъ искусный мастеръ, а дѣвочку на конопли въ надеждѣ имѣть впослѣдствіи хорошую пряху. Баба, принимавшая ребенка, обрѣзываетъ ему волосы ножницами прежде крестообразно, а потомъ остригаетъ всю голову [1]). Конопли отдаютъ бабѣ. Она, домашніе и сосѣдки выпиваютъ полкварты водки и слегка закусываютъ мягкимъ хлѣбомъ съ сметаной или жареной рыбой. У богатырей на постригахъ малютку ставятъ ножками въ водку для того, чтобъ скорѣй ходила.

II. Народная дѣтская медицина. Болѣзненныя состоянія первыхъ дней жизни. Нервныя страданія.

Воспаленіе глазъ новорожденнаго и внутренней части уха (якъ въ ушку крутыть), народная медицина лѣчитъ однимъ и тѣмъ же средствомъ— впрыскиваніемъ покорма. Воспаленіе же слизистой оболочки рта—„плиснявку“ (молочницу)—разными средствами. Перевариваютъ „синій каминець“ (cuprum sulfuricum) съ медомъ и мажутъ языкъ дитяти. Синій камень замѣняютъ иногда перцемъ и гвоздикой. Пріобрѣтаютъ въ аптекѣ розовый медъ. Подносятъ дитя къ свиному корыту и мажутъ ему языкъ помоями, говоря трижды: „тоди плыснявка нападе, якъ на долони волосся пороcте“. Средство это примѣняютъ только тогда, когда кормится черная свинья. Также вытираютъ ротъ дитяти косою матери. Страданія легкихъ—„стыскы“ („якъ у грудяхъ важко“) думаютъ излѣчить воробьинымъ каломъ („горобынцемъ“) настоянным на теплой „стритеньскій“ водѣ, которой трутъ грудь и спину дитяти; даютъ немного и внутрь. Разстройство пищеваренія у дитяти, выражающееся въ рвотѣ и поносѣ, на первыхъ порахъ ничѣмъ не лѣчатъ, считая, что дитя очищается, а отъ запора (якъ не каля) впихаютъ въ задній проходъ кусокъ мыла, смазанный оливой. При рѣзи въ животѣ разбиваютъ яйцо въ горящую водку и прикладываютъ въ тряпкѣ на пупокъ. Прикладываютъ также къ пупку яйцо съ солью. Животъ растираютъ оливой; внутрь дается отваръ мяты. При разстройствѣ пищеваренія даютъ еще тертый сургучъ съ круглой сѣркой въ покормѣ. Гноеніе пупка залѣчиваютъ покормомъ, а пупочную грыжу загрызаютъ. Грызть съ успѣхомъ

---

[1]) По разъясненію профессора Н. Ѳ. Сумцова постриги — сокращеніе человѣческой жертвы въ смыслѣ pars pro toto. Религ. миѳ. знач. малор. свадьбы. Кіевъ. 1885 г., стр. 8.

можетъ только первенецъ. Онъ трижды приговариваетъ: „ой у грызи девять зубивъ. Одъ девяты до восьмы, одъ восьмы до семи и т. д. одъ двохъ до одного, одъ одного ни до одного" [1]). Кладутъ еще на пупокъ мѣдную монету стараго образца, но пупокъ и животъ никогда не бинтуютъ. При недержаніи мочи подкуриваютъ дитя смолой и калганомъ; при задержкѣ ея—поятъ настоемъ петрушки и сѣкирокъ. Стираютъ скипидаромъ. Красную и пузырчатую сыпь ничѣмъ не лѣчатъ, полагая, что ребенокъ очищается (дытына цвите, тильце молодытця). Прѣль засыпаютъ гречневой мукой или пылью изъ гнилаго дерева, просѣянными на густомъ ситѣ. Отъ шероховатости кожи—„шерсты" (щетинки) купаютъ въ непочатой водѣ съ золой, просѣянной оборотомъ руки („на выдли"). Отъ рожистаго воспаленія прикладываютъ къ покраснѣвшему мѣсту мѣлъ съ однолѣтними побѣгами бузины, или только эти побѣги, предварительно смазавъ воспаленное мѣсто оливой.

Народная медицина не различаетъ опасной формы желтухи (жовтяныци), сопровождающей гноеотравленіе крови, отъ неопасной, состоящей въ простудѣ кожи. Въ обоихъ случаяхъ купаютъ дитя въ купели, приготовленной особеннымъ способомъ. Именно женщина садится на порогѣ избы, обнажившись до пояса и прядетъ лѣвой рукой (навпакы). Затѣмъ приноситъ непочатой воды, не здороваясь и не заговаривая ни съ кѣмъ. Воду ставитъ возлѣ порога и черезъ порогъ наливаетъ ночвы, куда бросаетъ упомянутую пряжу. Грѣетъ купель, купаетъ въ ней трижды дитя и выливаетъ воду въ то мѣсто, гдѣ сходятся плетни [2]). Кромѣ этого способа кладутъ еще въ нагрѣтую какъ обыкновенно купель вѣнчальное кольцо и мѣдныя деньги взамѣнъ золотыхъ перстней и червонцевъ, также матирку, горицвѣтъ и „стрючковате зилля" и купаютъ дитя, и на ночь кладутъ ему подъ головы ножъ.

Подъ сухотами нужно понимать крайнюю худобу ребенка, происходящую отъ дурного содержанія, природныхъ недостатковъ, препятствующихъ питанію, а быть можетъ и отъ наслѣдственной чахотки, по крайней мѣрѣ въ польскомъ языкѣ слово это означаетъ чахотку.

Отъ сухотъ нужно скупать трижды ребенка въ водѣ, въ которую положена земля изъ трехъ нечищенныхъ рвовъ, солома и жито изъ трехъ токовъ и трехъ стоговъ. Послѣ такой купели воду выливаютъ подъ вербу.

Также, нагрѣвъ воду, бросить туда „тричи по девять" варениковъ, слѣпленныхъ изъ земли, взятой съ покутя. Скупать трижды дитя, а затѣмъ, поймавъ чужое черное животное: курицу, кошку, собаченку, скупать

---

[1]) Отъ Маріи Кириленковой с. Тишокъ.

[2]) Отъ кр. с. Волчка Маріи Шевченковой.

и его и выбросить на дворъ, а воду слить въ мѣстѣ соединенія плетней. Животное погибнетъ, а дитя будетъ здорово [1]). Также, сваривъ жидкую кашу съ саломъ, скупать въ ней дитя и отдать купель съѣсть собакѣ. Послѣдняя сдохнетъ, а дитя выздоровѣетъ.

Кромѣ того купаютъ дитя въ настоѣ изъ трехъ корней: шиповника (шепшыны), терна и чернаго глода или въ настоѣ жостира, глода и калины.

Отъ уроковъ, т. е. лихорадочнаго состоянія, произведеннаго какъ дурнымъ глазомъ, такъ и завистливой похвалой, предохраняютъ дитя тѣмъ, что отправляясь въ церковь, на порогѣ хаты колятъ иглой безъ нитки трижды двери крестообразно, начиная съ глухаго угла, а затѣмъ закалываютъ иголку въ шапку дитяти „щобъ нищо не урекло". Также, унося дитя изъ дома, умываютъ его изъ помойницы. Наступившіе уроки излѣчиваютъ такимъ образомъ: мать беретъ дитя на ладонь и трижды слизываетъ, затѣмъ кладетъ дитя на разостланный мѣшокъ и, переступая три раза черезъ дитя, говоритъ: „яка маты вродыла, тай отходыла". Послѣ того, мать, оборотомъ руки, ея поверхностью („на выдли"), обмываетъ личико ребенка освященной водой. Заговариваютъ уроки такъ:

„Урокы, урочыща! Тутъ вамъ не буваты, червонои кровы не пыты, жовтои косты не ломыты. Идить соби на очерета, на болота, на дыки степа, де пивень не спива, де козакъ коня не сидла, де сонце не сходе, де людьскый гласъ не заходе. А ты, вразе, вразочку, Божій чоловичку! Стань соби на мистечку. Викъ викомъ, а судъ судомъ. Аминь тому слову [2]). Или такъ:

„Ходылы урокы коло переволокы, а я ти урокы на очерета, на болота, на попови ворота, а зъ тихъ воритъ тому (сатани) въ жывитъ. Дакъ я зъ тебе прынимаю на себе, а зъ себе высылаю на дыма, на болота, на дерева и на очерета. Изъ поповихъ воритъ сатани въ жывитъ [3]).

Для излѣченія уроковъ берутъ деркачъ, бьютъ по колыбели, приговаривая: „урокы, сорокы!" [4]).

Мать предохраняетъ дитя отъ безсонницы, кладя ему подъ головы на ночь гребешокъ, а подъ подушку головки мака. Даетъ пить макъ [5]) или впрыскиваетъ въ уши сокъ лука. Нельзя на ночь оставлять ложекъ и ножей въ мискѣ, а гребня въ днищѣ. Безсонница осложняется еще иногда особымъ нервнымъ состояніемъ ребенка—крикливицами, громкимъ крикомъ безъ слезъ, при которомъ дитя запрокидываетъ головку назадъ, „заходытця". Кричитъ не постоянно, а время отъ времени. Крикливицы могутъ быть до

[1]) Отъ М. Шевченковой.

[2]) И заговоръ, и средство отъ Маріи Кириленковой 46 лѣтъ, с. Тишковъ.

[3]) Отъ Литвяковскаго дида Василія Кириченко.

[4]) Отъ Маріи Шевченковой с. Волчка.

[5]) О вредномъ обыкновеніи поить макомъ у Чуб., т. 4, стр. 17.

шести недѣль естественными, „родовытыми“, а послѣ того „пороблеными“, „насланными“ другою женщиною отъ своихъ дѣтей. Крикливицы излѣчиваютъ такимъ же почти пріемомъ, какъ и уроки. Мать несетъ дитя къ „сидалу, пидъ куры“ и кладетъ на землю: дѣвочку лицомъ къ печи, возлѣ которой должна впослѣдствіи проходить большая часть ея жизни, а мальчика лицомъ къ окну. Мать переступаетъ трижды дитя, приговаривая „яка вродыла, тай отходыла“, и переодѣваетъ его въ другую одежду.

Изгоняютъ крикливицы такъ: мать выходитъ изъ хаты и, подойдя къ окну, говоритъ:

— Добривечиръ вамъ!

— Здоровы! отвѣчаютъ присутствующіе въ хатѣ.

— Чы дома ваши крыклывыци?

— Дома.

— Нехай идуть до насъ на вечерныци: у насъ музыкы грають, дивкы спивають и крыклывець бажають. Затѣмъ мать обходитъ трижды вокругъ хаты [1]).

Въ другомъ варіантѣ спрашиваетъ постороннее лице, а мать, вымитая хату, отвѣчаетъ такъ же, какъ и въ первомъ варіантѣ. Конецъ такой: „Хай идуть на улыцю, де челядь спивае и крыклывыци дожыдае“ [2]).

Въ третьемъ варіантѣ женщина заходитъ со двора съ причилка и спрашиваетъ въ окно:

— Добривечиръ! чы дома ваши дивыци?

— Нема нашихъ дивыць, пишлы на вечерныци, понеслы крыклывыци, сонлывыци на вечерныци.

Баба повторяетъ вопросъ въ каждое окно.

Есть и заговоръ отъ крикливецъ. Дуютъ на ребенка и, взглянувъ на небо, говорятъ:

„Вы зори, зорныци, Божіи помишныци! Прыйдить, прынесить нарожоному, молытвяному, хрещеному Ивасю соннывыцю, дримнывыцю, а одъ его одберить крыклывыци и плаксывыци и понесить на вечерныци, де дивыци гуляють. Тамъ ихъ проспивають.

Мать слизываетъ трижды накрестъ дитя и трижды плюетъ [3]).

Перехидъ понятіе сложное. Сюда входятъ болѣзненныя состоянія различныхъ періодовъ жизни. Подъ перехидомъ (родимцемъ) у дѣтей понимаютъ сильныя судороги, осложняющія иногда прорѣзаніе зубовъ, но могущія быть и гораздо раньше, даже при родахъ, какъ было выше объяснено. Ребенка въ перехидѣ покрываютъ чернымъ платкомъ или запаской

---

[1] и [2]) Отъ Евгеніи Недилькиной и Анны Мартыщенковой с. Литвяковъ.

[3]) Отъ г-жи—ской.

и молчать, чтобъ не обезпокоить его. На ночь кладутъ спать на желѣзѣ: серпѣ, долотѣ или лемишѣ [1]). Надрѣзаютъ палецъ отцу, а если его нѣтъ, то матери и, взявъ иглой крови изъ порѣза, пишутъ дитяти крестики на лбу, щекахъ, подбородкѣ, рукахъ и ногахъ. Соски матери смазываютъ смирной.

Впрочемъ народная медицина склоняется къ мнѣнію, что перехидъ неизлѣчимъ.

Списокъ растеній, употребляемыхъ при женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и въ дѣтской купели, упомянутыхъ въ сборникѣ:

Сокирки—delphinium ajacis.
Аеръ—acorus calamus.
Живокостъ—symphytum officinale.
Товстушка—gentiana cruciata.
Рута—ruta graveolens.
Огирочныкъ—borrago officinalis.
Оманъ—verbascum nigrum.
Хробустъ—cirsium oler aceum или carduus crispus.
Пивонія—paeonia corollina.
Ромашка—matricaria chamomilla.
Конопля—cannabis sativa.
Хмѣль—humulus lupulus.
Нехворощь—artemisia scoparia.
Деревій—achillea millefolium.
Чебрець (чепчыкъ)—thymus serpyllum.
Калина—viburnum opulus.
Гвоздика—tagetes patula.
Бузина—sambucus nigra.
Жостиръ—rhamnus cathartica.
Глодъ—crathaegus monogyna.
Шиповникъ—rosa canina.
Теренъ—prunus spinosa.
Макъ—papaver somniferum.

III. Колыбельныя пѣсни.

Колыбельныя пѣсни Лубенскаго уѣзда, какъ и всякія другія колыбельныя пѣсни, имѣя задачей усыпить ребенка, характеризуются: монотоннымъ напѣвомъ, обиліемъ уменьшительныхъ словъ дѣтскаго языка съ преобладаніемъ мягкой согласной л, и несложнымъ содержаніемъ, преимущественно изъ жизни животныхъ, окружающихъ колыбель ребенка. Часто колыбельныя пѣсни замѣняются однимъ припѣвомъ: люли, люли, люли.

1.

Ой сонъ ходыть по долыни
Клыче маты до дытыны:
Ой, соночку, соколочку!
Иды до насъ въ колысочку,
Прыспы нашу дытыночку.

(записана въ 1891 г. отъ козачки Ксеніи Дивинской м. Снѣтина).

2.

Ходыть сонько по долыни
Маты гука до дытыны:
Ой ну, соньку, въ колысоньку
Заколышы дытыноньку.
Вона хоче тай не спыть
Мабуть его дубцемъ быть.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Наталіи Грицаевой 20 л.).

---

[1]) Тоже у Чуб. т. 4, стр. 17.

3.

Ходе сонько по комышу	Иды, соньку, въ колысоньку
Я дытыну заколышу.	Заколышы дытыноньку.

(записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Гетьмановой 25 л.).
(Чуб. т. 4, стр. 20, № 15, А. Начало сходное съ вторымъ варіантомъ).

4.

Ходыть сонокъ по долыни,	У насъ хата тепленькая
Клыче маты до дытыны!	И дытына маленькая;
Иды соньку въ колысоньку	Колысочка новенькая.
Прыспы нашу дытыноньку.	

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой 55 л.).

5.

Ой ну люли, люли,	Чи сонькамы, чи дримкамы,
Налетилы гули	Червоными ягидкамы.
Изъ чужои стороны	Сонькы, дримкы въ головонькы,
До нашои дытыны.	А ростонькы въ костонькы.
Сталы думать и гадать	Розумъ добрый въ головоньку.
Чимъ дытыну даруватъ:	

(въ 93 г. отъ коз. х. Гребищъ, Домникіи Гавриленковой).

6.

Ой ну люли, люли!	Сталы думать и гадать
Налынулы гули,	Чымъ дытыну годувать.
Силы на воротяхъ	Чы кашкою, чы борщемъ,
Въ червонихъ чоботяхъ.	Чы по с...... деркачемъ [1]).

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой 16 л.).

7.

вмѣсто первыхъ двухъ строкъ поютъ:

Налетилы гули	Тай силы на люли.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Елены Кунаковой 14 л.).

8.

Ой ну люли, люли!	Тай сталы гадаты	А сонькы въ головкы,
Прылынулы гули	Чимъ дытыну даруваты.	А дримныци въ очыци,
Тай силы на люли.	Далы ій сонькы,	А ростонькы въ костонькы.

(записана въ 1890 г. отъ Мареы Малькиной 16 л. с. Волчка).

9.

Послѣ первыхъ трехъ строкъ, такъ:

Сталы думаты, гадаты	Здоровьячко—у сердечко
Що дытыни даруваты.	А розумъ у головоньку.
Подаруймо сонькы, дримкы.	Щобъ спало, щастя мало,
Сонькы—дримкы въ головонькы,	И щобъ росло, не болило,
А ростонькы—у костонькы,	Щобъ матинкы не доило.

(записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Гетьмановой 25 л.)

---

[1]) Чы пшенычнымъ калачемъ.

10.

После словъ: „сталы думаты, гадаты“, такъ:

Чимъ дытыну забавляты;
Далы ёму тры квиточкы:
Одну квитку сонлывую,
Другу квитку дримлывую,
А третюю—щаслывую.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

11.

После первыхъ трехъ строкъ поютъ:

Ой вы, гули, не гудить!
Намъ дытыны не збудить
У насъ дытына маленька
И спатонькы раденька.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Софіи Писаренковой л. 50-ти).

12.

Налетилы гули
Посидалы на люли.
Сталы думать, та гадать:
Чымъ дытыну годувать?
Чы кашкою, молочкомъ,
Чы бублычкомъ изъ медкомъ?

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Устиньи Початкиной 17 л.).

13.

После словъ: „въ червонихъ чоботяхъ“, такъ:

Силы на колысци
Въ червонимъ намысти.
Сталы думать и гадать:
Чимъ дытыну годувать?
Чы варенычкомъ
Изъ вареннячкомъ?
Чы кутыцею
Изъ сытыцею?
Чы кашкою, чы борщемъ,
Чы по ж..... деркачемъ?

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

14.

Чы кашкою, чы борщемъ,
Чы бублычкомъ, калачемъ,
Чы лемишкою, кулишемъ?

(въ 94 г. отъ Д. Гавриленковой).

15.

Ой ну люли, дытя, спать!
А я буду колыхать.
Колыхаю тай не спыть
Дайте дубця буду быть.
Зъ высокои дубыны,
Зъ червонои калыны
Для малои дытыны.

(въ 93 г. отъ коз. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

16.

Люли, люли, люлечкы,
Шовковіи вирвечкы;
Малевани быльця
Заколышу чернобривця.
Заколышу, залюляю,
Сама пиду погуляю.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

17.

После первыхъ трехъ строчекъ, такъ:

А дытыни спыться.
Засны, засны, задримай
И ничого не думай.

(въ 94 г. отъ кр. с. Литвяковъ Овсія Батіенка 18 л.).

18.

Ой ну люли, люлечкы!
Шовковыи вервечкы,
Малеваны быльця.
Ходимъ до Кырыльця.
Що Кырылець робыть?
Винъ лыстонькы пыше
Дытыну колыше.

(записана въ 1890 г. отъ коз. с. Литвяковъ Ганны Мартыщенковой 12 л.).

19.

После первыхъ трехъ строкъ поютъ:

А дытыни спыться, и тѣмъ кончаютъ.

(записана въ 90 г. отъ коз. с. Литвяковъ Ѳедосіи Пулехиной лѣтъ 50).

20.

После первыхъ четырехъ строкъ также поютъ:

А въ Кырыльця хресты пышуть
На люлычку легко дышуть.
А люлычка малесенька
Дытя спаты радесенько.

(отъ кр. с. Литвяковъ Настасіи Шерстюковой 16 л.).

21.

После первыхъ трехъ строчекъ:

Колыше сестрыця
Братця чорнобривця.

(въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой 18 л.).

Вар., приведенный въ ст. Ящуржинскаго—К. Ст. 93 г., № 7, стр. 82, VIII, схожъ съ настоящим.

22.

После словъ:

Що Кырылець робе?
Пысаночкы пыше,
Дытятко колыше.

(записана въ 1893 г. отъ кр. с. Вильшанки Маріи Харлановой 50 л.).

23.

После словъ: „пиду до Кырыльця“, такъ:

А въ Кырыльця вечеря
Буде рыбка печена,
Курятына жарена,
Лебедына варена.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

24.

После словъ:

Що Кырылко робыть?
Черевычкы кроить.
И пошывъ, покувавъ,
Пидъ лавкою заховавъ,
А съ пидъ лавки на торжокъ,
Тай продавъ за шажокъ.

(въ 94 г. отъ коз. х. Гребищъ Домахи Гавриленковой 23 л.).

25.

Послѣ словъ „що Кырыло робыть“, поютъ:

Нема ёго дома
Пишовъ въ лисъ по дрова.
Сами Кирылята
Шіють чоботята
Та не дорогіи
По тры золотіи.
Не сихъ шевцивъ,
А переясливцивъ.

(записана въ 1890 г. отъ Софіи Писаренковой, кр. хут. Тернавщины Матяшовской вол. лѣтъ за 50).

26.

Послѣ словъ 1-го варіанта—дытыну колыше:

Лыстоньки чытае
Дытыну хытае.
Лыстоньки малюе
Дытыну годуе.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

27.

Ой ну люли тазочкы
Тамъ шовкови клубочкы.
Золотіи крыльця,
Малеваны быльця.
Пишлы до Кырыльця.
Що Кырылець робыть?
Черевычкы кроить.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Березоточи Татьяны Пироговой 20 л.).

28.

Дивчачая кра́са
Пиды до Тараса
А що Тарасъ робыть?
Били лысты пыше,
На княгыню дыше.
Люба й мыла княгыня!
Пидскочъ пидъ вербыцю,
По холодну водыцю.
—Такъ вовка боюся.
А вовкъ у болоти,
А дытына въ срибри, злоти.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

29.

Ой ну, коте!
Котъ воръ
На виконечко скикъ,.
А зъ виконьця на торжокъ
Купывъ Ивасю кожушокъ.
Ой на Ивасю износы,
Бильшъ у мене не просы.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки, Матяшов. вол., Зиновіи Дорошенковой 17 л.).

30.

Ой китъ, воркитъ
Скочывъ на виконце,
А зъ виконця на торжокъ,
Купывъ соби пырожокъ.
Скочывъ на колыску
Тай ставъ воркотать,
Дытыни спать не давать.
Ты, котыку, лясны,
То дытына засне,
А ты, сирый, воркны,
Дытына умовкне.

(въ 94 г., отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

31.

Ой ну, котку воркитъ,
На колысочку скикъ,
А съ колыскы на торжокъ;
Купывъ соби кожушокъ.
Треба съ того котка знять
Та Ганнуси отдать,
А щобъ було тепло спать
У день, у день и въ ночи,
У запичку и въ печи
И доли и на двори
И въ синяхъ и въ комори.

(въ 1893 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

32.

Ой китъ—воркитъ
На виконечко скикъ,
А зъ виконьця на торжокъ,
Купывъ соби кожушокъ
И шапочку бибровую
И стёжечку шовковую
Треба съ котка зняты,
А дытыни даты
Щобъ тепленько було спаты.

(записана въ 1890 г. отъ Агафіи Шевченковой м. Снѣтина).

Двѣ пѣсни у Чуб. въ 4 т. схожи съ настоящей: № 27, стр. 24 и № 30, стр. 25.

33.

Ой китъ—воркитъ
По загирьячкамъ скикъ,
Перепелочкы ловывъ,
А що вловывъ, тай пропывъ,
Шынкарочци заплатывъ:
— Шынкарочко Галя,
Пошый мени лёлю,
А я тоби заплачу
Тры пивныка прытащу.

(записана въ 1890 г. отъ козачки с. Волчка Маріи Шостаковой 13 л.).

34.

Ой ну люли, кицю,
Пожены телыцю
На попови толокы
Тамъ травыци по бокы
Воны напасуться
Водыци напьються
У домъ прытрясуться.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой сел. Литвяковъ).

35.

Вмѣсто первыхъ двухъ строчекъ:

Люлю, люлю, люлята
Гонять дивкы телята и т. д.

(записана въ 1890 г. отъ Маріи Одокіенковой).

36.

Ой, ну, котусю!
Займы нашу телусю,
Пожены на пашу
Щобъ прынесла на кашу,
А матинка здое
Дытятко напое.

(записана въ 1892 г. отъ кр. х. Николаевки, Матяшевской вол., Веклы Калениченковой).

Вар. Кiев. Стар. 1894 г., № 3, № пѣсни 2, стр. 560.

37.

Послѣ первыхъ двухъ строчекъ, такъ:

На попови толокы
Де травыци по бокы.
Тамъ трава и вода
И зелена лобода
Воно й напасеться,
Водыци напьеться.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Маріи Кириленковой 40 л.).

38.

Ой ну люли, люлята,
Пасуть дивкы телята
На поповій толоци,
Тамъ травыци по бокы.
У травыци напасуться,
Водыци напьются
И намъ похвалються:
Що добре вытали,
Часто напувалы
Водыцею чыстенькою
Травыцею зелененькою.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

Вар. въ Кiев. Стар. 94 г., № 3, стр. 561.

39.

Люли, люли, люлята
Женуть дивкы телята
На попови толокы,
Тамъ травыци по бокы.
Воны напасуться,
Водыци напьються
И додомку прытрясуться.

(записана въ 1891 г. отъ Литвяковской кр. дѣвочки Маріи Одокіенковой 8 л.).

40.

Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ поютъ:

О ну, люли, кыцю
Пожены телыцю.

(отъ Варвары Максимейковой).

41.

Послѣднюю строчку замѣняютъ:

Тай такъ полягають
Тай такъ позасыпають.

(отъ Анны Мартыщенковой).

42.

Или:

Коровка напасетьця
И до дому прытрясетьця,
А матинка сдоить,
Ивася напоить.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Зинаиды Дорошенковой 17 л.).

43.

Люли, люли, люлята!
Гонить хлопци телята.
Теляточка напасуться
Въ хливець заженуться.
Полягають спаты,
Пастушка сгадають.
А пастушокъ у мишокъ,
А зъ мишечка въ торбыночку.
Прыспы нашу дытыночку.
Засны, засны, задримай
Та ничого не думай.

(въ 94 г. отъ кр. с. Литвяковъ Овсѣя Батiенка 18 л.).

44.

Ой, ну люли, котку!...
Пишла кыця по водыцю,
Тай упала у крыныцю.
Пишовъ котыкъ рятувать
За ушечко вытягать.
Ой будь кыцю весела
Пойидемо на села.
Тай уловымъ мышку
Тай укынемъ въ колыску.
Мышка буде граты,
А китъ буде воркотаты,
А дытына буде спаты.

(записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евфросиніи Бучакиной 60 л.).

У Чуб. т. 4-й, № 26, стр. 24 сходства очень мало, также и въ вар. Ящуржинскаго. Повѣры родинъ. (Кіев. Стар. 7, стр. 82, № VI).

45.

После 5-й строчки такъ:

Вытягъ кишку за ухо
Да посадывъ де сухо.
Сыды кишко а ты тутъ,
А я пиду найду прутъ.
Тай выорю нывку
Тай посію матерынку.
Матерынка цвистыме,
А Парася ростыме.
Матерынку пожнемо,
Та повеземъ продамо,
А Параси на плаття наберемо.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Яновщины Өедосіи Бойченковой 19 л.).

46.

Ой ну, люли, люли!
Коткови дули,
А дытынци калачи,
Що спыть у день и въ ночи:
Въ ночи на печи,
Въ ранци на лавци,—
Нашій дытыни коханци,
А коханци ляльци
Горилочка въ склянци
И медокъ солодокъ
И пшеничный перижокъ.
Медомъ помажемъ,
А дытыни покажемъ;
Самы зъимо,
А дытыни не дамо.

(въ 93 г. отъ коз. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

47.

Ой люли, люли,
Коточкови дули.
Настя пава
Пыво варыла
Кравцивъ маныла.
Кравець у хливець
Не полохай овець.
Пополохавъ вивци,
Пишлы вивци
По пидвирцю.
А ты коточокъ
Не ховайся въ куточокъ,
Та зажены овечокъ
Хай воны не блудять.
И вовночкы не гублять.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины, Матяшовской вол., Софіи Писаренковой 50 л.).

48.

Ой ну, коте муругый,
Колыбъ намъ такый и другый.
Та запряглы у возокъ,
Та пойихалы въ лисокъ,
Та нарубалы хмызку,
Та заплелы хыжку,
Та загналы овечечку стрыжку.

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой 55 л.).

49.

Ой ты, коте рябку,
Та выметы хатку,
А ты, коте сирый,
Та выметы сины,
А ты, коте муругый,
Та якъ бы щей другый,
То було бъ васъ пара
И дытына бъ спала.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

50.

Ой ты, коте сирый,
Ты выметы сины,
А ты, волохатый,
Бижы кругомъ хаты.
Тилькы, котку, не мурчы
Намъ дытыны не збуды.
У насъ дытына маленька.
Вона спаты раденька,
А хочъ хоче, та не спыть
Треба кота дубцемъ быть.
Ой щобъ росло, не болило
И матинкы не доило.
Соньки, дримкы въ головонькы,
А ростонькы на костонькы.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Софіи Писаренковой 50 л.).

Чуб. т. 4, № 23, стр. 23 сходства почти нѣтъ.

51.

Ой ты, коте сирый,
Та выметы сины;
А ты, кишко, не ворчы,
Пиды смиття одымчы.
А ты, коте муругый,
Прыйды до насъ щей другый.
До нашои хаты
Дитокъ колыхаты.
У насъ хата тепленька
И дытына маленька,
Вона спаты раденька.
А щобъ спало не плакало,
А щобъ росло, якъ зъ воды йшло,
А щобъ росло не болило
И въ головци розумъ мило.

(въ 93 г., отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

52.

Э... э... люлыно,
Засны, мала дытыно!
И щобъ спало не плакало,
И щобъ росло не болило
Й на серденьку не скорбило.

(въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Маріи Денисенковой).

53.

Ой ну люли котарю,
Та выметы кошару,
А ты, котко рудю,
Та выметы грубу,
А ты, котку волохатый,
Тай обметы коло хаты.

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Маріи Денисенковой).

54.

Ой ты, коте рябку!
Та заметы хатку,
А ты, коте сирый,
Та заметы сины,
А ты, коте рудьку,
Пидтопы намъ грубку;
А ты, коте волохатый,
Та не ходы коло хаты,
Бо побьемо лапкы
Та будуть щемиты
Та будуть болиты
Ничимъ завертиты.
Нема ни платочка,
Нема ни лысточка,
Ни ныточкы шовку
Завьязать головку,
А щобъ не щемило,
Щобъ не болило
И матинци не надоило.

(въ 93 г. отъ коз. Д. Гавриленковой изъ Гребищъ).

55.

Э... э... коточокъ! ходы
до насъ ночувать
И дытыну колыхать.
Будемъ котка быть,
Щобъ не вчывся такъ
робыть.
Быйте кота въ губы,
Щобъ не просывъ бубы.
Быйте кота въ лапы,
Щобъ не просывъ папы.
За що его дурно быть?
Котко буде молотыть.
Котко сирый,
Та выметы сины.
Хоть вымету та не я—
Есть у мене кошеня.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой 20 л.).

56.

Ой, котыку рябку,
Та вымитай хатку,
А ты, котку сирый,
Та вымитай сины,
А ты, котку—котарю,
Та вымитай кошару,
Выженемо овечкы
Щобъ по гирци не ходылы
Дитокъ малыхъ не будылы
Щобъ вовныци не губылы
Въ насъ вовныця дорогая,
У насъ дытына малая.

(записана въ 1890 г. отъ кр. сел. Литвяковъ Маріи Одокіенковой 8 лѣтъ).

57.

Ой ну, коте—котарю,
Займы вивци зъ кошары.
Нехай воны не блудять
И вовныци не гублять.
Теперъ вовныця дорога,
Якъ руненьце, такъ копа.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Зиновіи Дорошенковой 17 л.).

58.

Ой ну люли, китку,
Укравъ въ бабы квитку.
Ой ну люли, коточокъ,
Укравъ въ бабы клубочокъ
Тай сховався въ куточокъ.
Тилькы выдно хвосточокъ
Та лапочкы кусочокъ.
Треба котыка піймать
Тай хвостыка надрубать
И шубочку зъ его знять
Дытыну вкрывать.
Щобъ тепленько було
И велыке росло.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

59.

Е-е-е коточокъ
Заховався въ куточокъ
Тилько выдно хвосточокъ
Изъ сиреньких лапочокъ [1]).
А мы того коточка
Выженемо съ куточка
Щобъ по хати не ходывъ
И дытяти не збудывъ
Бо въ насъ дытя маленьке
Воно спаты раденьке.

(записана въ 1890 г. отъ Агафіи Шевченковой 65 л. м. Сиѣтина).

60.

(отъ Анны Мартыщенковой 12 л. с. Литвяковъ, записана въ 1891 г.

[1]) Та лапочкы шматочокъ, и этимъ кончается пѣсня.

61.

Ой ну люли, коточокъ,
Заховався въ куточокъ,
А дытя якъ прыйшло
Кота въ куточку найшло.
А я того коточка
Та выжену съ куточка
Щобъ по хати не ходывъ
И дытяти не збудывъ.
У насъ дытына маленька
Вона спаты раденька.

(записана въ 1891 году отъ казачки с. Хорошковъ, Снѣтинской волости, Лубенскаго уѣзда, Варвары Супруновой 21 года).

62.

Ой, ну люли, коточокъ,
Заховався въ куточокъ
Та поймавъ мышку
Укынувъ въ колыску.
Мышка буде граты,
А дытынка спаты.

(записана въ 1890 г. отъ Ганны Мартыщенковой 12 л. с. Литвяковъ).

63.

Ой ну, китку—котарю,
Та вымитай кошару
Тай уловы мышку
Та вкынь у колыску.

(далѣе какъ въ предыдущей).

(записана въ 1890 г. отъ Харитины Иваненковой 16 л., с. Литвяковъ).

Вар. у Ящуржинскаго (К. Стар., 7, 81 стр., № III).

64.

Ой ну, коту, котивъ два,
Ходить до насъ обыдва.
Ходить до насъ ночувать
Намъ дытыну колыхать
Дытыночка малесенька
Вона спаты радесенька.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой, 16 л.).

65 и 66.

Ой ты, коте чорный,
Та сидай у човенъ,
Та пойидемъ на лужокъ
Та наламнымъ квиточокъ
Та забавымъ диточокъ.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой 65 л., с. Литвяковъ).

....Поидь у долыну по червону калыну.....

67.

Ой ну люли, китку!
Та вкрадь, китку, плитку
Та понесы до Гали
Та положи на лави.
Стала Галя котка быть,
Щобъ не вчывся такъ робыть;
А вчывся робыты,
Черевычкивъ шыты.
И пошывъ, покувавъ
И пидъ лавку поховавъ,
А съ пидъ лавкы на торжокъ
Та продамо за шажокъ
Та купымо перижокъ
И яблучко тее,
Що все золотее.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

68.

Ой ну люли, китку,
Тай укравъ квитку,
Та понисъ до Гали
Положывъ на лави.
Стала Галя котка быть:
Не вчысь котку такъ робыть
А вчыся робыты
Черевычкы шыты
Тай не дорогіи
По два золотіи
То по шесть,
То по пьять,
Куды ступыть—той рыплять.

(записана въ 1890 г. отъ крестьянской дѣвочки 12 л. Ганны Мартыщенковой).

69.

Первыя 2 стр. такъ:

Э...... э......, китку,
Та вкравъ же винъ плитку (рыбыну).

(въ 92 г. отъ кр. м. Снѣтина А. Гетьмановой).

70.

Послѣ словъ „по два золотіи“:

Та внесы шевцю,
Переясливцю.
Та не пошывъ, покорпавъ
Пидъ лавою поховавъ.

(записана въ 1890 г. отъ кр. Агафіи Шевченковой 60 л., м. Снѣтина).

71.

Второй стихъ замѣняютъ въ с. Волчкѣ такимъ:

Тай укравъ плитку.

(записано въ 1890 г. отъ Мароы Малькиной 16 л.).
Ящурж. Кіев. Стар. 7, стр. 82, № VII.

72.

Ой ну люли дытына маленька,
Колысочка новенька,
Въ насъ дытына маленька,
Вона спаты раденька.
Вона хоче тай не спыть.
Дайте дубця кота быть,
Щобъ не вчывся такъ робыть.
Щобъ учывся робыты
Черевыченькы шыты
Та не сёго ременю,
Прывезены зъ Ромену.
Та не сихъ купцивъ,—
Переясливцивъ.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Яновщины Ѳедосіи Бойченковой 19 л.).

73.

Ой ну люли, котку,
Не лизь на колодку
Бо забьешъ головку,
Та буде болиты
Ничимъ завертиты.
Нема ни платочка,
Нема ни лысточка,
Одна була хустына
Тай ту вкрала дивчына
На куклы подрала
Куколъ наробыла
Хлопцивъ наманыла,
А хлопци молодци
Куклы попалылы
Дивчатъ попобылы.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой лѣтъ 65, с. Литвяковъ).

74.

После словъ „куколъ наробылы“:

Дитокъ подражнылы. | Куклы погорилы | Дивкы подурилы.

(кр. Марія Одокіенкова восьми лѣтъ, с. Литвяковъ).

Весьма отличные варіанты, какъ отъ помѣщенной въ 4 т. Чуб., стр. 23, № 25, колыбельной пѣсни, такъ и отъ находящейся въ „Дитьски писни, казкы и загадкы“. Кіевъ, 76 г. стр. 7, № 13.

75.

После словъ „нема ни лысточка“, такъ:

Одна була хустына
Тай ту въ воду впустыла.

Сучы прачкы пралы
На куклы подралы.

Куколъ наробылы
Дитокъ поманылы.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Маріи Кириленковой 46 л.).

76.

Ой ты, коте, коте нашъ,
Чы вміешъ ты оче нашъ?
—А я знаю лучше васъ,
Бо я въ попа родывся
Оче нашу навчывся.
—Такъ ты лучше заспивай
Дытыночку колыхай.
Я дамъ тоби молочка
И трошечкы маслычка
И сметанкы горщечокъ
За здоровье диточокъ.

(записана въ 1890 г. отъ кр х. Тернавщины Софіи Писаренковой, лѣтъ 50).

Чуб. т. 4, стр. 23, № 24, схожи только 2 первыя строчки.

77.

Ой ну люли, коте нашъ!
Чы вміешъ ты оче нашъ?
А я вмію, та не весь:
Тилькы половыну
За вашу дытыну.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

78.

Ой ну, котку нашъ,
Чы знаешъ ты оче нашъ?
Що я въ школи ночувавъ
Оче наши переймавъ,
Що я въ попа родывся
Оче наши вчывся.

(записана въ 92 г. отъ кр. х. Николаевки Веклы Калениченковой 19 л.).

Чуб. т. 4, стр. 23, № 24, вар. А и В—различны.

79.

Китку рябку!
Та скопай намъ грядку.
Мы насіемъ квиточокъ
Забавляты диточокъ.

(въ 93 г. отъ кр. с. Литвяковъ Маріи Кунаковой 12 л.).

80.

Ой ну, котку рябку,
Та скопай намъ грядку
Малу, невелычку
Якъ изъ рукавычку.
Мы посіемъ маку
Ище й пустернаку
Та насадымъ квиточокъ
Забавляты диточокъ,
Бо въ насъ диты маленькы
Гуляты раденькы.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

81.

Ой ну люли, гойдаша!
И кобылу и лошя.
Мы кобылу продамо,
Лошя будемъ годувать
По ярмарку пойизжать
И бублыкы купувать
И дытыну годувать.

(записана въ 1891 г. отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой 21 года).

82.

Гойдана, гойдана,
Зарижемо барана.
Батькови тулубець,
Що хороший молодець,
А матери голова,
Що хороша, молода,
А Настуси кисточка,
Що хороша дивочка.

(записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евфросиніи Бучачиной 60 л.).

83.

Ой ну люли гойдана
Зарязалы барана.
Батькови голова,
А матери стегенце,
А котови г. . . . . ,
А дивчыни слывкы
Съ пидъ чорнои свынкы.

(записана въ 91 г. отъ коз. Варвары Коломійцевой 19 л. урож. Радьковой, с. Хорошковъ).

84.

Ой ну люли гойда,
Чужа маты пойда;
Наша маты пани
Въ голубимъ жупани.
Жупанъ загубыла
Безъ сорочкы ходыла.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

85.

Ой ну гойда, гойда
Умеръ старый Пойда [1]),
А Пойдыха зосталась
Зъ дитьмы горя набралась.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой 16 л.).

86.

Маты сына колыхала
И дня й ничкы не сыпляла
Ударывъ гримъ на сыній двиръ,
Убывъ жинку, дитокъ двое,
Чорнявіи тай обое.

(въ 1893 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

87.

Ой ну люли спаты,
Пишла маты до роду гуляты.
Тай у мене весь ридъ богатый
Буде мене часто частуваты,
А я буду повну выпываты.
Одъ родоньку пора до домуньку
Пробье мылый мени головоньку.

(записана въ 1890 г. отъ кр с. Литвяковъ Евгеніи Недилькиной 70 л.).

88.

Ой ну люли, Иване!
Дытя мое кохане!
Якъ я тебе родыла,
Цилу ночку ходыла;
Якъ я тебе оженю,
Сама себе звеселю.
Якъ я тебе въ службу дамъ,
Тоскы, горенька прыдамъ.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

[1]) Вмѣсто Пойда поютъ Бойда, Бойдыха.

89.

Ой сыну мій, Иване,
Дытя мое кохане!
Куда йидешъ, по сино?
А що везешъ, солому?
Визьмы й мене зъ собою,
Буду тоби слугою.
Буду волы пасты,
На визъ сино класты.
Буду волы погонять
И дытыну колыхать.

(записана въ 1890 г. отъ Агафіи Шевченковой м. Снѣтина).

90.

Ой ну люли, котыно!
Куды йидешъ?—По сино.
—Беры мене зъ собою:
Буду тоби слугою
Зъ дытыною малою.
Буду волы напувать,
И дытыну колыхать;
И волыкы пасты
Й сино на визъ класты.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).
Вар. Кіев. Стар. 1894 г. № 4, стр. 560.

I. Игры.

I. У тумана

Первое мѣсто между весенними играми принадлежитъ туману, неоднократно описанному малорусскими и польскими этнографами подъ именемъ „крывого танця“ (ср. Бытъ Подол. Шейк., т. 1, вып. 1, № 12, стр. 27, Чуб. т. 3, № 1, стр. 32—38, Свидн. Велыкд. у Подол. Основа 61 г. кн. 11 и 12, стр. 41). Игра эта извѣстна на противуположныхъ концахъ уѣзда: въ с. Шекахъ и Хорошкахъ, на сѣверной границѣ уѣзда, также въ южныхъ и западныхъ волостяхъ: Оржицкой, Великоселецкой, Денисовской и Лазирской. Въ срединѣ уѣзда встрѣчаются только припѣвы, а самая игра уничтожилась. Кромѣ названія, самое выполненіе игры и припѣвы въ Лубенскомъ уѣздѣ разнятся отъ раньше описанныхъ. Такъ, здѣсь треугольнаго городка изъ палокъ не дѣлаютъ, а на землѣ садится трое дѣтей треугольникомъ и рядъ дѣвушекъ, держась краемъ за одного изъ дѣтей обходитъ въ видѣ ключа всѣхъ остальныхъ, напѣвая:

1.

Туманъ танчокъ выводыть;
Що выведе, тай стане,
На дивочокъ погляне:
Чи вси дивкы у таночку?
Тилькы одніи [1]) не мае,
Що хороше спивае.
Мате косу [2]) чесала
А, чесучы, навчала:
А якъ пидешъ у таночокъ
Не поперажай дивочокъ,
Та не ставай край тумана,
Бо той танчокъ не злюбыть,
Ручку, ножку изломыть,
Золотъ перстень издійме.

(отъ Катерины Гиччиной д. Шекъ).

[1]) рожи.
[2]) рожу.

Въ Великой Селецкой прибавляютъ еще одинъ стихъ:

Та на свою надине.

(отъ Горпины Ярмошевой).

Въ с. Хорошкахъ, Снѣтинской вол., предпослѣдній стихъ такъ:

Бо туманъ руки покаля.

(отъ Вар. Супруновой).

2.

Въ д. Стукаловкѣ, Яблоновской вол., конецъ такой:

Не становысь край тумана̀,
Бо той туманъ зведе зъ ума.
Винъ за ручку здавывъ,
Золотъ перстень згубывъ.

(Горпины Бычевой).

3.

Въ с. Денисовкѣ конецъ измѣняютъ такъ:

Та не становысь позъ тумана,
А становысь позъ козака.
Туманъ ручку стыскае,
Козакъ перстень здіймае.

(отъ Вас. Шульгиной, урожд. Бубликовой).

4.

Въ варіантѣ с. Хитцовъ, кромѣ того, что дѣвушка называется рожей, какъ замѣчено въ выноскѣ, еще и наставленіе матери поютъ иначе:

Дочко жъ моя, рожечко!
Не становысь край туману.
Туманъ косу рознесе
Въ тыхый Дунай понесе.

(отъ Дм. Погорѣлаго).

5.

Въ д. Солоницѣ, Засульской вол., гдѣ игра уничтожилась, въ сохранившемся напѣвѣ туманъ замѣняютъ Дунаемъ и слова матери передаютъ такъ:

Чы пидешъ ты въ таночокъ,
Не становысь край Дунаю,
Бо то ричка вреклывая,
ВРече тебе й косу твою.

(Пр. Якимцевой).

6.

Въ х. Тернавщинѣ, гдѣ также сохранился только напѣвъ, въ концѣ поютъ такъ:

Маты косу чесала,
Плахту, сынятку давала.
И ійи маты наущае:
Не йды, доню, въ танокъ,
Бо тамъ твою косу вречять,
Тебе черезъ Дунай поволочять.

(отъ Д. Безносовой).

7.

Въ с. Загребельи, Яблоновской вол., наставленіе матери такое:

Не становысь край короля.
Король пышный якъ дытя.
На ниженьку наступа,
Били рученькы лама,
Золотый персныкъ изнима.

(отъ Насти Пшенишной).

Всѣ приведенные варіанты тумана́ сходны съ варіантомъ III, А, у Чуб. съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что въ Лубенскомъ уѣздѣ вмѣсто вдовы, устраивающей танецъ, являются туманъ, Дунай, козакъ и король. Но здѣсь встрѣчаются и другіе варіанты, схожіе съ приведеннымъ у Чуб. вар. VIII, въ которомъ осмѣиваются парни.

8.

У крывого танця
Та не выведу кинця.
Треба ёго тай выносыты,
Кинець ему тай находыты.
Веду, веду, та не выведу,
Несу, несу, тай не вынесу.
Грайте, дивочкы, грайте,
Пылу не сбывайте
И плаття не каляйте.
Шо на дивочкахъ плаття,
Якъ биль билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
А на хлопцяхъ плаття
Мишокъ та ряднына,
Зверху шапурына.
Гей, гей, та баранчыку!
Гей, гей, голованчыку!
Куды трава полягла
Туды й коза побигла,
А на кози каптанъ
Соломою напханъ.
А вы, дивкы, грайте
Каптанъ полатайте
Та на школы дайте.
Нехай школа зносыть,
А за васъ Бога просыть.

(Маріи Бурхаевой с. Матяшовки).

9.

Въ варіантахъ, записанныхъ за Лубнами, второй половины припѣва совсѣмъ нѣтъ, а одежда молодежи изображается такъ:

Бо на насъ плаття
Все шовкъ та китайка,
Червона окрайка [1]),
А на хлопцяхъ плаття
Михъ та ряднына,
Изъ заткала шапшюрына [2]).

(отъ Лиз. Скибиной с. Вороннинецъ Лазарской вол. и В. Шульгиной, урожд. Бубликовой, с. Денисовки).

2. Смороды́на.

Играющіе въ смороды́ну, называемую также въ с. Волчкѣ игрою „въ жыда“, становятся въ ключъ, съ одного конца котораго двѣ дѣвушки подымаютъ руки; въ эту арку пробѣгаетъ крайняя играющая противуположнаго конца и „тягне за собою увесь ключъ“. Поютъ:

1.

Чы не ягода смороды́на?
Чы не дивчына выходыла?
Жыдъ иде, коня веде,
Дрибенъ дощыкъ иде,
Роса паде.
Ой, посію лёнъ
Пидъ паньскимъ дворомъ.
Що чорнее коринннячко,
А золоте насинннячко,
А шовковый лёнъ.

(отъ Кат. Гиччиной д. Шекъ).

---

[1]) зверху завывайка.

[2]) зверху шапчорына.

2.

Въ с. Загребельи три первыя строчки поютъ какъ въ 1-мъ варіантѣ, а затѣмъ:

Жыдивочка за нымъ иде.
Стой, коню, не бижы,
Жыдивочкы пидожды.
Жыдъ иде, коня веде,
Жыдивочка лёнъ бере, лёнъ
Плету, плету плетеныцю
На парубкивъ шыбеныцю [1]).
Жыдъ иде, коня веде,
Жыдивочка лёнъ бере, лёнъ.
Жыденята попереду
Йидять молоко у середу.

(отъ Н. Пшеничной).

3.

Въ с. Волчкѣ поютъ иначе:

Жыдъ иде, коня веде,
А за нымъ жыдивка йде.
Постой, жыду, не тикай,
Жыдивочкы постривай.
А въ жыдивкы—чорни бривкы,
Высоки пидкивкы.
Плахта рябенька,
Сорочка биленька.
Цуръ ёму батькови,
Яка чепурненька.

(отъ Наталіи Шевченковой).

Игра эта не имѣетъ ничего общаго съ гаивкой Желманъ (Залманъ).

3. Ключъ.

Въ ключѣ двѣ дѣвушки становятся поднявъ руки вверхъ, а остальныя проходятъ у нихъ подъ руками, вытянувшись въ линію, причемъ припѣваютъ:

1.

—Ой, пустите, пустите на яровый мистъ.
—Не пустымо, не пустымо,—поламаный мистъ.
—А мы мосты помостымо
И тры ключи положымо
Тай пидемъ.

Послѣ чего первая пара пропускаетъ весь ключъ.

(с. Хорошки).

2.

Въ м. Лукомьи приговариваютъ такъ:

—Пане, пане! пусты черезъ мистъ.
—Мистъ поламаный.
—Мы ключи переложымъ тай перейдемо.

(отъ М. Норовой).

3.

Въ Матяшовской волости приговаривая:

—Пустить у ворота.
—Поламани.
—Прыйдемъ полагодымъ.

Пробѣгаютъ подъ руками.

[1]) Эти двѣ строчки включены по ошибкѣ изъ другой игры—лозы, Пшеничной.

(Въ сбор. Чуб. такая игра называется король въ одноключевой формѣ, т. 3, стр. 42, № 3, вар. А).

4. Лоза.

Въ лозу играютъ такимъ же образомъ, какъ въ смородину и ключъ, пробѣгая всей цѣпью подъ руками двухъ крайнихъ дивчатъ, и припѣвая:

1.

Плету, плету лисъ, лисъ,
На парубкивъ бисъ, бисъ,
А на дивчатъ плутаныцю,
А на хлопцивъ вишальныцю.

(въ с. Литвякахъ).

2.

Въ м. Лукомьи:

Плету, плету плетеныцю,
А на хлопцивъ шыбеныцю,
А на дивчатъ роста.
На хлопцивъ короста;
Ни велыка, ни мала,
Якъ на дубови кора.

(Матрены Норовой).

3.

Въ с. Хитцахъ двѣ первыя строчки поютъ такъ, какъ въ Лукомскомъ варіантѣ, послѣднія же двѣ такія:

На дивочокъ гай,
Шобъ вывелы край.

5. Ящуръ.

Игра эта извѣстна только въ м. Лукомьи, пограничномъ съ Хорольскимъ уѣздомъ; здѣсь въ центрѣ круга дѣвицъ, „на коши", садится парень и ловитъ дѣвку, съ которой снимаетъ платокъ и надѣваетъ себѣ на шею.

Дѣвушки поютъ:

Сыды, сыды, ящуре,
Въ хорошому мисти.
Май соби жинку,
Якъ перепилку.
Кого ймешъ,
Обдерешъ.
Соби грошей наберешъ
И ящурку спомянешъ.

(отъ Матрены Норовой).

(Чуб. № 38, стр. 96).

6. Дзвонъ.

Дѣти, взявшись за руки, становятся въ кругъ. По срединѣ ходитъ одинъ изъ нихъ и говоритъ:

Пишла хмара
На татара,
А сонечко
По людяхъ.
Дзелень, бевъ, бевъ, бевъ!

Проговоривъ эти слова, играющій подходитъ къ одной парѣ и, опираясь на руки этой пары, спрашиваетъ:

—Яки се ворота?

—Зализни.

Онъ отходитъ къ другой парѣ и продолжаетъ допросъ:

—А се яки?

—Камяни.

—А се яки?

—Глыняни.

Дзвонъ раздвигаетъ руки и бѣжитъ, остальные играющіе гонятся за нимъ и кто поймаетъ—становится въ кругъ.

(отъ Ганны Мартыщенковой с. Литвяковъ).

Въ другихъ мѣстахъ Лубенщины играютъ эту игру такимъ образомъ, какъ изложено въ сборн. Чубинск. (т. 3, № 28, стр. 87) и Иванова (№ 62, стр. 54), т. е. безъ припѣвовъ и приговоровъ, или только съ краткими переговорами. Напр. въ м. Лукомьи:—пане, пане! на яки мени ворота бигты?—на яки хочъ.—Припѣвъ приведенный въ соч. Максимовича (изд. 77 г., т. 2, стр. 471) другой: „бый, сонечко, татаръ“.

7. Гадыло

(свиня).

Гадыло соотвѣтствуетъ приводимой въ сборникѣ Чубинскаго (т. 3. № 29, стр. 88) игрѣ „тикало“. Играющія въ гадыло садятся кружкомъ и которая нибудь изъ нихъ, зажавъ въ ладонь соломинку, палочку или камушекъ, передаетъ ее слѣдующей, а та своей сосѣдкѣ и т. д. пока стоящая „на коши“ не отгадаетъ у кого въ рукѣ соломинка. У кого въ рукахъ соломинка, тотъ замѣняетъ отгадчицу. Припѣвъ такой:

Гадъ, гадъ, гадыло,
Що по полю бродыло.
Дай, Боже, угадать
У кого свыню взять.
А тоби то оддать.

(М. Норова м. Лукомья).

8. Пижмурки

(кузьмирка).

Играющіе мальчики и дѣвочки кладутъ одному среди себя по одному или по два пальца на колѣно. Такой счетчикъ считаетъ:

Одіянъ, другіямъ,
Наставъ на баранъ.
Симсотъ груддя,
Поломавъ суддя.
А ты кумъ,
А ты лысь,
А ты—вонъ оступысь!

(с. Литвяки).

Считаютъ и иначе:

Арци, барци,
Ремисварци.
Татагонъ.
Капъ, шляпъ,—
Пиды вонъ!

(м. Лукомье).

Выступающій изъ кружка „жмурытця“ и долженъ ловить остальныхъ до отгороженнаго мѣста—дука. Тотъ, кого поймаютъ внѣ дука—идетъ

жмуриться (ср. Чуб., т. 3, № 49, стр. 101 и Иван. № 57, стр. 49. Можетъ быть въ настоящей игрѣ сохранилось воспоминаніе о первичномъ счисленіи по пальцамъ—Тэйл. Перв. культ. Спет. 72 г., гл. 3., стр. 67—78 и 228).

9. Рёбъ
(хрещикъ).

Въ Лубенскомъ уѣздѣ въ рёба играютъ совершенно такъ, какъ описано въ сборникахъ Чубинскаго (т. 3, № 21, стр. 82 и № 31, стр. 89) и Иванова (№ 66, стр. 55) т. е. одна пара—рёбы или рябы ловитъ остальныя, разбѣгающіяся пары. Число играющихъ ограничено 4—6. Пойманные становятся въ свою очередь рёбами. Мѣстное отличіе игры составляетъ слѣдующій припѣвъ:

Край маты
На гори статы,
Намъ рябамы
Не буваты.
Или:
Крайня маты
Наверстаты
Намъ рёбамы
Не буваты.

(Прасковья Журавлева с. Литвяковъ).

Примѣчаніе. Слѣдующія игры, кромѣ приведенныхъ, встрѣчаются въ Лубенскомъ уѣздѣ или въ такомъ точно видѣ, какъ въ сборникѣ Исаевича: Малор. нар. игры въ окрестн. Переяслава Кіев. Стар. 77 г. Іюнь и Іюль и др., или въ слегка измѣненномъ:

1) Ковзалка—катаніе по льду.

2) Крутилка—круженіе на саняхъ, привязанныхъ къ шесту, вокругъ вбитаго на льду кола.

3) Коромысло—перегибаніе двухъ дѣтей, ставшихъ спиной другъ къ другу и взявшихся за руки.

4) Довга лоза—перепрыгиваніе черезъ лежащихъ или согнувшихся мальчиковъ (см. Свидн. Велыкд. у Под. Основ. 61 г. № 11 и 12, стр. 35).

5) Тисна баба—нажиманіе другъ друга на скамьѣ.

6) Куци-баба (цици-баба по Номису. Осн. 61 г., стр. 36, Ризд. св.)—общеизвѣстныя жмурки. Въ с. Михновцахъ поймавшій кричитъ: соломнямъ, нямъ, нямъ.

7) Рипка—круженіе дѣтей, взявшихся за руки. Упавшему приговариваютъ: рипкы, рипкы! полетять твои къ лыхый годыни диткы (ср. Иван. Сбор. въ Хар. Ист.-Фил. Общ. т. 2 № 56, стр. 49).

8) Квакъ или квачъ—плеваніе сквозь руку. Оплевавшій себѣ руку ловитъ остальныхъ, которые, разбѣгаясь, кричатъ: а я квака не боюсь, за дерево не держусь. (Ibid. № 54, стр. 48).

9) Перевозъ бабы—бросаніе камешковъ по водѣ съ приговоромъ: „диду, диву! перевезы бабу. Якъ не перевезешъ, той самъ пропадешъ!"

10) Генъ-генъ, иначе кобецъ—бросаніе ножа съ кулака, головы, зубовъ.

11) Пошывайло—по Чуб. жгутъ (№ 39, стр. 96) у Иванова—швай (№ 42, стр. 42). Играющіе бьютъ жгутомъ сидящаго „на коши", покуда тотъ не схватитъ жгута. Въ с. Хитцахъ жгутъ называется „карбачъ", а бьющій—„жгунъ". Въ х. Николаевкѣ эту игру называютъ овсянкой.

12) Шкереберть (у Ив. шкопырь, № 4, стр. 20)—бросаніе палокъ сразу нѣсколькими мальчиками. Чья палка упала ближе всѣхъ, тотъ чешетъ ею по спинѣ остальныхъ, приговаривая:

—Комарю, комарю! що тебе куса?
—Вошъ та блоха.
—Тилькы палокъ?
—Шисть.
—Чія палка?
—Моя.

Или иначе. Тотъ, кто чешетъ, спрашиваетъ:

—Чого тоби дать?
—Мякушки.

Спрашивающій чешетъ слегка.

—Скорыны,—чешетъ сильнѣе.

13) Игра въ цурки (гела, дучковая или масло) играется точно такъ, какъ описано въ сбор. Иванова подъ №№ 1 и 2, стр. 13—14.

14. Такія же какъ въ сб. Исаев. и Ив. игры въ мячъ: высокій дубъ Ив. № 18, стр. 28) пилка (матка № 20, стр. 28) туча (городокъ, № 21, стр. 30). Въ с. Волчкѣ есть неописанная еще игра „въ рушлята". Здѣсь играющія дѣти копаютъ ямки и катятъ мячъ. Тотъ, въ чью ямку попадетъ мячъ, бросаетъ имъ въ остальныхъ, а въ случаѣ промаха, въ ямку его кладутъ прутикъ или соломинку (рушлята). Въ чьей ямкѣ накопится болѣе шести рушлятъ, того „гонять скризь строй".

15) Просо играется такъ же, какъ въ сб. Чуб. (№ 11, вар. 1, стр. 65—66) и Ив. (№ 80, стр. 66). Мать гонится за дочкой съ прутикомъ, приговаривая: проса жать!—Не хочу.—А замижъ?—Хоть и заразъ.

16) Точно также играютъ въ бычка. Мать говоритъ дочкѣ: иды бычка пасты. Та отвѣчаетъ: не хочу. Мать бьетъ ее прутомъ и гонится подъ руками играющихъ.

17. Игра въ кота и мышь отличается отъ помѣщенной въ сб. Чуб. (№ 55, стр. 105) и Иван. (№ 61, стр. 53) лишь припѣвомъ:

Бижы, бижы, мышко, до моря,
А де золотая коморя.
Шо добрая мышка та втекла,
Ледачый котыкъ не піймавъ.

(отъ Зиновіи Конвисарь с. Песокъ).

18) Зайчыкъ—тождественъ съ игрой, описанной у Чуб. (№ 9, стр. 59—63), Ив. (№ 89, стр. 72—74) и въ Кіев. Стар. 92 г., № 6, стр. 447. съ прибавленіемъ только четырехъ строчекъ припѣва:

Ой скочъ, куды хочъ,
Куды маты велыть,
Куды твоя, зайчыку,
Голова не болыть.

(х. Николаевка).

Или:

Сюды скикъ, туды скикъ,—
Такъ не выскочышъ!
У мене ворота позамыкувани,
Жовтимъ пискомъ позасыпувани.

(с. Великая Селецкая).

19) Въ Лубенскомъ уѣздѣ есть и другая игра въ зайчика, ошибочно помѣщенная въ сборникѣ Чуб. подъ однимъ № съ предыдущей, на самомъ дѣлѣ не имѣющая ничего съ ней общаго. Это скорѣй дѣтская пѣсенка, при которой дитя слегка потягиваютъ за ушко:

Зайчыку, зайчыку!
Де ты бувавъ?
—У млыни, у млыни.
—Що ты выдавъ?
—Симъ михивъ,
Горихивъ.
—Чомъ ты не вкравъ?
—Былы мене, зайчыка,
Золотіи пальчыкы
Ледве я втикъ,
Черезъ попивъ тикъ.
Лапкы попикъ.
Скаву, скаву, скаву!

(Ганна Мартыщенкова с. Литвяковъ).

Въ с. Волчкѣ послѣ шести первыхъ строкъ пѣсню измѣняютъ такъ:

.....Чомъ ты не вкравъ?
А яжъ бувъ укравъ,
Та нагналы кралчыкы.
Та побылы пальчыкы.
А я бувъ утикъ
Черезъ попивъ тикъ,
Та черезъ колоду
Та впавъ у воду.

(Нат. Шевченковой).

Въ м. Лукомьи прибавляютъ еще:

Черезъ лиску плыгавъ,
Конопелькы трищять,
Горобейкы пыщять.

(Матр. Норова).

20) Общеизвѣстная игра въ гуси играется совершенно такъ, какъ описано у Иванова (№ 68, стр. 59). Маленькое различіе замѣчено мною только въ с. Воронинцахъ, гдѣ мать, когда уже всѣ гуси переловлены, подходитъ къ волку и спрашиваетъ его:

—Шо то сычыть?
—Баба просо сыпле.
—Шо то цокотыть?
—Баба ложкы мые.

21) Воронъ такой же, какъ въ сб. Ив. (№ 67, стр. 57) съ слѣдующимъ отличіемъ: когда у матери остается лишь непосредственно стоящая за нею красна дочка (красна дивка въ сб. Иван.), то первая спрашиваетъ ворона:

—Вороне, вороне! шо въ тебе ссаду?
—Качалка.
—Въ мене дочка Наталка,—такъ не вдарышъ!

Затѣмъ мать еще нѣсколько разъ обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ ворону, который даетъ послѣдовательно такіе отвѣты:

—Ложка.

—Въ мене дочка ворожка.

—Пляшка.

—Въ мене дочка Мелашка.

—Рубель.

—Въ мене дочка зъ Лубень.

—Мыска.

—Въ мене дочка Орышка.

—Макогинъ.

—Ну, бый же мою дочку навздогинъ.

(отъ М. Норовой м. Лукомья).

22) Игра въ гори-дуба—горѣлки—тождественна съ описанною у Ив. (№ 4, стр. 55) и у Чуб. (№ 47, стр. 101).

23) Игра въ Кострубонька уничтожилась на нашихъ глазахъ. Осталась дѣтская пѣсенка: „померъ, померъ Кострубонько", приведенная у Максимовича (собр. соч. т. 2, стр. 521).

24) Въ южной части уѣзда извѣстна игра „шумъ", въ которой ключъ идетъ подъ руками двухъ дѣвушекъ. Пѣсня такая какъ у Шейк. Бытъ Под. (№ 9, стр. 21) и Чуб. (№ 6, стр. 50—52) съ слѣдующимъ добавленіемъ:

Шо дыво, шо за дыво!
Дивка парубка прыбыла
И сорочку зняла
И прочухану дала.

(отъ Марѳы Татусевой м. Оржицы).

25) Король въ круговой формѣ играютъ такъ, какъ въ сб. Иванова (№ 90, стр. 75), Лысенка (№ 40, стр. 91), Чуб. (№ 3, вар. В., стр. 42). Припѣвъ такой:

Король край города ходыть
Король городъ отворяе,
Король дивчатъ разглядае
У городъ загоняе и т. д.

(с. Денисовка).

Или:

Король городъ занима,
Король дивчатъ вызволя.

(х. Николаевка).

Или такъ еще:

Король городъ занимае,
Король зъ війська выступае и т. д.

(х. Яновщина).

Конецъ общеизвѣстный.

26) Затѣмъ въ Лубенскомъ уѣздѣ есть, конечно, много игръ, изображающихъ дѣйствительность: брачный обрядъ, похоронный обрядъ (какъ въ Бѣлгор. у., о чемъ въ Кіев. Стар. 90 г., № 8, стр. 320), кража баштана (Ив. № 44, стр. 44). Брачный и похоронный обряды изображаютъ и посредствомъ куколъ, состоящихъ изъ четыреугольной головы, въ платкѣ или очипкѣ.

Лицо куклы перекрещено черными и красными нитками заполочи. Туловище одѣто въ цвѣтной лоскутокъ; рукъ и ногъ нѣтъ.

27) Игры въ карты, названіе мастей (чирва) дзвинка (бубны) хрести (жыръ) трефи и вино (пики) и фигуръ такое же, какъ въ Переяславѣ по описанію Исаевича.

II. Улицы и досвитки.

Съ открытіемъ весны небольшіе кружки дѣвушекъ сосѣдокъ и сверстницъ выходятъ на улицу „на веснянку". Дѣвчонки 9—11 лѣтъ сходятся отдѣльно, подростки (дивочкы, дивчата) и взрослыя (дивкы) также отдѣльно. Такъ какъ начало весны бываетъ въ великомъ посту, то крестьянская дѣвушка Лубенскаго уѣзда спѣшитъ отговѣться на второй, даже на первой недѣлѣ, а на третьей—выходитъ на улицу. Улицы собираются на берегу рѣки, на выгонѣ, возлѣ сада, у мельницы, на курганѣ или остаткахъ вала, съ сумерекъ до 10-ти часовъ вечера, а по праздникамъ и днемъ. Во многихъ селахъ и мѣстечкахъ парни дѣлаютъ кругъ въ видѣ стола. около котораго садятся съ дивчатами. Это огражденное пространство называютъ дукомъ, какъ и въ народныхъ играхъ. Въ другихъ мѣстахъ (Лукомье) вырѣзаютъ отдѣльныя скамьи дѣвкамъ и парнямъ. Дѣвица, не явившаяся на улицу, ея мать или хозяйка подвергаются насмѣшкамъ. Имъ „прыспивують" насмѣшливыя веснянки. Затѣмъ парни отрываютъ и заносятъ ворота со двора неявившейся дивчыны [1]). Главнымъ занятіемъ на улицѣ бываетъ пѣніе веснянокъ съ открытія весны до свѣтлаго праздника, петривокъ въ Петровъ постъ до 29 Іюня, любовныхъ пѣсенъ и модныхъ романсовъ въ остальное время.

Тѣ же самые кружки дѣвицъ, которые распѣвали веснянки и петривки на улицѣ съ 1-го Сентября, мѣстами съ 8, 14, или съ Покровы „просятся на досвитки". Число дѣвушекъ на досвиткахъ зависитъ между прочимъ и отъ размѣра помѣщенія, почему не можетъ быть велико (3—12, большею частью 5—7). Большее число стѣснило бы, какъ самихъ дѣвокъ и хозяевъ, такъ и парней. Досвитки собираются у того изъ сосѣдей, который согласится предоставить свое помѣщеніе для такихъ собраній. Причемъ просьба пустить досвитки обращается къ хозяйкѣ, а не къ хозяину дома. Зажиточные хозяева и вообще серьезные люди не допускаютъ вблизи себя досвитокъ, потому что послѣднія осложняются иногда безпорядками. Напримѣръ парни, добиваясь къ дѣвкамъ, могутъ иногда сломать плетень, завязать двери избы, выбить окно. Ворвавшись въ избу, они могутъ также разбить лампу, вытолкать изъ досвитокъ дѣвку, обманувшую ихъ, или

---

[1]) А не за дурное поведеніе, какъ сказано у Чуб. т. VII, ч. 3, стр. 451.

слишкомъ разборчивую сельскую красавицу, выбросить наконецъ ея прядку. Только всего. Особенно дурнаго вліянія на нравственность досвитки не имѣютъ. Условія найма помѣщенія такія: дѣвки прядутъ въ пользу хозяевъ (досвичанихъ батька и матери) съ пятницы на субботу черезъ недѣлю, иногда третью только пятницу по 2—5 пасомъ или шьютъ и вышиваютъ. Мѣстами (Лукомье) даютъ повисмо конопель и коробку пшеницы, или два повисма (с. Новаки). Затѣмъ, сборъ отъ щедривки или колядки остается хозяевамъ. Посѣтительницы приносятъ также хозяевамъ по хлѣбу въ три праздника: на рождество, новый годъ и крещенье, иногда по куску сала (с. Новаки), а парни—еще и по 5 коп. Каждая дѣвушка по очереди освѣщаетъ досвитки, покупая $1^1/_2$—2 ф. керосина въ недѣлю. Открытіе досвитокъ на праздникъ св. Семена—лѣтопроводца не сопровождается уже въ настоящее время музыкой и угощеніемъ. Дѣвки входятъ обыкновенно въ досвичаный домъ, приговаривая: „Господы поможы! Дай, Боже, въ добрый часъ! Щобъ легенько и веселенько, щобъ ходылось и хотилось, до всихъ хлопцивъ реготилось! Нумъ спиваты—чы весела хата?“ Часовъ въ 9—10 подходятъ парни. Правомъ посѣщать досвитки и быть принятымъ въ компанію пользуются тѣ изъ парней 15—16 лѣтъ, которые „укуплятця у парубкы“, т. е. угостятъ трижды полукьартой водки все общество парней. Если мальчикъ присосѣдится къ досвиткамъ безъ такого угощенія, то его насильно неровно стригутъ и обливаютъ сажей—„брѣютъ“. Парни, явившись на досвитки, обмѣниваются привѣтствіями:

Здраствуйте вамъ! Боже поможы!

—Здраствуйте. Спасыби.

Потомъ знакомятся съ хозяевами такимъ образомъ:

—А ну, якый тутъ батько та маты?

Хозяинъ отвѣчаетъ:

Дывысь, ось якый.

Завязывается общій разговоръ: гдѣ открыты по селу досвитки, куда ходятъ какія дѣвки.

Когда парни обойдутъ такимъ образомъ всѣ досвитки на селѣ, тогда молодежь ложится спать на соломѣ, покрытой рядномъ. Если парень помѣстится возлѣ дивчыны, ему не сочувствующей,—послѣдняя скрывается на печь („спече, дае гарбуза“). Огорченный парень разбиваетъ лампу, иногда „штовхне и дивку“. Обязанность купить новую лампу лежитъ, въ этомъ случаѣ на дѣвушкѣ. Печь служитъ убѣжищемъ дивчинѣ и тогда, когда за нее заспорятъ два парня до тѣхъ поръ, пока одному изъ нихъ или третьему лицу не будетъ оказано предпочтеніе. Если дѣвушкѣ понравится сторонній парень (лицомъ, рѣчами, „натурой“) то онъ освобождается отъ преслѣдованій мѣстной молодежи, „оплатывшысь за свою дивку“, обыкновенно полквартой водки.

Занятія дивчатъ собственно на досвиткахъ, т. е. на вечернихъ собраніяхъ по буднямъ заключаются въ шитьѣ, вышиваньи и особенно въ пряжѣ. За вечеръ дѣвушка напрядетъ отъ 2—3 мычекъ, 4—5 пасомъ, а въ 5—7 зимъ приготовитъ себѣ цѣлое приданое: хустки, рушныки, рубашки, рядна и нитки. Отъ досвитокъ нужно отличать: 1) попряхи—дневныя собранія дѣвушекъ въ досвичаной хатѣ безъ участія парней для пряжи и другихъ работъ. Онѣ начинаются позднѣе досвитокъ, послѣ Покрова; 2) вечерницы—вечернія, коротенькія собранія по субботамъ и наканунѣ праздниковъ. На вечерницахъ молодежь проводитъ время въ пѣніи, разговорахъ, слушаніи сказокъ и отгадываніи загадокъ; 3) грыща. Въ большей части Лубенщины каждыя отдѣльныя досвитки по годовымъ праздникамъ (на пущання, на второй день рождества и на крещенье) замѣтно оживляются: дѣвки приносятъ изъ дому сала, колбасъ, картофеля, огурцовъ, капусты, пшеничной и гречневой муки. Парни доставляютъ водку. Приготовляется ужинъ, нанимается музыка. Молодежь веселится, танцуетъ и поетъ. Такія отдѣльныя праздничныя досвитки часто называютъ „грыщà“. Но подъ тѣмъ же названіемъ извѣстны собранія другого рода. По направленію къ Лубнамъ, въ с. Волчкѣ, Бересточи, въ Засульской волости, сохранились еще грыщà въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. соединеніе нѣсколькихъ досвитокъ въ одной болѣе просторной избѣ,—нѣчто вродѣ народнаго бала, на которомъ бываетъ 50—60 гостей. Провизія, водка и музыка поставляются на грыща тѣми же лицами, что и на досвиткахъ. Здѣсь въ особенности молодежь пляшетъ, гадаетъ [1]), переодѣвается въ дидовъ, солдатъ, вообще „гарюе“ (шалитъ). Здѣсь же устраивается и отсюда направляется праздничный фарсъ, изображающій ухаживанье стараго волокиты въ маскѣ (машкара или мачкара) за молодицей или дѣвушкой (меланкой) [2]). Впрочемъ въ д. Шекахъ есть и на обыкновенныхъ досвиткахъ зачатокъ маскарада, болѣе развитого на рождественскихъ играхъ. Тамъ дѣвчонки переодѣваютъ одну изъ себя въ дида съ бородой изъ конопли, другую въ молодицу въ очипкѣ, остальныхъ въ цыганокъ съ лицами, запачканными сажей, и ходятъ въ такомъ видѣ по досвиткамъ.

---

[1]) Мѣстные способы гаданья приведены въ очеркѣ Рожд. Святки въ сѣв. ч. Лубенск. уѣзда стр. 19—22. Къ числу гаданій, не упомянутыхъ въ томъ очеркѣ принадлежатъ слѣдующія: въ ночь подъ новый годъ дѣвушки с. Волчка замыкаютъ скрыню и ключъ привѣшиваютъ себѣ къ поясу, приговаривая: „суженый! прыйды одимкны“. Вѣрятъ, что суженый отомкнетъ во снѣ сундукъ. Также спускаются ночью въ погребъ, приговаривая: „суженый покажысь!“ Послѣдній покажется при выходѣ дѣвушки изъ погреба. Въ м. Лукомьи дѣвица, ложась спать, ставитъ себѣ въ головы миску съ водой и четырьмя соломинками, положенными крестообразно, изображающими мостъ, и приговариваетъ: съ кимъ я буду черезъ сей мистъ иты, съ тимъ буду викъ викувать. Парень, идущій во снѣ черезъ мостъ и есть суженый.

[2]) Ibid., стр. 13—14.

III. Пѣсни молодежи

(челядьски).

Главнымъ развлеченіемъ дѣвушекъ на улицахъ и досвиткахъ служитъ пѣніе. На улицахъ, какъ замѣчено выше, поются веснянки и петривки; на досвиткахъ свадебныя пѣсни въ сезонъ свадебъ, подъ рождество—колядки и щедривки, также модные романсы [1]) и особыя вечерничныя пѣсни, такъ называемыя трендычки.

Веснянки, по замѣчанію покойнаго Костомарова, сдѣланному въ сороковыхъ годахъ [2]), посвящены преимущественно знакомству молодыхъ людей между собой и начинающейся жизни. Въ нихъ заключается только зародышъ любви, предчувствіе или возможность ея въ будущемъ, а не самое чувство, оттого немного веснянокъ проникнуто нѣжностью, большинство ихъ блѣдно и холодно. Главное содержаніе веснянокъ: призывъ дивчатъ и парней на улицу, сожалѣніе объ отсутствующихъ, насмѣшки надъ отдѣльными лицами, соперничество улицъ, кутковъ и селъ. Веснянки состоятъ изъ 2—3 куплетовъ, однообразныхъ по размѣру и мотиву, съ протяжнымъ окончаніемъ. Въ мотивѣ чувствуется свѣжесть ранней весны [3]). Область наибольшаго развитія веснянокъ—сѣверныя волости. Къ югу отъ Лубенъ веснянокъ меньше. Тамъ ихъ смѣшиваютъ иногда съ приведенными выше весенними играми у тумана̀ и др.

Дальнѣйшую ступень сближенія молодежи изображаютъ петривки. Онѣ глубже, страстнѣе и колоритнѣе веснянокъ, такъ какъ главное содержаніе ихъ составляютъ различныя проявленія романической любви: мечты дѣвушки, побѣгъ изъ заключенія, свиданія на улицѣ, похищеніе, ревность, проклятія, смерть любовника. Почти всѣ эти событія происходятъ въ обстановкѣ короткой лѣтней ночи. Петривки одного размѣра и поются всѣ на одинъ голосъ. Мотивъ ихъ нѣженъ и мечтателенъ [4]). Петривки не соотвѣтствуютъ болѣе дѣйствительности и вымираютъ. Всего крѣпче держатся они въ сѣверной Лубенщинѣ и вблизи Криницы, гдѣ происходятъ состязанія хоровъ дѣвицъ на криницкой ярмаркѣ, неоднократно описанной [5]).

---

[1]) Въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Ой, що тамъ иле
У зеленій юпци?
Щыколатове лыце,
Розовіи губкы. . и т. д.

[2]) Молодыкъ 44 г. прим. къ ст. К. Сементовскаго: Очеркъ малор. повѣрій и обыч., стр. 91.

[3]) Мотивъ записанъ въ сб. А. Маркевича. Зап. о Южной Руси. Кулиша т. 2, 57 г., № 6, стр. 241.

[4]) Мотивъ петривки сообщенъ Л. А Я—ской, за что свидѣтельствую глубокую признательность.

[5]) См. ст. О. Левицкаго въ Кіев. Стар. 83 г., Сент. и Окт. стр. 301—309.

Напротивъ, большинство трендычекъ заключаютъ въ себѣ насмѣшливое отношеніе къ любви, ея оборотную сторону. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ опредѣляетъ вечерничныя пѣсни какъ бытовыя, содержащія въ себѣ сценки изъ семейной жизни, любовныя желанія и шутки [1]). Но, приближаясь такимъ образомъ по содержанію къ нѣкоторымъ веснянкамъ, трендычки отличаются отъ послѣднихъ разнообразіемъ формы, припѣвомъ, котораго никогда нѣтъ въ веснянкахъ, отсутствіемъ опредѣленнаго голоса, такъ какъ трендычки поются на извѣстный плясовой мотивъ. Живой, бойкій мотивъ необходимъ здѣсь потому, что дѣвушка, мурлыкая трендычку, разгоняетъ сонъ. Циклъ „челядскихъ писень" заканчивается любовными, въ которыхъ замѣтно преобладаетъ трагическая сторона любви.

Веснянки.

1.

Тыны мои высокіи
Перелазы нызьки.
Збирайтеся подружечкы
Далеки и блызьки.
Збирайтеся подружечкы
Де вчора гулялы.

Уже наши васылечкы
Одъ сонця повьялы.
Нехай вьянуть, нехай вьянуть,
Нехай повсыхають,
А якъ пиде дрибенъ дощыкъ,—
То поожываюь!

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Орины Шевченковой 18 л.).

2.

Ой высоки огороды,
Перелазы нызьки,
Збирайтеся подружечкы
Далеки и блызькы!
Збирайтеся подружечкы
Де вчора стоялы,

Бо вже наши васылечкы
Одъ сонця повьялы.
Нехай вьянуть, нехай вьянуть,
Воны поодходять.
Нема нашихъ парубьятокъ,
Воны повыходять.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Ульяны Выборной 25 л.).

3.

Летыть сова подовшъ села
Опустыла крыла.
Выйды, выйды, дивчынонько,
Выйды чорнобрыва.

Летыть сова подовшъ села,
Опустыла брюхо,
Выйды, выйды, дивчынонько,
Чортова брехухо!

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

4.

И дощъ иде, вода реве,
А колесо креше,
Що хлопчына правду каже,
А дивчына бреше.

И дощъ иде, вода реве,
Въ очерети сухо,
Выходь, выходь, дивчынонько,
Наша щебетухо!

(въ 95 г. въ с. Черевкахъ).

---

[1]) Въ ст. о досвитк. и посидѣлк. Кіев. Стар. 86 г., № 3, стр. 427.

5.

И дощъ иде, роса пада,
Въ очерети сухо.
Выйды, выйды, Марусенько,
Наша голосухо!

(въ 88 г. отъ Пр. Заикиной х. Кремянки).

6.

Якъ пидийду пидъ виконце
Маты горохъ варыть,
Свою дочку—одынычку
За юлыцю сварыть.

—Годи тоби, моя маты,
Гороху варыты,
Пусты дочку одыныцю
Хочь поговорыты.

—Не для тебе, скурвый сыну,
Я дочку вродыла,
Щобъ я тоби противъ ничкы
Гуляты пустыла.

—Пусты мене, моя маты,
На часъ на часочокъ
Роспустыты по ярочку
Громкый голосочокъ.

(въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины Ульяны Бондаренковой).

7.

Чы у тебе, дивчынонько,
Не ридная маты?
Уся челядь на юлыци,
А ты лягла спаты.

Чы у тебе, дивчынонько,
Не братъ, не сестрыця?
Що мы выйшлы на улыцю,
А ты якъ черныця.

(въ 88 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Вар. I въ с. Волчкѣ 2-й куплетъ такъ:

Хочь ридная, не ридная
Вона волю мае.
Свою дочку одыныцю
За улыцю лае.

(въ 95 г. отъ кр. Наталіи Шевченковой с. Волчка).

Вар. II с. Литвяковъ 2-й куплетъ такъ:

Ой треба жъ тій та матинци
Горщокъ кваши даты,
Щобъ пустыла дивчынонькy
До насъ погуляты.

(въ 95 г. отъ кр. Маріи Кунаковой 16 л.).

8.

Лала, лала! мате была
Та выгнала съ хаты.
Иды дочко, Галюточко,
Веснянкы спиваты.

(въ 89 г. отъ коз. с. Литвяковъ Марины Мартыщенковой).

9.

Що на нашій на юлыци
Знесла курка коко.
Хто не выйде на улыцю,—
Той вылизе око.

Щой на нашій на улыци
Знесла курка двое,
Хто не выйде на улыцю,
Вылизуть обое.

(въ 93 г. отъ О. Шевченковой х. Николаевки).

10.

До насъ, до насъ, парубьята!
До насъ погуляты.

Ой есть у насъ по персныку
Будемъ даруваты
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашои рички,
Помостылы дивкы кладку
Съ червонои стричкы.
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашои честы,
Наварымо вареничкивъ
Зъ собачои шерсты.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Ул. Выборной).

11.

До насъ, до насъ, мойсіевци! [1])
До насъ ни до кого!
Намочылы вамъ горилкы,
Для васъ ни для кого.
До насъ, до насъ, мойсіевци!
До нашои рички,
Помостылы вамъ мосточокъ
Съ червонои стричкы.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

12.

До насъ, до насъ, подоляне!
До нашои рички,
Положымо мы кладочку
Съ червонои стричкы.
Червоная не такая,
Голубая краще—
Ой, бодай васъ, подоляне,
Та напала трясця.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ 19 л.).

Въ с. Пескахъ 3 и 4 стр. такъ:

Положымо тры клаптыка
Червонои стричкы.

Вмѣсто голубая—зеленая.

(въ 95 г. отъ Зиновіи Конвисарь).

13.

До насъ, до насъ, парубьята!
Та до нашихъ дивочокъ,
Наварымо вареныкивъ
Съ червонихъ ягидочокъ.
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашои рички,
Покладемо вамъ кладочкы
Съ червонои стричкы.

(въ 94 г. отъ мѣщ. с. Литвяковъ Варвары Кузнецовой 16 л.).

14.

До насъ, до насъ, юсковчане,
До нашого броду.
Помостымо вамъ кладочку
Зъ колющого глоду.

(въ 95 г. отъ кр. с. Юсковецъ К. Крятовой 19 л.).

15.

До насъ, до насъ, та хлопьята!
До нашои рады.
Насбираймо дижку помый
Зъ усіи громады.
Якъ будете выпываты,
Будемъ доливаты,
Та все своихъ та хлопьятокъ
Будемъ шануваты.

(въ 93 г. отъ кр. Улиты Кучеренковой с. Мгаря).

16.

Упавъ снижокъ на обнижокъ
Да вже не ростане.
Прыбувайте чорнявіи
Якъ вечиръ настане.

[1]) Мойсеевка—пограничное село Хорольскаго уѣзда.

Русявіи йдить до дому,
Чорняви ночуйте.
Вы, собакы, не гавкайте,—
Сусиды, не чуйте.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

17.

Якъ выйду я, та крыкну я,
То ты догадайся,
Хоть вечерявъ, не вечерявъ,
Бижы поспишайся.
Хочь вечерявъ, не вечерявъ,
То беры потрошку,
Якъ зачуешъ голосочокъ,
То кыдай и ложку.

(въ 93 г. отъ Орины Шевченковой 17 л. х. Николаевки).

18.

Не крюкайте ряби жабы
Въ густимъ очерети.
Не сидайте вражи сыны,
Рано вечеряты.
Якъ сядете вечеряты,
То берить по трошку,
Зачуете голосочокъ
То кыдайте ложку.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ Варвары Иваненковой 15 л.).

19.

Ой выйду я за ворота:
Очеретъ та сино.
Ой десь мое серденятко
Вечеряты сило.
Ой вечеряй, серденятко,
Та беры по трошку,
Якъ зачуешъ голосочокъ
То кыдай и ложку.

(въ 93 г. отъ кр. Марѳы Павлященковой 18 л. х. Пышнаго, Ольшанской вол.).

20.

Покочу я тарилочку
Хоть по барвиночку,
Прыйды, прыйды, мій мыленькый,
Хоть у недилочку.
Якъ не прыйдешъ у недилю
Прыйды въ понедилокъ,
Якъ зацвите рута мята
Хрещатый барвинокъ.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина У. Выборной).

21.

Прыйды, прыйды, мій мыленькый,
Сю ничъ ночуваты,
Хоть лавочкы узесенькы,—
Буду прымощаты.
Качалочкы въ головочкы,
А рубель у бокы,
Соломкою прытрусыла
Кочергою вкрыла.

(въ 90 г. отъ Ул. Кучеренковой с. Мгаря).

22.

Вары, маты, вечеряты,
А я ляжу спаты;
Кому мыла, кому люба,
То прыйде до хаты.
Вары, маты, вечеряты
Гречани галушкы.
Кому мыла, кому люба,
Прыйде на подушкы.

(въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, Евфросиньи Глушковой).

23.

Якъ нарнуло воды зъ моря
Весь день не спадае,
Тяжко, важко на серденьку,
Якъ вечиръ настае.

(въ 94 г. отъ воз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой).

24.

Коло хаты все загаты
Кудрявои мяты.
Нема мого мыленького—
Не пиду гуляты.

(въ 90 г. отъ К. Даценковой с. Ольшанки).

25

Зайды, зайды, зирочко,
Зайды свитова.
Уси хлопци на юлыци
А мого нема.
Болыть больно головонька
Ничимъ завьязать.
Далеко я одъ мылого
Никимъ наказать.
Завьяжу головоньку
Шовковымъ платкомъ,
Накажу мыленькому
Хочъ риднымъ браткомъ.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Настасьи Дорошенковой 18 л.).

26.

Ой у лиси на ориси
Сорока завысла,
Бодай тоби, дивчынонько,
Вечеря искысла.
Нехай кысне, перекысне,
Я не буду йисты,
Нема мого мыленького
Ни съ кимъ мени систы.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ).

27.

Уси куры до купочкы,
Пивень на порози,
Уси хлопци на юлыци,
А мій у дорози.
Нема мого мыленького
Въ дорози горюе,
Нема квиткы рожевои
Десь маляръ малюе.
Измалюе маляръ квитку
Зъ червоного шовку,
Хыба прыйде, прымандруе
Изъ города съ полку.
Якъ змалюе маляръ квитку
Тай усимъ покаже,
А якъ прыйде мій мыленькый,
Правдоньку роскаже.

(въ 95 г. въ с. Н. Булатцѣ отъ Барановой).

28.

Ой немае въ саду квиткы
Десь маляръ малюе,
Нема мого мыленького
Хиба прымандруе.
Измалюе маляръ квитку
Съ червоного шовку,
Прымандруе мій мыленькый
Зъ Лубеньского полку.

(въ 88 г. отъ В. Иваненковой с. Литвяковъ).

29.

Зійшовъ мисяць, зійшовъ мисяць,
Тай обгородывся.
Уси хлопци на юлыци,
А мій исказывся.

(въ 93 г. отъ кр. с. Мгаря Ул. Кучерявенковой 19 л.).

30.

Уси куры на сидали,
Пивень на остришку,
Уси хлопци на юлыци,
А мій пасе кишку.

(въ 94 г. отъ Ул. Матвіенковой с. Волчка).

31.

Уси куры на сидали
Пивень на порози.
Уси хлопци на юлыци,
А мій у дорози.
Чы винъ шые, чы винъ крае,
Чы дома немае,
Чы съ тыхого Дунаечка
Коня напувае.

(въ 90 г. отъ Н. Самохваловой д. Шекъ).

32.

А шожъ мени за полова
Шо зерна не мае?
А шо мени зъ чужихъ хлопцивъ,
Якъ мого немае?
Уси куры на сидали,
Пивень на порози,
А шо мени зъ чужихъ хлопцивъ,
Якъ мій у дорози?

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 13 л.).

33.

На що мени та полова,
Що зерна не мае?
На що мени чужи хлопци,
Якъ мого немае?
Я полову прогортаю
Зернышка шукаю,
Съ чужимъ хлопцемъ не сидаю,
Свого дожыдаю.

(въ 89 г. отъ С. Шудриковой м. Снѣтина).

34.

Злетивъ пивень на ворота
Крычыть, кудкудаче,
Ой дывыся, козаченьку,
Якъ Маруся плаче.
Уси куры на сидали,
Пивень на порози,
Уси хлопци на юлыци,
А мій у дорози.
Злетивъ пивень на ворота
Крычыть кукурику.
Уже-жъ тоби, Марусенько,
Не бачыть до вику.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

35.

Витеръ віе, сонце гріе
Калыну ламае,
Уси хлопци на улыци,
А мого немае.
Витеръ віе, сонце гріе
Калыну колыше.
Хай твоему бисъ батькови
Мій первый женыше.

(въ 1888 г. отъ кр. с. Литвяковъ Варвары Иваненковой 15 л.).

36.

Ты, улыця безумныця,
Хто по тоби ходыть?
Шо хлопчычокъ дивчыноньку
За рученьку водыть.
Водывъ, водывъ за рученьку
Тай пишовъ за Десну,
Оставайся дивчыноньку
На другую весну.

Колысь було густо, густо
Теперъ стало пусто.
Хто по ровахъ валялыся,
То тіи намъ зосталыся.

(въ 95 г. отъ кр. д. Загребелья Настасьи Пшеничной 16 л.).

37.

Ой, улыця роспутныця!
Якъ на тоби пусто.
Чомъ не мае, якъ бувало
Челядонькы густо?
Була челядь, була челядь,
Та вся замижъ пишла.
Осталася найменьшая,—
На юлыцю выйшла.

(въ 95 г. отъ кр. с. Литвяковъ Маріи Кунаковой 16 л.).

38.

Ой выйду я за ворота
Нема мого злота,
Тилькы стоить та нескреба,
Що мени не треба.
Ой выйду я за ворота
Не бере й охота
Десь моему мыленькому
Негайна робота.
А хоть гайна, хоть негайна,
То винъ не гуляе
И съ тыхого Дунаечка
Коня напувае.
А кинь ирже, воды не пье
Дороженьку чуе,
Десь мій мылый, чорнобрывый
Зъ иншою ночуе.

(въ 89 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

39.

Якъ я свого мыленького
У Крымъ выряжала
Взяла ёму зузуленьку
Тай подарувала.
Нехай тоби зозуленька—
Мени соловейко.
Нехай тоби тамъ легенько,
Мени веселенько.
Нехай тоби зозуленька,
Щобъ рано кувала,
Нехай мени соловейко,
Щобъ я не скучала.

(въ 90 г. отъ кр. с. Ольшанки Ксеніи Даценковой 18 л.).

У Чуб. (т. 3, № 96, стр. 118), какъ вставка въ другую пѣсню и одинъ средній куплетъ похожъ нѣсколько.

Послѣдній куплетъ въ Снѣтинѣ поютъ такъ:

Тоби буде зозуленька
Раненько куваты,
Мени буде соловейко
Правдоньку казаты.

(отъ У. Выборной).

40.

По за селомъ, по за селомъ
Повезено сино,
А десь мое серденятко
Вечеряты сило?
Ой вечеряй, серденятко,
Та беры по трошку,
Та подавай голосочокъ
Въ вышневый садочокъ.
Ты думаешъ, дивчынонько,
Шо въ степу ночую?
А я твои голосочкы
Що вечора чую.
А якъ бы я, козаченьку,
Твій голосъ зачула,

Вылитала бъ зъ виконечка
Якъ сыва зозуля.
Хоть зозуля—не зозуля,
А хоть соловейко.

Послѣднія шесть строчекъ такія же, какъ и въ предыдущей пѣснѣ.

(записана въ 95 г. отъ кр. с. Воронинецъ Лизаветы Скибиной).

41.

Весна, весна, що день красна,
Зо стрихъ вода капле.
Уже жъ нашимъ парубьятамъ
Мандривочка пахне.
Якъ мандрувавъ, шапку изнявъ
Нызенько вклонывся,
Молы Бога, дивчынонько,
Щобъ я й не барывся.
Молы Бога, дивчынонько,
Щобъ прыйшовъ зъ дорогы,
Куплю тоби черевычкы
На биліи ногы.
Молы Бога, дивчынонько,
Щобъ прыйшовъ изъ війска,
Буде тоби изъ осены
Роспущена киска.

(въ 93 г. отъ кр. х. Гребищъ Д. Гавриленковой 23 л.).

42.

Нема въ мене намысточка
Тилькы дынъ разочокъ,
Десь мій мылый, чорнобрывый
Такъ якъ образочокъ.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

43.

Торохъ, торохъ, сію горохъ,
Вродыла чебрыця.
Чы бачыла, подружыно,
Мого чорнобрывця?
Чы бачыла, не бачыла
Не далеко, блызько,—
Якъ побачышъ подружыно—
Поклоныся нызько.

(въ 93 г. отъ М. Этноровичъ 19 л. с. Волчка).

44.

Ой, пустіи огороды
Капуста не родыть,
За вражимы ворогамы
Мій мылый не ходыть.
Якъ будемо городыты
Той буде родыты,
Якъ забере бисъ ворогивъ
То буде ходыты.

(въ 88 г. отъ кр. У. Выборной м. Снѣтина).

45.

Якъ бы я на той куточокъ
Дороженьку знала,
Я бъ своему мыленькому
Гостынчыкъ послала.
Невелыкый той гостынчыкъ:
Чотыри оришка,—
Якъ немае пары коней,
Прыйды, серце, пишкы.

(въ 88 г. отъ кр. У. Выборной м. Снѣтина).

46.

Якъ вырву я для утишки
Чотыри оришкы,
Якъ немае пары коней,
То прыйды хоть пишкы.
Якъ прыйду я до риченькы
Нема перевозу,
А хто мене вирно любыть
Бреде черезъ воду.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

47.

Передамъ я мыленькому
Чотыри оришка,
Якъ не маешъ пары коней
Прыйды, серце, пишкы.
Якъ не маешъ пары коней
Щей пары жупанивъ,
Той не шлыся до чорнихъ бривъ
До шытихъ рукавивъ.
—Шыти били рукавчята
И въ полахъ мережка,
А щобъ же ты не бачыла
Ни свита, ни стежкы!

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Горпины Джигиль).

48.

Зачыняйте батькы хвиртки
Ворота съ тынамы,
Хай вашому чортъ батькови
Зъ вашимы сынамы.
У васъ сынкы якъ пидсвынкы
Лежять зъ матерямы,
А мы выйдемъ на юлыцю
Гуляемо сами.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

Въ вар. с. Хитцовъ первыя двѣ строчки такъ:

Забывайте жинкы клынкы
Ворота клынамы.

Затѣмъ въ концѣ прибавляютъ:

Наши дочкы якъ зирочкы
Гулять до пивночкы.

(отъ Е. Глушковой).

49.

Ой, казалы загоряне
Що прыйдемъ зарани,
Уже вечоръ вечоряе,—
Загорянъ немае.
Ой тимъ же ихъ та немае,
Жывуть за водамы,
Якъ настане темній вечиръ
Плывуть селезнямы.
Плывы, плывы селезныку
Не вдарься крыльцамы,
Прыйды, прыйды, мій мыленькый,
Не самъ, зъ молодцямы.

(въ 90 г. отъ У. Кучерявенковой с. Мгаря).

50.

Мисяць ясный, мисяць ясный!
Не свиты никому,
Та засвиты мыленькому
Якъ иде до дому.
Та засвиты мыленькому
Восковую свичку,
Якъ брестыме мій мыленькый
Черезъ быстру ричку.

(въ 88 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Настоящая веснянка значительно разнится отъ всѣхъ вар.: 1) въ „Вжинѣ ридного поля" Гатцука. Москва, 1857 г., стр. 146 и 147; 2) у Коцип. въ сб. „Писни, думкы и шумкы", стр. 70; 3) въ Малор. лит. сб. Мордовцева, подъ №№ 109—111, стр. 289, изд. 1859 г. и 4) въ Истор. сб. Драг. и Ант. т. 1, стр. 76.

51.

Идуть, идуть парубьята,
Якъ сыняя хмара,
Попереду мій мыленькый,—
А я й не пизнала!

Не пизнала по станочку,
Якъ по голосочку.
Попереду мылый иде
Гра на сопилочку.
Сопилочка якъ стрилочка
Орихове денце,
Я жъ думала чужый иде,
А жъ то мое серце.

(въ 88 г. отъ кр. с. Снѣтина Катерины Ивахненковой).

52.

По за селомъ, по за селомъ,
По за слобидкою,
Ой чуть мого мыленького,
Що йде зъ сопилкою.
Кленовая сопилочка,
Орихове денце,
Я жъ думаю чужый иде,
Ажъ то мое серце.
Я жъ думала чужый иде,
Та стала тикаты,
Ажъ то мое серденятко,
Треба пидождаты.

(въ 88 г. отъ В. Иваненковой с. Литвяковъ).

Въ Сбор. этн. эксп. Чуб. (т. 5, № 124, стр. 56) и въ Зап. о Южн. Рус. Кулиша (т. 2, стр. 241) есть вар., мало похожій.

Вар. I. Въ с. Волчкѣ вмѣсто 7 и 8 строчекъ поютъ такъ:

Якъ заграе мій мыленькый
Болыть мое серце.

(въ 95 г. отъ Н. Шевченковой).

Вар. II. Въ м. Лукомьи 3 и 4 строчки такъ:

Туды мое серденятко
Пишло зъ сопилкою.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

Вар. III. Послѣднія 4 стр. въ с. Пескахъ такъ:

Я жъ думала чужый иде
Та стала ховатьця,
Ажъ то мое серденятко,
Треба прызнаватьця.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

53.

Торохъ, торохъ, сію горохъ.
Горошку по трошку
Утопталы та горяне
На подилъ дорожку.
Не такъ воны утопталы,
Якъ киньмы убылы,
Хотять воны препогани,
Шобъ мы йихъ любылы.
Шо Маруся не полюбыть,
Евдошка не ваша,
А Парася одказалась,—
Неправдонька ваша!

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 12 л.).

54.

Ой не ходы Сабадашу [1])
На улыцю нашу,
Черезъ тебе, Сабадашу,
Прыпалыла кашу.
Каша прила не доприла,
А хлибъ не допеченъ,
Ой той мени не женышокъ,
Що на одынъ вечиръ.
Ой то мени хлибъ допеченъ,
Що высоко сходыть,
Ой то мени женышенько,
Що тры годы ходыть.

(въ 89 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

[1]) Вар. въ Нывѣ. Одесскомъ сборникѣ 1885 года № 12, стр. 184, вмѣсто Сабадашъ—Барабашъ.

55.

Наварыла вареничкивъ
Не съ солонимъ сыромъ;
Хай твоему чортъ батькови
И съ хорошимъ сыномъ!

Намастыла вареничкивъ
Не съ солонимъ масломъ,
Хай твоему чортъ батькови
И съ твоимъ багатствомъ.

(въ 90 г. отъ У. Кучерявенковой с. Мгаря).

56.

Ой, выйду я за ворота
Гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедонька
На тыхимъ Дунаю.
Що билая лебедонька
Воду сколотыла,

Молодая дивчынонька
Жалю наробыла.
Изродыла удивонька
Хорошого сына
Та на мою головоньку,
Щобъ я полюбыла.

(въ 89 г. отъ Секлеты Шудриковой м. Снѣтина 17 л.).

57.

И то гора, и се гора,
А я межъ горамы,
Нигде мени погуляты
Тай за ворогамы.
Нигде мени постояты
Пидъ похыльнымъ тыномъ,

Нигде мени погуляты
За вдовынымъ сыномъ.
Щой у вдовы сынъ хорошый,
А хозяйскій кращый,
А якъ выйде на улыцю
Такъ якъ мисяць ясный.

(въ 88 г. отъ кр. м. Снѣтина Ул. Выборной).

58.

Оришына, черемшына
Чому не зиходышъ?
Молодая дивчынонько!
Чому не выходышъ?
Ой якъ мени выходыты
За высокимъ тыномъ?

Ой якъ мени выходыты
За удовы сыномъ?
Щой удовый сынъ хорошый,
А отецькый кращый,
А якъ выйде на улыцю
Такъ якъ мисяць ясный!

(въ 95 г. въ с. Низшемъ Булатцѣ отъ Барановой).

59.

Ой у саду вышня
Пидъ садомъ черешня
Не любыте дивчаточки
Дворового лежня.

Що дворовый лежень
Не хоче робыты
Тилькы спаты, та гуляты
Та горилку пыты.

(въ 90 г. отъ Ксеніи Даценковой с. Ольшанки).

60.

Коло млына калына,
Не калына—вышня.
Не для тебе, вражый сыну,
На юлыцю вийшла.

Коло млына калына,
Не калына—сосна,
Не для тебе, вражый сыну,
Я въ батенька зросла.

Шо у мого та батенька
Крамомъ крамуваты.
Досталося ледачому
Рукы потыраты.
Ой, потырай, вражый сыну,
Колы довелося!
Колы мое биле тило
Зъ твоимъ понялося.

(въ 95 г. отъ дв. Вас. Шульгиной, урожд. Бубликовой, изъ с. Денисовки).

61.

Ой жаль, мате, вечирочка
Не гуляла вчора.
Изминывся голосочокъ
Щей тыхая мова.
Голосочокъ у лисочокъ
Тыха мова ризно.
Не лай мене, моя маты,
Що я хожу пизно.
Що я хожу, я гуляю,
Добрый розумъ маю
Що я тому ледачому
Виры не доймаю.
Ледачый сынъ, ледачый сынъ,
Ледачого батька.
Тилькы его закрасыла
Сывенькая шапка.
Ледачый сынъ, ледачый сынъ
Ледачои ненькы.
Тилькы его закрасылы
Бривонькы чорненькы.

(отъ кр. д. Мгаря Улиты Кучерявенковой).

Вар. I. Въ х. Гребищахъ прибавляютъ еще куплетъ:

Ледачый сынъ, ледачый сынъ,
Ледачого роду.
—Пишовъ бы я утопывся—
Запоганю воду.

(отъ Д. Гавриленковой).

Въ сб. Лысенка Укр. писньи. Кіевъ, стр. 41, нѣсколько измѣненныхъ три куплета и послѣднихъ двухъ нѣтъ.

Вар. II. Въ с. Пескахъ начинаютъ такъ:

Ой, хмарытця, туманыця,
На велыку тучу,
Не лай мене, моя маты,
Я вамъ не докучу.
Шо я хожу, я гуляю и т. д.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

Вар. III. Въ м. Оржицѣ послѣ трехъ куплетовъ, какъ въ 1-мъ вар., заканчиваютъ пѣсню слѣдующимъ четвертымъ:

Не діймала, не діймала,
Не буду дійматы,
Нехай его ридъ не дижде
Щей старая маты.

(въ 95 г. отъ коз. Мареы Татусевой 19 л.).

62.

Запалю я куль соломы
Не горыть, палае,
За що мене моя маты
За женыха лае?
Не лай мене, моя маты,
Николы, ни за що.
Полюбыла чорзна кого
Велыке ледаще.
Що робыты?—Не прыбыты,
А жать не нагнетця,
А якъ выйде на юлыцю
Зъ челяди сміетця.
Та не смійся ты, ледащо,
Не смійся, бездиля!

Не побыла суботонька,
Такъ побье недиля!

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Пр. Кириленковой).

63.

Запалю я куль соломы,
Солома палае.
Бижы, бижы, козаченьку,
Дивчына вмирае.
—Ты думаешъ, козаченьку,
Що я й умираю,
А я съ тебе, молодого,
Ума вывиряю.
Бодай тебе вывиряла
Лыхая 'годына!
Було лычко якъ яблучко,—
Стало якъ ожына.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

64.

Надъ моею хатыною
Сыня хмара стала,
А на мене, молоденьку,
Поговиръ та слава.
Була слава, була слава,
Сталы й поговоры
Та на тую дивчыноньку,
Шо чорніи бровы.
Була слава, була слава
Сталы й поговиркы,
Та на тую дивчыноньку
Шо чорніи бривкы.
Шо я тую сыню хмару
Рукавомъ розмаю
Перебула той поговиръ,—
Перебуду й славу.

(въ 95 г. отъ кр. с. Воронинецъ Лазорской вол. Лизаветы Скибиной).

Вар. I. Въ д. Гребищахъ послѣднія двѣ строчки такъ:

А своему мыленькому
У прыгоди стану.

(въ 93 г. отъ Д. Гавриленковой).

Вар. II. Въ м. Лукомьи послѣдній куплетъ поютъ такъ:

Я за славу сама стану,
Тай одговорюся.
Перебуду сей поговиръ,
Славы й не боюся.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

65.

Сюды гора, туды гора,
А я межъ горамы,
Нельзя мени на юлыцю
Тай за ворогамы.
Вороженькы ворогуйте
А вы, люде, знайте,
А вы хлопци зъ дивчатамы
До свита гуляйте.
Вороженькы ворогуйте,
А вы, люде, чуйте,
А вы хлопци зъ дивчатамы
До свита ночуйте.

(въ 94 г. отъ М. Павлищенковой х. Пышнаго).

66.

На тимъ кути на юлыци
Не колода прысба.
Нехай прыйде, нехай сяде
Козаченькивъ трыста.
На тимъ кути, на юлыци
Не колода—сволокъ,
Нехай прыйде, нехай сяде
Козаченькивъ сорокъ.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

67.

На тимъ кути на юлыци
Тай на переюлку
Роскурыла козакови
Дивчынонька люльку.
За люлечку копіечку
А за тютюнъ гроши,
Куры, куры, мій чорнявый,
Правдывый, хорошый.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

У Чуб. (т. 3, № 31, стр. 133) второй куплетъ тождественный.

68.

На тимъ кути, на юлыци
Груша не зелена,
Ой тимъ вона не зелена,
Що челядь мерзена.
А на нашій на юлыци
Верба зелененька,
Ой тимъ вона зелененька,
Що челядь гарненька.

(въ 90 г. отъ Н. Самохваловой д. Шекъ).

69.

На юлыци дви палыци,
А третя ломака,
Одна дочка у Ивана
Тай та полежака.
Що робыты? Не прыбыты,
А жать не нагнеться,
А якъ выйде на улыцю
Съ челяди сміется.
Не смійсь, не смійсь, та дивчыно!
Чортова ледащо.
Перевела намъ улыцю
Не знаемо за що.

(въ 92 г. отъ кр. Ульяны Лысенковой урожд. Матвіенковой изъ д. Гребищъ).

70.

На тимъ кути на юлыци
Не парубкы—хлопци
Закувалы дивчыноньку
Въ дубовій колодци.
Сыды, сыды, дивчынонько,
Ни въ день, ни въ годыну,
Покы прыйде козаченько
Возьме за дружыну.
Беры, беры, козаченьку,
Бычкы та телычкы
Купы своій дивчыноньци
Жовти черевычкы.
Беры, беры козаченьку
Волы та коровы,
Та вызволы дивчыноньку
Зъ тяжкои неволи.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

71.

Що на нашій на улыци
Дивкы чаривныци,
Закопалы горщокъ каши
Посередъ улыци.
Горщокъ каши, горщокъ каши
Щей рака жывого,
Щобъ на нашій на улыци
Ни духа жывого.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Ул. Выборной 24 л.).

72.

На тимъ кутку въ Горнанивци
Дивкы чаривныци,
Закопалы горщокъ каши
Посередъ улыци.
Горщокъ каши, горщокъ каши
Горщокъ смородыны,

Бодай же вы, сучи дочкы,
Зъ ума посходылы!
А котора закопала,
Щобъ трясця напала,
А котора наварыла,
Шобъ не говорыла.

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 13 л.).

73.

На тимъ кути на юлыци
Кобыла блудыла,
Тамъ дивчына нетёпуха
Запаску сгубыла.
Нетёпуха, недряпуха,—
Нерублени полы,—
Тимъ же іи хлопци люблять,
Що чорніи бровы.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

74.

По тимъ боци на толоци
Кобыла блудыла,
Ой тамъ наша дивчынонька
Запаску сгубыла.
Скыдайтеся парубьята
Та по золотому,
Та купымо дивчynоньцы
Запаску червону.

въ 93 г. отъ кр. х. Пышнаго Мароы Павлищенковой 18 л.).

75.

Ой на гори два крамари [1])
Копають крыныцю.
Оддай, оддай, та Иване,
Свою одыныцю.
Ой на гори два крамари
Копають глыбоку,
Оддай, оддай, та Иване,
Свою заволоку.

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Агриппины Джигиль).

76.

Ой на гори два крамари
Копалы крыныцю,
Оддай, оддай, стара маты,
Свою одыныцю.
Нехай въ тіи крыныченькы
Вода прыбувае,
Нехай моя одыныця
Хочъ зъ годъ погуляе.
Нехай въ тіи крыныченькы
Водыця вщербытця,
Нехай моя одыныця
Робыты навчытця.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ).

77.

Выхвалялась дивчынонька,
Шо поясъ ягнячій,
А якъ выйде на юлыцю,
То поглядъ собачый.

(въ 95 г. отъ кр. д. Загребелья Н. Пшеничной).

78.

Берить одъ насъ, пидгоряне,
Коробочку клоччя,
А намъ дайте передайте
Чорнявого хлопця.

(въ 88 г. отъ кр. В. Иваненковой с. Литвяковъ).

Въ пѣсняхъ съ № 78—83 упоминаются кутки разныхъ селъ.

---

[1]) Вѣроятно грабари.

79.

Ой нате вамъ, кодачане,
Тры трясци въ запасци,
А четверте въ жывитъ лыхо,
Щобъ сыдилы тыхо.

(въ 90 г. отъ кр. Агриппины Джигиль 17 л. с. Хорошковъ).

80.

Ой нате вамъ, кодачане,
Мысочку узвару,
А намъ дайте, передайте
Чортову роззяву.

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Агр. Джигиль).

81.

Ой нате вамъ, западынци,
Пшенышную булку,
А намъ дайте, передайте
Кузьмышыну дурку.

(въ 94 г. отъ Е. Глушковой с. Хитцовъ).

82.

Та на нашiй тай улыци
Та на нашiй ривнiй
Выгравалы наши хлопци
Вороными киньми
Выгравалы, выгравалы
Та выбылы яму,
Поставылы дивчыноньку
До горы ногамы
Постiй же ты, дивчынонько,
И день, и годыну
Покы прыйде козаченько
Возьме за дружину.

(въ 94 г. отъ Пр. Кириленковой с. Тишковъ).

83

Задумалы та рудчане
Ровы покопалы,
Поставылы пидгорянъ
До горы ногамы.
Ой стiйте вы, пидгоряне,
До горы ногамы,
Покы прiйдуть ваши хлопци
Съ чорными бровами.

(въ 93 г. отъ мѣщ. с. Литвяковъ Вар. Кузнецовой).

84.

Задумалы та снитынци
Городъ городыты,
Щобъ никуды лытьвякивцямъ
Гуляты ходыты.
Не поможе, мылый Боже,
Ваша загорожа.
Идуть, идуть лытьвякивци,
Якъ повная рожа!
Идуть, идуть лытьвякивци,
Якъ макъ процвитають,
А нашiи та снитынци,
Якъ золото сяють!

(въ 1888 г. отъ кр. м. Снѣтина Ульяны Выборной 24 л.).

85.

Снитынъ городъ, Снитынъ городъ,
Лохвыця—станыця!
Якъ не возьму, кого люблю,
Не буду й женытця.

(въ 92 г. отъ Матрены Мыциковой с. Хорошковъ).

86.

Выдно Хытци, выдно Хытци,
Щей хытцяньску баню,
Тоди мени полегшае,
Якъ я туды гляну.

(въ 94 г. отъ Евфросиніи Глушковой с. Хитцовъ).

87.

Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
И снитыньски вербы,
Туды мою головоньку
Що вечора верне.
Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
Щей снитыньску грушу,
Туды мою що вечора
Порывае душу.
Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
Щей снитыньскы хресты.
Туды мени мыленькому
Вечеряты несты.
Якъ понесла вечеряты
Та забула ложкы,
Сидай, мылый, на коныка
Та йидь до ворожкы.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Сениты Глушковой).

88.

Выдно Луку, выдно Луку
Щей лучаньски хресты,
Туды мени мыленькому
Вечеряты несты.
Якъ понесу вечеряты,
Тай тамъ заночую,
А я тоби подружечко
Женыха дарую.
Брешешъ, брешешъ, подружечко,
Якъ ты подаруешъ,
Що ты его вирно любышъ
И зъ нымъ помандруешъ.
Не багато мандрувала
Тилькы одну ничку,
Заробыла копу грошей,
Щей червону стричку.
А я тую та стричечку
У будень зносыла,
А за тую копу грошей
Щей кращу купыла.

(въ 88 г. отъ кр. м. Снѣтина У. Выборной).

89.

По садочку нызько хожу,
Барвиночекъ сажу,
Шо я въ тебе, моя маты,
Не жонатый хожу.
Порисъ, порисъ барвиночокъ
На яръ похылывся,
Щаслывою годыною
Козакъ уродився.
Шо подума, погадае,
Той Богъ помогае
Черезъ тую дивчыноньку,
Шо свататы мае.

(въ 94 г. отъ Е. Глушковой д. Хитцовъ).

90.

Черезъ гору та въ контору
Орелъ воду носыть.
Якъ тамъ маты свого сына
Вечеряты просыть.
Ой, вечеряй, моя маты,
Колы наварыла,
А я пиду на той кутокъ
Де дивчына мыла.
Ой, вечеряй, моя маты,
Гречаны галушкы,

А я пиду на той кутокъ
На били подушки
Ой, вечеряй, моя маты,
Сухы сухарыны,
А я пиду до дивчыны
На били перыны.

(въ 95 г. отъ Н. Шевченковой с. Волчка).

У Чуб. (т. 5, №№ 811, 814—417, 422 стр.) два первые куплета какъ вставки въ совсѣмъ другія пѣсни.

91.

Ой пшеныця, кошаныця
Товарови паша.
Сватай мене козаченько
Пущай буду ваша.
Хочь ты сватай, хочь не сватай,
Хочь такъ прысылайся,
Щобъ та слава не пропала,
Що ты женыхався.
— Женыхався не сміявся
Сміятся не буду.
Цилувався, мылувався
Тай до вику буду.

(въ 95 г. отъ коз. Ксеніи Крятовой 19 л. с. Юсковецъ, Черевковской вол.).

92.

Лугомъ иду, голосъ веду,
Розвывайся, луже!
Сватай мене, козаченьку,
Люблю тебе дуже!
А хочь сватай, хочь не сватай,
Абы прысылався,
Абы слава не пропала,
Що ты женыхався.
Женыхався не сміявся,
Думавъ йии браты
И старостивъ посылаты, —
Не отдала маты.

(въ 92 г. отъ Ул. Кучерявенковой с. Мгаря).

Въ збірн. Лысенка Спет. 1868 г. № 30, стр. 64 2 первые куплета такіе же.

93.

Ой плавалы утенята
По той бичокъ ставу [1]),
Сватай мене, козаченько,
Не вводь мене въ славу!
—Що ты сама, дивчынонько,
По славонци ходышъ,
Що пизненько—не раненько
По улыци ходышъ.
Ой якъ мени, козаченько,
Раненько ходыты?
Ты самъ сыдышъ, мене держышъ
Велышъ говорыты.
—Не потурай, дивчынонько,
Моій розмовоньци,
Держы розумъ щей умъ добрый
Въ своій головоньци.
Ой держала розумъ добрый
Та впустыла въ воду,
Не вповала на худобу,
Якъ на твою вроду.
А ни вроды, ни породы,
Ни третьёго зросту,
Доведетця топытыся
Зъ высокого мосту.

(въ 93 г. отъ кр. х. Пышнаго М. Павлищенковой).

[1]) Иногда и такъ: Та поперекъ ставу.

94.

Половына саду цвите,
Половына вьяне,—
Колысь було вирно любыть,
А теперъ не гляне.

(въ 90 г. отъ Нат. Глушковой м. Снѣтина).

95.

Не бый мене, безбатченко,
На святу недилю,
Бо я тоби, безбатченко,
Ничого не вдію.
Побый мене, безбатченку,
У той понедилокъ,
Якъ пороcте межъ косамы
Хрещатый барвинокъ.
Хочъ барвинокъ, не барвинокъ
Такъ червона рожа,
Хочъ якому козакови,
Я дивчына гожа!

(въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины Ул. Бондаренковой).

96.

Пидийду я пидъ яблуньку,
А лыстъ опадае,
Жалуй мене, подружечко,
Женыхъ покыдае.
-- Не журыся, подружечко,—
Рута зелененька,—
Сей покыне, другый буде
Щей ты молоденька.
Сей покыне—другый буде,
Щей отъ сего кращый,
А сей буде у болоти
Межъ чортамы старшый.

(въ 90 г. отъ Ул. Бондаренковой х. Яновщины).

Въ с. Пескахъ прибавляютъ еще куплетъ:

Та сей буде у лавоци
Крамомъ крамуваты,
А той буде у болоти,
А тихъ паруваты.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

Въ Збірн. Лысенка. Спет. 68 г. № пѣсни 30, стр. 64, 8 и 9 куплеты такіе же, какъ два послѣдніе перваго варіанта.

97.

Колы ходышъ у ворота
Накыдай каблучку,
Якъ не хочешъ мене любыть,
Любы мою сучку.
Въ мене сучка рябушечка
Та не твого хорта,
Есть у мене женышына,—
Та не тебе чорта!

(въ 91 г. отъ В. Кузнецовой с. Литвяковъ).

У Чуб. (т. 3, стр. 161) подробнѣе и не такъ связна.

Вар. Въ м. Лукомьи вмѣсто 5 и 6 стр. такъ:

Въ мене сучка рябесенька,
Краще твого хорта и т. д.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

98.

Бижыть вода лотокамы,
Нельзя іи пыты,
Сыдыть руда зъ моимъ мылымъ,
Нельзя іи быты.
А я воду проколочу,
Чыстои напьюся,
Такы руду одчарую,
Зъ мылымъ нажывуся.

(въ 95 г. отъ дворянки Василисы Шульгиной, урожд. козачки Бубликовой с. Денисовки).

99.

Беру воду коло броду
На каминь хилюся,
Нихто мене, братця, не зна
За кимъ я журюся.

Беру воду коло броду
Коромысло гнеться,
Нихто мене, братци, не зна
За кимъ серце бьетця.

(въ 91 г. отъ кр. д. Шекъ Надежды Самохваловой).

Вар. Въ с. Хорошкахъ 1-й куплетъ такъ:

Коло броду беру воду
На каминь ступаю,
Нихто того, братци, не зна
За кимъ я скучаю.

100.

Сыдыть голубъ на берéзи
Голубка на вышни,
Скажы, скажы, мій мыленькій,
Шо въ тебе на мысли.
Шо ты клявся, ты божывся:
Любытыму душу,

Теперъ мене покыдаешъ,—
Я плакаты мушу!
Скрыплять нови воритечка
Треба ихъ заперты.
Кого любывъ—любытыму
До самои смерты.

(въ 95 г. отъ кр. с. Юсковецъ Катерины Шелудьковой 15 л.).

101.

Шо ты жывешъ за горою,
А я за другою,
Чы журыся ты за мною
Якъ я за тобою?
Журюсь, журюсь, козаченько,
Якъ сыва голубка,

Бисы твого батька знають,
Яка въ тебе думка?
Шо у тебе така думка
Колыбъ зазнаваться,
А у мене така думка
Колыбъ повинчаться.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

102.

Зійшла зирка спидъ вечирка
Тай впала до долу,
А хто мене, молодую,
Одведе до дому?

Проведе тебе, дивчыно,
Довгая лозына,
А щобъ знала съ кимъ стояла
Речи розмовляла.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

103.

Чогось вода руда стала,
Хвыля сколотыла
Чогось дивка не весела,
Лыбонь маты была?

А хоть была, хоть не была—
Не на лыхо вчыла,
А щобъ знала съ кимъ стояла,
А що говорыла.

(въ 95 г. отъ коз. Христины Марченковой 17 л. с. Михновецъ Нижебулатицк. вол.).

104.

Зійшла зирка вечирняя
Зійде й свитовая.

Выйшла одна подруженька
Выйде щей другая.

Зійдемося подружечкы
Тай поговорымо,
Заспиваймо по писеньци
Додому ходымо.
Заспивалы по писеньци
Трёма голосамы,
Пишлы наши голосочкы
По пидъ небесамы.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

Петривки.

1.

Малая ничка петривочка,
Та не выспалась наша дивочка.
Усю ничъ не спала, биль сукала.
По гори ходыла, биль билыла (2).
Та до теи бели говорыла:
Ой, беле жъ моя, тонесенькая!
Кому ты будешъ вирнесенька?
А чы тому пану, що въ жупану?
Чы тому хлопку, що на коныку?
А чи тій нетязи, що въ сермязи?

(отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой).

Вар. I. Послѣ:

Беле моя! била, тонесенька.
За кого жъ я пиду молодесенька?
А чы за старого, а чы за малого,
А чы за хлопійка молодого?

(отъ кр. х. Яновщины Василисы Конычки).

Вар. II. Послѣ словъ:

Ой, беле жъ моя, тонесенька!
Тай колы ты будешъ билесенька?
Тоди я буду билесенька,
Якъ на неби хмарка сынесенька,
Тоди я буду найбилійша,
Якъ на неби хмарка найсынійша.

(отъ кр. с. Литвяковъ И. Недилькиной).

Вар. III. Послѣ:

Якъ на неби хмарка та сынесенька,
Якъ у саду травка зеленесенька.
Чы я тебе, биле, не билыла?
Чы я тебе, биле, не золыла?
Я надъ тобою, биле, изныдыла
И всю петривочку просыдила,
А я тебе, биле, шануватыму
На велыкый празныкъ надиватыму.

(отъ кр. с. Вильшанки Т. Гайдаевой).

Вар. IV. Послѣ:

На Дунай ходыла, биль носыла
До тіи бели говорыла:
Биль моя! тонка, била,
Якъ я тебе, беле, шовкомъ [1]) потчу,
За мылого замижъ пиду—
Въ будень зношу.
Якъ за нелюба—шанувать буду
Выйму да подывлюсь
Да слёзамы обильюсь.

(отъ кр. х. Тернавщины С. Латенковой).

Вар. V. Послѣ:

И до тебе, бель, говорыла:
Биле жъ моя, биле! тонка, била
И чого ты, биле, почорнила?
А я за тобою молодая изныдыла

[1]) Или: черним потчу.

Усю петривочку просыдила.
Якъ пиду я замижъ за нелюба
То я съ тебе, биле, плахту вытчу.
А я тую плахту шануватыму
На риздво й на велыкдень надиватыму.
Исъ припечка горшкы выйматыму
Грывкамы лавкы стыратыму.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорецъ Меланіи Остапенковой).

Вар. VI. Послѣ:

Тоди я буду билесенька,
Якъ пидешъ ты замижъ, молодесенька,
Шо я тебе, беле, шануватыму
На велыкый празныкъ надиватыму (2)
Прыпичкы й лавкы стыратыму.

(отъ кр. с. Рудки А. Сокиркиной).

Вар. VII. Вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ, такъ:

И въ свекрухы горшкы вытягатыму
Та лавкы стыратыму.

(отъ коз. Анны Богиничевой с. Губскаго Тарандинцовской вол.).

Малая ничка петривочка,
Та кыче зовычку невисточка:
Иды, зовыце, иды сестрыце,
Та до мене ночуваты.
Боюсь, невисточко, боюсь молода,
Шобъ ты мене не зрадыла
Моеи русои кисочкы не збавыла.
—Не бійся, зовычко, не бійся, сестрычко,
У мене замочкы турецькіи,
А защипочкы нимецькіи.
Колы се стало намеркаты,
Стукотыть, грюкотыть коло хаты
Тожъ прыйихалы зовычкы браты.
Одмыка дверечкы у червоному,
А выходыть у синечкы у золотому
А входыть у свитлоньку у чыстому злоти.
Бере зовычку за билую руку выводыть изъ хаты,
А зовычка стала плакаты рыдаты
И на невисточку враждоваты:
Шобъ тоби, невисточко, Богъ не вгодывъ,
У чыстому поли и хлибъ не родывъ
Якъ ты мене, молоденьку, израдыла
И мою русу косу избавыла.
Не ддае мене мій батенько,
Не выряжа мене ридна матинка
Не выряжа мене ридный братичокъ,
Не выряжа й ридна сестрыця,
А выряжа мене ясній мисяць,
Та выряжа мене ясна зирочка,
Дае мене замижъ невисточка,
А выряжа мене темна ничка—петривочка.

(отъ кр. Прасковьи Лысенковой 60 л. м. Снѣтина).

2.

Купалась ластивка, купалась,
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына журылась.
Купалась ластивка шобъ не душно,
Журылась дивчына шобъ не скушно.

(въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы Евфросиніи Семперовичъ 20 л.).

3.

Купалась ластивка, купалась
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына журылась,
Своимъ подружечкамъ хвалылась:
А чи було лито, чи не було,
Чогось воно мени надокучыло.
Шо я, молодая, не гуляла;
Мене моя маты не пускала,
Въ нову комирочку [1]) зачиняла [2]),
Золотимъ замочкомъ замыкала
Шовковимъ шнурочкомъ завья-
зала,
Трёма засовцямы засувала,
Гиркымы словамы заказала:
Ой посыдь же, доню, у комори,
Покы розійдутця поговоры
Ой посыдь же, доню, у комороци,
Покы розійдутця вечорныци,
Покы пиде челядь изъ улыци.
А я молодая не послухала
Золоти замочкы поодбывала
Шовкови шнурочкы поодрывала(2)
Пишла на улыцю погуляла,
Свого мыленького повыдала.

(отъ Ульяны Выборной м. Снѣтина).

Вар. I. Въ с. Новакахъ, Ольшанской волости, послѣ третьей строчки вставляютъ:

На нови ворота схылылася,
Дрибными слёзамы умылася,
Вышытымъ рукавомъ утерлася.

(отъ Настасьи Щербаневой).

Шослѣ словъ: Покы розійдутся изъ улыци—такъ:

Та твои братикы та сестрыци,
Та твои дивери та зовыци.

(отъ нея же).

Вар. II. Обращеніе матери къ дочери поютъ въ д. Пятигорцахъ такъ:

Ой посыдь же, доню, у комироци
Покы розійдутця изъ улыци.
Ой посыдь же, доню, у темныци,
Покы розійдутця вечорныци.

Въ концѣ:

Уже-жъ я сыдила, уже-жъ я
лежала
Тіи челядонькы не переждала.
Такы той замочокъ поламала
Тай на улыци погуляла.

(отъ кр. Варвары Охрименковой).

Вар. III. Въ д. Загребельи, Яблоновской волости, конецъ этой петривки такой:

А я своій матинкы та корылася
На улыцю гулять просылася.
Пусты-жъ мене, маты, погуляты,
Уже челядонькы не чуваты.
Тилькы мій мыленькій не лягае
Мене, молодои, дожидае.
У дубову свистылку выгравае
Мене, молоденьку, выклыкае.

(въ 95 г. отъ Насти Пшеничной 17 л.).

Вар. IV. Окончаніе этой петривки въ с. Губскомъ, Тарандинцовской волости, такое:

---

[1] и [2]) Вездѣ вмѣсто комирочкы поютъ иногда „свитлыцю". Или: Дубовымы дверямы зачыняла.

Тай одсуну-жъ викно кватырочку
Та стану, подывлюся по рыночку
Ажъ тамъ по рыночку танчокъ ходыть,
А мій мыленькій танчокъ водыть.

(отъ Анны Богиничевой).

4.

Купалась ластивка, купалась
На бережечку сушылась,
Молода дивчына журылась,
Що на неи маты сварылась,
Молода дивчына плакала,
Що на неи маты жалкувала,
Що на улыци та ночувала.
— Годи тоби, моя мате, сварытыся,
Я не буду бильше барытыся,
Годи тоби, моя маты, жалкуваты,
Я не буду бильше ночуваты.

(отъ О. Недилькиной с. Литвяковъ).

5.

Купалась ластивка, купалась
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына хвалылась.
Шо нема на сели кумпаншого,
Надъ мого Грыця богатшого.
Та не одынъ же винъ у батька сынъ
Та не одынъ же винъ жупанъ зносывъ
Зносывъ жупанъ та за гроши,
Полюбывъ дивчыну, шо хороша.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорецъ В. Охрименковой).

6.

Пусты мене, мате, погуляты,
Бо вже челядоньки не выдаты.
Уже челядонька лягла спаты.
Тилькы мій мыленькый не лягае,
На нову сопилку выгравае,
Мене, молодую, выклыкае [1]):
— Выйды, дивчыно, перепелочко!
— Выйду, козаче, мое сердечко!
—Выйды, дивчыно, та нагидочко!
— Выйду, козаченько, мій барвиночку!
— Выйды, дивчынонько, та не барыся!
— Выйду, козаченько, не журыся!
— Выйды, дивчынонько, не гай мене,
— Выйду, козаченько, не лай мене!

(отъ Зиновіи Дорошенковой х. Николаевки).

Вар. Въ хуторѣ Яновщинѣ начало такъ:

Коло тыхого Дунаечка
Ой тамъ козаченько выгравае,
Молоду дивчыну выклыкае.

(отъ Ульяны Бондаренковой).

7.

Пусты мене, маты, погуляты,
Бо вже челядоньки не выдаты,
Уже-жъ челядоньки не выдаты
Та вже вороженькы та ляглы спаты.
Пусты мене, маты, въ огорожу,
А якъ не йимешъ виры дай сторожу.
Ой, слухай же, маты, деркачъ дере,

[1]) Иногда: мене молодои дожыдае.

Пусты на улыцю, бо й плачь бере!
Ой, слухай же, маты, соловей свыще,
Пусты на улыцю—женыхъ клыче!
Ой слухай же, маты, чайка кряче,
Пусты на улыцю—женыхъ плаче!

(отъ Ул. Выборной м. Снѣтина).

Вар. I. Послѣ шестой строчки такъ:

Сторожа поснула, маты не чула,
А я, молоденька, гуляты майнула.

(отъ Варвары Кузнецовой с. Литвяковъ).

Вар. II. Начало петривки въ с. Волчкѣ такъ:

Ой, маты, маты! воронъ кряче,
Пусты на юлыцю—женыхъ плаче.
Не за кимъ же плаче якъ за мною,
Якъ не пускаешъ, — Богъ зъ тобою.

(отъ Натальи Шевченковой 12 л.).

8.

Мате, мате! Деркачъ дере,
Пусты погуляты, бо ажъ плачь бере.
Маты, маты! чайка кыгыче,
Пусты на улыцю, бо женыхъ клыче!
Маты, маты! деркачъ дере пидъ горою,
Въ мене женышына пидъ полою.
Деркачъ дере дай малисинькій,
Въ мене женышына молодисинькій.

(отъ Маріи Рябоконевой 19 л. с. Загребелья).

9.

Та на вгороди конопелечкы
Та дрибни, не велыки, зелесенькы.
Та не дають витры постояты,
Зеленому лысту помаяты.
Та що я у батька та зроду одна
Та не дають люды погуляты
Русою косою помаяты.

(отъ Уст. Калениченковой с. Березоточи).

10.

Ходыть коныченько по надъ гречкою,
Молодый хлопчына зъ уздечкою:
Пидожды, коню, осидлаю
Пойиду дивчыну одвидаю.
Чы вона жыва, чы здорова
Моя дивчынонька чорноброва (2)
Билесенькe лычко, тыхая мова.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

11.

На мори утка купалась,
На тры бережечкы сушылась.
Наталка своимъ сыномъ хвалылась:
Нема зилля пахущого,
Надъ мого Иванка кращого.

(въ 95 г. отъ дворянки Василисы Шульгиной, урожд. Бубликовой, с. Денисовки).

12.

(Входитъ въ № 13).

13.

Ой горе, горе! сухый дубе!
Та на тебе, дубе, морозъ буде!
Що я морозу не боюся,
Завтра въ ранци розивьюся,
Та на дибривоньку похылюся,
Та на тіи воды та на слободы,
Та на дивчынывно та пидвирьячко,
Та у покутнее виконечко.
Сыдыть дивчынонька край виконечка
Не закрые лычка одъ сонечка,
Ни русои кóсы одъ полумьячка.
Я-жъ думала, що полумьячко,
Ажъ то козакове здоровьячко.
Я-жъ думала, що огонь горыть,
Ажъ то козаченько конемъ бижыть,
Я-жъ думала, що огонь паше,
Ажъ то козаченько на кони пляше!

(отъ Авд. Сокиркиной д. Рудки).

14.

Ой, горе, горе, сухый дубе!
Що на тебе, дубе, пожаръ буде.
Та паше поломья съ тебе дуже,
Та паше поломья на подвирьячко,
Ажъ у покутнее виконечко.
Тамъ дивчынонька хусточкы шыла,
Та шыла хусточкы съ китаечкы
Китыла китыци зъ заполочи,
Та слала подаркы золотіи:
Це жъ тоби, козаче, подарочкы
Одъ твоеи дивчыны коханочкы.
А винъ же подаркивъ не прыймае,
Зъ собою дивчыну забирае.

(отъ О. Недилькиной с. Литвяковъ).

Вар. Въ с. Губскомъ, Тарандинцовской волости начало петривки такъ:

Ой, горе, горе, сухый дубе!
Та летыть поломья червонее (2)
Та на Наталины воритечка.
Сыдыть же вона край виконечка
Въ ейи головонька гладесенька,
Въ ейи матинка риднесенька.

(отъ Анны Богинич).

15.

Не стій, вербо, надъ водою,
Бо холодна вода пидъ тобою.
А стань, вербо, у толоци,
Де збираютця дивкы й хлопци.
Де дивкы й хлопци збираютця,
На медъ, горилку складаютця
Выкынь, козаче, хочъ полушечку,
За свою Марусю славну душечку
Выкынь, козаче, хочъ копіечку,
За свою Марусю, славну дивочку.
Выкынь, козаче, хочъ грывеньку,
За свою дивчыну чорнобрывеньку.

(въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы Евфросиніи Семперовичъ).

16.

Не стій, вербо, надъ водою,
Бо холодная вода пидъ тобою,
А стань же ты, вербо, на рыночку
Та на хрещатому барвиночку.
Та стань же ты, вербо, на толоци,
Та де сбираются дивчата и хлопци.
А де сбираются та ривняются,
На медъ, горилочку та скыдаются
Выкынувъ Иванко та копу грошей,
Шо винъ у батька сынъ хорошый
Выкынувъ Иванко половыночку,
Сотишывъ дивчыну—челядыночку.
Выкынувъ Иванко найбильше всихъ,
Та выбравъ дивчыну найкращу всихъ.

(отъ коз. Д. Гавриленковой 23 л. д. Гребищъ въ 94 г.).

Вар. Вмѣсто 5—8 стр. въ с. Хорошкахъ, Снѣтинской вол., поютъ слѣдующія:

Туды сыритки сбиралысь,
Хрещатымъ барвинкомъ затыкалысь
На медъ, горилочку складалысь и т. д.

(отъ Матрены Мыцикъ).

17.

Що по чужихъ селахъ дощи йдуть,
А въ насъ рички течуть.
Тай заплету тынкомъ ричечку
Та пущу лебидя й лебедочку.
А тожъ не лебидь билесенькый,—
То Иванко молодесенькый,
А тожъ не лебедка билесенька,—
Тожъ Ганна молодесенька.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорецъ В. Охрименковой).

18.

Посію я рожу надъ водою
Поставлю сторожу пидъ вербою (2)
Чи не пиде дощыкъ стороною.
Стороною дощыкъ, стороною,
Та на мою рожу червоную
Та на мій барвинокъ хрещатенькый,
Та на мій василекъ запашненькый [1]),
Та на мою мяту кучерявую
Та на мою косу русявую.
Що у мене коса до пояса,
Червоный коснычокъ до пятычокъ.
Що у мене лычко якъ яблучко,
Що у мене брови якъ шнурочокъ,
Що у мене очи якъ терночокъ.
Тай обизвався козаченько:
Тай не выхваляйся, дивчынонько,
Бо не ты кисоньку выкохала,
Не ты биле лычко выбиляла.
Выкохавъ кисоньку твій батенько,
Выбилыла лычко твоя матинка,
Тай по трычи въ ночи вставаюче,
Твое биле лычко вмываючы (2)
Твою русу косу заплитаючы.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина)

Вар. 1. Въ с. Литвякахъ прибавляютъ къ началу пѣсни слѣдующія шесть строкъ:

По чужихъ сторонахъ дощи йдуть,
А въ нашій—рички течуть.
По чужихъ сторонахъ витры віють,
А наши дивчата рожу сіють.
Ой сіють же рожу й василечокъ
Щей хрещатенькый барвиночокъ.

(отъ Ор. Недилькиной).

Вар. 2. Въ с. Юсковцахъ начало такъ:

Ой выорю нывку, щей долынку
Та посажу рожу щей калынку.

(отъ Кс. Крятовой).

Вар. 3. Въ х. Пышномъ, съ 8-й строки:

Моя руса коса въ коснычку,
Моя била ручка у перснычку.
Щой у мене очи якъ терночокъ,
Щой у мене брови пидъ шнурочокъ.
Що у мене лычко якъ яблучко,
Сама молодая якъ ягода.

(Мареы Павлищенковой).

[1]) Или: Та на мій любыстокъ лыстатенькый.

Вар. 4. Въ с. Рудки въ концѣ такъ:

Выкохала косу моя матинка,
Билее лыченько у батенька.
Выкохала косу у садочку,
А билее лыченько у холодочку.

(Авдотьи Сокиркиной).

Вар. у Чуб. (т. 3, № 50, стр. 145) не похожъ и гораздо слабѣе.

Вар. 5. Въ с. Воронинцахъ начало различно, именно такъ:

Посію я рожу пидъ горою
Поставлю сторожу чорноброву,
Чы не вдарыть дощыкъ стороною.

(отъ Анны Клименковой).

Вар. 6. И такъ еще:

Соловей, соловейко на калыни,
Сывая зузуля на туполи.
Козакъ дивчыни до любовы,
До любовы тай до розмовы,—
Билее лычко, чорніи бровы.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе наружности дѣвицы, оканчивающееся такимъ образомъ:

Моя ручка у персничку,
Моя била нижка у черевычку,
Моя руса коса у косничку.

(отъ Софіи Холодняковой).

Вар. 7. Въ м. Оржицѣ, послѣ 8 строчки перваго варіанта, описаніе наружности такъ:

На мое лычко билесеньке,
На мое словце вирнесеньке.
На мое лычко щей билійше,
На мое словце щей вирнійше.

(отъ Евфр. Семперовичъ).

19.

Малая ничка петривочка.
Та ключе зовыцю невисточка:
Ой, прыйды, зовыця, прыйды, сестрыця,
Та прыйды до мене ночуваты.
— Боюсь, невисточко, боюсь молода,
Ой, щобъ же ты мене не зрадыла,
Русои косы не збавыла.
— Не бійсь, зовыце, не бійся, сестрыце!
У мене комори орихови,
У мене дверечка дубовіи
У мене замочкы турецькіи
У мене ключыкы нимецькіи.
Ой, тилько стало намеркаты,
Тупотыть, грюкотыть коло хаты.
Ой, то прыихалы зовыцю браты.
Що зовыця каже: розбойнычкы,
А невистка каже—то любовнычкы.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Вар. Въ с. Пескахъ въ петривкѣ этой слѣдующія отличія: въ отвѣтѣ зовыци:

— Не прыйду, невистко, не прыйду, молода,
Бо ты, молодую, мене зрадышъ,
Одъ батька до свекра переманышъ.

Въ успокоеніи, высказываемомъ невисткою:

— У мене комори дубови,
У мене дверечка соснови.

Въ самомъ концѣ прибавляютъ:

Взялы зовычку за билу ручку,
Повелы зовычку у темнычку.

20.

Та малая ничка на купала
Де ты, дивчыно, ночувала?
Ночувала ничку у барвиночку,
Уставай, козаче, недовирочку.
Ночувала другу въ темному лугу
Уставай, козаче, несуженый другу.
Ночувала третю пидъ ожыною
Съ тобою, козаче, зъ дружыною.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

21.

Малая ничка проты Ивана
Съ кимъ ты, дивчыно, ночувала?
Ночувала ничку пидъ дубчыкомъ
Съ тобою, козаче, голубчыкомъ.
Ночувала другу пидъ березою
Съ тобою, козаче, розвезою.
Ночувала третю у барвиночку
Съ тобою, козаче, недовирочку.

(отъ Василисы Конычкы х. Яновщины).

22.

Ой, на вгороди роменъ, роменъ,
Та кажуть же люды: мылый умеръ
Ой, ходимъ, сестрыци, дывытыся:
Чи буде дивчына журытыся?
Молода дивчына не журытця,
Ходыть по вгороду въ груды бьетця (2).
Уже мій мыленькый не вернетця.
Выйшла за ворота, рукы ломыть:
Уже мій мыленькый не говорыть!
Хочъ бийся, не бийся, не поможетця,
Во вже козаченько не прыгорнытця.

(отъ Мароы Павлищенковой х. Пышнаго).

Вар. Вмѣсто этихъ двухъ поютъ и такъ:

Выйшла за ворота побываетця:
Уже мій мыленькый не бзываетця.

23.

Коло шыру шыру шырокого [1]),
Коло Дунаечка глыбокого,
Тамъ дивка—сыритка нижкы мыла,
Чысту водыцю сколотыла.
Та де узявся козаченько
Та на вороному коныченьку (2)
Та въ голубому жупаныченьку.
Ставъ коныка напуваты,
Ставъ дивку сыритку проклынаты:
— Бодай ты, сыритка, бильшъ не зросла,
Такою малою замижъ пишла,
Та щей молодою завдовила,
Маленькихъ диточокъ посыротыла!
— Бодай ты, козаче, не оженывся,
На сынёму морю утопывся!
Бодай кинь вороный ставъ горою,
Золоте сидельце—долыною
А самъ, молоденькый,—ставъ могылою!

(отъ А. Сокиркиной).

[1]) Въ Литвякахъ: коло выру; въ с. Юсковцахъ: коло гаю; въ х. Пышномъ: коло яру.

Вар. 1. Проклятія козака и сиротки въ Низшемъ Булатцѣ поютъ такъ:

— Щобъ ты выйшла замижъ молодою
Та щей осталася и вдовою!
— Бодай твій коныченько воды не напывся,
Бодай ты, козаче, втопывся.
Щобъ твій коныченько—купыною,
Твоя нагаечка—гадыною!

(отъ Матрены Барановой).

Вар. 2. Въ х. Пышномъ такъ:

А сыритка стала—отгадала:
Бодай ты, козаче, не оженывсь,
Въ тыхому Дунаю утопывсь,
Що твій коныченько—горою,
Твое сиделечко—купыною,
Твоя нагаечка—гадыною.

(Марѳы Павлищенковой).

Вар. 3, записанный въ х. Тернавщинѣ отъ немолодой женщины Софіи Латенковой, старинный, но кажется испорченный, такой:

У поли крыныченька, холодная водыченька,
Тамъ сыритка ногы мыла,
Холодну воду сколотыла.
Прывивъ козаченько коня напувать,
Ставъ сыльно сыритку проклынать.
Щобъ ты, сыритко, бильшъ не зросла
И замижъ пишла, не зрозумила
И молодая завдовила
Вона молода стала,
Сыльно ёму й отгадала:
Щобъ ты, козаченьку, не дождавъ.
Щобъ твій кинь середъ моря яворомъ ставъ.
Твое сиделечко купыною,
Твоя нагаечка—гадыною!
Выйшла ёго ридна маты воды браты.
Стала на то дыво дывоваты:
Я не разъ, не два воду брала,
Сёго дыва не выдала.
А молода сыритка ій отгадала:
Се не дыво—то твоя дытына,
Се я, молода, ёму такъ поробыла!

Вар. 4. Въ числѣ проклятій сыритки въ с. Губскомъ такъ:

Бодай ты, козаче, та вовкомъ ставъ.

(отъ Анны Богиничевой).

Вар. 5. Въ с. Волчкѣ проклятія сыритки:

Бодай ты, козаче, съ коня вбывся,
Шобъ ты, молоденькій, не оженився.

(отъ Натальи Шевченковой).

Вар. 6. Въ сел. Новакахъ начало петривки такое:

Ой, не стій же, вербо, надъ водою,
Бо холодная вода пидъ тобою.
Пидъ тебе водыця пидбигае,
Съ пидъ тебе кориння вымывае.

Затѣмъ между проклятіями козака:

... Зъ маленькими дитьмы одурила

И сыриткы:

... Твоя нагаечка гадынкою,
А ты, козаченько, чортынкою.

(отъ козачки Н. Щербаневой).

24.

Уже петривка мынаетця,
Зузуля куваты забуваетця.
Уже петривка мынулася,
Зузуля куваты забулася,
Ячмени зажыгаютця,
Соловьи щебетать забуваютця.
Уже ячмени позажыгалысь,
Соловьи щебетать позабувалысь.

(въ 95 г. отъ двор. В. Шульгиной, урожденной Бубликовой с. Денисовки).

25.

Та вже ячминь колосъ выкыдае,
Соловейко голосъ покыдае;
Тай вже-жъ ячминь колосъ тай выкынувъ,
Соловейко голосъ свій покынувъ.
У ячмени колосъ набростывся,
Соловейка голосъ изминывся.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина)

26.

Зозуленько! моя матинко.
Та до Петра тоби та куваньячко,
Писля Петра тоби вылитаньячко.
Писля Петра серпы браты
Та йты у поле жыто жаты.

(отъ М. Рябоконевой с. Загребелья).

27.

Уже петривочка мынаетця
Сыва зозуленька ховаетця
Пидъ капустяный лысточокъ,
Щобъ не одминывся голосочокъ.
Пидъ капустяне качаньячко,
Щобъ не одминылось куваньячко.
Да пидъ лободу, да пидъ зильячко [1]),
Щобъ не одминылось йійи пирьячко.

(отъ А. Сокиркиной с. Рудки).

Вар. Въ д. Пятигорцахъ начинаютъ эту петривку такимъ образомъ:

Уже петривочкы дви недилечкы
У зузули голосъ якъ у дивочкы.

(отъ В. Охрименковой).

28.

Ой, Петре, Петре! щей ты, Иване!
Уже петривочка помынае.
Уже петривочкы дви недилечкы,
Напывайтесь дивкы горилочкы.
Уже петривочкы—одна, одна,
Напывайтесь дивкы вына.
Уже петривочка помынае,
Сыва зозуленька полынае.
Уже петривочка помынула,
Сыва зозуленька полынула.

(отъ кр. с. Волчка Натальи Шевченковой 12 л.).

29 [2]).

Сёгодня купала, а завтра Ивана,
А пислязавтра Петра и Павла.
Ой, Петре, Петре, и ты, Иване!
Уже жъ твоя петривочка мынае.
Уже петривочка мынаетця,
Сыва зозуленька ховается.

[1]) Или: Пидъ капустяне зиллячко, | Щобъ не змынылося пирьячко.

[2]) Почти всѣ петривки записаны въ 1889 году.

Уже петривочка помынула,
Сыва зозуленька полынула.
Уже петривочци не буваты,
Сызій зозуленьци не куваты.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Трендычки [1]).

1.

Чогось мени не прядетця,
Пидо мною дныще гнетця,
На четверо нытка рветця.

2.

Ой, колыжъ той вечиръ буде,
Що багато хлопцивъ буде?
И велыкихъ, и малихъ,
И розумнихъ, и дурнихъ,
И убогихъ, и богатихъ,—
Буде съ кого выбираты!

3.

По за садомъ, садомъ [2])
Тры мисяця рядомъ.
Ой, ну сюды, ну!
Тры мисяця рядомъ.
Первый мисяць ясный—
Егорко прекрасный.
Другый мисяць ясный—
Трохымко прекрасный.
Третій мисяць ясный—
Прокопко прекрасный.
Ой, ну сюды, ну!
Тры мисяця рядомъ.
По за садомъ, садомъ
Тры зирочкы рядомъ.
Ой, ну, сюды ну!
Тры зирочкы рядомъ.
Перва зирка ясна—
Варуся прекрасна,
Друга зирка ясна—
Настуся прекрасна,
Третя зирка ясна—
Наталя прекрасна.
(припѣвъ).
Що Варуся буде
Пшеныченьку жаты,
А Настуся буде
Медомъ торгуваты,
А Наталя буде
Шматурья збираты,
Просыла Прокопка
Торбы зашываты.
(припѣвъ).

Вар. I. Въ с. Литвякахъ послѣдніе два куплета поютъ и иначе:

Що Варуся зъ Егоркомъ—
Пшеныченьку жаты,
Настуся зъ Трохымкомъ
Ячменю вьязаты,
Наталя съ Прокипкомъ
У шынокъ гуляты.

Вар. II. Вмѣсто двухъ послѣднихъ куплетовъ въ х. Пышномъ поютъ:

Иванко съ своею
Пшеныченьку жаты,
Гаврылко съ своею
Медомъ шынкуваты,

[1]) Помѣтки собирателя, отъ кого и когда пѣсни записаны, пропущены въ виду краткости пѣсенъ. *Прим. редакціи.*

[2]) Иногда: „по за яромъ, яромъ“.

Данылко съ своею
Шматурья прохаты
Одъ хаты до хаты.
Шматкивъ напрохалы
Собакы нагналы,
Торбу розирвалы
Шматкы похваталы.

Вар. III. Въ х. Яновщинѣ припѣвъ такой:

Грай море, цвиты зоре!
Самодёръ.
Тюхы, тюхы,
Дёръ, дёръ, дёръ.

(подражаніе соловью).

4.

Котылося тры зирочкы зъ неба
Чогось мени до батенька треба;
Треба мени волового воза,
Тамъ дивчына якъ повная рожа.
Йийи маты гречаныкы чыныть,
А хлопчына дверей не отчыныть.
Одчынитця двери проты мене
Тай оддайте дивчыну за мене.
Шкода зятю одъ доброго слова
Не ночуе дивчынонька дома.
На досвиткахъ велыка залога
Тамъ ночуе дивчына здорова.

5.

Що Маруся та Оксана,
Салымонова Лександра,
Що до Дороша ходылы,
Клункомъ мирочку носылы.
Дорошъ буде переводыть
На лучшую путь наводыть.
Дорошъ Дорошыси лае:
Чомъ очипочкивъ не мае?
Чомъ крамарыкы не ходять
Чомъ очипочкивъ не носять?
— Ой ты, Дорошъ, Дорошыно!
Въ тебе куца кожушына.
Сыдыть Маруся кивае
Тай на Дороша моргае:
Що я й прынесу
Хочъ не вранци, въ вечорыни
Вытягну въ сестры изъ скрыни.
Якъ побигла до дому
Та не въ хату—въ коморю
Замутылася.
Ходыть вона та ныкае
Та чогось вона шукае
Та вкрала лынтварь
Взяла ёго розгорнула,
Посмотрила, впьять згорнула
Тай за пазуху запхнула
Тай до Дороша майнула,—
Буде доточыть!
Йийи мате старая
На досвиткы не пускае.
— Такы-жъ бо пиду!
Якъ потягну сусуныну,
Якъ потягну рядно съ тыну,
А якъ прыйде женышына;
Въ ёго куца кожушына,
А въ мене рядно!—

6.

Ой не выходь на юлыцю (3) [1]) на юласъ
Тай не сидай проты мене (3) проты насъ.
Скажуть люды: любышъ мене (3) любышъ насъ.

[1]) Слово, возлѣ котораго цифра 3, поется трижды.

Бо мы роду не простого (3) не съ простыхъ.
Бо мы роду князивського (3) князивськихъ.
Князивській сынъ въ гусли грае (3) въ гусли гра
Соби Машу выклыкае (3) выклыка.
— Выйды, Маша, на крылечко (3) на крыльцё
Промовь, Маша, хочь словечко (3) хочь словцё
— Ой, рада-бъ я выходыты (3) выходыть,
Съ тобой, серце, говорыты (3) говорыть
Буде-жъ мене маты знать, на юлыцю (3) не пускать.

7.

Ты, дивчыно, прыберыся,
Ты, козаче, подывыся:
Чы хороша, чы вродлыва,
Чы до дила робитлыва.
Надавыла, надавыла надавья,—
Надавыла соловья.
Соловейко шуры буры
Тай убывъ тры зузули.

8.

Що на неби ясна зирка,
Що Маруся гарна дивка.
Гарна дивка, гарно ходыть,
Гарно йийи маты водыть.

9.

На тарильци билый сыръ,
Що Иванко гарный сынъ.
Гарный сынъ, гарно ходыть,
Гарно ёго батько водыть.

10.

На тарильци два лыны,
Мій мыленькій прылыны!
Прылынулы разомъ два
Чорноброви обыдва.
Та не знаю, що робыть
Чы покынуть, чы любыть?
Которого одсылать,
Которого оставлять.

11.

Якъ посію сири, били гарбузы,
Туды йшлы у тры ряда, парубкы.
Попереду та Иванко иде
За собою та Марусю веде,
— Ты, Марусю, ты, дружыно моя!
Якого ты мени зилля дала?
— Дала зилля драголюбчыку,
Драголюбчыку, чыку, чыку
У стаканчыку,
Дала-жъ тоби тай у чароцци,
Щобъ любылись тай у пароцци.

Вар. Начало настоящей пѣсни въ сел. Волчкѣ такъ:

У нашого пана на двори, на двори
Уродылы сири, били гарбузы.

12.

Зайшло, зайшло сонечко
За садъ выноградъ,
Цилуйтеся, мылуйтеся,
А хто кому радъ.
Що дивчына козакови
Раденька була
Дала ёму шыту хустку
Щей шматъ помела
Взяла ёго за рученьку
Та въ садъ повела.

Йижъ, козаче, ягидки,
Которіи солодки,
А котри кисли,
То нехай на вышни,
А котри ни,—
Зоставляй мени.

Вар. I. Въ с. Хорошкахъ прибавляютъ:

А якъ зелени,
То давай Олени.

Вар. II. Въ х. Пышнбмъ послѣ „шматъ полотна" поютъ:

Оце тоби, козаченьку,
Комора нова.

И тѣмъ кончаютъ.

13.

Якъ узяла козаченька нудота,
Прыпынае коныченька до стовпа.
А самъ, молодъ, по пидъ тыномъ рачкы, рачкы,
Та до тіи дивчыноньки швачкы, швачкы.
Коло неи не насыдыться,
Винъ на неи не надывыться.
Така въ ёго думка була,
Щобъ дивчына ему жинка була.
Тай не тайся, дивчынонько, не тайся,
Бо въ тебе козаченько вдався.

Первыя двѣ строчки въ х. Николаевкѣ такъ:

Заболила въ козаченька голова,
Та прывьязавъ коныченька до двора.

14.

По надъ терномъ стежечка,
По надъ терномъ бытая,
Бытая була (2).
Що въ дивчыны бривонькы,
Що въ дивчыны чорніи,—
Матуся дала (2).
А хто йийи знатыме,
То той цилуватыме,—
Хлопійко душа.

Вар. Въ с. Волчкѣ вмѣсто „бривоньки" такъ:

Шо въ дивчыны губонькы,
Шо въ дивчыны пышныи и т. д.

15.

Чы я тоби не кажу:
Що засватана хожу?
А ты виры не йимешъ,
Та що вечора йдешъ.
Серденятко мое!
Прошу тебе ласкою
Не ходы ты до мене.
Буду, серце, ходыть,
Буду вирно любыть,
Хочь мени, хочь тоби
Тай на свити не жыть!

16.

Чы чуешъ ты, Гапко,
Клыче тебе батько?
Черезъ тынъ, костынъ, костынъ,
Черезъ теренъ густый, густый
Черезъ частой, наборчастой
Черезъ колисчастой.
Хочь же винъ клыче,
То я знаю на що:
Хоче мене батько
За конюха ддаты.
Я конюха не люблю
За конюха не пиду.

Затѣмъ пѣсня поется также о свинарѣ, вивчарѣ и козакѣ. Конецъ такой:

Я козаченька люблю,
За козаченька пиду,
Съ козаченькомъ жыть буду,
А вивчаря забуду.

Въ с. Литвякахъ начинаютъ такъ:

Ой, дивчыно Гапко!
Клыче тебе батько (2).
Воливъ запрягаты (2)
На квиткы ораты.
Или:
На тютюнъ ораты.

17.

Ой на гори, ненько,
Цвите голубенько,
Нихто краще не заграе,
Якъ той Кононенко [1]).
Кононенко грае,
А Миронко вчыться,
Якъ не визьме Харытыны,
Не буде женыться.

Вар. I.

Ой на гори, ненько,
Цвите голубенько.
Нихто мене такъ не любыть,
Якъ той Пысаренко.
Пысаренко пыше,
А хлопчына вчыться.
Не посватаю Маруси,
Не буду й женыться.

Вар. II. Вмѣсто второго куплета въ х. Пышномъ поютъ:

Пысаренко грае
Въ дубову сопилку,
Высвыставъ, выгукавъ
У Самсона дивку.

Вар. III. М. Лукомья:

На вгороди, ненько,
Цвите голубенько.
Нихто мене такъ не любыть,
Якъ той Пысаренко.
Пысарь пыше на бумаги,
А Иванко на кытайци.
Нате, братци, передайте
Маруси коханци.

18.

Надъ Сулою надъ водою
Кислыци навыслы,
Не добере Самсоныха
Невисткы до мысли.
Нехай вона выбирае,
Яку сама знае,
Надъ нашои Наталочкы
Кращои немае.

19.

Гиля, гиля! сиры гусы на ставъ.
Добривечиръ, дивчыно, бо я щей не спавъ.
А я спавъ, не спавъ,—не буду й спаты.
Дай мени, дивчыно, повечеряты.
Въ мене вечеря—рыбка печена
За для тебе, серденько, прыготовлена
Рыбку поймо, медкомъ запьемо,
Мы съ тобою, серденько, поговорымо.

1) Коваленко.

20.

Ой бачу я, бачу,
Якъ ты волы гнала.
Тимъ я тебе не займавъ,
Що маты стояла.
Ой бачу я, бачу,
Що ты бычкы перла,
Тимъ я тебе не займавъ,
Що ты моя перва.

Въ м. Лукомьи въ началѣ прибавляютъ еще куплетъ:

Ой, дивчыно Насте,
Де ты волы пасла?
Пидъ дубкамы съ парубкамы
Де травыця рясна.

21.

Надъ ричкою надъ Донцемъ
Стоить дивка зъ молодцемъ.
Напьялася рукавцемъ
Напьялася обома.
Винъ цилуе, обнима.
Пытаеця: чія я?
—Ой, дивчыно! чія ты?
Чы выйдешъ ты гуляты?
Якъ выйдешъ ты, выйду я,
Тоди скажу, чія я.

У Чуб. (т. 5, стр. 87, № 182) первыя двѣ строчки такія же

22.

Ище пивни не спивалы
Кажуть люды блызько свитъ.
Стоить мылый край воритъ
Выклыкае молоду дивчыну
Та до себе на совитъ.
—Ой, якъ мени ходыты,
Тебе вирно любыты
Де більшъ челяди гуляе,
То тамъ буду судыты.
—Якъ ты мене судышъ разъ,
А я тебе двичи,
Де більшъ челяди гуляе,—
Плюватыму въ вичи.

23.

Черезъ ричку у лисокъ
Подай мыла голосокъ.
Черезъ быстру риченьку
Подай мыла рученьку.
Ой, рада бъ я ручку дать,
Сторонни люды стоять.
То не люды—старыкы,
То наши розлучныкы.
Хотять же насъ побидыть,
Любовь нашу розлучыть.
Любовь наша дорога,
Розлученька тяжела.

Въ с. Литвякахъ вмѣсто послѣдней строчки двѣ такія:

До чого насъ довела,
До славонькы, до стыда.

24.

Ой, маты моя!
Та зарижъ мотыля.
Шобъ моему женыхови
Та вечеря була.

25.

Чы я тоби не казала
И не говорыла:
Прыйды, прыйды у вечери
Я рыбку варыла?
Винъ не прыйшовъ у вечери
Та прыйшовъ у ранци.
Ой, позбирай, скурвый сыну,
Кисточкы на лавци.

26.

Ой не ходы лёдомъ,
Ходы огородомъ,
Бо на лёду провалыся
Тай до мене забарыся.

Я не боюся,
Бо не провалюся,
Якъ я тебе вирно люблю,
Тай не забарюся.

27.

Ой, не ходы по лёду,
Бой увалыся.
Чы ты мене вирно любышъ,
Чы ты чваныся?
Якъ я тебе не люблю,
Скарай мене Боже,

Буду тебе цилувать,
Покы сыла зможе.
Уже й нацилувався,
Уже й намылувався.
Часъ пора перестать,
Щобъ и славы не застать.

Въ зб. Лысенка, 68 г., № 37, стр. 83—первыя 7 строчекъ такія же.

28.

Трахъ, трахъ по леду,
Хочь и слызько та йду,
Та до тіи дивчыны,
Шо хороша на выду.

Хочь хороша, —не хороша,
Такы въ неи таланы.
На юлыци хлопци бьютця,—
На кошари бараны.

29.

Якъ бы мени не тыны
Та не перетынкы,
Ходывъ бы я до дивчыны
Тай до Харытынкы.

Якъ бы мени не тыны
Та не перелазы,
Ходывъ бы я до дивчыны
По чотыри разы.

30.

Маты Сыдорова
На Сыдора позавыдувала.
Изъ Сыдора и сорочку зняла,
Сыдорови прочухана дала.

Оце тоби прочуханъ, прочуханъ,
Щобъ ты дома ночувавъ.
По досвиткахъ не ходывъ, не ходывъ,
Чужихъ дивокъ не любывъ.

31.

Якъ пиду я у гай, у гай,
А тамъ дивкы—ай яй яй!
То чорняви, то биляви,
На котру глянь—уси брави.
А я на ихъ задывывсь
Та зъ воламы розгубывсь.

А я хожу та мытаю,
Та дивчачу матиръ лаю.
Дошатався, домытався,
Покы батько пидобрався
Съ ципочкамы зъ ломачкамы,
Щобъ не гулявъ зъ дивочкамы.

32.

Ой у стрильця пидъ виконéчкомъ
Грае Прокипко сывымъ конéчкомъ.

Дивчына рада, въ долони плеще:
Ой, прыбудь, прыбудь, Прóкипко, ище.

33.

Нема гречкы, ни половы,
Що въ Маруси чорни бровы.
Ты, Маруся моя!
Ты до горя довела!
Ты до горя, до биды,
До холодноi воды.

34.

Ой, матинко! хыкаетця,
Хай легенько згадаетця,
Кого люблю поцилую,
Ажъ губонькы слыпаютця.

35.

На гору йшла пидперлася
Заплакала й утерлася.
Куды йду, слёзы лью
Нема того, що люблю.

36.

Ой, хожу по току,
По гладесенькому.
Выплакала кари очи
По мылесенькому.
Ой, хожу по току
Тай по копаному.
Выплакала кари очи
Тай по коханому.

37.

Якъ пиду я до млына
Та піймаю лына.
Ни съ кимъ систы,
Лына зъисты,
Хиба сяду сама.

38.

Сердытця та лыхà
Не бачыла женыха
Якъ бы жъ его побачыла
То я ёму бъ оддячыла!
Кывнула та моргнула
До серденька прыгорнула.
До серденька до щырого
До лыченька до билого.

39.

На вгороди буркунына
Та нема мого та Данила
Та нема тай не буде
Винъ у вечери прыбуде.
А хочъ прыйде—не прыйму,
Я й одъ себе прожену.
Хочъ прогонь—не боюсь,
А до тебе прыгорнусь.

40.

На вгороди редька,
Нема мого Федька!
Ось перегодомъ
Бижыть огородомъ.
Нижкою тупъ, тупъ!
Чы дивчына тутъ, тутъ?

41.

На вгороди гарбузы,
Нема мого мармузы.
Якъ нема тай дарма,
Переночую й сама.

42.

На вгороди салата
Нема мого Кондрата.
Нема, нема щей не буде
Винъ у вечери прыбуде.

Въ с. Пескахъ, Засульской волости, послѣднія двѣ пѣсни варьируютъ сообразно имени парня такимъ образомъ:

Ой, на гори ямка,
Нема мого Иванка.

Или:

На вгороди макивка,
Нема мого Якивка.

Или:

На вгороди квасолына,
Нема мого Васылына, и т. д.

Послѣднія же двѣ строчки поютъ какъ въ предыдущемъ варіантѣ.

43.

Прыйды, прыйды въ понедилокъ
Та пидемо по барвинокъ.
Ты жъ мене пидманула,
Ты жъ мене пидвела;
Ты жъ мене молодого
Зъ ума—розума звела! [1]
Прыйды, прыйды у вивторокъ
Та нажнемо снопивъ сорокъ.
Прыйды, прыйды у середу
Та пидемо по череду.
Прыйды, прыйды у четверъ,
Лучше буде нижъ теперъ.
Прыйды, прыйды у пятныцю
Та пидемо по яглыцю [2].
Прыйды, прыйды у субботу
Та пидемо на роботу.
Прыйды, прыйды у недилю
Та пидемо у шевлію.
Ты жъ мене обманула,
Ты жъ мене пидвела!
Ты жъ мени, молодому,
Вечеряты не дала.

Вар. Въ с. Литвякахъ первыя двѣ строчки такъ:

Прыйды, прыйды сама буду
Та напнымо халабуду.

А въ концѣ:

Ой, выходывъ всю петривку
Та выносывъ всю горилку.
Ой, выходывъ вси мясныци
Та выносывъ вси кислыци.

44.

На вгороди вивци пасла
Назбирала горщокъ масла.
Назбирала, посолыла
Вареничкивъ наварыла (2)
Соби хлопцивъ наманыла.

45.

Пидъ хатою вышня
Бье козаченько трепака,
Щобъ дивчына выйшла.
Не выйшла дивчына,
Выйшла йийи маты:
Иды, иды, мій зятеньку,
До насъ вечеряты,
Я не хочу вечеряты,
Повечерявъ дома,
Прыйшовъ же я на довидкы:
Чы дивчына дома?
Дома, дома, дома,
Лежыть нездорова.
Ни сорока, ни ворона
Ни чорная галка,
Що дивчына та козакъ,—
Кажуть люды,—парка.

---

1) Припѣвъ повторяется за каждымъ двустишіемъ.

2) Яглыця—трава.

46.

Ой не стій на току
Та не вій кукылю,
Та не моргай очыма,
Бо не твоя дивчына.

47.

Ой не стій пидъ викномъ
Не ворочайся
Скыдай шапку, иды въ хату,
Поздоровкайся.
Не мыкуляй очыма,
Бо не твоя дивчына.

48.

Ой не ходы коло хаты
Та не дратуй цуценяты,
Бо цуценя дзяволыть,
Въ мене серце болыть.
Ой не стій пидъ викномъ,
Не ворочайся,
Скыдай шапку та йды въ хату
Поздоровкайся.

49.

Ой не ходы коло хаты
Та не топчы руты мняты.
Не для тебе я садыла,
Щобъ я тебе полюбыла.
Не для тебе полывала,
Щобъ я тебе сподобала.

50.

И Грыць на току,
А я хату мету.
Мету хату, мету сины,
А на Грыця чорты силы.

51.

Якъ ходыла по надъ токомъ
Накынула ёго окомъ.
Винъ горбатый, я похыла,
Тимъ я ёго полюбыла.

52.

Ой, матинко—черешенько,
Воды мене гарнесенько.
Ю вышываній сороци,
Щобъ любылы мене хлопци.

53.

Была мене маты зранку,
Що порвалы хлопци дранку [1]),
А я сила тай латаю
Тай на хлопцивъ поглядаю.

54.

Нестору, Нестору!
Купы мени перстень
Изъ зеленимъ вичкомъ [2]).
Поверныся бочкомъ.
Щей бочкомъ, щей бочкомъ
Щей реберочкомъ.
—Не звы мене козакомъ,—
Зовы сердечкомъ!

55.

Ой, на гори зайчыкы трублять,
Чогось мене хлопци не люблять?
Скынтеся, хлопци, по грошу
Купить мени ленту хорошу,
А я буду ленту носыты
Будуть мене хлопци любыты.

---

1) Сорочку.

2) Камушекъ.

56.

Кучерявый Иванъ
На капусту оравъ,
Кучеряву дивчыну
Поганяты нанявъ.

Симъ день погоныла
На коснык заробыла,
Хто йде тай смыкъ
За новый коснык.

57.

Ой, що то за мисяць
Колы свитыть, колы ни?
Ой, що жъ то за мылый
Колы ходыть, колы ни?
Ой, чому не прынисъ

Чого я бажала?
А чы сала кусокъ,
А чы мыла брусокъ,
А чы тіи нещаснои
Чачавыци мишокъ.

58.

Не ходыла на улыцю —не пиду,
Не любыла чорзна кого—й не люблю!
Брешешъ, дивчыно, брешешъ,
Що вечера на улыцю чешешъ [1]).

Брешешъ, дивчыно, брехаешъ,
Що вечора на улыцю махаешъ.
—Правда, козаченьку, правда,
Що вечора на улыцю гайда.

59.

Ты капуста, ты росада моя,
Ты дивчына, ты досада моя.
Ты капуста головыстая,
Ты дивчына норовыстая.

Ты капуста выкыдай качаны,
Ты дивчыно покыдай норовы.
Ты капуста одностеблыця,
Оцынъ ходыть, другый сердытця

60.

И вчора не бувъ, и сёгодня не бувъ,
Десь ты мене, серденько, тай на викы забувъ.

—Я й не забувъ, та росердывся бувъ,
Бисови норовы до другои повелы.

61.

Идить, идить, заволокы, зъ хаты,
Хай лягають дивчаточка спаты.
У насъ викна изъ виконыцямы
У насъ двери съ клынового древа,
Намъ такои сволочи не треба.

У насъ викна изъ виконыцямы
До насъ ходять съ полюбовныцямы.
У насъ двери позащипуваны,
До насъ ходять позачисуваны.

62.

Колыбъ швыдче суббота
Булабъ хлопцямъ робота (2)
Заносыты ворота.
Зачепылы волокою
Тай потяглы толокою.
Зачепылы тонкимъ валомъ

Тай потяглы довгимъ яромъ.
Люды до церкви идуть,
Хлопци ворота несуть.
Не хвастайте хлопци дуже,
Що новіи въ васъ картузы.
Вы картузы погубыте,
Дурни булы,—той будете.

---

[1]) Крешешъ.

63.

Очеретъ густый тай надудкуватый,
Славный парень на натуру, та прыдуркуватый.

На вгороди лепеха прылепеткувата,
Славна дивка на натуру—прышелепкувата.

64.

Посіяла бурякы
Помижъ огиркамы
Препогани парубкы
Брезгують дивкамы.

Я думала, що вгиркы—
Колы пупьянкы,
Я думала парубкы,—
Колы шушвалкы.

65.

Черезъ садъ выноградъ
По воду ходыла,
Та не давъ мени Богъ
Кого я любыла.
Тилько давъ мени Богъ
Та на мое лыхо,
Колышу й ворошу,
А винъ лежыть тыхо.

—Хочь ты мене колышы
Хочь ты мене ворошы,
Хочъ ты мои чорни брови
На папери испышы.
—Що ты мои на папери,
А я твои на лубку.
Любы мене на сонечку,
А я тебе въ холодку.

66.

За синечкамы, за дверечкамы
Стояла кроватъ съ подушечкамы.
На тій кровати Иванко лежыть
На правій рученци дивчыну держыть:
Дивчыно моя! свитъ выноградe,
Не ходы по ночахъ, щось тебе вкраде.

Вар. I. Въ с. Литвякахъ послѣ первыхъ двухъ строчекъ прибавляютъ:

На тій кровати дивчына лежала,
Дивчына лежала хлопчыны бажала:
Нехай той прыйде, що мени хочетця,
Що винъ по досвиткахъ тай не волочытця.

Вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ въ х. Тернавщинѣ такъ:

Ой нема, нема кого хочетця
Десь по юлычкамъ винъ волочытця.
Винъ волочытця въ сирячыни,
Мени хочетця, щобъ у чумарчыни.

Въ с. Хорошкахъ прибавляютъ еще:

Щей штаны сыни, сорочка била,
Самъ парень до дила.

67.

Ой, матинко черешéнько!
Засыдилась дуже,
Колыбъ мене той узявъ,
Що ложечкы струже.

Винъ наструже, винъ натеше
И на базаръ понесе.
И самъ себе прохарчуе,
Щей до дому прынесе.

Примѣчаніе. Эта пѣсня чисто мѣстная, кромѣ с. Калайдинецъ, извѣстнаго своими издѣліями изъ дерева, и окрестныхъ селъ Ольшанской вол., она неизвѣстна.

68.

Ой, матинко, до лышенька!
Купы мени женышенька
Хочь багато грошей дай,
Хорошого выбирай.
Та не жалій копы грошей,
Шобъ чорнявый та хорошый.

69.

Ой, маты моя!
Люблю Грыця коваля.
Я до печи, винъ за плечи:
Щебетушко моя!
И люблю и пиду
И поможы Боже!
Буду его цилувать,
Покы сонъ изможе.
Вжежъ нацилувався,
Вже-жъ намылувався, (2)
Якъ у саду соловей
Тай нащебетався.

70.

Куры та гусы гречку пойылы
На сынее море пыть полетилы.
Дивчыно Галю! заверны ты гусы,
Поцилуй козаченька въ чорніи усы.
То що, то що, то я й поцилую
Въ его боридоньку презолотую.
Щей въ тіи губкы, що не курять трубкы,
Щей у той выдочокъ, красный якъ лысточокъ,
Щей у ти бривонькы, тонкы якъ шнурочокъ.

71.

Горохова копыця
По дорози котытця.
Молодая дивчына
Красотою хвалытця:
Ой, тикала одъ татаръ,
Утикала й одъ жандаръ.
Теперъ я вже не втечу,
Семенъ Ивановычу!

72.

Варуся по виныкы ходыла
Сама соби Егорка любыла.
Стану я, подумаю сама:
Ой, кому я прыдостанусь молода?
Чы сёму, чы тому панычу?
Чы Егору Мыхайловычу?

73.

Ой, матинко вышенько!
Яке мени лышенько.
Ой, матинко, туполе!
Яке мени тутъ горе!
Вставай, доню, не тужы,
Та наймайся та служы;
Вороженькивъ не гляды.
Тилькы сами ворогы
Кругомъ хату обляглы.
Кругомъ хату щей сины
Вороженькы обсилы.
Кругомъ сины й ворота,
А я бидна сырота.

74.

Ой, ходимо, Ганно!
Товарови даймо.
Зеленои лободы
Та поженемъ до воды.
Не солодка лобода,
Що не пьетця вода.

75.

Що у тихъ богачокъ
Та багато сорочокъ,
А у мене одна
Тай та била що дня.
У вечери намочу,
Опивночи колочу,
Якъ сонечко блысне,
Сорочка высхне
Якъ сонечко опивдни—
Сорочечка на мени!

76.

Ой, на току, на току
Молотылы хлопци.
Навидалы курипочку
Накрыту въ коробци.
Ой, тамъ куры пропадають,
Де дивкы гуляють.
Чы за медъ, чы за пыво,
Чы за ту горилку;
Истричае парубокъ
Изъ пивныкомъ дивку.
Не такъ вона излякалась
Тилько стало стыдно,
Заховала пивныка,
Тилько хвостыкъ выдно.

77.

Якъ пишовъ я на досвиткы
Черезъ тры города,
Заплутався въ гарбузиння
Та наробывъ шкоды.
Пидихожу пидъ виконце:
Добривечиръ, люде!
Росплентайте зъ гарбузиння
Вамъ шкоды не буде.
Увийшовъ я въ хату
Просять мени систы,
Дають мени картоплыну
Нечыщену исты.
Я на тую картоплыну
Скоса поглядаю
На полыци вареничкы
Я й самъ добре знаю.
Погасылы каганець
Полягалы спаты
А я за ти вареничкы,
Тай пишовъ изъ хаты.
Выйшовъ же я за ворота
Прошу себе систы,
Вареничкивъ исты.
Поивъ же я вареничкы,
Поивъ вареныци,
Перевернувъ макитерку
Въ синяхъ на полыци
Ой, прощайте, добри люде,
Щей ты, серце Насте,
Щобъ на мене молодого
Не було напасты.

Вар.

Якъ пишовъ я до дніеи
Люлькы закурыты,
Зняла зъ мене кожушыну
Ще хотила й свыту.
Якъ пишовъ я до другои
Просыть мене систы
Дае мени бараболю
Нечыщену исты.

Далѣе какъ въ первомъ варіантѣ.

78.

Якъ пишовъ я на досвиткы
Та черезъ городы
Заплутався въ гарбузыння
Та наробывъ шкоды.

Пидійду я пидъ викно:
Добривечиръ, люде!
Выплутайте зъ гарбузыння
Вамъ шкоды не буде.
Кому гарбузыння,
А мени насиння,
Хто выплута зъ гарбузыння
Заробыть спасиння.
Якъ пишовъ я на досвиткы
Нигде мени систы
Дають мени бараболю
Нечыщену исты.

Я на тую бараболю
Скоса поглядаю,
На полыци вареньічкы,
Я на ихъ моргаю.
Погасылы каганець
Полягалы спаты,
Я за тіи вареньічкы
Дай выйшовъ изъ хаты.
Ой, ивъ же я вареньічкы
Та ставъ вареньіци,
Перевернувъ макитерку
Въ синяхъ на полыци.

79.

И сюды и туды
Моя кукурузка—
Що на печи горяче,
А въ запичку узко.

Що до мене сыто, сыто
Що до мене решета,
Що до мене по симъ ходыть,
А я бидна сырота.

80.

Чы такъ у васъ, якъ у насъ
На бéрези колько?
Чы такъ у васъ, якъ у насъ
Цилуются ловко.

Чы такъ у васъ, якъ у насъ
На бéрезы колючкы?
Чы такъ у васъ, якъ у насъ
Стуляются губочкы.

81.

Ой, чого ты, Пазыно, по симъ лузи блудышъ?
Ой, мабуть ты, Пазыно, мого сына любышъ?
Ой, на тоби Пазыно, коня вороного
Тай не любы, Пазыно, сына молодого.
Ой на що тій Пазыни коныкъ вороненькый?
Сподобався Пазыни козакъ молоденькый.
На Пазыни юпка якъ сыва голубка,
А ни батько купывъ и не маты дала,
Молодая Пазына съ козакомъ добула.
Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ хорошимъ козакомъ.
На Пазыни спидныця
Трыста рубливъ дурныця,
А ни батько купывъ, а ни маты дала.
Молодая Пазына съ козакомъ добула

Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ чорнявымъ козакомъ.
Якъ умерла Пазына у субботу вранци
Положылы Пазыну на тесовій лавци,
Якъ надилы Пазыни чоботы сапьянци
Молодои Пазыни выдно пьяты й пальци.
А ни батько купывъ и не маты дала
Молодая Пазына съ козакомъ добула.
Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ чорнявымъ козакомъ.

82.

Катерына гречку варыла,
Катерына хлопцивъ маныла.
Въ Катерыны чорная юпка,
Катерына чортова дурка.
Въ Катерыны чорна запаска
Въ Катерыны чортова ласка.
Въ Катерыны чорна одежа,
Катерына чортова лежня.

83.

Музыканты мои!
Вы заграйте мени
Коваля, Коваля.
Що я въ свого батенька
Одыныця була.
Трай, рай, рай
Дощыку въ рай.
Що у мого батенька,
Що у мого ридного
Сири волы на двори, на двори,
Що я тіи волы продала, продала
Соби хорошіи музыканты наняла.

(Затѣмъ измѣняютъ только слово волы на: кони, гусы).

84.

Ой, Боже мій, Боже!
Що я наробыла?
Полюбыла чабана
За грудочку сыра.
Укушу я того сыру,
А сыръ не солоный,
Подывлюсь на чабана,
Чабанъ не моторный.

85.

Яръ, яръ!
Я за яромъ стояла,
Я зъ маіоромъ гуляла.
Я маіора люблю,
За маіора пиду
Барынею!

86.

Я русявого люблю
За чорнявого пиду,
Ну, я рыжому не важу
У болото запроважу
Сыдыть рыжый та гада
Изъ болота выгляда,
Що хороша, чорнява
У болото загнала.

87.

И до дила не я,
До роботы—не я.
Ай до дила роботуха
И до хлопцивъ щебетуха.
И до дила, и до рала,
И до хлопцивъ удала!

88.

Ой, чей же то двиръ,
Що на гори хата?
Тамъ славная дивчынонька
Тилькы не богата.
Ой, дивчыно моя!
Мое серденятко!
Радъ бы я тебе взять
Такъ не велыть батько.
Хоть батько велыть
Такъ ридъ не велыть,
Якъ побачу тай заплачу,
Ажъ жывитъ заболыть.

Въ с. Пескахъ начало этой пѣсни такъ:

Ой, дубъ та на дуба
Та дивчына моя люба.
Ой, радъ тебе взяты
Такъ не велыть моя маты.

Далѣе какъ въ первомъ варіантѣ съ замѣной батька матерью.

89.

Сватай мене, пане Йване,
А ты, маты, виддай мене,
Бо уже-жъ я доходыла
Така гладка якъ кобыла.
Ряба, ряба якъ зузуля
Черевычкы жовти вбула (2)
Тай на улыцю майнула.
Черевычкы—рыпу, рыпу,
Батько каже: другы куплю
Маты каже: чорта зносышъ,
Бо зъ досвитокъ мычкы носышъ.

90.

Якъ тоби, козаченько, угодыть,
Яку тоби та стёжыну купыть?
Червоную, дивчыно, червону,
Щобъ высила изъ застижокъ до долу.
Якъ тоби, дивчыно, угодыть,
Яки тоби закаблучкы становыть?
Зъ высока, козаченько, зъ высокà,
Щобъ вдарыла дивчына трепака.

91.

Уже свитъ, уже день,
А дивчына зъ лиса йде,
Тай заросылась,
Тай забродылась.
Ягидочкы рвала,
Цыбульку щыпала.
Се жъ тому хлопчыни
Снидать сготовляла.

92.

Уже свитъ, свиточокъ,
Коло хаты слидочокъ.
Ой, хто его прослидывъ?
То хлопчына молодый.
До дивчыны прыходывъ
Черевычкы прыносывъ.

Любовныя пѣсни.

1.

Ой пиду въ лисокъ, та сорву цвитокъ
Та зовью винокъ, пущу на ставокъ.

А хто винокъ вловыть, той мене возьметь.
Ой йихавъ козакъ зъ Дону до дому,
Прывьязавъ коня до бересточка,
А самъ пишовъ ловыты виночка.
По колина ставъ винка не доставъ,
А по поясъ ставъ тай потопать ставъ.
Тай потопать ставъ, виночокъ доставъ.
Ой, бижы-жъ ты, коню, до дому
Не хвалысь, коню, дома никому,
Не хвалысь, коню, що я втопывся,
А хвалысь, коню, що я оженывся.
Въ мене молода—холодна вода,
Въ мене свитилкы—на неби зиркы,
Въ мене бояре—глыбокы яры,
Въ мене старосты—густи березы,
Въ мене свашечкы—разни пташечкы,
Раненько встають, жалибненько кують,
Мени, молодому, жалю завдають.

2.

Тече ричка зъ Дунаечка
Тай у море впала.
Дивчынонька молодая
Зъ моря воду брала.
Козаченько молоденькый
Пару коней напувавъ,
До своеи дивчыноньки
Стыха речи розмовлявъ:
Скажы, скажы, дивчынонько,
Усю правдоньку мени:
Чы ты любышъ? чы ты пидешъ
Сей годъ замижъ за мене?
— Я правдонькы не скажу,
Сей годъ замижъ не пиду.
Посіяла васылечкы
У зеленому саду.
Ростить, мои васылечкы,
Я васъ буду полывать,
Прысылайся зъ старостамы
Буду рушнычкы давать.
Прысылався зъ старостамы,
Я рушнычкивъ не дала:
Хочь я ростомъ и высока,
А на лита молода.

3.

Гай, маты, гай тай не метеный,
Зеленою лищыною переплетеный.
У тимъ гаю нихто не бува,
Молодый Иванко коня напува.
Напоившы коня, тай ставъ попасать,
До своеи дивчыноньки лыстонькы пысать.
—Дивчыно моя! горда та пышна,
Пысавъ я до тебе лыстонькы—чому не вышла?
—Иване мій! не велыкый панъ,—
Сидлай коня вороного, йидь до мене самъ.

4.

Ой, шо-жъ воно за Маруся,
Шо я іи вирно люблю,—заняты боюся?
Тимъ я іи не займаю,
Шо свататы маю;
Тимъ до неи не горнуся—
Поговору боюся.
Колыбъ мени, Господы, вечора диждаты,
Зберу хлопцивъ всихъ молодцивъ
До Маруси гуляты,
А самъ сяду край виконця

Та буду слухаты,
А що буде Марусына
Моимъ хлопцямъ казаты.
Марусына по свитлонци ходыть,
Словесно говорыть:
Есть у мене два садочкы
Тай обыдва не родять,
Есть у мене два женыхы
Тай обыдва не ходять.
Буду сады полываты,
Шобъ обыдва родылы,
Буду хлопцивъ чаруваты
Шобъ обыдва ходылы.
Прычарую ручкы й нижкы
Щей каріи очи,
Шобъ не ходывъ до другои
Темненькои ночи.

5.

Камяна гора розвалялася,
Дивка съ козакомъ попрощалася.
—Козакъ молодый! проведы домой.
—Дивка молода! случылась бида,
Случылась бида—потерявъ коня,
Потерявъ коня—щей сиделечко,
Прощай, дивчыно, мое сердечко!
Потерявъ коня, щей подушечку,
Прощай, дивчыно, моя душечко!
Потерявъ коня, щей нагаечку,
Прощай, дивчыно, моя павочко!

6.

Ты, мисяць ясный! мій мылый прекрасный
Якый ты родывся на свити нещасный!
Якый ты вродывся—мени знадобывся,
Якый ты удався—мени сподобався.
—Колыбъ мени, мыла, орловіи крыла,
Орловіи крыла, соловыны очи,
Знявся, полетивъ бы до мылои въ ночи.
Та сяду я, впаду, у мылои въ саду,
Чы не выйде мыла къ мени на пораду.
Моя мыла ходыть, билы рукы ломыть,
Билы рукы ломыть, словесно говорыть:
Сусиды блызькіи, ворогы тяжкіи,
Судять и говорять, бо й сами такіи,
Покопалы ямы глыбоки пидъ намы,
Попадайте въ ямы вороженькы самы,
Не робить розлукы, розлукы межъ намы!

7.

Якъ пиду въ поле, та гляну въ море,
Сама я бачу, що мени горе.
Ой, бачу, бачу по кому плачу,
По мыленькому, що не побачу.
Буду стояты хоть на камени,
А чы не прыйде мылый окъ [1]) мени.

---

[1]) Въ сѣверо-восточномъ углу Лубенскаго уѣзда, въ предѣлахъ волостей: Снѣтинской, Волчковской и Матяшовской предлогъ къ, икъ, произносятъ окъ. Напр.: окъ чому се? (въ чемъ дѣло?) или въ пѣснѣ: Прыбудь, прыбудь, мій батенько, теперъ окъ мени. Такъ говорятъ, впрочемъ, и къ югу отъ Лубенъ въ Оржицкой и Селецкой волостяхъ.

Ждала я ждала—нема никого,
Прылетивъ голубъ тай той ничого.
—Ой ты, голубчыкъ, голубъ сызенькый!
Скажы, голубчыкъ, де мій мыленькый?
—Що твій мыленькый у чистимъ поли;
У чыстому поли та пидъ вербою,
Зложывъ рученькы самъ надъ собою.
—Ой, Боже, Боже! на що давъ знаться,
Колы не судышъ, щобъ намъ побраться?
Колы не судышъ, чомъ не розлучышъ,
На що ты, Боже, такъ довго мучышъ?
Хочь изведы, хочь розведы,
Хочь у могылу насъ обохъ поклады.
Лучше-жъ я буду у земли тлиты
Нижъ безъ мылого у свити жыты!

У Чуб. (т. 5, стр. 357, № 696) вар. отдаленный, отличный по языку, эпизода съ голубемъ нѣтъ.

8.

Кому воля—намъ неволя!
Нихто не зна мого горя.
Наше горе ніякое,
Наше горе велыкое.
Били ручкы дилечка не роблять,
Били нижкы въ садъ гуляты ходять.
У садъ у садочокъ
Щипать ягидочокъ.
А я ягидъ не нарвала,
Соловейка роспытала:
—Соловей мій, сызокрылый,
Скажы правду де мій мылый?
—А твій мылый у неволи
У сахарному заводи.
Що винъ робыть? Заробляе,
Ажъ питъ очи залывае,
А хозяинъ ёго лае,
Що роботонькы немае.

Отдал. вар. въ Кіев. Стар. 86 г. № 10, стр. 407.

9.

Порисъ роменъ съ тыномъ ровенъ,
Порисъ, похылывся.
Изъ чужои сторононьки
Козакъ дивци одклонывся;
—Даю тоби одклонного—
Коныка вороного.
—А я тоби шыту хустку
Съ пидъ злота самого.
Чы дивчына—не дивчына
Сю хустыну шыла,
Вона, мене, молодого,
Навикы зсушыла.

10.

Сонце сходе я журюся,
А заходе—плачу.
Ой, кого я вирно люблю,
Люблю й не побачу.
А кого я ненавыжу
По всякъ часъ повыжу.
Якъ зорву я зъ рожи квитку
Та пущу на воду:
—Плывы, плывы зъ рожи квитка,
Ажъ до мого роду,
Чы не выйде стара маты
По холодну воду.
Выйшла маты воды браты
Тай поймала квитку:
—Ой чого ты зъ рожи квитка
На води завьяла?
Моя дочка, паняночка,
Симъ недиль лежала.
Хочь лежала—не лежала,
Зроду не болила.

Идуть хмары изъ Полтавы,
Та все съ хмарочкамы,
Чужи дочкы паняночкы
Та вси съ парочкамы.

Моій дочци, паняночци,
Парочкы нéмае.
Тилько іи пары, що очыци кари,
Тилькы іи доли, що чорніи брови.

11.

Пусты-жъ мене, маты,
Въ поле жыто жаты.
Та буду жаты, пылуваты,
Доленькы шукаты.
—Ой не пущу, доню,
Щобъ не заблудыла
Уже-жъ свое щастя, долю,
Давно загубыла.

—Пусты-жъ мене, маты,
У море купаться.
Буду плавать, пурынаты,
Доленькы шукаты.
—Ой, не пущу-жъ, доню,
Щобъ ты не втонула,
Бо вже твое щастя, доля,
Ажъ на дно пурнула.

12.

Налынулы гусы
Зъ далекого краю,
Сколотылы воду
На тыхимъ Дунаю.
Бодай же вы гусы
Съ пирьячкомъ пропалы!
Якъ мы вирно любылыся
Теперъ перестaлы.

Ой, мы вирно любылыся,
Якъ голубивъ пара,
А теперъ тай разійшлыся,
Якъ сыняя хмара.
Ой, мы вирно любылыся—
Обое хороши,—
А теперъ та розійшлыся,
Якъ срибныи гроши.

Въ варіантѣ, записанномъ въ х. Николаевкѣ, прибавляютъ въ началѣ:

Нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни,
Нихто не прыгорне пры лыхый годыни.
Не прыгорне батько, не прыгорне маты,
Хыба той прыгорне, що думае браты.

И въ концѣ:

Якъ мы любылыся, якъ сиры утята,
А теперъ розійшлыся, якъ ти сыротята.

Вар. II.

Та козаче, голубче!
Та несуженый друже.
Та якъ мы любылысь
Съ тобою дуже.
Та якъ мы любылысь,—
Обое хороши,—
А теперъ розійшлыся,
Якъ сребряны гроши.

Та якъ мы любылысь,
Якъ голубы въ пари,
А теперъ та розійшлыся,
Якъ сонце по хмари
Якъ мы любылыся,
Якъ зерно въ ориси,
А теперъ та разійшлыся
Якъ туманъ по лиси.

У Чуб. (т. 5, стр. 315, № 621) очень отдаленный.

13.

Тонкáя хмелыночка на яръ подалася,
Молода дивчынонька въ козака вдалася.
Яки очи, такі й брови, така й головонька,
Якъ зійдемось до купочкы, стыха розмовонька.
Пишла наша розмовонька тыхо за водою,
Ты велыкый, я малая—не зійду зъ тобою.
А хочъ зійду, хочъ не зійду—не поривняюся,
Тилькы серцю одрадонькы, що женыхаюся.
Бодай тая степовая могыла запала,
Я пидъ нею ночувала, вечиръ утеряла.
Утеряла вчора вечиръ, утрачу й сёгодня.
Не бувъ мыленькый учора, не буде й сёгодня.
Та не давъ мени порадóнькы, серцю одрадóнькы.
—Яку-жъ тоби, моя мыла, одраду даваты?
Стелы, мыла, постиль билу, та ляжемо спаты.
Одну ручку въ головочку, другою обняты.
До серденька прыгорнувшы тай ставъ цилуваты.
—Ой дежъ се ты, козаченько, зъ крыныци вмывався
Межъ усію челядою мени сподобався?
—Ой, дежъ се ты, дивчынонько, зъ бумажечкы звыта,
Держышъ мене за рученьку до билого свита?
Хоть зъ бумагы, не зъ бумагы—билого папера,
Де стоялы розмовлялы—ходимъ и тепера.
Любылыся, кохалыся, якъ ластивка въ стриси,
А тепера розійшлыся, якъ зерно въ ориси.
Любылыся, кохалыся, тай не побралыся,
Тилько наши вороженькы та навтишалыся.

14.

Повій витеръ витерочокъ
Зъ глыбокого яру,
Прыбудь, прыбудь, мій мыленькый,
Зъ далекого краю.
Ой, радъ бы я повиваты,
Такъ яръ глыбоченькый,—
Ой, радъ бы я прыбуваты,
Такъ край далеченькый.
Женуть волы изъ дибровы,
Овеченькы съ поля.
Заплакала дивчынонька
Край козака стоя.
—Ой куды ты отъизжаешъ,
Сызокрылый орле!
Ой хто мене молодую
Сей вечиръ прыгорне?
Прыгортайся, дивчынонько,
Къ другому мылому,
Та не кажы тіи правды,
Що мени самому.
—Ой, якъ мени, козаченьку,
Правды не казаты?

Якъ прыгорне, поцилуе,
Тай стане пытаты:
Ой що будемъ, дивчынонько,
Сю ничъ розмовляты?
Треба мени, молоденькій,
Всю правду казаты.

У Чуб. (т. 5, № 69, стр. 28, вар. Б.) самое небольшое сходство.

15.

Въ лузи, въ лузи стоять волы въ плузи,
Та никому сирихъ воливъ поганяты,
А я, молодая, волы погоняла
Съ козаченькомъ на размови стала:
—Чомъ ты не прыйшовъ, чомъ ты не прыйихавъ
Якъ я тоби, серденько, велила?
Чы коней не маешъ, чы дорожкы не знаешъ?
Чы матуся йихать не звелила?
—Я коныка маю и дороженьку знаю
И матуся йихаты велила.
Есть у мене сестра, найменьшая зросла,
Вона мени йихать не звелила.
—Не йидь, не йидь, брате, въ чужу сторононьку
До дивчыны тай на розмовоньку,
Бо въ чужій сторонци горилкы напьесся
Самъ молодій славы набересся.
Я горилкы не пью, одъ меду не впьюся
Самъ, молодый, славы встережуся.

16.

Уже сонце ныզенько, вечиръ блызенько
Прыйды, прылыны до мене, серденько!
Прыйды, прылыны до моеи хаты,
Одчыню дверечка, не чутыме маты.
Якъ одчыняла легенько здыхала,
А выпровожала—плакала, рыдала
Плакала, рыдала и правды пытала:
Та чы ты мене любышъ? Чы самъ себе нудышъ?
Чы до иншои ходышъ, зъ иншою говорышъ?
А мене, молоденьку, въ славоньку вводышъ.
Не ходы до мене, не смійся зъ мене,
Бо бьють мене, лають,—та все черезъ тебе!

17.

Яромъ, яромъ, пшеныченька ланомъ, горою овесъ.
Не по правди, молодый козаче, зо мною жывешъ.
А якъ прыйде вечиръ вечирочокъ, то до иншои йдешъ,
А до мене стыха стыхесенька голосъ подаешъ.
Ой, обсады, мыла, молода дивчына, выноградомъ двиръ,
А щобъ не заходывъ, якъ вечиръ прыходывъ, голосочокъ мій.
Уже я садыла, уже полывала—не прыймаеться,

Уже-жъ мое вирне зазнавання все мынаеться.
Ой посады, мыла, молода дивчына, кучеряву мяту
Ой куды я йтыму, або йихатыму, тай зайду у хату.
Уже-жъ садыла, уже й полывала—не прыймаеться.
Уже-жъ мое вирне зазнавання все мынаеться.
Ой застелы, мыла, молода дивчына, коврамы весь двиръ,
А щобъ не помазавъ червонихъ чобитъ, золотихъ пидкивъ.
А бодай же ты, мій мылый, сёго не диждавъ,
Щобъ мои червони кылымы ногамы топтавъ.

Вар. Въ с. Литвякахъ вмѣсто 5—6 строчекъ такъ:
Ой посады, мыла, голубонько сыза, зелену вербу
Де не ходытыму, де не блудытыму—до тебе зайду.

18.

Зайшло сонце за ярокъ.
Та прыйды, мылый чорнобрывый,
Хочь до мене на часокъ.
Та поговорымъ мы съ тобою
Хочь послидній вечерокъ!
Що ты клявся, ты божывся:
Не покыну я тебе.
А теперъ ты покыдаешъ
Серцю жалю завдаешъ.
Свиты, мисяць, свиты ясный
Щей вечирняя зоря,
Що зъ вечора до пивночи
Мого мылого нема.
Десь мій мылый, чорнобрывый
Изъ иншою размовля.
Чы зъ лучшою, чы зъ кращою
Чы зъ такою якъ бы й я?

19.

Ой у поли дви туполи
Одна одну перехытуе,
Що въ козака дви дивчыны
Одна одну перепытуе:
Чы була ты, подружечко,
Вчора зъ вечора на улыци?
Чы стояла, розмовляла
Зъ моимъ мылымъ до пивночи?
—Я й гуляла, розмовляла,
Трошкы постояла.
А винъ вздыхавъ, тебе пытавъ,
Чомъ ты вчора не выходыла?
Шырокая та улыця
Очеретомъ перетычена,
Препогана подружечка
Мого хлопця переклыкала.
Шырокая тай улыця
Очеретомъ перестрочена,
Препогана подружечка
Мого хлопця запорочыла.
—Ой, лучше намъ, подружечко,
Суцильного пятака маты,
Ой, лучше намъ, подружечко,
Сокупного женыха маты.
—Ой, на тоби, подружечко,
На рукава полотенечко,
Тай не крушы, тай не сушы
Та мого сердечка.

20.

Запысалы парня молодого у салдаты
Та забула красна дивка роспытаты:

А чы мени замижъ иты, чы гуляты?
Гуляй, гуляй, красна дивка, якъ гуляла,
Топчы, топчы черевычкы якъ топтала.
Наймай, наймай музыченька якъ наймала.
Та не стелы билои постили—потолочять,
Воны тебе, молодую, изморочять.
Не надивай срибнихъ перстнивъ—поздіймають,
Били рукы твои поламають.

21.

Йихавъ козаченько на вороному коныченьку та съ дорогы сбывся
Вороному коныченьку ажъ на грыву схылывся:
Ой, пойидьмо, коню, ажъ у чысте поле,
Тамъ дивчына сыротына пшеныченьку поле.
Вона поле, вона поле, кукиль выбирае
Вороному коныченьку пидъ ногы бросае.
—Годи тоби, дивчынонько, кукиль выбираты
Вороному коныченьку пидъ ногы бросаты.
Стелы, стелы постиль билу та будемо спаты.
—Ой, не буду слаты—не велила маты,
Бо ты козакъ молоденькый будешъ жартуваты.
—Ой, не буду, дивчынонько, далеби не буду!
Лягай, лягай, дивчынонько, та не бійсь ничого,
Бо я, козакъ молоденькый, не зрадывъ никого.
Якъ не спала дивка ничку, тай не спала другу,
А на третю ниченьку мисненько заснула.
Якъ израдывъ козаченько—дивчына не чула.
Якъ лягала дивчына, якъ повная рожа,
А сёгодня стала ни на що не похожа,
Та лягала дивчына якъ червона калына,
А встала дивчына якъ билая глына.

Вар. у Чуб. (№ 692, стр. 354, т. 5) сходства нѣтъ почти никакого.

22.

Уси дивочкы по таночку ходять,
Безнеривна [1]) дивка передокъ водыть,
А за нею королевычъ ходыть,
Безнеривну дивку за ручeньку водыть.
Та повивъ іи до шынкарочкы въ двиръ

[1]) Вѣроятно Немеривна, хотя настоящая пѣсня кромѣ созвучія въ названіи героини и событія самоубійства ничѣмъ не напоминаетъ пѣсенъ о Немерихѣ (Чуб. т. 5, № 464, нѣск. вар. стр. 893—896). Лыс. Збир. Укр. писень 68 г. № 3, стр. 5.

Посадывъ іи сю на лавочку
Та налывъ ій вына чарочку.
Пыла вона ночку, пыла вона другу,
А на третю ночку прочутылася.
Та глянула вона на подолы,
А у неи красніи полы.
Узялась вона за головочку
И побигла вона ажъ до домочку:
Давай мени, моя маты, ключи золотіи.
Я подмыкаю сундукы новіи
Та выйму я завываннячко
Свое вишнее покрываннячко.
Та не выняла завываннячка
Свого вышнёго покрываннячка
Та выняла соби гострый ножъ
Тай ударыла проты серця наскрозь.
Іи маты сыдыть, слизонькамы хлыпне,
А королевычъ бижыть, червинцямы сыпле.
Сыпле, осыпае, та все тещеньку благае.
— Та булобъ тоби зъ неи не сміятыся,
Та булобъ зъ нею повинчатыся.

23.

Ой, ковалю! славный коваленку!
Чомъ не встаешъ рано пораненьку?
Чомъ не куешъ зализа тоненько?
Чы въ коваля зализа немае,
Чы въ коваля стали не хватае?
Чы коваля журьба обнимае?
Чы въ коваля дивчыны немае?
—Есть у мене дочка Катерына [1]),
Тай та худо славы наробыла,
Опивночи сына спородыла,
Въ китаечку взяла исповыла,
Въ колодязи спаты положыла
Шепшыною взяла прыстромыла,
Буйнымъ витрамъ тай прыговорыла:
Повій, витре, зъ далекого краю,
Та нажены та сынюю хмару.
Съ тіи хмары дай, Боже, дощыкъ
Позалывай стежкы тай дорожкы,
А щобъ туды люды не ходылы,
Щобъ шепшыны тіи тай не зворушылы,
Щобъ дытыны тай не розбудылы.

Въ с. Литвякахъ послѣ 9 строфы такъ:

А съ пивночи въ крыныци втопыла,
А икъ свиту щей Бога молыла:
Ой дай, Боже, снигы та морозы
Позамитай стежкы и дорожкы,
Щобъ не зналы сусиды ворожкы.
Щобъ не зналы куды я ходыла,
Щобъ не зналы кого я любыла.

Вар. у Чуб. (т. 5, № 712, стр. 363) гораздо кратче.

[1]) Или: Одна була душа Катерына.

24.

У тимъ сели у Еркивцяхъ [1]) нова новына,
Уродыла Стеха Штеривна [2]) малее дытя.
А вродывшы мале дытя, тай исповыла,
А сповывше мале дытя, на воду однесла.
Плывы, плывы, ты мале дытя, куды вода йде,
А я пиду погуляю де челядь гуде.
Рыбалочкы—коханочкы та рыбку ловылы.
Не поймалы щукы рыбы, вловылы лына,
Выкынулы та на бережочокъ, ажъ мале дытя.
Исповылы те мале дытя въ тонку крамыну
Тай понеслы те мале дытя передъ старшыну.
Положылы те мале дытя на тесовый стилъ,
Тай вдарылы у Еркивцяхъ у велыкый дзвинъ.
—Збирай, збирай, панъ отаманъ, всю челядь на двиръ.
Вси дивочкы коханочкы до церковци йдуть,
Молоду Стеху Штеривну посередъ села бьють.
Уси дивчаточкы—коханочкы та почесани,
А молодая Стеха Штеривна та нечесаная.
—Не плачъ, мате, не журыся, бо ще дома пьять,
Та не пускай на досвиткы—нехай дома сплять.
Не плачъ, мате, не журыся, бо ще дома тры,
Та не пускай на досвиткы, ворота запры.
На досвиткахъ, моя маты, у соломи сплять,
А биля ихъ, моя маты, женыхивъ по пьять.

Вар. I.

Ой пошлы наши та рыбалочкы рыбкы ловыты,
Не піймалы щукы рыбы, піймалы лына.
Роздывылысь, розсмотрилысь—ажъ мале дытя
Взялы-жъ те розмале дытя на билы рукы
Та понеслы те розмале дытя на казенный дворъ,
Положылы розмале дытя на тесовый столъ:
Убирайтеся, роскрасавыци—буде переборъ!
Уси, уси роскрасавыци та почесани йдуть,
Та на своихъ та головонькахъ виночкы несуть.
А одна, одна расканалья нечесана йде
Та на своій головонци винка не несе.

У Чуб. (т. 5, № 9, стр. 1191 и № 461, стр. 890) вар. отдаленные, пѣсни кратче, дѣйствіе происходитъ въ Харьковѣ.

[1]) Ерковцы—смежное съ Шершневкой село Засульской вол. Луб. уѣзда.

[2]) Вмѣсто Штеривна поютъ Нестеривна, Крепакивна. Фамиліи Штери въ с. Ерковцахъ нѣтъ.

Вар. II. Въ с. Литвякахъ послѣ шестой строчки такъ:

Тай ударылы та рыбалочкы въ большій колоколъ:
Сбирайтеся красни дивки на сей переборъ!
Тай котора зъ васъ, красни дивкы, дытя зродыла,
Тай у недилю та ранесенько въ ричку однесла.
У недилю та ранесенько уси дзвоны ревуть
А вже-жъ тую расканалью въ кайданы ведуть.

1. Свадебный обрядъ Лубенскаго уѣзда [1]).

Свадебный обрядъ Лубенскаго уѣзда, изложенный мною въ Кіевской Старинѣ 1890 г., распадается на двѣ части: приготовленіе къ торжеству, бывающее въ субботу и самое торжество—въ воскресенье. Въ субботу приготовляется женщинами, безъ участія вдовъ, главный обрядовой хлѣбъ—коровай или коровгай. Шишки, лежни, загребу—особый длинный хлѣбъ—пекутъ впрочемъ еще съ пятницы, въ м. Лукомьи даже съ четверга. Въ бывшей Матяшовской волости даже и коровай приготовляютъ съ пятницы. Въ субботу же къ молодой собираются ея подруги и старшая дружка свиваетъ два вѣнка изъ красныхъ лентъ, похожіе на цвѣты полнаго мака. Въ с. Тишкахъ одна дѣвица вьетъ вѣнокъ молодой,—другая молодому. Сиротки къ свиванію вѣнковъ не допускаются. Къ югу отъ Лубенъ также въ дер. Шекахъ и Хорошкахъ вѣнковъ публично не вьютъ, а заготовляютъ раньше. Послѣ вѣнковъ, молодая съ подругами идетъ приглашать на свадьбу. На Матяшовскихъ хуторахъ молодая, приглашая на свадьбу, становится на колѣни и кладетъ поклоны [2]). Въ южныхъ волостяхъ молодая приглашаетъ на свадьбу только вдвоемъ съ старшей дружкой. По возвращеніи съ улицы, дѣвицы изготовляютъ еще гильце или выльце [3])—сиреневую (зъ бозя) или вишневую вѣтвь, украшенную житомъ, калиной и гарусомъ. Въ Матяшовской, Черевковской и Тарандинцовской волостяхъ гильце вьютъ въ пятницу, а въ с. Волчкѣ въ воскресенье, какъ въ Кіевской губ. Въ южныхъ волостяхъ гильца нѣтъ; нѣтъ также по всему уѣзду гильца у молодого [4]). Съ окончаніемъ гильца въ большинствѣ селъ средней Лубенщины оканчивается и субботняя дѣятельность дружекъ и они въ самомъ началѣ вечера расходятся по домамъ. Въ южныхъ волостяхъ, также въ Черевковской, Тарандинцовской и въ м. Снѣтинѣ дружки сидятъ часовъ до 8—9 вечера у молодой и поютъ ей. Приходитъ и молодой съ музыкой

---

[1]) Ссылки подъ пѣснями отъ кого и когда записаны исключены, въ виду краткости пѣсенъ. *Прим. редакціи.*

[2]) Приглашеніе на свадьбу въ моемъ очеркѣ „На свадьбѣ у богача" стр. 2.

[3]) Гильце—остатокъ чествованія дерева и богослуженія въ лѣсу. Н. Ѳ. Сумцовъ. Кіев. Стар. 90 г. Іюль, стр. 72—87. Культурн. пережив.

[4]) Въ Кіев. губ. напротивъ только у молодого. Никол. Кіев. Стар. 83 г., стр. 382.

и боярами, если живетъ въ одномъ селѣ. Въ Шекахъ и Хорошкахъ молодая и дружки берутъ гильце и идутъ въ досвичаный домъ, туда же является молодой съ боярами. Въ досвичаномъ домѣ молодежь пьетъ водку, закусываетъ коржами и оладьями и поетъ. Свадебное торжество начинается въ воскресенье въ обоихъ весильныхъ домахъ одинаковыми обрядами. И молодого, и молодую родители и старшіе родственники благословляютъ хлѣбомъ, причемъ садятся на ряднѣ или кожухѣ шерстью вверхъ. Братъ садитъ молодую за столъ на посадъ, гдѣ она остается съ дружками до пріѣзда жениха. Въ домѣ молодого свахи и свитилки пришиваютъ поѣзжанамъ красныя ленты къ шапкамъ, а мать молодого въ кожухѣ шерстью вверхъ обсыпаетъ ихъ овсомъ. Въ Тарандинцовской волости мать ѣздитъ при этомъ верхомъ на палкѣ, а въ южныхъ волостяхъ выводитъ лошадей за поводья полою изъ двора. Поѣзжане въ нечетномъ числѣ 15—25 душъ выѣзжаютъ на 5—8 конныхъ повозкахъ. Въ Тишковской и Вильшанской волостяхъ поѣздъ ѣдетъ еще на волахъ [1]). Поѣздъ останавливается предъ запертыми воротами молодой и по уплатѣ мѣстнымъ парнямъ „воритняго могорыча" въѣзжаетъ во дворъ. Здѣсь лошадей привязываютъ къ плетню и поѣзжане подходятъ къ дому. Женихъ выдвигается впередъ, опираясь на трость. Дружка и пиддружного, первыми вошедшихъ въ хату, садятъ за столъ и ставятъ возлѣ нихъ кувшинъ съ брагой, накрытый шишкой. Возвратившись, послы объявляютъ поѣзду: „кланявся сватъ сватови, сваха сваси, молода молодому, старосты старостамъ, дружкы боярамъ, а мы вамъ". Изъ избы выносятъ столъ, происходитъ обмѣнъ шишокъ и подарковъ: зять получаетъ платокъ, которымъ въ с. Хитцахъ дружко тотчасъ же утираетъ ему носъ и перевязываетъ правую руку или привѣшиваетъ къ боку. Поѣзжане получаютъ хустки и рушныки, а мать—традиціонные чоботы, перевязанные красной лентой. Въ с. Крутомъ берегѣ поѣзжанъ приглашаетъ въ избу вмѣсто тестя стороннiй человѣкъ, затѣмъ въ избѣ ихъ спрашиваютъ: „хто звавъ у хату?"—„Батько", отвѣчаютъ они. Тогда выводятъ другого посторонняго и опять спрашиваютъ: „може се вашъ батько?" Поѣзжане отвѣчаютъ: „нѣтъ" и выходятъ изъ хаты. Еще разъ выходитъ посторонній человѣкъ и только затѣмъ уже показывается тесть и приглашаетъ войти въ домъ. Дружко вводитъ молодого и поѣзжанъ въ хату и трижды протискиваетъ ихъ вокругъ стола, подруги молодой вскакиваютъ на лавы, а братья и мальчики (продажныкы, продавальныкы) замахиваются и слегка ударяютъ молодого палками [2]). Во

[1]) Какъ въ Сербіи. Серб. село. Соврем. 65 г., V, стр. 143.

[2]) Сходныя обыкновенія во всей южной Руси, у русинъ, великороссовъ, сербовъ и осетинъ (см. Чуб. т. 4. Весилля у русинъ. Основа 62 г., стр. 32. Осокинъ. Сельск. св. въ Мал. уѣздѣ, въ Соврем. 74 г. Серб. село. Соврем. 65 г., V, стр. 140).

всей южной Лубенщинѣ, также въ Тарандинцовской и Тишковской волостяхъ дружко раздаетъ мальчикамъ по 1 коп. и по рюмкѣ водки, а свашка—по маленькой шишкѣ: „купують молоду“. Молодой садится возлѣ своей невѣсты въ шапкѣ съ вѣнкомъ, а къ югу отъ Лубенъ—безъ шапки и вѣнокъ прикалываютъ ему на грудь. Начинается угощеніе и пѣсенное состязаніе хоровъ дружекъ съ свашками и свитилками. насмѣшливыми пѣснями съ короткими и энергическими напѣвами. Кончивъ пѣть, дружки протискиваются во дворъ, за ними бояре, поѣзжане съ зажженной свѣчей [1]), молодые. Къ вечеру начинается ужинъ, раздѣлъ коровая и самый печальный моментъ свадьбы—расплетаніе косы. Невѣста наклоняетъ голову и братъ расплетаетъ ей кончикъ косы, вынимая оттуда красную ленту. Плачъ молодой и присутствующихъ женщинъ, печальное содержаніе и напѣвъ пѣсенъ, которыя поютъ въ это время, красный свѣтъ восковыхъ свѣчей—все производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе на душу [2]). Въ южныхъ и западныхъ волостяхъ обряда расплетанія косы въ домѣ молодой нѣтъ. Затѣмъ родители благословляютъ молодыхъ образами и хлѣбомъ. Отецъ говоритъ: „теперъ, дочко, на мій хлибъ не надійся, а соби дбайте та розжывайтесь, шобъ у васъ свій бувъ“. Простившись, молодая становится на возъ или сани, крестится и раскланивается на четыре стороны, начиная съ востока. Молодой становится возлѣ нея. Мать выводитъ лошадей со двора подъ уздцы, иногда полой, и посыпаетъ жито вслѣдъ молодымъ. За молодыми выѣзжаетъ повозка родственниковъ невѣсты, такъ называемыхъ „прыданъ“. Поѣздъ мчится къ молодому. Свашки и свитилки выкрикиваютъ свадебныя пѣсни, парни гикаютъ и бубенъ гудетъ не умолкая. Молодая, подъѣзжая къ своему новому жилищу, посыпаетъ житомъ, приговаривая: „твоя хата, а мій верхъ!“ Или такъ: „йиду сиримы воламы, щобъ позатыкать вамъ роты хвостамы. Ступаю правою ногою на поригъ, щобъ мое було право скризь. Моя пичъ, моя й ричъ“ [3]). Вблизи воротъ или на самыхъ воротахъ поѣздъ переѣзжаетъ черезъ огонь. Въ с. Великой Селецкой и Онишкахъ кто нибудь изъ поѣзжанъ стрѣляетъ. Въ с. Хитцахъ сама молодая распрягаетъ лошадей и бросаетъ черезъ голову дугу. Въ с. Губскомъ огонь зажигаютъ на порогѣ и переводятъ черезъ него молодыхъ въ

[1]) Горящій свѣтильникъ, по объясненію П. А. Кулиша (Основа 61 г., № 5, стр. 30), есть эмблема любви, горящей до гроба. Вѣроятно значеніе свѣчей на свадьбахъ не столь поэтично. Кажется, они зажигаются съ цѣлью предохраненія отъ злыхъ духовъ (Тейл. Первоб. культура, стр. 250).

[2]) Картинка расплетанія косы въ моемъ очеркѣ: „На свадьбѣ у богача“.—Расплетаніе косы, въ Подольск. губ.—подрѣзаніе, у Гуцуловъ и на Волыни—отрубливаніе конца—остатокъ жертвы невѣсты своихъ волосъ. Сумц. Религ. зн. малор. св. Кіев. 85 г., стр. 8.

[3]) Какъ извѣстно у римлянъ и у грековъ во время deductio in domum женихъ переносилъ невѣсту такъ, чтобы она не касалась порога ногами. Фюст. де Куланжъ, Древн. общ. С.-Пет. 67 г., в. 1, стр. 55—57.

сѣни. На порогѣ, въ с. Великой Селецкой передъ порогомъ, родители молодого благословляютъ прибывшихъ и принимаютъ отъ нихъ образа, горящія свѣчи, хлѣбъ-соль. Во время легкой закуски въ Матяшовской волости молодой надѣваютъ очипокъ, который она сбрасываетъ [1]), а затѣмъ дружко отводитъ молодыхъ въ комору на брачную постель. Спустя нѣкоторое время, дружко вноситъ рубашку молодой для изслѣдованія, приговаривая: „старосты, паны-старосты! благословить покрасу (или кушиль) въ хату унесты". Молодая, входя въ избу, становится на колѣни, молится и идетъ по скамьямъ, слегка приплясывая (топче лавы), цѣловать образа (богивъ). Иногда и поѣзжане потопчутъ лавы. Затѣмъ послѣдніе идутъ по селу съ музыкой оповѣстить, что все обстоитъ благополучно, въ доказательство чего носятъ и рубашку. Такое обыкновеніе называютъ къ югу отъ Лубенъ корогодомъ, а къ сѣверу—иты по прыданахъ. Если молодая „не чесна, не гарна, не хороша", ее не ведутъ въ комору, а надѣваютъ очипокъ. Она становится на колѣни и проситъ прощенія у присутствующихъ [2]). Въ такомъ случаѣ свадьбане оббиваютъ потолокъ и стѣны въ хатѣ, бьютъ окна, льютъ воду на полъ и мажутъ хату дегтемъ и сажей. Иногда привѣшиваютъ колыбель съ куклой сверхъ избы. Родственниковъ молодой, „прыданъ" гонятъ, а лошадямъ ихъ стригутъ хвосты и гривы. Всѣ перечисленныя обыкновенія замѣтно уничтожаются. „Теперъ вси гарни" замѣчаетъ народъ.

Въ понедѣльникъ утромъ молодая должна принесть воды и дать умыться свекру и свекрухѣ. Потомъ въ весильный домъ сходятся родственники молодого и обмѣниваются подарками съ молодыми. За завтракомъ отецъ молодого надѣваетъ на спичку кусокъ сала и дразнитъ имъ молодыхъ, которые, схвативъ, съѣдаютъ это сало, а неблаговоспитанная молодая выбрасываетъ его за окно. Тою же спичкой отецъ снимаетъ съ головы невѣстки платокъ и намитку. Между тѣмъ на весильномъ домѣ выставляютъ красную запаску, прикрѣпленную къ древку („покрасу"). Въ Тишковской, Засульской и Лазирской волостяхъ старшій бояринъ сопровождаетъ съ такимъ знаменемъ молодую, сначала въ церковь, гдѣ священникъ ставитъ новобрачныхъ на рушныкъ и покрываетъ молодую платкомъ, а изъ церкви къ рѣкѣ или колодцу „до мыли". Здѣсь дружко умываетъ молодыхъ и капаетъ за шею молодой. Въ с. Лукѣ и одной части Тишокъ—Заудаи молодую не водятъ въ церковь, а къ рѣкѣ; въ с. Губскомъ къ водѣ ведутъ только нечестную молодую. Въ другихъ мѣстахъ послѣднюю обдаютъ съ ногъ до головы водой. Когда молодыхъ ведутъ къ „мыли", музыка, идя за ними, наигрываетъ маршъ „Съ Богомъ, съ Богомъ! не сама съ собою,

---

[1]) Какъ въ Полт. и Елисаветгр. уѣзд. (Чуб. 4. стр. 591 и „Степъ" стр. 211).

[2]) Извиненіе молодой въ моемъ очеркѣ „Деревенская оргія". Кіев. Стар. 94 года, № 12, стр 488.

а якъ прыйдешъ мылый—такъ буду съ тобою“ [1]). Въ то же утро къ родителямъ молодой посылается бояринъ, обыкновенно братъ молодого, съ шишкой, перевязанной красной заполочью и завязанной въ хустку. Этотъ посолъ, войдя въ избу родителей новобрачной, говоритъ: „дайте ключи я одимкну (шышку)“. Получивъ хустку, онъ прежде всего снимаетъ съ шишки заполочь и раздаетъ женщинамъ, которыя вяжутъ ее себѣ къ волосамъ: „красять ридъ, шо хороша молода“. Затѣмъ посолъ, говоря: „старосты—паны-старосты! благословить сей чесный и величный хлибъ на мыръ Божый роздать!“ рѣжетъ и раздаетъ шишку всему роду, приглашая всѣхъ въ перезовъ. Въ с. Хитцахъ и самъ молодой приглашаетъ въ перезовъ. Когда перезва приближается къ двору новобрачныхъ, бояринъ машетъ покрасой, которую перезвяне стараются схватить. Если схватятъ, то молодой выкупаетъ ее полквартой, а если нѣтъ, то бояринъ прячетъ запаску въ карманъ и новобрачная выкупаетъ ее также полквартой. Затѣмъ молодой вводитъ тестя и тещу подъ руки въ избу и къ нимъ подводятъ чужую молодицу съ лицомъ, завѣшеннымъ намиткой или платкомъ, въ одеждѣ молодой. Если родители не узнаютъ подмѣна, то расплачиваются квартой водки и къ нимъ вторично подводятъ другую переряженную молодицу и только за третьимъ разомъ приводятъ дочь въ чужомъ нарядѣ и такъ же съ лицомъ, завѣшеннымъ намиткой. За обѣдомъ водку пьютъ изъ миски ложками. Послѣ обѣда молодая простилаетъ рядно и оба отца садятся на него, пьютъ водку. Стариковъ подливаютъ водой. Загулявшуюся перезву гонятъ ударами довбни въ уголъ дома и горшкомъ, пущеннымъ въ двери. Въ южной половинѣ Лубенскаго уѣзда перезвы нѣтъ. Понедѣльникъ оканчивается слѣдующими обыкновеніями: къ тещѣ сходятся женщины и прядутъ ей, потому что она лишилась пряхи, а также подвязываютъ ей животъ коноплей или соломой „що скынула дытыну“. Тестю „заварюють соняшныцю“. Свекрухѣ также подвязываютъ животъ коноплями „що прывела близнятъ“. Во вторникъ въ домѣ свекра подражаютъ молотьбѣ, затѣмъ забираютъ его въ шинокъ и здѣсь „батька пропываютъ“. Молодежь, переодѣтая цыганами, идетъ по селу захватывать куръ и поросятъ, приноситъ ихъ въ весильный домъ. Пьютъ всю ночь. Случается, что женщина, переодѣтая мужчиной въѣзжаетъ въ избу верхомъ и коню вливаютъ водки въ горло. Дружка и пиддружного садятъ на подушки и молодая „выкупа поясы“, т. е. даетъ имъ водки и по платку. Въ с. Воронинцахъ мать и отецъ, выдавшіе послѣднюю дочь замужъ, увѣнчиваются вѣнками изъ жита. Во вторникъ оканчивается свадьба и новобрачная перестаетъ „молодить“.

---

[1]) Такимъ образомъ покраса есть изображеніе различными предметами краснаго цвѣта факта невинности новобрачной, а мыля—обрядовое очищеніе, о какомъ очищеніи сказано въ 1-й главѣ настоящаго сборника—„Родины“.

2. Замѣтка о свадебныхъ обыкновеніяхъ.

Всѣ авторитеты по первобытной этнографіи сходятся на томъ предположеніи, что въ началѣ человѣческихъ обществъ брачныя отношенія представляются соединеніемъ неопредѣленнаго многомужества съ неопредѣленнымъ многоженствомъ. Только въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества къ общинному браку присоединился индивидуальный. По мнѣнію Спенсера, путемъ насилія внутри племени и похищенія женъ изъ другихъ племенъ. Такое похищеніе было вначалѣ лишь частью общаго ограбленія побѣжденныхъ, а потомъ привело къ обычаю частнаго похищенія, потому что плѣнная женщина наглядно свидѣтельствовала о доблести мужчины, какъ его живой трофей (Спенс. Основ. соціолог. Спт. 76 г. стр. 687). Насильственное похищеніе женщинъ, охвативъ обширное пространство, настолько сжилось съ бракомъ, что сдѣлалось необходимымъ институтомъ брачнаго процесса у многихъ народовъ въ формѣ поисковъ, охоты, погони жениха за невѣстой, борьбы съ ней и перенесенія черезъ порогъ дома; нападенія на жилье невѣсты съ отрядомъ поѣзжанъ, соединеннаго со стрѣльбой, погромомъ дома и сада (Лёб. Нач. цив., стр. 59. Ф. де Куланжъ. Др. Общ. 67 г., стр. 54 и 56). Л. Кукъ. Истор. бр. Нов. Вр. 94 г., № 171, стр. 7. Прав. Благов. 94 г., № 1, Янв., стр. 14. М. Ковал. Соврем. об. и др. зак. 86 г., стр. 122. Поп. Липовацъ. Черног. Сатп. 90 г., стр. 159. Серб. сел. въ Совр. 65 г. V, стр. 141). Свидѣтельство лѣтописи, хороводы, свадебные обряды и пѣсни доказываютъ существованіе брака чрезъ умыканіе у великоруссовъ и малоруссовъ. Въ великорусской свадьбѣ доступъ жениху къ дворъ невѣсты и къ церкви преграждается парнями, а дружко жениха и братъ невѣсты подражаютъ дракѣ. (Посид. и свад. Южак. Совр. 64 г. № 5, стр. 32 и 40. Весинъ. Совр. велик. въ свад. об. Рус. Мысль 91 г. № 9, стр. 82 и 85). На свадьбѣ поютъ:

Пріѣдутъ къ батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежемъ.
Что ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку.
Повезутъ меня молоду
На чужую сторонушку.

Кавелинъ. Собр. соч. ч. 4, стр. 158.

Громъ гремитъ передъ тучею,
Грозенъ ѣдетъ Иванъ господинъ
Къ селу подъѣзжаетъ, всѣ выстрѣливаютъ.
Наѣхали гости незванные,
Наступали на новыя сѣни,
Обломили сѣни новыя,
Поваляли столы дубовые,
Вымарали скатерти бѣлыя,
Раздавили золотую чару.

(Изъ Финскаго Вѣстника 47 г., № 9, Рус. нар. пѣсни, сб. Пискарева №№ 16, 18, 20, стр. 15—17).

Еще опредѣленнѣе выражается воспоминаніе о бракѣ чрезъ умыканіе въ общемъ характерѣ и отдѣльныхъ пѣсняхъ и обрядахъ малорусской свадьбы. Такъ, въ литературѣ, кажется Шейковскимъ, высказано было мнѣніе, что одно изъ значеній глагола „браты, взяты“ (жениться) указываетъ на умыканіе. Брали насильно. Затѣмъ въ свадебныхъ пѣсняхъ почти не упоминается о любви. Напротивъ, дѣвушка представляется во многихъ изъ нихъ выходящею за человѣка, котораго не знаетъ. Содержаніе и мотивъ многихъ пѣсенъ мрачны. Въ свадебныхъ пѣсняхъ такъ много описаній наружности молодыхъ и ихъ свиты, точно дѣло идетъ о людяхъ никогда другъ друга не видавшихъ. Точнѣе указываютъ на умыканіе слѣдующія обыкновенія и пѣсни. На правомъ берегу Днѣпра сватовъ, прибывшихъ впервые, не пускаютъ въ хату, говоря: „може вы разбойныкы?“ На заручинахъ ихъ перевязываютъ рушниками, называя мошенниками (Чуб. т. 4, стр. 59, 62, 557, 614, 680). Молодой выѣзжаетъ съ враждебными намѣреніями:

Выбьемо стину камьяну, | Визьмемо Марусеньку молоду.
Будемо замкы ламаты, | Марусеньку доставаты.
. . . Львувъ розбываты | Королевну добываты.

(Чуб., т. 4, № 858, 859, 861 и 1446, на стр. 325 и 475).

Движеніе поѣзда есть движеніе вооруженнаго отряда:

Черезъ поле полтавське | Тожъ Васылько зъ війскомъ иде.
Йихало війско буярскее |

(Чуб., т. 4 № 861, стр. 325. Степ. № 40, стр. 182).

. . . . зять иде, | Да сто коней верховихъ,
Не багато бояръ веде. | Да симдесять возовыхъ.

(Чуб. № 895, стр. 335).

Полкомъ Иванко на посагъ иде.

(Ibid. № 240,—150).

Воспоминаніемъ о вооруженной свитѣ молодого служитъ сабля свитилки у насъ и красное знамя хорунжаго у русинъ (Осн. 62 г., IV, стр. 32). Пріѣздъ молодого къ невѣстѣ встрѣчаютъ какъ набѣгъ. Ворота ея жилья заперты, у нихъ происходитъ примѣрная драка. При входѣ въ домъ поютъ:

Не наступай лытва, | Буде межъ намы бытва.

Чуб. 4, № 934, стр. 346).

Братья и родственники молодой бьютъ молодого палками, у русинъ братъ машетъ саблей, женихъ насильно отрываетъ молодую отъ стола (Осн. 62, IV, стр. 32). Отголоски дѣйствительной борьбы слышатся и въ перебранкѣ насмѣшливыми пѣснями поѣзжанъ съ дружками невѣсты, ка-

кое отношеніе хозяевъ къ гостямъ совсѣмъ не было бы понятно безъ воспоминанія объ умыканіи. Быть можетъ подобными пѣснями женщины прежде подзадоривали мужчинъ къ борьбѣ. Въ нихъ состязающіеся хоры изображаютъ другъ друга жадными, голодными, безобразными бродягами. Напримѣръ: молодой стоитъ какъ ворона, старшій бояринъ—баранъ, свитилка—лыса, у нея чужая рубашка; бояре, свашки, дружки крадутъ пищу; маршалки съѣли вола [1]). Нужно еще замѣтить, что приписываемые въ пѣсняхъ недостатки свиты молодыхъ разъ навсегда указаны и было бы верхомъ неприличія дѣлать намеки на дѣйствительныя несовершенства присутствующихъ.

Съ развитіемъ цивилизаціи захватъ женщинъ замѣняется покупкой. При неопредѣленности правъ родителей отчужденіе дѣвушекъ принадлежало общинѣ, а съ уясненіемъ семейныхъ отношеній—матери, старшимъ родственникамъ съ материнской стороны, братьямъ, при установленіи же патріархата—отцу. Отдаленнымъ воспоминаніемъ о правахъ общины надъ дѣвушкой остаются слѣдующія обыкновенія: 1) платежъ стороннимъ парнемъ мѣстному обществу молодежи за право ухаживать и сближаться съ дѣвушкой извѣстнаго села или его части, на досвиткахъ, о какомъ обыкновеніи упомянуто во 2-мъ выпускѣ настоящаго сборника [2]); 2) уплата молодымъ „воритняго могорыча" мѣстнымъ парнямъ при въѣздѣ во дворъ невѣсты и на такъ назыв. „переймахъ" при поѣздкѣ въ церковь; 3) публичное установленіе нецѣломудрія послѣ primae noctis, считающагося проступкомъ противъ цѣлаго общества, а не противъ отдѣльнаго лица. У осетинъ и до сихъ поръ уплата за невѣсту производится всему аулу. Бракъ у нихъ построенъ вообще на началѣ купли. При сговорѣ сватъ дает старшему родственнику невѣсты задатокъ за нее. За отказъ отъ дѣвушки назначается штрафъ, кромѣ случаевъ утраты цѣломудрія или обнаруженія физическихъ недостатковъ и болѣзней. (Мак. Ковал. Совр. обыч. и др. законъ стр. 175, 182, 246 и 260 ч. 1). У болгаръ также есть вѣно (pretium nuptialae), половина котораго выдается родителямъ невѣсты

[1]) Кромѣ сб. Чуб. означенныя пѣсни находятся въ Степи №№ 59, 60, 63, 65 и 6.. Въ сб. Черн. Бѣлозерки съ № 39—59, на стр. 38—40.

Въ сб. П. Луб. у. Кіев. Ст. №№ 137—165 и 178—204, стр. 164—172, 175—179. К. Ст. 83, стр. 391—394, кн. 2.

Николайчикъ замѣчаетъ вскользь, что эти пѣсни указыв. на умыканіе. Въ настоящемъ сб. 131, 134—154.

[2]) Досвитки призн. проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ обломкомъ пробнаго брака, составляющаго переходъ отъ коммунальнаго брака и многоженства къ моногаміи (Досвитки и по... Кіевъ. 86 г., стр. 11—13).

[3]) Вѣно отъ вѣнити—продавать, подобно тому какъ по еврейски mâkar, mâchar продавать и выдавать замужъ (Атеней. 59 г. ч. 2, стр 44).

сговорѣ, а другая—когда невѣста признается дѣвственной (Кiев. Стар. кн. 5, стр. 279, 280, 283 и 284). Подарки и деньги за молодую вносятся въ Сербiи отцу, въ Черногорiи—матери невѣсты (Серб. село Совр. 65 г., V, стр. 139. Попов. Липов. Черногорцы стр. 161 и 170). Съ большой опредѣленностью выступаетъ воспоминанiе о покупкѣ женщинъ въ великорусскихъ брачныхъ обыкновенiяхъ. Невѣсту разсматриваютъ какъ товаръ. Лице, шею, уши, руки ея подвергаютъ изслѣдованiю. Ее заставляютъ пройтись предъ сватами, чтобы узнать не хромая ли она, заставляютъ публично прясть. При сговорѣ опредѣляется так. наз. кладка, т. е. плата отъ 25—100 р., которую женихъ долженъ внести за невѣсту. Передаютъ невѣсту молодому съ полы (Совр. велик. въ брачн. обряд. Весинъ. Рус. Мысль. 91 г., кн. 9, стр. 60—88. Дѣло 77 г. Очерки первоб. жизни Шашкова, стр. 205. Кулишеръ. Символизмъ въ прав. В. Евр. 83 г., кн. 11, стр. 200. Южаковъ. Посид. и свадьба. Совр. 63 г., V, стр. 21. Кавелинъ. Собр. соч. ч. 4, стр. 164). Послѣ дѣвичника невѣста причитаетъ:

Что за купцы были? | Торговали, закупали | Буйную мою головушку.

(Осок. Сельск. св. въ Малм. уѣздѣ къ Совр., стр. 71).

Обрядовая покупка женъ менѣе рѣзко выступаетъ въ южнорусской свадьбѣ. Въ Подольской и Полтавской губ. во время сговора бываетъ однако условiе о подаркахъ и о штрафѣ за нарушенiе договора, есть и рукобитiе полой, какъ при куплѣ-продажѣ (Чуб. 4, стр. 66 и 615). Мѣстами покупается мѣсто возлѣ молодой или ея коса у брата, который называется продавцемъ. Есть и пѣсни, упоминающiя о такой продажѣ (Чуб. 4, стр. 639, 690, 346, 347 и т. д.).

Только съ дальнѣйшимъ ходомъ жизни продажа женъ превращается въ договоръ двухъ семей о брачномъ союзѣ ихъ членовъ, какое семейное и родовое соглашенiе проходитъ чрезъ весь строй современной малорусской свадьбы и выражается въ значительномъ числѣ отдѣльныхъ обрядовъ [1]).

1 [2]).

Не йдить молодыци
До насъ винка выты.
Зовьемо мы самы
Зъ молодымы буярамы,
Зъ яснымы соколамы.

2.

Черезъ синечкы садочокъ
Та вылы дивчыни тамъ виночокъ.
Вылы, вылы, перевывалы
До лыченька ривнялы.
Покотылы по столу
По гильчастому [3]) скатертю.

[1]) Напр. на разглядинахъ ни въ какомъ случаѣ не допускается присутствiе невѣсты. Желанiе невѣсты х. Тернавщины,—казалось бы столь естественное—посмотрѣть на жилье молодого повело къ нареканiямъ на нее всего мѣстнаго общества и, въ концѣ концовъ привело къ уничтоженiю самой свадьбы.

[2]) Пѣсни съ 1—12-ю поются при свиванiи вѣнковъ въ субботу дружками молодой.

[3]) Дрябчастому, въ с. Черыкахъ—квитчастому.

Прыкотылы до ручокъ:
Возьмы, батеньку, виночокъ.
Ой не визьму, доненько, не визьму
Съ жалю ручечокъ не здійму.

Чуб., т. 4, стр. 127, 2 и 3 строчки отличны и другое окончаніе.

3.

Вар. I. Въ с. Біевцахъ прибавляютъ еще въ концѣ:

За слизоньками не выжу
За слизоньками за дрибненькымы
За друженькамы пышненькымы.

Вар. II. Въ х. Пышномъ, послѣ 6-й строчки, поютъ:

— Ой увійды, батеньку, увійды,
Съ каймы виночокъ издіймы.
— Ой не ввійду, доненько, не ввійду
Съ каймы виночка не здійму
За слизоньками за дрибненькими
Я й виночка не побачу.

4.

Звылы виночокъ Маруси
Изъ шевліи, та изъ руточкы
Та изъ мьяточкы
Тай покотылы черезъ дороженьку
Ажъ у вышневый садокъ
Тутъ тоби, виночку, буты
И прыбуваты,
А тоби, Марусю, у ридного свекра
Прывыкаты.

5.

Ой звылы дивчыни виночокъ
Покотылы въ вышневый садочокъ,
А котяче та говорыла
Подружечкамъ гуляння дарыла:
Ой гуляйте якъ гуляетьця
Бо вже мое та мынаетьця
Субботнее росчесаннячко
Недильнее прыбираннячко.
У субботу тай рощешуся,
Въ недилоньку прыберуся
Но всю челядь подывлюся.
Вси дивочкы въ косахъ сыдять,
А на мою та роса впала,
Щобъ я йийи та рощесала.
Налетилы та голубонькы
Изъ чужои сторононькы
Взялы косу та ростріпалы
И золото обирвалы.

6.

Ой, матинко та голубонько!
Ой, шось мени та за сонъ снывся:
Чорнымъ шовкомъ весь двирокъ повывся,
А горошкомъ та обсыпався,
Калыною тай обтыкався.
— Ой, доненько, моя павонько!
То не сонъ—щира правдонька.
Шо чорный шовкъ—твои кисонькы,
А горошокъ—дрибни слизонькы,
А калына дивованнячко—
Мынаетця все гулянннячко!

7.

Ой, матинко! якый сонъ прыснывся
Чорнымъ шовкомъ весь двирокъ повывся,
А горошкомъ обкотывся,
Калыною обсадывся.
Доню моя! молода Марушко!
Що чорный шовкъ до то кисонькы,
А горошокъ до то слизонькы
Калынонька—дивованнячко,
Мынаетьця все гулянячко.

Ой гуляйте якъ гуляетьця
Бо вже мое та мынаетьця
Субботнее змываннячко,
Недильнейше прибираннячко.
Що въ субботу измыюсь,
А въ недилю приберуся
На всю челядь подывлюся.

8.

Шла дивчына въ вышневимъ садочку
Покотыла червоный виночокъ,
А котяче тай говорыла,
Подружечкамъ гуляння дарыла
Гуляйте, подружкы, гуляйте
Бо вже мени не гуляеться
Роскишъ моя та мынаеться
Гулянячко дивованнячко
Субботнее росчесаннячко.
Що въ субботу росчешуся,
А въ недилю прыберуся
На Иванка подывлюся.

9.

Чы не жаль тоби, моя матинко, мене буде,
А якъ мене въ сій свитлонци та не буде?
Якъ по весни та садочкы все цвистымуть,
А подружечкы все виночкы тай плестымуть,
Помижъ твои воритенька тай нестымуть.
Та не будуть до хатонькы прывертаты,
Бо никого на улыцю выклыкаты.
Та нестымуть смородыну зелененьку,
Та згадаешъ мене, матинко, молоденьку.
Якъ нестымуть смородыну, смородяный цвитъ,
Завьязала, моя матинко, молодою свитъ.
Якъ нестымуть смородыну зъ ягидкамы,
Тай умыесся, моя матинко, слизонькамы!
Не разъ, не два, моя матинко, заплачешъ,
Покы мене въ своій свитлонци тай побачышъ.
Не разъ, не два, моя матинко, тай затужышъ,
Покы мене черезъ люды перечуешъ.

Вар. Кіев. Стар. кн. 7, № 5, стр. 132 и въ Ластивкѣ Гребинки, 1841 г., записана Шереперей стр. 347.—У Чуб., т. 4, № 945, стр. 349, гораздо кратче.

10.

На вгороди дви вышенькы, за вгородомъ тры,
Булобъ тоби, та Марусю, щей замижъ не йты.
На вгороди дви вышенькы, за вгородомъ пьять,
Булобъ тоби, та Марусю, щей дома гулять.
Якъ зацвитуть ти вышенькы квиточкамы,
Булобъ тоби, Марусенько, гулять зъ дивочкамы,
Якъ зацвитуть ти вышенькы биленькимы,
Булобъ тоби гулять зъ молоденькимы.

11.

Мынаютьця ягоды полуныци,
Уже й мынулысь,
Мынаютьця Маруси вечорныци,
Уже й мынулысь.
Идуть сестрыци на вечорныци
Мене до ворить клычуть:
Ходимъ, сестрыце, зъ намы
Зъ намы дивочкамы.
Идить, сестрыци, мене не ждите,
Бо въ мого свекорка посередъ двора
Стоить рублена комора.
Тамъ сестрыци
Вишни мои вечорныци.

12.

Ой, винку, мій винку!
Хрещатый барвинку!
Куповала я тебе у Крымку.
Замыкала я тебе въ скрыньку.
Сёгодня поношу,
Скыну тай заброшу.

Чуб., т. 4, стр. 370 (№ 1027) изъ сб. Лозинскаго, очень отличный варіантъ.

13 [1]).

Що въ синечкахъ голубець гуде,
А въ свитлоньку голосочокъ иде.
Тамъ Орыся наряжалася
Зъ матинкою поражалася:
Порадь мене, моя мате,
Скилькы мени дружечокъ браты?
Ой ты, доню, челядыноньку
Беры, доню, всю родыноньку
И блызькую, и далекую,
И сестрыцю ридненькую.

Вар.

Беры сестрыци, беры зовыци
Уси подружкы у дружкы.

14.

У субботоньку за сонця
Сила Марьюшка край виконця
Тай пытается свого батенька:
Скилькы мени дружечокъ браты?
Беры, доненьку, скилькы хочъ,
Скилькы сылонька зможе,
Скилькы тоби Богъ поможе.
Беры зовыци, беры сестрыци
Беры й подружкы у дружкы.

Вар. Кіев. Стар. 90 г., 7, № 7, стр. 133.

15.

Ишлы бояре рядъ по ряду
Молоденькый Иванко попереду.
Скынувъ шапочку махае:
Слухайте, бояре, щось гуде,
То моя Наталочка дружкы веде.

Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки. С. Чернявской, Харьковъ, 93 г., стр. 34, № пѣсни 17, двѣ послѣднія строчки одинаковы.

16.

Ой у гору сонце йде, у гору,
А Маруся иде съ двору.
Ой вы, сусиды ворогы,
Не переходьте дорогы,
Бо ся дорога до Бога,
До свекрового порога.

---

1) Пѣс. съ 13—61-ю поютъ дружки на улицѣ, когда молодая приглашаетъ къ себѣ на свадьбу.

17.

У гору сонечко, у гору йде,
Уже наша дивчынонька зъ двору йде
На йий виночкы червоненькы
За нею дружечкы молоденькы.

18.

Тыхо, тыхо лотокамы вода йде,
Туды наша Маруся зъ дружкамы йде.
Ростyпытеся ворогы
Изъ нашои ривной дорогы,
Бо пидтопчимо пидъ ногы.

19.

Плавала щука по пидъ млыномъ
Та давала дивчына ручку двомъ,
А хоть двомъ, не двомъ — одному.
На тоби, Иванко, ручку мою,
А ты, Василю, не гайся,
Пиды соби зъ иншою звинчайся,
А ты, Васылю, дуйсь, не дуйсь,
Пиды соби съ иншою поцилуйсь,
А ты, Васылю, дывысь, не дывысь
Пиды соби зъ иншою обіймысь.

Вар. въ Кіев. Стар. Іюль, 90 г., № 41, стр. 138, кратче на послѣднія 4 строчки.

20.

Бодай тебе, та Марусю,
Изъ твоимы дружечкамы!
Мали, невелычкы,
Якъ повны гвоздычкы.

21.

Улыцямы, дружечкы, улыцямы
Брязьчить, дружечкы, пидковкамы.
Свитить, дружечкы, винкамы,
А якъ на неби зиркамы.

22.

Шумила дибривонька, шумила,
Туды наша дивчинонька ходыла.
Кискою плечыци укрыла,
За собою дружечокъ водыла.

23.

Не вій витре въ лузи,
Повій по дорози,
Зеленою полосою
За нашою молодою.

24.

Повій, витре, дорогою
За нашою молодою.
Розвій йийи косу
Якъ литнюю росу
По дному волосочку
По червоному поясочку
По дній волосыни
По червонимъ поясыни.

Степъ № 23, стр. 176.

25.

Ой тамъ жыто родыть
Де дивчына ходыть.
По мижъ галочкамы
Зъ своимы дружечкамы,
Помижъ маленькимы
Зъ своими вирненькимы.

26.

Ой рядочкомъ, дружечкы, рядочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ.
Та щыпайте руту мняту кучеряву
Обтыкайте Ганнушечку чорняву.

27.

Холодочкомъ, дружечкы, холодочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ.
Тай вырвемо квиточку зелененьку,
Та затычемъ Марусю молоденьку.
Щобъ та квиточка зеленила,
А Маруся молодила.

Кіев. Стар. 1890 г., 7 кн., № 17, стр. 134. Степъ № 28, стр. 177. Чуб. т. 4, № 185, стр. 135.

28.

Та срибная сережечка—Марусенька,
Золотій перстенёкъ—Васылечко.
Тай обвыхнувся коло ручкы,
Коло йийи русои кисочкы.

29.

Серебряная сережечка замазаная,
Чогось наша Маруся заплаканая?
Я ту сережечку тай обмыю,
Заплачешъ ты, та Марусю, у недилю.

30.

Срибная сережечка замазаная
Чогось наша дивчынонька заплаканая?
Наймай, козаче, музыкы
Грайте, музыкы, одъ села до села
Щобъ наша дивчына весела була,
Грайте, музыкы, ризвенько
Щобъ наша дивчына веселенька.

31.

Уси лугы, бережечкы
Вода полыла [1]),
Молоденьку та Марусю
Журьба обняла.
Молоденькій Данылко
Музыку найма,
Грайте музыченькы
Одъ села до села
Щобъ моя Маруся
Весела була.
Грайте, музыкы, ризкійше,
Щобъ нашій Маруси веселійше.

32.

Ой дывытця, пидружечкы, куды я пиду:
Чы на тую та гироньку на крутую,
Чы й у тую сторононьку тай чужую.
Чы до того та дубочка зелененького,
Чы до того Васылька молоденького.

33.

Голубіи фіялочкы гору скрылы
Тилькы одну дорожечку пропустылы.

[1]) Поняла.

Туды йшла Маруся съ дружечкамы,
А за нею Иванко съ буярамы:
— Пидожды, Марусенько, бо вже ты моя!
— Вона стала, отгадала, що я не твоя.
Объиздывъ я, Марусенько, городкивъ не пьять,
Да прыйихавъ, Марусенько, до тебе упьять.

Вар. I. Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ:

Ой на гори фіялочки голубіи
Круту гору камьяную тай укрылы.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г. Іюль, Свад. Пѣс. Луб. уѣз. В. М. стр. 189, Чуб. т. 4, № 147, стр. 120.

Вар. II. Въ м. Лукомьи первыя строчки такъ:

Ой на гори васылечкы вродылы
Усю гору камьяную закрасылы
Тильки одну дорожечку пропустылы.

34.

Ой лугамы, берегамы, стежечкамы
Туда ишла дивчынонька съ дружечкамы
Говорыла изъ водою луговою:
Вода-жъ моя луговая
Якъ я тебе, вода моя, избирала
Свое лычко билесеньке умывала.
Було лычко якъ яблучко
У батенька мого,
А чы буде, козаченько,
Таке й у твого?
А якъ будешъ, дивчынонько, покирненька
Буде твоя головонька спокійненька,
А якъ будешъ, дивчынонько, тай сердыта
Буде твоя головонька що дня быта.

35.

Думай, думай, ты Марусю,
Думай та гадай—
Перебресты дви риченькы,
А третій Дунай.
—Ой не страшна быстра ричка,
Не страшный Дунай,
Страшна мени дороженька,
Шо далекый край.

36.

Думай, думай, Марусенька,
Думай та гадай.
Бресты тоби дви риченькы,
А третій Дунай.
Перебрела дви риченькы,
А Дунаю нитъ,
Та забула дивовання [1]),
А роскоши нитъ.
Мынаются роскошонькы [2])
Сама бачу.
Не разъ, не два по роскоши
Тай заплачу.
Пиду я до свекорка
У субботу
Взялысь мои роскошонькы
За роботу.
Ой пиду я до батенька
У недиллю

[1]) Гуляноньки.
[2]) Роскишъ моя у батенька.

Сыдять мои роскошонькы
По застилью.
Ой пиду я до свекорка
Въ понедилокъ
Сыдять мои роскошонькы
Якъ барвинокъ.

Въ м. Лукомьи начало этой пѣсни другое:

Ой загулы голубонькы селомъ летяче,
Ой куды-жъ вы, голубонькы, тай полетыте,
Куды-жъ мое дивовання занесете?
Полетымо, Марусенько, на тыхый Дунай и т. д.

37.

Ой загулы голубонькы въ поле летячы
Заплакала дивчынонька на посади сыдячи.
— Ой куды вы, голубонькы, тай полетыте,
Куды мое дивовання тай занесете?
— Ой полетымо тай дивчына въ чысте поле
Та вкынемо дивовання въ сыне море,
Уже твое дивовання до вику не зорне.
— Ой переймы-жъ, мiй батеньку, тiи голубы
Та заверны дивовання хоть годивъ на тры.
— Дочко моя, паняночко, вжей не перейму,
Уже твое дивовання тай не заверну.

Вар. Послѣ шестой стрóчки:

Тоди твое дивовання завернетця,
Якъ у поли сыне море розильетця.

38.

Полынулы голубонькы полемъ гудуче,
А за нымы та Маруся у слидъ, плачуче.
— Ой переймай, моя матинко, тiи голубы,
Шо далеко полетилы полемъ гудуче.
Ой уже-жъ я, доньку моя, хотя й перейму,
То вже твого гулянночка назадъ не займу.
— Полетымо, Марусенько, въ чысте поле,
Та вкынемо гулянночко въ чысте море.
— Ой, колы вы, голубонькы, тай прылетыте,
Колы мое гулянночко тай прынесете?
-- Покы свита, покы сонця не прылетымо,
Та вже твого гулянночка не прынесемо.

39.

Ой куды вы, голубонькы,
Тай полетыте?
Куды мое дивовання
Тай занесете?
Та заверны, мiй батеньку,
Сиры голубы,

Тай переймы дивування
Хочь годивъ на тры.
Полетымо, Марусенько,
Въ чысте поле,
Закынемо дивування
Въ сыне море.
Полетымо Марусенько
Та на лукы,
Попадешься Васылькови
Та въ рукы.

40.

На вгороди рожа стояла
Тамъ зузуленька кувала,
Выйшла дивчына рожи щыпаты
И зузуленькы пытаты:
Скажы, зузуле, скажы, сызая,
Стилькы мени у батенька буты?
Ой буты тоби, молода дивчына,
Симъ недиль щей чотыри.
Бодай же ты, зузуле, бодай же ты сызая
И на той годъ не закувала,
Якъ ты мени молодій
Правды не сказала.

Затѣмъ повторяютъ первыя шесть строчекъ пѣсни и кончаютъ такъ:

Ой буты тоби, молода дивчына,
Оцей денекъ та до вечора.
Бодай ты, зузуле, на той годъ закувала
Якъ ты мени, молодесенькій, правду сказала.

Чуб. т. 4, стр. 408, № 1164 отличается.

41.

Закувала зузулына
Въ саду на паду.
Та казала Наталочка
Замижъ не пиду.
Та казала молодая погуляю
Русою косою помаю.
Хай моя русая коса помае,
Колы мене батенько не дае.
Хай моя руса коса майе
Колы мене матинка жаліе.

Вар. въ Кіев. Стар. за Іюль 90 г., № 32, стр. 136.

42.

Ой, на гори ячминь,
А въ долыни просо.
Щось на тебе буде,
Моя руса косо?
Будуть тебе росплитаты
Та до купы сбыраты.

43.

Горохъ, горохъ по дорози
Десь мій мылый у дорози.
Винъ торгомъ торгуе
Черевычкы купуе.
Купуй, купуй черевыченькы
Въ мене нижкы невелыченькы.

44.

Ой хмелю, хмелечку
Ты тонкое стебелечко!
Та казала дивчынонька
Ты, казаче, мое сердечко.

Вар. въ Степи Спт. 1886 г., стр. 168, № 7. Чуб., т. 4, стр. 350, № 949.

45.

Чы хмиль по дорози,
Чы жовтее стебелечко?
Чы скажешъ, Марусю, на Павла:
Мое сердечко?
И казала, и казатыму,
Серденяткомъ называтыму.

46.

Ячминь по дорози
Родывъ его Боже.
Зеленое та стебелечко
Козаченько мое сердечко.

47.

Ой попы, попы зъ дяками
Велыки кныгы чыталы.
Велыки кныгы чыталы,
Покы нашу Наталю звинчалы.

48.

Кучерявый Иванко кучерявый
Хто ёму кучери завывае,
Молодая Маруся сподобала
Вона мени кучери завывала.

Чуб., т. 4. № 25, стр. 72.

49.

Кучерява верба
Зъ верха до кориня.
Винчалась Маруся
Зъ снидання до полудня.
Сама соби дывувалась,
Що зъ хорошимъ повинчалась.
Сама соби дывуеться,
Що съ хорошимъ цилуеться.

Вар. Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, № 35, стр. 137.

50.

За хатою, за свитлыцею
Стоить верба зъ росыцею.
Хто-жъ ту вербу зрубае?
Хто-жъ ту росу позбирае?
То Иванко вербу изрубае,
А Маруся росу позбирае.

51.

Орелъ дерево поломавъ,
На тыхому Дунаечку кладкы славъ
Зъ высокого дерева зъ ялыны
Съ хрещатого барвиночка, зъ калыны
Молоденькій Маруси княгыни.

52.

Ой де твоя, дивчынонько, мате
Що никому порядку даваты?
У Кіивъ пишла забарылася
На рыбоньку задывылася.
Де взялыся татары—гусары
Взялы мою матинку забралы.

53.

Ой брязнулы ключи
До свекрухы идучи.
На новимъ помости
До свекрухы въ гости.
Прыбирайся, свекрушыно, прыбирайся,
Молодои невисточкы сподивайся,
А щобъ була горилочка мочена,
Щобъ була рыбочка печена,
Щобъ булы вареничкы въ масли,
Бо йдуть дружечкы прекрасни.

54.

Спечы, спечы, матинко, симъ булокъ
Прыведу до тебе симъ дружокъ,
А якъ не спечешъ якъ знаешъ
Ты мене за дытыну не щытаешъ.

55.

Прыбирайсь, матинко, прыбирайсь
Та до себе дружечокъ сподивайся,
Щобъ була рыбочка жареная,
Щобъ була горилочка вареная,
Щобъ булы ягидкы червоненькы,
Бо йдуть дружечкы молоденькы.

Кіев. Стар. № 7, стр. 140, № 48. Чуб. Труды экс. т. 4, стр. 141, № 216.

56.

Топы, матинко, у печи,
Печи, матинко, калачи.
Да печи, матинко, на меду,
Я до тебе дружечокъ прыведу.
Щобъ була рыбонька печена
И горилочка варена.
Щобъ булы огирочкы солоненьки
Во йдуть дружечкы молоденьки.

57.

Прыбирайся, матинко, прыбирайся,
Та до себе й дружечокъ сподивайся.
Печи калачи на меду
Я до тебе дружечокъ прыведу.
Шобъ була рыбочка печена
Щей горилочка варена.
Шобъ булы солоненьки огиркы,
Шобъ булы дружечкы говиркы.

Въ д. Стукаловкѣ двѣ послѣднія строчки такъ:

Шобъ булы огирочкы й огиркы,
Бо йдуть дружечкы говиркы.

58.

Вымитайте дворы,
Застылайте столы,
Сповняйте кубочкы,
Бо йдуть дружечкы.

59.

Выйды, матинко, проты насъ
Тай спытай, матинко, усихъ насъ:
Де мы, дружечкы, ходылы,
Де мы Марусю сгубылы.

60.

До двору, дружечкы, до двору
Рубайте сосонку до рову,
Дай понесемо до дому,
Тай поставымъ на столи,
На хрещатому скатерти.
Щобъ наша сосна зеленила
И Маруся щобъ молодила.

61.

Передъ порогомъ могыла,
На тій могыли калына.
Гнутся виточкы додолу,
Пора намъ, дружечкы, до дому.

62 [1]).

Не йдить молодыци
До насъ гильця выты.
Мы самы звыемо,
Медъ, выно попьемо.

Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, № 57, стр. 142. Степъ № 35, стр. 181. Чуб. т. 4, № 104, стр. 105.

[1]) Пѣсни съ 62—69-ю поютъ дружки, когда вьютъ гильце въ домѣ молодой.

63.

Не йдить молодыци
До насъ гильця выты.
Мы зовьемо самы
Краще нижъ изъ вамы.
По пидъ небесамы,
По пидъ хмарочкамы
Изъ своимы дружечкамы.

Въ с. Пескахъ послѣ 5-й строчки и вмѣсто двухъ послѣднихъ такъ:

Съ своимы дружечкамы
По пидъ сыненькимы
Зъ своимы молоденькимы.

64.

Наше гилечко рясне
Всему мырови красне.
Старому й малому
И Богови святому.

65.

Наше вылечко рясне
Безъ калыноньки красне,
Безъ витроньку мае,
Безъ сонечка сяе.
Ой колыбъ же я знала,
Колыбъ видала
Колы мени вылечко выты,
Той послала-бъ свого батенька
Въ темный лугъ по калыну.
Батенько пишовъ
Калыны не знайшовъ
Заплакавъ тай такъ прыйшовъ:
Ой ще-жъ, доненько, ще-жъ, Марушко,
Калынонька не поспила:
Що витеръ не віе,
Сонечко не гріе
Тимъ калынонька не спіе.

Потомъ эта пѣсня обращается къ матери и затѣмъ къ молодому:

Ивашко пишовъ
Калыноньку найшовъ:
Ой уже-жъ, Марушко, уже, дивочко,
Калынонька переспила:
Що витеръ віе, сонечко гріе
Той калынонька спіе.

Чуб. т. 4, № 117, стр. 107.

66.

Мы вылечко вылы
Горилкы не пылы.
Продаймо вылечко
Купымо горилочкы.
Що намъ платы не багато
Бочку вына, меду дви
Хто выкупыть гилечко на столи.

67.

Та де се гилечко вылося?
Та вылося гилечко въ Кремяньци
Тай прынесено паняньци
Тай поставлено на столи
На квитчастому скатерти.

68.

Вылы дружечкы гилечко
Якъ два соловьи гниздечко,
Выще дерева ялыны
Съ червоної калыны.

Нихто не вгадае
Що въ нашому гильци
Золотіи корешкы й вершкы
Сребряны нависочкы
Въ середыни фіялочкы
Звелы ёго паняночкы.

69.

Вылы дружечкы вылечко
Соловеечку гниздечко.
Зъ высокого дерева ялыны
Изъ червонои калыны.
Зъ высокого дерева фіялкы
За для Маруси панянкы.

70 [1]).

Що Маруся по дворочку ходыть,
Красу сіе, а розумъ садыть.
Якъ садыла, тай говорыла:
Якъ пиду я дай за любого,
То ты, красо, изыходь рясно.
Ты, розуме, тай розвывайся,
Барвиночку тай ростылайся.
Якъ пиду я та за нелюбого,
То ты, красо, не зиходь рясно,
Ты, розуме, тай не розвывайся,
Барвиночку тай не ростылайся!

71.

Ой, Боже, Боже!
Мій мылый гоже,
Що я соби наробыла?
Кого вирно любыла,
То того розгнивыла.
Одъ кого я йила дрибни оришкы,
То той пидпира остришкы.
Въ кого, кого тыхая мова,
То той стоить у порога.
Въ кого, кого тыхіи речи,
То той стоить коло печи.
Кого ненарокомъ,—стоить пидъ бокомъ
Щей до мене осьмихаеться.

Вар. Вмѣсто 3 и 4 строчекъ такъ:

Я не гуляла, не дивувала
И свитъ соби завьязала.

72.

Черезъ синечкы другы дверечкы
Ажъ у вышневый садочокъ.
Ой тамъ дивчына батенька свого
Голубонькы годувала и напувала
До голубивъ промовляла:
Загудить голубы, загудить сызы,
Защебечить соловеечкы.
Завдайте жалю зеленому гаю
Щей батькови ридненькому.
Що мій батько гадае и самъ не знае
И доленькы не спытае.
—Ой, доненько моя, доленька твоя,
Не вгадаешъ ни ты, ни я.

Чуб., т. 4, № 170, стр. 127, Кіев. Стар. 90 г., Іюль, Свад. п. Луб. у. В. М. № 75, стр. 147,— оба варіанта довольно отличны. Также Чуб., т. 4, № 712, стр. 281 и № 1088, стр. 388.

73.

У недилю рано сыне море грало,
Тамъ дивчына та воду брала,
Въ сынимъ мори потопала,
Батеньковы ручку давала:

[1]) Пѣсни съ № 70—105 поются дружками въ домѣ молодой въ субботу на дивичъ-вечерѣ.

Ой на тоби, мій батеньку, ручку
Съ золотыми та перстеныкамы
Зъ вышытымы та рукавчятамы.
А мій батенько иде та до бережечка,
Нема човна, ни веселечка,
Та все хвыля позаносыла
До крутого бережечка,
До тыхого та Дунаечка.

74.

Ой по гори бояре гулялы,
А на море ружамы стрылялы,
Ажъ у море дивчыну загналы.
— Рятуй, рятуй ты, мій батеньку,
Буду тоби дилечко робыты
И тоби годыты.
— Ой не буду, доню, рятувать:
Мени тебе по викъ не держать.
— Рятуй, рятуй ты мене, моя матинко,
Буду тоби дилечко робыть.
— Ой не буду, доню, рятуваты
Мени тебе по викъ не держаты.
—Рятуй, рятуй, молодый Ивашко!
Буду тоби дилечко робыть
И твоему батеньkови годыть.
— Буду тебе, серце, рятуваты,
Бо мени съ тобою свій викъ викуваты
Будешъ мени дилечко робыты,
Моему батеньkови годыты.

75.

Ой чого ты, крыныце, холодна водыце,
Чого рано замерзаешъ?
Ой якъ же мени не замерзаты,
Шо не хотять воды браты.
Ни воды браты, ни очыщаты
Ни пры зрубу держаты.
Що лысточокъ упавъ, травыця зросла
Уже-жъ мени пора прышла.
Ой чого, Марушко, чого дивочко,
Чого батенька покыдаешъ?
Ой якъ же мени не покыдаты?
Шо не хотять годуваты
Ни одиваты, ни пры соби держаты.
Ой хочъ бы я не йшла,
Меньша сестра зросла
Уже-жъ мени пора прыйшла.

76.

Ой ты, клыну, клыновый лысточокъ,
Куды-жъ тебе витеръ повивае,
Куды батько дочку отдавае?
Чы мижъ турки, чы мижъ аглычаны[1])
Чы у тую турецькую землю
Чы у свекра велыкую семью.
Турьска земля кореныстая,
Свекра семья наровыстая
Треба годыть старому й малому
И свекрови неймовирному.

77.

Колыбъ я знала, або видала,
Колы мое сватання буде
Я-бъ не мылася, не чесалася
Ни сорочечкы не надивала.
Мела-бъ я хату, мела-бъ я сины
Зеленою рокытою
Ни для батенька, ни для ридного
Для свекорка неимовирного.

[1]) Вѣроятно: янычары,—это названіе извѣстно въ Малороссіи: „уже прыйшлы янычары" (о дѣтяхъ). Номисъ. Украински прыказки и т. д. 1864 г. стр. 177.

78.

Йшла дивчына та гукаючы,
Ажъ два дворы та мынаючы
До третёго прыслухаючы,
А въ тимъ двори та все сады садятъ
Та все мого батенька хвалять,
А свекорка гудять.
Колы-бъ мени съ сёго пекла
Та до свекра,
Колы-бъ мени съ сіи мукы
До свекрухы.

79.

Та ходыла дивчынонка по свитлыци
Та носыла горилочку у скляныци
Частувала дивчынонька всихъ дружечокъ пидъ рядъ.
Исправь мени, мій батеньку, весь паньскій нарядъ.
Якый тоби, дытя мое, нарядъ наряжать
Зеленая суконечка щей слидъ замитать.

80.

Та сыдыть сырота по за столамы,
Умываеться слёзамы;
Сыдыть сырота по за новымы,
Умываеться дрибнымы.
Та выйды, выйды, чужый батенько,
Та до мене на порадоньку,
Та нема порядку съ самого ранку
Та не буде й до вечеру.
Та нема родины ни половыны,
Ни батенька зъ Украины.
Стоять столы не застыланы
И чарочкы не налываны.
Та сыдять дружечкы нечастованы
И буяре не дарованы.

Кіев. Стар., кн. 7, № 80, стр. 149. Такого же содержанія пѣсня, только краткая, всего въ четыре стиха, записана въ Черниговской губ. и помѣщена въ Молодикѣ 1843 г., ч. 2, стр. 147.

81.

Хоть велыкый двиръ,
Та малый сбиръ—
Не вся моя родынонька.
Нема родыны ни половыны
Ни матенькы зъ Украины.
Пошлю соловейка, пошлю маленького
По матинку по ридненькую.
Щей соловейко не долитае,
А матинка на догадъ знае:
Се посылочка одъ моеи дочкы
Молодой челядыночкы.

Кіев. Стар., кн. 7, №№ 76, 77, стр. 147.

82.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на панъ-отця,
Не ддавъ мене за парубка,
Га ддавъ за вдивця.
Що удивець не молодець—
Перву жинку мавъ,
Що винъ йии симъ разъ на день
Що дня изгада:
Та шо въ мене перва жинка
Хазяйка була,
А молода, суча дочка,
Ничого не зна.

83.

Чы я, тоби, матинко, не казала,
Шобъ ты мене за вдивця не давала,
Бо той вдивець бытыме, каратыме,
Мое лыченько до свого ривнятыме.
Мое лыченько билее, румянее,
Его лыченько старе, поганее.

84.

Ой запродай, мій батеньку,
Сей садъ выноградъ,
Та исправъ мени, мій батеньку,
Весь паньскій нарядъ,
Та червоныи черевычки,
Голубый жупанъ.
Червоныи черевычкы пыломъ прыпадуть
Зеленее намыстечко зовыци порвуть.

85.

Молода Маруся по вгороду ходыла
Капусту садыла.
Калына малына,
Якъ сына зродыла,
Ягода червона [1])
Ой и ты, капусто,
Ты прыймайся густо.
Ой пишла-бъ же я тай за селянына,
Шой у селянына та хата маленька
И лавы узенькы,
И столы нызенькы.
Хоть нигде систы
Такъ йе шо исты.
Ой пишла-бъ же я тай за мищанына
Ай у мищанына та хата велыка
И лавы шыроки,
И столы высоки;
Хоть йе де систы,
Такъ ничого зъисты.

86.

Якъ ходыла та Маруся по вгороду
Та сіяла дрибенъ мачокъ съ прыполу.
Ой, якъ мени дрибенъ мачокъ позбираты?
Ой, якъ мени та свекорка называты?
Позбираю дрибенъ мачокъ хочъ зеленцемъ
Та назву я свекорка хочъ риднымъ отцемъ.
Позбираю дрибенъ мачокъ хочъ макивкою,
Та назову свекруху хочъ матинкою.

87.

Марусенька у батенька на отходи
Посіяла червоный макъ на вгороди.
Росты, росты червоный макъ выще мене,
Жаль мени, мій батеньку, на тебе
Що ты мене тай отдаешъ одъ себе.

---

[1]) Припѣвъ повторяется за каждымъ двустишіемъ.

88.

Оце тоби, матинко, на отходи
Посадыла трояндочку на вгороди.
Росты, росты, трояндочко, не хылыся,
Жывы, жывы, матинко, не журыся,
Ой якъ мени не хылытця,—витеръ повива?
Ой якъ мени не журытця—дытя покыда?

89.

Ой ходыла Марусечка по левади
Та садыла оришыну у тры ряды:
Росты, росты, оришына, выще тыну,
Якъ була я й у матинкы за дытыну.
Росты, росты, оришына, выще стрихы,
Якъ була я у батенька для утихы.
Росты, росты, оришына, росхыляйся,
Жывы, жывы, мій батеньку, розжывайся.

Вар. Въ Кіев. Стар. 90 г., кн. 8, № 115, стр. 158.

Въ с. Крутомъ берегѣ прибавляютъ еще двѣ строчки:

Росты, росты, оришыно, выще хаты,
Кохавъ мене ридный батько, ридна маты.

Вар. II. Въ с. Михновцахъ еще двѣ строчки:

Росты, росты, оришына, выще саду,
Держы, держы, мій батеньку, на пораду.

90.

Ой ходыла та Маруся по вгороду
Та садыла садъ выноградъ изъ прыходу;
Та забула воритечокъ зачыныты,
А не посмила свого батенька попросыты:
Ой зачыны, мій батеньку, воритенька,
Щобъ не въихавъ Иванко зъ музыченькамы,
Бо потопче садъ выноградъ коныченькамы.
Ой запродай, мій батеньку, той садъ выноградъ
Та справъ мени, мій батеньку, весь паньскый нарядъ:
Червоніи черевычкы съ пидковкамы,
Червоное намыстечко зъ дукачамы,
Зеленое суконечко изъ цвитамы.
— Ой не буду, доню моя, саду продавать,
Та не буду, доню моя, наряду справлять,
Бо якъ буде, доню моя, мылый ревнывый

Буде тоби, доню моя, и нарядъ не мылый.
Червоныи черевычкы пыломъ прыпадуть,
Червоное намыстечко зовыци порвуть,
На зелене суконечко цвиты опадуть.

Вар. Чуб., т. 4, № 141, стр. 122 и № 174, стр. 131 и № 1147, стр. 404.

91.

Та чы не будешъ, моя матинко, жалкуваты
Та якъ будуть подруженькы двиръ мынаты?
Ой не буду, дытя мое, тай не буду,
Поховаю вси коснычкы тай забуду
Уси коснычкы но мыснычкахъ валяються
Твои, дивчынонько, вечерныци мынаються.

92.

Не жаль тоби, моя матинко,
Не жаль буде,
Якъ оддасы мене
Мижъ чужіи люде?
Тамъ мои слидки
Тыхы, не швыдки
Перемиряны будуть.
Тамъ мое дило
Перероблено буде,
Тамъ мое слово
Перемовлено буде.
Перемирять слидкы,
Тыхы, не швыдки,
Диверкы—не братикы;
Перемовлять слово
Зовыци—не сестрыци;
Переробыть дило
Свекруха—не матинка.

93.

Червоная калына безъ витру шумыть
Чужый батько, чужа маты не бье та болыть.
Молоденька та Маруся ничимъ не вгодыть,
Ни мыскою, ни ложкою, ни ходою,
Ни своею тыхенькою розмовою.

94.

Вы, сестрыци, вы, подружечкы,
Соберитьс̆я вы за ручечкы,
Покопайте уси стежечкы
Тай насадить та рутои мяты,
Туда йтыме моя ридна маты,
Буде вона жалибно плакаты:
Зилле мое паханое,
Дытя-жъ мое коханое.
Якъ ты въ мене кохалося
Що субботы чесалося,
Що недили прибиралося
За юпочку та на улычку
За виночокъ тай у таночокъ.

95.

Не копай грядкы, не сады мняткы,
Бо никому полывать буде.

Шо ненька старенька, сестрыця маленька,
А я сама молоденька.
Оддаешъ маты зъ новои хаты,—
Съ кимъ ты будешъ розмовляты?
Заговорю, доню, зъ билою стиною:
Стина моя била, стина моя била!
Чомъ ты до мене не говоришъ?
Якъ до тебе говорыты,
Шо никому чепурыты?

96.

Ой стану я проты гаю, проты двору,
Построй, построй, Васылю, та коморю
Туды будуть зузуленькы залитаты
Воны будуть ранесенько та куваты.
На що мени зузуленькы сызокрылы,
Якъ у мене зовыци чорнобривы?
Воны мене ранесенька тай избудять,
Сами пидуть до сусиды тай осудять.

97.

Сухый теренъ, сухый теренъ, тай не тесаный,
У новую свитлоночку тай унесеный.
Наступыла та Ганўшка ниженькамы,
Сплеснула та Ганўшка ру́ченькамы.
За горою рута мнята, за горою
Та заросла лыхымъ зильямъ лободою.
Чы ты іи Ганушко исполола,
Шо ты свои били ручкы поколола?
Не до руты, подружечкы, не до руты,
Бере мене та Федорко въ свои рукы.
Не до мняты, подружечкы, не до мняты,
Хоче мене та Федорко соби взяты.

98.

Та не тіи думкы, та не тіи гадкы
Що ходыты та на досвиткы.
Годы, доненько, годы, молода,
И старому, и малому.
Свекрови годы, хустыну перы,
Свекруси годы, головоньку гляды,
Зовыцямъ годы, русу косу плеты,
Козакови годы, билу постель стелы.

99.

Ой, матинко, голубонько!
Измый мени головоньку
У вечори въ субботоньку.
Бо вже бильше не мытымешъ,
Ручокъ своихъ не томытымешъ;
Бо вже бильше не чесатымешъ,
Ручокъ своихъ не ламатымешъ.
Зачешы гладисенько,
Заплеты дрибнисенько,
Шобъ вона не маяла,
Одъ сонечка не сяяла.
Шо въ субботу кисоньку чесала,
А въ недилю головку зряжала,
За дынъ вечиръ потеряла.

Кіев. Стар. 90 г., 7 кн., 149 (83).

100.

Ой, ненько, ненько, уже не раненько,
Навчай мене, моя матинко!
Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты:
Будь сама розумная.
Держы въ свитлонци якъ у виночку,
Билый рушныкъ на килочку.
А свекорко ввійде, сюды туды гляне,
Винъ тебе не полае:
Доброго батька добра дытына
Вона мени вгодыла.
Та злый свекоркови на били ручкы,
То зглянуться ятровочкы:
Чы мы въ батька не булы,
Чы мы въ лиси пороcлы,
Чому насъ такъ не вчылы?

Вар. Въ с. Хитцахъ послѣ 5-й строчки такъ:

Шей рушнычокъ на килочку.
Видерця новенькы, водыци повненьки
Шо вечора и шо раночку.
Шо свекорко встане, ручкы помые
И рушнычкомъ повтырае.

101.

Ой, матинко та голубонько!
Измый мени та головоньку
Въ останній день та субботоньку,
Бо вже-жъ бильшъ та не мытымешъ,
И рукъ своихъ не томытымешъ.
Та рощешы, та рощешы та гладесенько,
Та заплеты та дрибнесенько
Биленькими рученькамы,
Дрибненькимы та слизонькамы.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, стр. 149, № 83.

102.

Чы чуешъ ты, Марусю,
Шо про тебе люды торгують
Передъ синьмы, въ зеленимъ зильи
Въ хрещатимъ барвиночку.

Продае тебе батенько
За червоніи чобитки,
За золотіи пидковкы
Передъ синьмы въ зеленимъ зилли
Въ хрещатимъ барвиночку.

103.

Ой вы, старосты, чого сыдите,
Чомъ до дому не йдете?
Бо ще Маруся наша не ваша
Вы йийи не визьмете
Хочь заручена, такъ не винчана
Бо ще вона наша дивчына.

104.

Ой стояла та Маруся пидъ винцемъ
Та чесала косу росу гребинцемъ;
Упустыла гребинець до долу.
Ой пора намъ, дружечкы, до дому.

105.

Кислыци, дивчынонько, кислыци
Розійдемося, сестрыци.
Та кислыци, дивчынонько, зеленькы
Розійдемося, вирненькы.
Роскотитеся зеленійши,
Розійдемося, вирнійши.

106 [1]).

Пятныця почынальныця,
А суббота шышкобгальныця,
А недиля—воскресиння,
Просымо всихъ на весилля.

107.

Пыталася шышечка
Перепечи:
Чы далека дориженька
До печи.
Дайте мени костуроньки
Опираться,
Щобъ до печи дориженькы
Допытаться.

Чуб. т. 4, стр. 237, № 546 очень отлична.

108.

Коровай нашъ бувъ коровай,
А золотіи обручи,
А серебряны шышечкы.
У насъ проханы дружечкы
А у васъ бояре селецки,
Воны сыночкы отецькы.

109 [2]).

Ишла Маруся на посадъ,
Зостричае іи Господь самъ.
Поздоровля зъ долею щаслывою
Изъ вирною дружыною.

110.

Закувала зозуленька надъ горою
Заплакала дивчынонька молодою.
Та нехай куе, нехай куе, не зганяйте,
Нехай плаче, нехай плаче, не спыняйте.

---

[1]) Пѣсни 106—108-я поются въ субботу женщинами при изготовленіи свадебныхъ хлѣбовъ.

[2]) Пѣсни съ № 109 по 121 поются въ воскресенье дружками молодой въ ея домѣ.

111.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на дядька.
Не давъ мени погуляты
Въ свого батька.
Не давъ мени сихъ коснычкивъ поносыты,
Батьково подвирьячко украсыты.
Поносять си коснычкы зовыци,
А закрасять подвирьячко сестрыци.

Чуб. 4, № 942, стр. 349.

112.

Не жаль мени ни на кого,
Такъ якъ на свій ридъ,
Не давъ мени погуляты
Такъ якъ мени слидъ.
Не давъ мени по двирочку походыты,
Не давъ мени всихъ коснычкивъ поносыты
Ой походять по дворочку все сестрыци,
А поносять вси коснычкы все зовыци.

113.

Навищо-жъ ты, Марусечка, уповала,
Шо ты того Трохымочка сподобала?
Чы на волы, чы на кони, чы на гроши?
Чы на ёго й уродоньку—шо хорошый?
То тожъ волы, то то кони, то то не ёго,
Голубіи жупаныкы,—то брата ёго.
Вороніи коныченькы одведиты,
Голубіи жупаныкы однеситы,
Биля мене Трохымочка посадите.

Кіев. Стар. 90 г., кн. 8, 158 (114). Чуб. Труды, т. 4, 124 (160), разнятся три послѣднія строчки.

114.

Сыдыть дивчына край виконечка
И сонъ йийи налягае,
Коло неи сыдыть молодый Иванко
Та винъ йийи розважае.
Чого, дивчыно, чого, молода,
Така смутна стала?
Якъ же мени молодесенькій
Та не буты смутнесенькій?

115.

Ой чого, чого у сему дому
Такъ рано засвитылось?
Та сыдыть Маруся край виконечка,
Чогось вона засмутылася.
А коло неи Васылько йіи,
Та винъ йіи розважае:
Та въ тебе, Марусю, билее лычко,
А въ мене щей билійше;
Та въ тебе, Марусю, чорніи брови
А въ мене щей чорнійши.
Та въ тебе, Марусю, тихая мова
А въ мене щей тыхиша.

Та въ тебе, Марусю каріи очи,
А въ мене щей кариши.

Та въ тебе, Марусю, батинко ридный,
А въ мене щей риднійшій.

116.

Чимъ я тоби, моя матинко, не вгодыла,
Що ты мою головоньку утопыла?
Утопыла головоньку якъ рожевый цвитъ,
Уже моій головонци завьязаный свитъ.

Вар. Послѣднія двѣ строчки въ с. Пескахъ поютъ такъ:

Утопыла головоньку, завьязала свитъ
Уже-жъ мени не розвяже покы мій и викъ.

117.

Хмиль лугамы, пшеныця ланамы
Молода дивчына вечеряй изъ намы.
Буде мени та вечеренька
Не въ батенька, та въ свекорка
Церчыкомъ прысыпана
Слизонькамы прылывана.
Хмиль повьеться,
Пшеныця пожнеться
Молода Маруся!
Гуляння мынеться.

118.

Ой ходыла Марусечка по вгороду
Та садыла руту мяту съ прыходу.
Рути мняти колинечка зростутця
Уже-жъ мени та роскоши тай мынутця.
Мынаютця вси роскоши сама бачу
Не разъ, не два по роскошахъ тай заплачу.

119.

Останніи дни, роскоши мои!
Тай у тебе, мій батеньку, на гулянячко иду,
Та никого не спрошусь;
А съ гуляннячка йду,—
Та никого не боюсь.
Дочка въ воритечка, а маты въ виконечко:
Булобъ гулять, моя донечко!
Дочка у свитлоньку, батько за свиченьку:
Булобъ гулять, моя донечко!
Дочка на поригъ, маты край стола,
Кубочкы сповня,
Батько каже: лягай, доню, спочываты.

120.

Нетесаный теренъ, сухый, нетесаный
У новую та свитлоньку унесеный.
Та ступыла Марусенька на той теренъ
Та махнула рученькамы ажъ напередъ.
Прыступыться, подружечкы, щей вы, люды,
А що мени мій батенько подаруе.
Буде мене мій батенько даромъ даровать,
Щей доброю, щаслывою годыною,
Щей тіею вирненькою дружыною.
Даруй, даруй, мій батеньку, тай не оставляй
Вороного коныченька соби вымовляй.
Ой не буду-жъ, доню моя, вымовляты
Бо никому на коныку произжаты.

121 [1]).

Ой на хати голубець гуде
У свитлоньку голосокъ иде
Тамъ хлопчынко умываеться
Изъ батенькомъ поражаеться.
Порадь, порадь, мій батенько,
Якихъ мени та бояръ браты?
Якихъ мени свитилокъ сажаты?
Ой сыночку челядыночку!
Сбирай свою всю родыночку
И блызькую, и далекую,
И вбогую, щей багатую.
Багатый ридъ все пье та гуляе
А убогый порядокъ давае,
Багатый ридъ та все по застилы
Ай убогый та все по надвиры

Чуб. т. 4, № 823, стр. 317. Никол. К. Ст. 83 г., кн. 2, № 21, стр. 381.

122.

Ой куды ты, Васылечку, тай думаешъ,
Вороного коныченька тай сидлаешъ?
Ой сидлаю, мій батенько, свого не твого
Тай пойиду дорогою щаслывою,
А за своею вирненькою дружыною.

123.

Полетилы голубонькы въ поле.
Вы, буяре, сидайте на кони,
А сванечкы на саночкы,
Пойидемо до коханочкы,
Заберемо вси подарочкы.
И кубочкы попорожнемо,
И Ганнушку соби возьмемо.

---

1) Пѣсни съ № 121 по 124 поются свашками и свитилками въ домѣ молодого и въ поѣздѣ.

124.

У Кіеви та на рынку, та на рынку,
Тамъ стояла калынонька въ барвинку.
Туды йихавъ Васылечко молоденькый,
А пидъ нимъ же коныченько вороненькый.
Винъ съ пидъ бока [1]) шабелечку вынимае,
Та на тую калынонньку поглядае [2]),
Хоче тую калыноньку изрубаты.
Стала къ ему калынонька промовляты:
Не для тебе ся калына посаженая,
А для тебе Марусенька изряженая.

У Чуб. т. 4, № 676, стр. 268, иначе—также № 845, стр. 322. Степ. Свад. пѣсни Елис. уѣзда, № 122, стр. 222—иначе. Обряды и пѣсни с. Бѣлоз., Чернявской, № 16, стр. 40, также далекій варіантъ.

125 [3]).

Выйды, мате, за воритечка,
Та глянь, мате, проты сонечка.
Шось до тебе за гисть йиде.
Ажъ улыци розлягаютця.
Дориженькы не пытаютця.

126.

Изъ за горы стовпомъ дымы,
Тожъ не дымы—сыня хмара,
Тожъ не хмара—съ коней пара.
Тожъ Васылько зъ війскомъ иде
Хоче тестя звоюваты,
Хоче Парасю соби взяты.

Вар. въ Степи, стр. 182, № 40.

127.

Изъ за горы та возамы гремилы,
Коло тестевого двора колокольцемъ звенилы.
Ой, сестрычко! та заплачь жалибненько
Бо вже твій Васылько коло двору блызенько
А сестрычка й вироньки не доймала
И слизонькы не румала.

128.

Заиржалы коныченькы на крутій гори
Забрязчалы удыламы у батенька въ двори,
Тай зачула Марусенька за скамною:
—Гости, гости, мій таточку, гостонькы до насъ!
—Молысь Богу, дытя мое, абы въ добрый часъ.

---

[1]) Исъ пидъ плеча....
[2]) Замиряе.
[3]) Пѣсни съ № 125 по 137 поются дружками въ домѣ молодой.

Сховай мене, мій таточку, въ коморю
Може я си гостоньки перестою;
Сховай мене, мій таточку, хочъ у хыжу,
То може я си гостоньки пересыжу.
--Не съ тымъ воны дытя мое найихалы,
Щобъ безъ тебе, молодои, пойихалы;
Якъ бы бралы, дытя мое, та самую,
А то беруть дивку молодую.

Чуб., т. 4, стр. 176, № 341. Очень мало сходства.
Кіев. Стар. Пѣсни Луб. уѣзда. №№ 130—132, стр. 163, кн. 8.

129.

Налетилы та соколоньки
Изъ чужои та сторононькы,
Взялы косу тай рострипалы
И золото тай обирвалы,
Пидъ конькы пидтопталы.
А Марушка тай подумала:
Що коныкъ воронесенькый,
Що козаченько молодесенькый.

130.

Не наступайте та буяре
На наши синечка та новіи
На наши ослоны тесовіи,
На наши кубочкы повніи.
Не вы синечкы становылы,
Не вы ослоны тесалы,
Не вы кубочкы сповнялы.
Становылы синочкы майстрочкы,
Тесалы ослоны братикы
Сповнялы кубочкы сестрычкы.

131.

Шо то за Кіяне
Стоять съ кильямы?
За чарку горилкы
Не пускають до дивкы.

132.

Закрычалы лебеди на води
Забряжчалы ложечкы на столи,—
Веклына челядь
Сидае вечерять.

Чуб. т. 4, стр. 302, №№ 771 и 772.

133.

Дружко рукы мые
Поглядае на килочкы:
Чы не висять подарочкы (2)
Дивчыны коханочкы.

134.

Що на двори метиль мететь,
А въ синечкы дрибенъ дощыкъ идеть.
На порози стрыжакы стоять
Воны до насъ на посадъ хотять.

135.

Ой казалы, що сваты багати,
А воны вбогы.
Въ ихъ кони безногы,
Сами пишкы йшлы,

Молодого въ мишку неслы.
Свитылку въ рядныни,
Щобъ не зъилы свыни,
А свашку въ кожуси,
Щобъ не зъилы гусы.

136.

Самы пишкы йшлы
Молодого въ мишку неслы,
А свашку въ торбыни
Щобъ не зъилы свыни,
Свитилку въ халоши
Щобъ не зъилы воши.

137 [1]).

Десь мы заблудылы?
Не до свата прыйихалы
Йихалы лугамы
Конямъ ногы поламалы.

138 [2]).

—Сванечкы, наши голубочкы!
Ой дайте намъ, передайте намъ
Хочь крайни, коровайни;
Та покощовано и полощовано
Шышечку.
—Дружечкы, дружечкы! наши голубочкы,
Пишкы йшлы, шышкы неслы
Пидбылыся, потомылыся,—
Просымо васъ
—Свашка не липашка
Шышокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла.
Одну злипыла зъ сина
Та ту сама зъила.

139 [3]).

—Старша свитилка пры стини,
Въ неи сорочка не йіи.
Прыйшла сусида до виконця:
Скыдай сорочку за сонця.
—Брешете, дружечкы, якъ свыни
Въ мене сорочокъ дви скрыни;
Мени матинка нашыла,
Абы я здорова зносыла.

Вар. Чуб., т. 4, № 792, стр. 306. Степъ. № 65, стр. 195.

140.

У насъ свитилка панянка,
У неи сорочка латянка,
Буяры кралы, латалы
И въ свитилкы прыбралы.
Брешете, дружкы панянкы,
Въ мене сорочка зъ китайкы;
Сама маты зъ скрыни выймала,
Мене въ свитилкы прыбрала.

141.

Маты дочку въ свитилкы вбирала
Симъ день сорочкы латала.
Пишла танцюваты,
Погубыла латы.
Брешете, дружечкы, трясьця вамъ,
Въ мене сорочокъ хватыть и вамъ!
Мени съ Кіева высылано
И шовкомъ вышывано.

Вар. Степъ, № 66, стр. 195. Кіев. Стар., 90 г., № 197, стр. 177.

---

[1]) Поютъ свитилки и свашки.
[2]) Поютъ хоры дружекъ и свитилокъ.
[3]) Поютъ поочередно хоры дружекъ и свитилокъ.

142.

А мы роду не такивьского,
А мы роду короливьского!
Мене маты вбирала,
Билу сорочку давала
Тонкую померeжану
Зъ Кыива прывезену.

143.

Заськы, початухо, заськы
Сыдышъ безъ запаскы.
Цилу ничъ не спала,
Запаску латала,—
Пишла танцюваты,
Посыпалысь латы.

144.

Заськы тоби, початухо, заськы,
Безъ заднеи запаскы.
На рови свыни лежалы
Тамъ тебе, початухо, бажал
На порози зачепылася
И задныця загубылася.

145.

Посунтеся наши
Одъ столу до полу,
Нехай сяде Иванко
Зъ своею лытвою.

146.

Шой у саду соловейко гниздо вье.
Чи всимъ буярамъ мисто йе?
Бо й на печи кутокъ гуляе.
Которому не мае
Старшой дружечкы пытайте,
Хочь на запичку сидайте!

Никол. Кіев. Стар. 83 г., 391 (50).

147.

Мы думалы, що боярынъ красный
А на ёму кафтанъ рясный (2)
Половою, соломою потканый
Перевесломъ пидперезався
Въ бояре выряжався.

148.

На старшому буярыну каптанъ
Соломою, половою напханъ.
Перевесломъ пидперезався,
У буяре выряжався.

149.

Старшый боярынъ красенъ,
А въ его жупанъ рясенъ,
А за тими рясыцями
Сыдять воши копыцямы.

150.

Бодай тебе, князю,
Изъ такими та боярамы,
Изъ такими та роззявамы.
Сыдять по застиллю
Якъ воронъ по киллю.

151.

Йихалы буяры черезъ базаръ,
Та купылы буяры рыбу тарань,—
Брешете, дружечкы, чортова дря

Никол. Кіев. Стар. 83 г., 393, (60).

152.

Вылитае сокилонько зза хаты,
Годи вамъ, сванечкы, брехаты!
Охъ и ракы, дружечкы, ракы,
Брешете якъ собакы
Ищей раченята
Брешете якъ щенята.

Кіев. Стар. 83 г., Никол. 391 (45).

153.

Мы не брехалы,
Мы правду казалы!
Вы бигалы кругомъ хаты
Помогалы намъ брехаты.

154.

Мыръ мыромъ,
Пырогы зъ сыромъ,
Вареничкы въ тютюни.
Вы, дружечкы, предурни
Помыриться.

Чуб. т. 4, №№ 796 и 797, стр. 306, 307.

155 [1]).

Чого сваты та наихалы?
Чы по горохъ, чы по чачавыцю,
Чы по нашу ридну сестрыцю?
У насъ горохъ не молоченый,
Чачавыця не гарманена (2)
И дивчына не изряжена.
Що мы горохъ помолотымо,
Чачавыцю погарманымо (2)
И дивчыну та изрядымо
На посади посадымо.

156 [2]).

Ой казалы, що сваты багати,
Ажъ воны скупи, скуповати.
Мы думалы, що въ ихъ михъ грошей,
Ажъ у ихъ тилькы зять хорошый.
Ой, зятю, зятю хорошый!
Не дамъ шапочкы безъ грошей.
Въ тебе шапочка хороша, —
У мене сестрыця дорогша.
Зять на мене та не дывытця,
Зять на мене супротывытця;
Губамы моргае.
Винъ мене нышкомъ лае.
Ой не лай, зятю, тай не лай,
Що слидъ на тарилку, тай оддай
Шо я въ тебе, зятеньку, первая свисть,
Та выкыдай на тарилку рублнвъ шисть.
Шесты рублнвъ на тарилку не положышъ,
Ты-жъ мене зъ поиздомъ не впросышъ.

157 [3]).

Подай, мате, голку
И ныточку шовку,
Винкы прышываты,
Гроши зароблятьі.
Я не хочу пьятакивъ браты,
Пьятакамы казаны лататы.

---

[1]) Поютъ дружки.
[2]) Поетъ свояченица.
[3]) Поетъ также свисть.

Ой зятю, зятю хорошый,
Не дамъ шапочкы безъ грошей.
Въ тебе шапочка сывенька,
Въ мене сестрыця ридненька.

158 [1]).

Сестра зятю квитку прышывала
Тры ныточкы шовку потеряла:
Первую червоную,
Другую зеленую,
Третюю золотую—
Марусеньку молодую.

159 [2]).

Братику невиснычку
Сядь же ты на мистечку,
Не продавай сестры
За тры, за чотыри
За пьять золотіи.

160.

Було лито, було лито
Тай стала зима,
Насіяла васылечкивъ
Тай проты риздва.
Уже-жъ тіи васылечкы усыхають,
Уже-жъ мою русу косу росплитають.

161.

Шой у горбди два васылечкы,
Который вырвы тай пахне.
Ай у Олены два братикы,
Который вийде тай плаче.
Шо на нашій сестри на русій коси
Билая имла [3]) пала.
Билая имла зъ билого цвита,
Йе ёго по всимъ свиту.

162.

Часъ и пора
Старшій дружци зъ пидстаршою
Зъ за стола.
— Ще жъ рано, ще погуляемъ,
Ще-жъ зирочка вечирняя не зійшла.

163.

Неметена стежечка, неметеная,
Старша дружка неведеная.
Мы ту стежечку прометемо деркачамы,
Проведемо дружку съ паныча̀мы.

Вар. Чуб. 4, № 1134, стр. 399.

164.

Прощай, прощай ты, Марусю, сестро наша,
Теперь же мы не твои, ты не наша!
Прощай, прощай, та Васылько,
Ты братику нашъ!
Пускай, пускай та Марусю гуляты до насъ.
—Идить, идить, подружечкы, съ пидъ виконця,
Бо не пиде та Маруся до схидъ сонця.

---

[1]) Поетъ свисть.
[2]) Пѣсни съ № 159 по 164 поются дружками.
[3]) Вына.

165 [1]).

Ой, ненько, ненько, уже не раненько
Пора намъ та дилытыся
Твоя хыжчына, моя скрынчына
Съ биленькымы сорочечкамы.
Твои загоны, мои коровы
Зъ маленькимы та телятками
Твоя кошара, моя отара
Зъ маленькими ягнятками.

Чуб., т. 4, № 1077, сходства почти никакого. № 1145, еще менѣе.

166.

Уже, ненько, уже не раненько
Пора, ненько, дилытысь:
Мени скрынечка и перыночка,—
Тоби, ненько, комирочка.
У комирку выйдешъ
По куточкахъ глянешъ,
Тай мене згадаешъ,
Та немае дочкы.
Нема й скрынечкы и перыночкы,
И Маруси челядыночкы.

167.

Ой, матинко моя!
Уже-жъ я не твоя.
Свекрова, свекрушына
Колы тоби докучыла (2)
Одъ себе отлучыла.

168.

Оглядыся, маты,
Чы вся симья въ хати?
У горшку щербына,
Нема въ хати челядына.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г., кн. 8. № 223, стр. 184.

169.

Мисяць, мисяць дороженьку просвитывъ,
Що братъ сестрыцю выпроводывъ:
Оце тоби, сестрыце, дорога
Идь до свекорка здорова.
Ой будь здорова якъ верба,
Ой будь багата якъ земля,
Ой будь хороша якъ рожа.

170.

Маты дочкы шукае
Изъ свичкою по за пичкою.
Тай не знайшла.
Та десь наша Прися причкы пошла.
Та на тую гороньку крутую,
Та позъ тую церковцю святую.
Та по визъ тіи улыци тисніи,
Та межъ тіи зовыци пышніи.

171 [2]).

Наши кони та поковани (2)
Колеса пошыновани,
Возы наши помалёвани.
Грайте, кони, пидъ намы
Йидемо мы зъ панамы!

---

[1]) Пѣсни съ № 165 по 170 поютъ женщины.
[2]) Пѣсни съ № 171—180 поются свашками и свитилками.

172.

Свитилочкы, разсукыны дочкы,
Сидайте на визъ, шобъ кинь не повизъ.
Шобъ отоса вирвалась,
Намъ Маруся осталась.

173.

Вороны вы, вороны,
А мы шулики.
Взялы Марусю
На викы.
Гомонилы вы, сваты, гомонилы,
А мы мовчалы,—
Взялы Марусю
Тай помчалы.

174.

Та гарчалы селяне,
Гарчалы,
А мы, крутобережци, мовчалы.-
Взялы Марушку помчалы.

175.

Бережитьця воритечка упалы,
Мы у свата дочку укралы.
Не кажить никому,
Повеземъ до дому.

Вар. Вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ, такъ:

Будемъ швыдче убираться,
Щобъ зъ дочкою не пойматься.

176.

Тоби, маты, не журытця,
Тоби, мате, веселытця.
Тоби, маты, хаты не месты,
Тоби, маты, порядокъ весты.
Якъ топыла, той топытымешъ,
Якъ варыла, той варытымешъ,
Абы тая слава,
Що невистка стала.

177.

Ой, матинко утко,
Ворочайся прутко,
Бо вже сонце нызесенько,
Невисточка блызесенько,
Уже сонце въ повній рожи,
Невисточка на порози.

178.

Ой, матинко утко!
Ворочайся хутко,
Ворочайся швыденько
Невисточка блызенько.
Ворочайся худійше,
Невисточка блызійше.
И съ хаты въ каморю—
Невисточка коло двору.

179.

Выйды, маты, зъ викомъ,
Даруй дитей довгимъ викомъ.
Одно рожденное,
Друге сужденное.

180.

Прилытила перепилочка [1])
Не учера, та теперечка.
Сила середъ двору
Просыться въ комору.

[1]) Та тетерочка.

Вар. Послѣднія двѣ строчки такъ:

Сила на одвирочкы
Просытця въ комирочкы.

Въ вар. Кіев. Стар. 90 г., № 234, стр. 186, кн. 9, схожи только двѣ первыя строчки.

181 [1]).

Хто буде спаты
Пидемо постелы слаты.
Соломкы въ головкы,
А мняткы пидъ пьяты,
Шобъ легенько спаты.

182.

На вгороди дулька,
Яка въ тебе, дивчынонько думка?
Чы спаты лягаты,
Чы людей прохаты?

183.

Просылася дивчына въ свого ризвого свекра:
Пусты мене, ридный батько, на гироньки по ягидоньки
На горяныци по полоныци,
У долыну по калыну.

184.

Любая мылая маты
Послала дитей калыны ламаты
Сама сила на покути зъ вирною дружыною
Покы прыйдуть зъ калыною.

185.

Ой ходыла Маруся по писку,
Сколола свою нижечку на триску.
Та потекла кривця зъ рукавця
Для свого Иванця молодця.

186.

Не сидай свашко на лави,
Та сядь на ослони
Та послухай до комори:
Чы не грають соболи.
Щей не грають и не почынають
А якъ будуть граты,
Тоди будемъ уси знаты.

187.

Плугъ не оре,
Цилыны не бере.
Подайте батога,
Пидогнать бугая,
Нехай пре.

188.

А нашъ Иванко молодець
Пидкопавъ вышеньку пидъ коринець,
Набравъ ягидокъ у рукавець
Тай посыпавъ по столу,
Своему родови на славу.

---

[1]) Пѣсни съ № 181—191 поютъ женщины въ домѣ молодого.

189.

Ночувала, моя матинко, пидъ коверцемъ,
Йила рыбоньку зъ перцемъ.
Пыла, матинко, медъ и выно,
Тимъ мое лыченько не таково.

190.

Темного лугу калына,
Чесного батько дытына.
Ничого й дывуваты:
Така була іи маты.
Запышыть у лейстры:
Таки булы іи титкы й сестры.

У Чуб. (т. 4, № 1313, стр. 443), приведенъ вар. изъ сб. Метлинскаго, но записанный мной древнѣе, суда по слову „лейстры“.

191.

Ой, гаю мій, гаю!
Я въ тоби часто буваю
Я-жъ тебе пидкошую
И на дорожку выношую.
Щобъ гай зелененькый,
Щобъ и ридъ веселенькый.

192 [1]).

Ходыла качечка по точку,
Спасыби сваточку за дочку;
За кучеряву мяточку
Та за червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г., 9, № 248, стр. 191. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. Черн., № 98, стр. 46. Чуб. 4, № 1347, стр. 451.

193.

Де твоя, Парасю, китайка
Що прывезла учора отъ батька?
Та постелы, Парасю, по двору
Своему родови на славу.

194.

Турыци, сваточку, турыци,
Чомъ не ведете сестрыци?
Хыба наша сестрыця не люба—
Полетять горшкы щей груба.

195.

Мы вчора тутъ не булы
И горилочкы не пылы,
А сёгодня прыйшлы
Щобъ горилочкы знайшлы.
Не давайте та холодноі,
Бо холодна та недобрая,
А дайте намъ гаряченькоі
На жывитъ здоровенькоі.

Вар.

Мы вчора тутъ не булы
И горилочкы не пылы,
Пидсыпьте медку,
Пидкыньте жарку,
Щобъ було солодисиньке,
Нашому роду веселисиньке.

---

[1]) Пѣсни съ № 192 и до конца поются женщинами въ понедѣльникъ.

196.

Веды, Ляше, наше
Нехай намъ попляше,
Нехай будемъ знаты
За кимъ пыть гуляты.

Чуб. 4, 579 (138)—разнится.

197.

Нема, нема Маруси дома,
Поихала въ лисъ по дрова.
Прыиде зъ дровамы,
Вона буде передъ вамы.
Нема, нема Маруси дома
Пишла у лугъ по калыну.
Прыйде зъ калыною,
Побачытця зъ родыною.

198.

Ой уведы, Ляше, дытя наше
Нехай намъ попляше.
Ой нема-жъ, нема Марусечкы дома
Поихала въ лисъ по дрова
Якъ прыиде зъ дровамы,
Тоди буде передъ вамы.

Въ с. Тишкахъ перезвяне отвѣчаютъ:

Булобъ у насъ не браты
Якъ по дрова посылаты.

199.

Ой що мы будемо робыты?
Шо ни за кимъ горилочкы пыты?
Батька на матирь изсадымъ
Тай горилочкы знайдымъ.

200.

И самъ не пье,
И намъ не дае!
Хыба буде шынкуваты
Вареною горилкою
Зъ молодою невисткою.

201.

Ой, казала кучерява дивка
Шо йе въ свахы варена горилка.
И сама не пье, и намъ не дае,
Хыба буде шынкуваты вареною горилкою
Зъ молодою зъ невисткою.

202.

Куныци, свату, куныци,
Есть на кошари ягныци.
Ту ягныцю продасы,
А намъ горилочкы дасы.

203.

Узялы у насъ дивку зъ косамы,
Носить горилку цебрамы.
Узялы у насъ дивку якъ квитку
Носить цилый вечиръ горилку.

204.

У нашого свата
Кудрява голова.
Винъ кудрямы затрясе,
Намъ горилочки внесе.

205.

Ой, свекрухо, свекрухо!
Чого въ мысци сухо?

Та не буде въ мысци пывця,
Та не буде въ мысци й дынця.
Позбираемъ черепочкы
Посидаемъ коло бочкы.

206.

Де наша весильная маты?
Ой дай же намъ ключи одъ кимнаты
Заберемо черепочечкы,
Посидаемо коло бочечкы.

207.

Говорыло барыло
У Романа въ комори.
Якъ мы его не розибьемо
Тай до дому не пойидемо.

208.

Ой ты, Романе, не гныся
Та йе въ тебе на кошари ягныця.
Повезы та продай,
А намъ горилочкы розидбай.

Послѣднія двѣ строчки такъ:

Пожены ягныцю продасы,
Намъ горилочкы прынесы.

209.

Якъ бы я добра жена
То сыдила-бъ я дома
Пидъ сію метелыцю
Пряла-бъ я куделыцю.
Теперъ же я догулялася,
Пелиночка розирвалася
И зъ заду, съ переду,
Будемъ гулять и въ середу,
А за твою, Парасютко, доброту
Розійдемося въ субботу.

I. Погребальный обрядъ Лубенскаго уѣзда.

Изба умирающаго или тяжко больного крестьянина наполняется еще до смерти его родственниками, сосѣдями и сосѣдками. Послѣднія остаются обыкновенно до конца для того, чтобы участвовать въ приготовленіяхъ къ похоронамъ. Иногда умирающій обращается къ собравшимся съ просьбой: „рятуйте, добри люды!“—„Хай тебе Богъ рятуе“, отвѣчаютъ на эту просьбу присутствующіе. Сосѣди, особенно сосѣдки, стараются убѣдить умирающаго въ неизбѣжности скораго конца. „Выдно, що вамъ не довго вже жыть“, говорятъ они. Они же совѣтуютъ семьѣ умирающаго: „одступитця, не клопочитця,—хай умира“. Слѣдующій безъискусственный разсказъ крестьянской дѣвочки с. Литвяковъ Акилины Тараничъ о смерти ея отца наглядно представитъ отношеніе крестьянъ къ умирающему. „Батько лазылы по полу, та все прощалысь зъ людьмы, а потимъ пишлы на двиръ, та тамъ и сталы, а жинкы кажуть: „иды въ хату, бо скоро вмрешъ“. Батько мовъ сердятця, кажуть: „та гетьте, дайте погулять!“ А жинкы одвичають: „та де вже тоби гулять, колы ты отъ-отъ вмрешъ“. Взялы ти жинкы у пьяты (впятеромъ) втяглы батька въ хату и ссадылы на пичъ. Батько кажуть мени: „подай воды“. Набрала я чашечку, пиднесла, колы воны пыльно, пыльно въ ку-

токъ дывлятця. Я замитыла, що воны умирають, та чашечку зляку кынула". Замѣчаніе Тургенева о смерти русскаго крестьянина, умирающаго „словно обрядъ совершаетъ холодно и просто" оправдывается и мѣстной дѣйствительностью. Часто крестьянинъ спокойно диктуетъ „духивныцю" (духовное завѣщаніе) и дѣлаетъ словесныя предсмертныя распоряженія женѣ: „коней не продавай. Оры, сій" или дѣтямъ: „якъ прыйде сынъ зъ Тавріи, то щобъ продалы млынъ та долгы пооплачувалы, а останнимъ подилылысь". Приказываетъ, чтобы его погребли какъ должно и давали на часточку священнику. Иные видятъ предъ смертью умершихъ родителей, предковъ и дѣтей и бесѣдуютъ съ ними, а кто держалъ строгій постъ въ одну изъ пятницъ предъ годовымъ праздникомъ,—увидитъ, по народнымъ вѣрованіямъ, въ послѣднія минуты Богородицу.

У человѣка предъ смертью являются, по наблюденіямъ народа, нѣкоторые наружные признаки, указывающіе на близкую кончину. „Якъ чоловикъ часуе (умираетъ) очи ему стануть ясни якъ зеркало. Винъ тоди черезъ себе дывытця, очи закотятця пидъ лобъ". Носъ заостряется, иногда двоится и около него появляются темныя пятна. Въ глоткѣ трещитъ, какъ будто ломаются маленькія палочки; грудь хрипитъ („харчыть, клекоче"). Прекращеніе кровообращенія замѣтно прежде всего у рукъ. „Жылы нычтожаютця". Кровь „зминяется, не грае". „Минытця" и тѣло, приближаясь цвѣтомъ къ воску. На тѣлѣ выступаютъ желтыя и синія пятна („муравыця"). Оно коченѣетъ, дѣлаясь особенно твердымъ подъ ребрами. Дыханія не слышно съ полчаса,—вдругъ человѣкъ трижды вздохнетъ („тричи дыха, позихне, або хыкне") и „на вики стышытця", „задубіе", „уста и очи склепляютця". Съ послѣднимъ вздохомъ душа оставляетъ тѣло, какъ скинутую рубашку. Душа выходитъ изъ раскрытаго рта въ видѣ пара или дымка, подобнаго дыханію въ холодной комнатѣ, или сизаго, синяго дымка, иногда вродѣ дымчатой ленты; иногда виднѣется слабое очертаніе мотылька, или золотого мотылька. Въ одномъ изъ записанныхъ мною мѣстныхъ разсказовъ душа вылетѣла изъ тѣла къ порогу уже въ этотъ моментъ въ видѣ мухи.

Такимъ образомъ смерть разсматривается народомъ какъ разъединеніе, разлученіе души и тѣла, а агонія происходитъ отъ нежеланія души на такое отдѣленіе. Два обстоятельства вліяютъ неблагопріятно на ходъ агоніи. Когда умирающаго потревожитъ слезами и крикомъ кто-нибудь изъ членовъ семейства. Въ такомъ случаѣ потревоженный будетъ мучиться, по словамъ однихъ, лишнія сутки, до момента, въ который его встревожили; по словамъ другихъ, гораздо дольше—до 3—4 дней. Вотъ почему семейство вообще стараются удалить отъ умирающаго, оставляя только жену или дочь. Присутствующимъ приказываютъ молчать, кричащихъ выталкиваютъ. Другое обстоятельство, осложняющее агонію—перехидъ. Человѣкъ

въ перехидѣ даже передъ смертью вдругъ вскакиваетъ, машетъ руками, кричитъ, „посыніе якъ пупъ“. Изо рта у него показывается пѣна. „Смерть воловою жовчю душу напува“ говоритъ при видѣ этой пѣны народъ. Для уничтоженія пѣны сжимаютъ мизинецъ правой ноги умирающаго съ минуту и подкладываютъ ему серпъ. При тяжкихъ страданіяхъ нужно снять умирающаго съ подушекъ и положить на соломѣ или кожухѣ. Въ крайности вертятъ сверломъ чиринь на печи, а при мученіяхъ вѣдьмы—срываютъ крайній сволокъ или сжигаютъ заслонку. Въ обыкновенныхъ случаяхъ умирающему также можно помочь звономъ „по сходъ души“.

По народнымъ понятіямъ душа, оставивъ тѣло, вьется по хатѣ, „шука миста якъ птыця гнизда“, пока не найдетъ себѣ мѣста на покути за образами. Здѣсь, по словамъ однихъ, она пребываетъ до выноса тѣла, сопровождаетъ послѣднее на кладбище и возвращается съ кладбища „до господы“; по словамъ другихъ, душа находится на покути 3, 9, или и всѣ 40 дней. На третій или на девятый день ангелъ, данный душѣ при крещеніи, ведетъ ее по 12-ти мытарствамъ—съ правой стороны. Съ лѣвой стороны идетъ нечистый. Во всякомъ случаѣ душа на сороковый день ѣстъ канунъ, прощается со всѣми и улетаетъ [1]). До сорока дней не слѣдуетъ мазать жилища, мочить бѣлья, мыкать мычки, чтобы не потревожить души.

Между тѣмъ оставленное душой тѣло осматриваютъ бабы. Если по изслѣдованію окажется, что подъ мышками нѣтъ движенія („не кыдаетця“), то бабы обмываютъ лице, руки и ноги мертвеца теплой водой, которую сливаютъ въ яму, на плетень, вообще въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ. Затѣмъ раздираютъ рубашку на мертвецѣ, и надѣваютъ черезъ голову чистую на выпускъ и штаны. Скинутое бѣлье и одежда, въ которыхъ былъ мертвецъ въ минуту смерти, принадлежатъ досмотрѣвшему этотъ моментъ и закрывшему глаза, если никто не досмотрѣлъ, то нищему. Лицо мертвеца подвязываютъ бѣлымъ платкомъ, чтобы ротъ держался закрытымъ, руки складываютъ на груди. Въ лѣвую руку даютъ крестъ со свѣчей. Мертвеца расчесываютъ. Въ рубашку продѣваютъ голубую или зеленую ленточку (стёжку). Иногда надѣваютъ жилетъ и чемарку, повязываютъ синимъ или зеленымъ поясомъ. Справа прицѣпляютъ платокъ и въ немъ 1, 2 коп., иногда гривеникъ на покупку мѣста, говоря при этомъ: „на тоби серебро, а мени кыдай все свое добро“. По народнымъ вѣрованіямъ, если не положить этой монеты, то падетъ скотъ: „худоба пиде за хозяиномъ“. Необходимость снабдить этими деньгами мертвеца объясняютъ

---

[1]) Сходныя христіанскія понятія на Руси 16 и 17 вв. передаетъ Костомаровъ (Совр. 60 г., X, стр. 529) „на третій день по смерти ангелъ приводитъ душу къ Богу, затѣмъ ей показываютъ муки ада и блаженство рая. На 9 день - отдыхъ; душа слетаетъ въ домъ, а на 40 ангелъ приводитъ душу къ Богу и ей назначается мѣсто.

и другимъ образомъ: ими уплачиваются долги, которыхъ не успѣлъ заплатить при жизни покойникъ. Ноги мертвеца обворачиваютъ тряпкой или намиткой и связываютъ ихъ, чтобы ровнѣе лежали, но эти путa снимаютъ при положеніи въ гробъ, такъ какъ покойнику нужно „дратця на гору". Его кладутъ на скамьѣ головой на покутя, на которомъ простилаютъ кожухъ для того, чтобы душѣ было мягко. Этотъ кожухъ лежитъ на покути до девяти дней и опять кладется на сороковины. Руки покрываютъ намиткой; подъ него подстилаютъ полотно. Въ головахъ ставятъ свѣчу, воткнутую въ кувшинъ съ житомъ, также „щобъ добро марно не йшло за покійныкомъ". Въ с. Тишкахъ на грудь покойника ставятъ стаканъ воды „шобъ ёго не гнало". Въ другихъ частяхъ Лубенскаго уѣзда воду въ стаканѣ и медъ ставятъ на окнѣ возлѣ покойника для обмыванія и поминанія души. Въ д. Пятигорцахъ воду помѣщаютъ на окно, чтобы предупредить пѣну и слюну („ричъ") у мертвеца. По народнымъ наблюденіямъ, если эта вода усыхаетъ, то въ хатѣ вновь кто-нибудь умретъ. Точно такъ же, если мертвецу нельзя закрыть глазъ и онъ продолжаетъ глядѣть. Горячій хлѣбъ разламываютъ и кладутъ на окнѣ, чтобъ горячій паръ дошелъ до покойника, а маленькіе пшеничные коржики съ медомъ и макомъ раздаютъ присутствующимъ. Такъ снаряжаютъ мужчинъ. Въ Тишковской и Черевковской волостяхъ парню вьютъ вѣнки, изъ которыхъ одинъ пришиваютъ къ груди или шапкѣ покойнаго, а другой отдаютъ дѣвушкѣ, которая на томъ свѣтѣ должна быть женой покойнаго. Молодую женщину одѣваютъ во все лучшее: въ сорочку безъ вырѣзовъ и безъ мережекъ, притомъ ручного приготовленія на веретенѣ, а не на прядкѣ; въ синюю плахту (синятку) зеленую или голубую запаску. Иногда теперь хоронятъ и въ сподницѣ. Женщину одѣваютъ въ корсетъ, на голову надѣвается очипокъ, только не заколотый иголкой „одъ зглазу", какъ при жизни, а зашитый или завязанный лентой. Такъ же хоронятъ и старую женщину, только безъ плахты и кое гдѣ еще въ намиткѣ. Если женщину похоронятъ въ одних только запаскахъ, то ее и на томъ свѣтѣ заставятъ работать, „поставлять въ кочергахъ", а если въ плахтѣ, то освободятъ отъ работы, какъ „празныкову, велыкодню". По народному замѣчанію „дивку ховають найкраще". Ее одѣваютъ въ плахту, запаску, рукава подвязываютъ маленькими ленточками, а станъ—рушникомъ, какъ у невѣсты. Ноги обуваютъ въ черевики, желтые сапоги или чулки. Косу расплетаютъ на стороны, замѣнивъ красные косныкы голубыми, снимаютъ красное намисто,—вообще избѣгаютъ всего краснаго,—изъ ушей вынимаютъ серьги. Голову дивчыны повязываютъ шелковымъ платкомъ, поверхъ котораго кладутъ цвѣты. Вѣнки изъ голубой ленты надѣты по обѣ стороны головы. Одинъ вѣнокъ откалываютъ и пришиваютъ къ груди парня. Въ Снѣтинской волости вѣнокъ

дается тому парню, который ухаживалъ за умершей на досвиткахъ. Въ с. Хитцахъ дѣвка предъ смертью успѣваетъ иногда и сама указать парня, которому отдать ея вѣнокъ. Тогда парень надѣваетъ ей, мертвой, кольцо на палецъ. По народному вѣрованію умершая дѣвушка во всякомъ случаѣ на томъ свѣтѣ будетъ парой этому парню. Въ с. Волчкѣ кромѣ вѣнка парню дается еще платокъ, а въ Хорошкахъ всѣмъ парнямъ раздаютъ косники и хустки, какъ боярамъ. Мать причитаетъ надъ дочерью: „На що ты мени таку смутну свадьбу зробыла?“ Особенность похороннаго наряда дѣтей, умершихъ до году, состоитъ въ томъ, что ихъ подвязываютъ „крыжмомъ“,—полотномъ, подареннымъ крестной матерью при крещеніи. Наряженнаго мертвеца кладутъ на лаву, подкладывая подъ него въ сс. Тишкахъ и Хорошкахъ серпъ, думая предупредить истеченія. Къ мертвецу не прикасаются красящія какія-нибудь ткани и садовники. Какъ только разносится извѣстіе о смерти какого-нибудь лица, весь кутокъ пріостанавливаетъ работу и сосѣди идутъ дѣлать гробъ [1]). Отказываться отъ приготовленія гроба не принято. Мертвое тѣло предварительно измѣряютъ очеретиной [2]). За изготовленіе гроба работающіе ничего не получаютъ, а только участвуютъ въ похоронномъ обѣдѣ (ужинѣ). Гробъ извѣстной формы (горбатый) въ употребленіи у зажиточныхъ, бѣднякамъ служитъ обыкновенный ящикъ. Гробъ обиваютъ внутри тонкой рубашкой или дешевымъ сортомъ кисеи (намиткой). Эта обивка и доски приготовляются заранѣе; самые же гроба и могильные кресты заживо приготовляютъ теперь себѣ старики гораздо рѣже, чѣмъ прежде, хотя въ народѣ и есть замѣчаніе, что заживо приготовленный гробъ содѣйствуетъ долголѣтію. Когда гробъ приготовленъ, присутствующіе прощаются съ умершимъ, цѣлуя его въ лобъ и руку и приговаривая: „прощай насъ и на симъ и на тимъ свити“. Сыновья кладутъ въ гробъ родителей, или по крайней мѣрѣ поддерживаютъ ихъ головы. Но родители не кладутъ въ гробъ ни взрослыхъ, ни маленькихъ своихъ дѣтей. Послѣднихъ кладутъ сосѣди, сидящіе обыкновенно у мертваго тѣла въ ожиданіи гроба. Дѣтей кладутъ въ гробъ женщины, а новорожденнаго—повитуха. Въ головы покойнику подкладываютъ подушку изъ намитки, сшитую только съ трехъ сторонъ, набитую сѣномъ и ароматическими травами: полынемъ, мятой, любысткомъ, чепчыкомъ. Дѣвку обкладываютъ живыми цвѣтами: васильками, гвоздикой и георгиной („жоржыною, сержыною“). Въ с. Хорошкахъ дѣтямъ нашиваютъ цвѣты на подушки. Парубку и дѣвкѣ примѣшиваютъ къ травамъ и хмѣль,—по Удаю. Первому кладутъ въ гробъ шапку и всѣмъ вообще образа, женатымъ—благословенные. Въ м. Снѣтинѣ и Лукомьи гробъ покрываютъ чернымъ сукномъ.

[1]) Гробъ—труна, домовына, довомына, доломына.

[2]) Отсюда проклятіе: шобъ тебе очеретыною змирялы!

Гробъ выносятъ ногами впередъ [1]). Предъ выносомъ тѣла дѣти становятся вокругъ гроба или на скамьѣ, держа въ рукахъ особыя свѣчечки—„провиднычки",—которыя трижды притушиваютъ, а остатокъ прилѣпляютъ въ срединѣ гроба. На дворѣ гробъ ставятъ на мары. Въ с. Волчкѣ гробъ и крышку его („вико"), когда умретъ дѣвица, несутъ ея подруги, въ другихъ частяхъ уѣзда—парни. Они же несутъ и хоругви, къ которымъ привѣшены ленты. По выносѣ тѣла избу выметаютъ и убираютъ, постель мертвеца выносятъ въ сарай. Затѣмъ одна изъ женщинъ возвращается и разсыпаетъ въ хатѣ жито, а другія, входя, приговариваютъ: „добри-вечиръ! помогай би вамъ!"—хотя бы въ избѣ никого не было. Въ сѣняхъ, на огородѣ и по двору также посыпаютъ рожью для того, чтобы остающимся „Богъ давъ жыття". Ворота завязываютъ краснымъ поясомъ. Когда проносятъ мертвеца мимо какого-нибудь дома, необходимо притворить окна и двери. Глядѣтъ на мертвое тѣло изъ окна, даже сквозь плетень нельзя—у смотрящаго можетъ образоваться наростъ. Нужно уклоняться отъ встрѣчи съ мертвецомъ. Гробъ опускаютъ въ могилу на полотнѣ. Бѣдняки берутъ церковный холстъ или рушники. Иногда опускаютъ въ могилу и на веревкахъ. Священникъ первый трижды бросаетъ землю, затѣмъ женщины. Отецъ и мать бросаютъ по три горсти земли на гробъ дѣтей, „шобъ скорійше забуть, шобъ не такъ серце тошнылось". Въ яму бросаютъ и теперь еще мелкія деньги. Въ с. Хорошкахъ и Шекахъ если гробъ попадаетъ случайно въ старую могилу, то раньше погребенному мертвецу сплачиваютъ 2—3 коп., т. е. бросаютъ ихъ въ яму. Теперь уже водку въ гробы не ставятъ, но въ старыхъ могилахъ находятъ 1—2 бутылки водки „такои гарнои, шо ажъ пожовкла". Несущіе гробъ и копачи получаютъ хустки, которыя привязываются къ хоругвямъ, крестамъ и марамъ; псаломщикъ—платки и свѣчи. Плата священнику бываетъ различна, 2—3 рубля, когда гробъ заносятъ въ церковь и 1—50 коп., если не заносятъ. За похороны дѣтей платится отъ 30—50 коп. [2]) Надъ могилой ставится крестъ, къ которому привѣшиваютъ хустку (прапоръ) и рушникъ для того, чтобы покойнику было чѣмъ утираться. Въ Снѣтинѣ хустки вѣшаютъ только надъ козаками. Никто никогда не трогаетъ этихъ хустокъ, между прочимъ и потому, что мертвецъ можетъ прійдти за нею. Возвратившимся съ кладбища копачамъ сливаютъ на руки передъ порогомъ, а вообще всѣ возвратившіеся берутся за печь, засматриваютъ въ нее и иногда приговариваютъ: „хай тараканы та стоногы мруть". Затѣмъ хозяева курятъ ладаномъ и приглашаютъ къ обѣду. Обѣдъ, называемый „гарячимъ" состоитъ изъ борща

---

[1]) Тогда какъ дѣтей принято всегда вносить со двора въ хату головой впередъ.

[2]) Вообще издержки на похороны отъ 6—20 рублей.

или капусты съ курицей, въ постные дни съ рыбой, также изъ локшины, иногда галушекъ. Предъ обѣдомъ ѣдятъ канунъ и пьютъ водку, приговаривая: „царство небесне, вишный покой новопреставленій душечци". Хлѣбъ, приготовленный къ горячему обѣду, рѣжутъ по кускамъ и раздаютъ присутствующимъ или вмѣсто него по маленькой булочкѣ. Этотъ хлѣбъ и булки присутствующіе уносятъ съ собой и засушиваютъ. Послѣ обѣда мужчины расходятся, а бабы остаются въ числѣ 3—15. Въ свое время имъ предлагается ужинъ, состоящій изъ колбасъ, блиновъ и картофеля. Послѣ ужина бабы, перекрестившись, садятся за столомъ „надъ кануномъ". Хозяйка ставитъ среди стола миску съ разведеннымъ мёдомъ (канунъ), въ который бросаютъ иногда три крошки (часточки). Возлѣ кануна ставятъ хлѣбъ и водку; кладутъ также ложку, которою ѣлъ покойникъ. Часть кануна въ стаканѣ ставятъ на окнѣ. Въ с. Хитцахъ скамья подлѣ окна оставляется свободной для помѣщенія родителей и предковъ, появляющихся съ того свѣта къ кануну. На покути простилаютъ рушныкъ и кладутъ паляницу, а въ с. Волчкѣ ставятъ чарку водки. Въ Хитцахъ простилаютъ еще на покути кожухъ шестью вверхъ для того, чтобы душѣ было гдѣ отдыхать. Женщины сидятъ всю ночь надъ канунομъ, поджидая душу, курятъ ладаномъ, говорятъ благочестивыя рѣчи [1]). Спать въ это время грѣшно. Въ полночь свѣча затуманится и душа въ образѣ мухи слетаетъ къ кануну. „Сама бачыла", разсказыла старуха изъ сел. Кононовки „надъ канунομъ малисиньку мушку зимнёи добы. Полита, полита и сяде на божныци. Така тоща, тилько шо лазыть". Лѣтомъ иногда муха гудетъ (джыжчыть) надъ канунομъ. „На кануни", разсказывала молодыця сел. Великой Селецкой, „гомонымо, гомонымо, а потимъ ущуліемо. Дывымось, ажъ надъ мыскою такъ якъ туманъ стане и бжола, або мушка, прыпада. То мы одсунемо кватырку, выпустимо бжолу". Въ д. Пятигорцахъ старуха видѣла душу въ видѣ маленькаго, бѣлаго мотылька, летавшаго надъ канунομъ. По словамъ женщины с. Губскаго „въ осены надъ тиломъ дытыны литавъ золотый метелыкъ. Та сивъ надъ медомъ на краечку та одно пье, одно пье. Не вглядилы де й дивсь". Когда муха или другое насѣкомое появится надъ канунομъ, сидящія за столомъ женщины говорятъ: „дывитця, дывитця, якъ душечка прылетила до мыскы. Хочь душу побачымо, колы нема покійного, бо зъ роду, зъ давнихъ давенъ стари люды говорять, шо то душа". Если сидѣть съ набожными мыслями, то кромѣ насѣкомыхъ, видимыхъ надъ канунομъ, на стѣнѣ бываютъ еще замѣтны мимолетныя тѣни куколъ. Вотъ какъ это бываетъ. „У моеи сусиды", разсказывалъ крестьянинъ м. Снѣтина

[1]) Въ сборникѣ Чуб. (т. 4, стр. 705) замѣчено, что обычай сидѣть надъ канунομъ и стеречь душу существуетъ будто бы только въ Переяславскомъ уѣздѣ, а между тѣмъ обычай этотъ повсемѣстенъ и въ Лубенскомъ уѣздѣ.

Николай Ивахненко, „умерла дочка Олена. Поховалы йийи, зибралысь сусиды: дви старухы и два старыка. Воны сыдилы, покы схотилось спать. Сусиды и старыкы поснулы, а маты сыдыть коло грубкы. Колы такъ якъ опивночи, дывытця, идуть по покутній стини тини якъ куклы. На викни стоявъ канунъ. Уси души, шо въ тій хати померлы, прыходылы до кануна. То йихъ прыводыла померла душа Олены. Дійшлы ти души до покутя, нестало выдно ничого. Колы се черезъ время упять идутъ одъ покутя до порога. Тинь: не выдно чи жинкы, чи чоловикы". По разсказу молодицы м. Снѣтина Анны Гетьмановой, „по стини лялька за лялькою идуть ажъ до столу и сидають коло кануну. Посыдилы, посыдилы—вылазять и идуть соби впьять изъ хаты по стини". Иногда бываютъ видимы и самые покойники, не только тѣни ихъ. „Я бачыла у шисть недиль тинь у два викна за хатою. Покійный Юхимъ прыйшовъ у билій сороцци"—разсказывала старая козачка с. Литвяковъ Графына Супрунова. Покойника поминаютъ обѣдомъ и кануномъ на третій (третины), девятый (девятины), сороковый (сороковины) день послѣ кончины и въ годовой срокъ (годовины). Кромѣ того, есть еще общіе поминальные дни „помынальныци"—четыре осеннихъ субботы: Кузьмина, Лучына, Дмитрова и Михайлова, когда дается 3—5 коп. на часточку священнику и въ память умершихъ не выполняютъ нѣкоторыхъ работъ: не прядутъ, не мажутъ и не метутъ хатъ. На проводной понедѣльникъ [1]) бываетъ панихида и обѣдъ на гробкахъ, во вторникъ женщины поминаютъ „дядынъ", обѣдаютъ, пьютъ водку, приговаривая: „царство небесне дядькамъ, дядынамъ и всимъ предкамъ". Въ честь покойниковъ соблюдаются еще въ Лубенскомъ уѣздѣ слѣдующія обыкновенія: наканунѣ Рождества имъ оставляется вечеря и канунъ; наканунѣ Свѣтлаго праздника оставляется булка и селедка на столѣ. На самый свѣтлый праздникъ оставляютъ для мертвыхъ пасху съ рушниками, саломъ, яйцами и колбасой. Такую пасху называютъ тайной и чаще приготовляютъ въ семействахъ, гдѣ были самоубійцы. На такъ называемый „русальчынъ велыкдень", т. е. въ четвергъ на троицкихъ праздникахъ женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собираютъ у себя и угощаютъ всѣхъ дѣтей околодка (кутка). Трауръ по покойникамъ заключается въ слѣдующемъ: въ случаѣ смерти матери дочь въ теченіе года не поетъ, не танцуетъ, избѣгаетъ собраній и гульбищъ. Неноситъ также красныхъ лентъ, поясовъ, серегъ, даже на свадьбѣ вѣнокъ сиротки голубой или зеленый. Тотъ же трауръ соблюдается по смерти отца, но ходить „межъ челядь" можно. Мать и отецъ по смерти дитяти не должны ѣсть вишенъ до Петра и Павла и яблокъ—до Спаса. Этими обыкновеніями исчерпываются почитанія покойныхъ. Всякія

1) А не во вторникъ, какъ сказано у Чуб. (т. IV, стр. 711).

другія оплакиванія, кромѣ обрядовой причети, запрещаются, какъ видно изъ слѣдующихъ повѣрій и разсказовъ.

1. Одна женщина часто ходила на кладбище въ неурочное время и тамъ тужила. Пришла какъ-то въ сумерки, видитъ—черная собака лежитъ на другой могилѣ. Испугалась молодица, „стало ій темно". Пришла домой и три недѣли пролежала.

2. Если мать плачетъ по дитяти, то оно будетъ лежать въ водѣ.

3. Покойная мать чуть не разорвала дочь, которая ее оплакивала, спасла послѣднюю покойная мать.

4. Женщина с. Волчка никогда не оплакивала дочь, а только каждый Свѣтлый праздникъ приходила христосоваться къ могилѣ. Дочь отзывалась изъ гроба. Но разъ мать пожалѣла о дочери въ такихъ выраженіяхъ [1]) „оцебъ уже и въ мене така дочка, що замижъ оддавать". Когда затѣмъ она пошла къ могилѣ христосоваться, то отвѣта не послѣдовало. Кладбища (кладовыща, гробкы) въ Лубенскомъ уѣздѣ расположены вблизи селъ и засажены кленомъ, липой, вишнями, яблонями, сиренью и калиной. „Ваши стежкы калыною позаросталы"—обращается къ покойникамъ мѣстная причеть.

II. Замѣтка о погребальныхъ обыкновеніяхъ.

Въ погребальномъ обрядѣ Лубенскаго уѣзда останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія обыкновенія: 1) помѣщеніе воды въ стаканѣ и горячаго хлѣба на окнѣ возлѣ покойника, тотчасъ послѣ его смерти, приго-

[1]) Въ Таврической губ. на Пасху ходятъ на могилы, христосуются и оставляютъ красныя яйца. Вѣрятъ, что мертвецы отвѣчаютъ: воистину воскресъ! (Нов. Время 17 апр. 94 г. № 6514, стр. 3).

Примѣчаніе. Необходимо для полноты очерка сказать еще вкратцѣ объ особыхъ смертныхъ случаяхъ:

1. Некрещенное дитя—русалку, слѣдуетъ хоронить подъ плодовымъ (родючимъ) деревомъ, подъ вербой, или подъ верхомъ въ сѣняхъ. Мать покупаетъ сорокъ крестиковъ и раздаетъ дѣтямъ. Невременный ребенокъ закапывается подъ порогомъ.

2. Душа родильницы, до шести недѣль послѣ родовъ умершей, идетъ въ рай. Если умерла въ родахъ, не успѣвъ разрѣшиться отъ бремени, то ходитъ на томъ свѣтѣ на Осіанскую гору родить. (По повѣрію, приведенному въ Кіев. Стар. 90 г., 8, стр. 320, гробъ породили открытъ за 6 недѣль до родовъ).

3. Душа убитаго громомъ идетъ въ царство небесное.

4. Родители, проклинающіе дѣтей, идутъ и сами въ адъ и ведутъ туда же проклятыхъ дѣтей. Тѣло проклятаго не принимаетъ земля. „Въ Снитыни батько и маты прокляли сина: „хай тебе земля не прийма!" Умеръ винъ. Якъ сталы лить у сорока позъ его другого класты, такъ зачепылы труны. Нова труна—шо за знакъ? Вытяглы, одкрылы: лежыть тило, мовъ учора положене. Пишлы сказалы священнику, винъ подывывсь, а потимъ у книгу, де запысують померши души. Звеливъ позватъ батька и матирь, каже: „простить свое чадо! ударьте двонацять поклонивъ передъ тимъ гробомъ" Воны ударылы, помолылысь, а якъ оглянулысь, то тильки попилець изъ тила, а изъ домовыны—порохань".

товленіе меда (кануна) и обѣда въ честь усопшаго; 2) помѣщеніе денегъ и вещей въ гробъ и могилы; 3) похороны парня и дѣвушки въ нарядѣ жениха и невѣсты; 4) запираніе воротъ, оконъ и дверей дома по выносѣ тѣла; 5) очищенія послѣ погребенія и 6) изображенія души.

Эти обыкновенія уясняются сравненіемъ съ погребальными обычаями другихъ народовъ.

1. По объясненію Спенсера, человѣкъ на первыхъ ступеняхъ умственнаго развитія, встрѣчаясь со смертію, не различаетъ еще ее отъ временной пріостановки сознанія (обморока, каталепсіи), почему и старается удовлетворить продолжающимся потребностямъ умершаго, особенно главнѣйшей—питанію, тѣмъ болѣе, что при столбнякѣ, напримѣръ, человѣкъ иногда проглатываетъ пищу. Поэтому папуасы въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ смерти заставляютъ своихъ умершихъ ѣсть, впихая имъ въ ротъ пищу. У таитянъ къ знатному покойнику тотчасъ приставляется жрецъ для поднесенія ему пищи (Основ. Соц. Спенс. Спт. 76 г., т. 1, стр. 322—329). Пермяки обкладываютъ пельменями покойника (Вѣст. Евр. 89 г., 7, стр. 55). Черемисы кладутъ ему за пазуху блины и яйца (Прав. Благовѣстн., мисс. журналъ 93 г., май, кн. 1, стр. 34). У древнихъ славянъ для души ставили хлѣбъ, воду, соль и бѣлое полотенце (Котляр. Погреб. об. Слав. Плир. 91 г., III, стр. 210, 255). Въ Россіи 16 и 17 вв., какъ только человѣкъ испускалъ дыханіе, тотчасъ же ему ставили чашу съ святой водой и миску съ мукой или кашей (Кост. Очер. жизни велик. нар. Совр. 60 г., X, стр. 525). Въ Подольской губ. и теперь послѣ выноса тѣла ставятъ на столъ или на окошко стаканъ съ водой, свѣчу и хлѣбъ, а обѣдъ составляется изъ блюдъ, которыя любилъ покойникъ, потому что на этомъ обѣдѣ „годують ёго душу“ (Бытъ Подол. Шейк. Кіевъ, 60 г., в. 2, стр. 32, 34). На правомъ берегу Днѣпра ставится только вода, въ Харьковской губ. воду и медъ оставляютъ до шести недѣль (Чуб. 4, стр. 699, Кіев. Стар. 90 г. № 8, стр. 318). Заботы о питаніи мертвеца не исчерпываются этими обыкновеніями: пищу ему заготовляютъ и на долѣе. У осетинъ еженедѣльно по пятницамъ вдова покойника ходитъ на могилу мужа, взявъ съ собою кушанья и напитки (Ковал. совр. обыч. и др. законъ 86 г., стр. 81). У конго покойнику ежемѣсячно отправляютъ запасы пищи въ отверстіе могилы. Въ Америкѣ, Африкѣ, Индіи дикари приносятъ на могилы мясо, плоды, воду; чуваши кладутъ на могилу, кромѣ припасовъ, и салфетку обтирать ротъ мертвецамъ. Въ Африкѣ на могилу льютъ воду и кровь. Карибы ставятъ на гробницу воду и съѣстные припасы (Спенс., стр. 171—174, Тэйл. стр. 107—113). У шаманистовъ Азіи въ могилу съ покойникомъ кладется пища, а на сосѣднихъ съ могилой деревьяхъ развѣшиваютъ чайникъ и бутылку съ виномъ (Прав. Благ. 93 г.). Въ Японіи и Китаѣ предла-

гаются мертвецамъ рисъ, вареный въ молокѣ, медъ и масло (Тэйл., стр. 180—187). Также въ древней Индіи (Мэнъ Др. Право. Спт. 73 г., стр. 151) и въ древнемъ Египтѣ, гдѣ мертвому ставили цвѣты, фрукты, пирожки, хлѣбъ, гусей, антилопъ (Погреб. об. Египт. К. Гёрцъ. От. Зап., стр. 415) и древней Греціи, въ которой на могилы приносили караваи, плоды, соль. Эту пищу зарывали въ отверстіе могилы, молоко, вино, кровь разливали на могилѣ же, а часть пищи оставляли въ сосудахъ (Древ. Общ. Ф. де Куланжъ. Спт. 67 г., стр. 16 и 17). При раскопкѣ древлянскихъ кургановъ возлѣ скелетовъ найдены кости барана, свиньи, быка и лошади, черепки глиняныхъ сосудовъ, чаша (Кіев. Стар. 93 г., 8, стр. 319—320). По весьма распространенному вѣрованію покойники принимали участіе въ похоронномъ обѣдѣ. Еще древніе перуанцы держались такого убѣжденія (Спенс., стр. 171, 174). Шаманисты и теперь въ день поминокъ приглашаютъ умершаго на пиръ, парятъ его въ банѣ, т. е. ударяютъ вѣникомъ по пустой полкѣ и затѣмъ ставятъ ему кушанье. У чувашей при поминкахъ на краю стола ставится чашка съ числомъ прикрѣпленныхъ къ ней свѣчей, равнымъ количеству умершихъ родныхъ. Пиво выливаютъ на могилу умершихъ (Пр. Благ. 94 г., V и VI, стр. 36 и 264). На осетинскихъ поминкахъ одежду и оружіе умершаго надѣваютъ на двѣ скрещенныя палки и предъ такимъ изображеніемъ ставятъ кашу и араку (Ковал. Совр. об. стр. 81—87). Въ Бѣлоруссіи по окончаніи пира въ честь усопшихъ имъ оставляется водка и часть кушанья, а въ Олонецкой губ. покойниковъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, приглашаютъ погрѣться на печи. Послѣ пиршества спускаютъ изъ окна холстъ для того, чтобы души удалились (Генерозовъ. Рус. народ. предст. о загр. жизни, стр. 22 и 23. Кавелинъ. Соч., ч. 3, стр. 132). Изъ обычая приносить пищу мертвымъ, по мнѣнію Спенсера, развились впослѣдствіи жертвоприношенія.

2. Не только пища, но и вся вообще обстановка дѣйствительности переносилась за гробъ древними, также современными дикими племенами. Такъ алгонкинцы, ирокезы, фиджійцы, австралійцы, тасманійцы и гренландцы хоронятъ мужчинъ съ оружіемъ, женщинъ съ утварью (Спенс., стр. 63, 65, 66). Шаманисты, черемисы, гиляки кладутъ въ могилы оружіе, трубки, бѣлье, одежду, постели, посуду (Прав. Благ., 93 г., IV, стр. 21, V, стр. 34, 94 г., VIII, стр. 374). У древнихъ египтянъ за покойникомъ несли кинжалъ, сандаліи, вѣеръ, мебель. Въ саркофагъ клали инструменты, оружіе, вещи, любимыя покойникомъ (Герцъ, стр. 415, 417, 419 и 420). У древнихъ грековъ также закапывались съ покойникомъ одежды и оружіе (Ф. де Кул., стр. 12). У древнихъ славянъ клались въ могилу одежда и золотые обручи, оружіе, утварь, женщинамъ—игла съ ниткой. При раскопкахъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вмѣстѣ съ остатками че-

ловѣка найдены разные сосуды, орудія производства, вѣсы, игральныя кости, гребни; различныя украшенія: жгуты, подвѣски, вѣнки, браслеты; конскіе уборы: уздечки, удила, стремена, разное оружіе (Кіев. Стар. 93 г., VIII, стр. 319, 320, 94 г., VI, стр. 552, 555, 556 и 95 г., стр. 23, 25—28. Соч. Кавел., ч. 3, стр. 58). Животныя также слѣдуютъ за своими господами: эскимосы и ацтеки убиваютъ на могилѣ собакъ, индійцы и буряты—лошадей, арабы—верблюдовъ; древніе греки—собакъ и лошадей, древніе славяне—послѣднихъ. Съ конетаблемъ дю-Гескленемъ въ 17 и Фридрихомъ Казимиромъ въ 18 в. погребены ихъ лошади (Спенс., стр. 51 и 52, Ф. де-Кул., 12 и Котл., стр. 61). Такъ какъ рабы признавались объектами права, то и они убивались на гробѣ владѣльца (Спенс., 40, Ф. де-Кул., 12, Котл. 61). Монеты кладутъ въ руки или ротъ мертвецу у черемисовъ, эстовъ, нѣмецкихъ и ирландскихъ славянъ, у древнихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи (Спен. стр. 65, 66, 70, Котл. 152, Генер. 35, Прав. Благ. V, стр. 34). Такія выраженія какъ мѣстное: „возьмы серебро, а мени кыдай свое добро" и опасеніе, что скотъ раздѣлитъ судьбу хозяина, если послѣднему не положить въ гробъ денегъ,—указываютъ на позднѣйшую замѣну деньгами раньше убиваемыхъ животныхъ.

3. Изъ стремленія удовлетворить инстинкту прокреаціи вытекаетъ убійство жены на могилѣ мужа, съ теченіемъ времени перешедшее въ пожертвованіе женой части своего существа вмѣсто цѣлаго и затѣмъ въ обрядъ. Такъ у никобарскихъ островитянъ при погребеніи мужа отсѣкаютъ палецъ женѣ. Вдова покойнаго осетина отрѣзываетъ себѣ косу и кладетъ ее на грудь мужа. У племени кваксольтъ вдова кладетъ голову на костеръ мужа. По ученію браминовъ вдова должна только лечь на костеръ мужа, а въ пѣснѣ о Нибелунгахъ Брингильда ложится на костеръ возлѣ Сигурда. (Спенс. 40, Ковал. стр. 81—87). Воспоминаніемъ о смерти женъ вмѣстѣ съ мужьями представляются и боязнь болгарскихъ дѣвицъ выходить за вдовца, такъ какъ его отыметъ первая жена и многочисленныя народныя пѣсни и сказки объ уводѣ мертвецомъ за собою женъ и дѣтей (Котляр., 236, 237) и наконецъ обращенія къ покойнику жены въ мѣстной причети: „Ой прыймай, прыгортай мене до себе!" „Иды по-пидъ горою, тай беры мене изъ собою!" Или восклицанія дочери: „якои вы, татусю, темнои ночи прыбувалы, що въ насъ матинку одибралы?" Для удовлетворенія тому же инстинкту прокреаціи умиравшихъ холостыми женили. Такимъ образомъ объяснялъ Котляревскій извѣстія арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ русскаго купца, на которыхъ удавили дѣвушку и бросили на корабль (стр. 227). Интересно погребеніе дѣвушки у черемисъ. Въ гробъ ей кладутъ женскій головной уборъ, чтобы было что надѣть при выходѣ замужъ. Провожаютъ съ колокольчиками и украшенной сбруей,

какъ на свадьбѣ (Прав. Благ., V, кн. 1, стр. 34). У сербовъ и теперь дѣвица играетъ роль невѣсты при смерти парня. Въ Подольской губ. похороны парня называютъ вессильемъ, употребляютъ квитки, вѣнки и платки, а умершей дѣвушкѣ назначается женихъ, который считается потомъ вдовцомъ и зятемъ родителей дѣвушки. Во многихъ частяхъ Малороссіи къ похоронному шествію за дѣвицей присоединяются старосты, бояре, дружко. Имъ раздаютъ подарки, а дѣвицу одѣваютъ какъ невѣсту (Чуб., т. 4, стр. 709). Такія же обыкновенія существуютъ и въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отраженіемъ древняго міросозерцанія служитъ, между прочимъ, и слѣдующая народная пѣсня:

. . . У недилю рано въ уси дзвоны дзвонять.
Ой слухайте, мамо, чы не по козакови?
Якъ по козакови, той мене наряжайте.
Мене наряжайте, разомъ поховайте!
Тай выкопайте, матинко, глыбокую яму,
Тай положить, матинко, якъ рыбоньку вьялу.
Тай высыпте, матинко, высоку могылу,
Тай посадить, матинко, червону калыну,
Щобъ люды сказалы, що козакъ и дивчына.
Тай поставте, матинко, хресты золотіи,
Щобъ люды сказалы, що лежять молодіи.
Тай покладить, матинко, до купы головамы,
Щобъ мы на тимъ свити розмовоньку малы.

Варіанты этой пѣсни: въ Зап. о Южной Руси, т. 2, стр. 239—240 и у Чуб., т. V, № 727. стр. 372.

4. У многихъ народовъ встрѣчается символическое очищеніе послѣ похоронъ, происшедшее вѣроятно изъ необходимости дѣйствительной очистки. Навайосы послѣ похоронъ очищаются водой, освященной для этой цѣли. На Мадагаскарѣ купаются и очищаютъ одежду. У грековъ около двери дома, въ которомъ находился покойникъ, ставился сосудъ съ водою. Римляне кропили себя водой, возвращаясь съ похоронъ. У южныхъ славянъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горячими угольями, на нихъ сливаютъ воду и этой водой умываются. Въ Великороссіи и Малороссіи, прійдя съ похоронъ, берутся за печь (Тэйл. стр. 467 и 472, Котляр. 253, Шейк. стр. 318).

5. Боязнь смерти и мертвецовъ, косвенно высказывающаяся въ приведенныхъ очистительныхъ обрядахъ, порождаетъ еще слѣдующія обыкновенія у разныхъ народовъ: выносъ тѣла не черезъ дверь, а черезъ окно или особый проломъ въ стѣнѣ, извѣстный у нашихъ предковъ, также въ Италіи, Азіи и Африкѣ имѣетъ своимъ основаніемъ страхъ, что покойникъ,

вынесенный обыкновеннымъ путемъ, возвратится и потянетъ за собою живыхъ,—какъ разъяснилъ профессоръ Анучинъ (за неимѣніемъ подъ рукой соч. „Сани, ладья и конь въ похор. обрядѣ“, цитир. по ст. Эльпе въ Нов. Врем. 3 ноября, 94 г., № 6711). Австралійцы и негры выгоняютъ покойниковъ криками и маханіемъ оружія. Чуваши бросаютъ въ слѣдъ ему раскаленный кемень (Тэйл. 105, 106). Шаманисты мчатся съ кладбища, похоронивъ покойника (Пр. Благ. X, стр. 60). Негры накладываютъ колючихъ вѣтокъ по дорогѣ отъ кладбища въ деревню, чтобы не допустить въ послѣднюю злыя души (Спен., 187), а сѣверо-американскіе индійцы ставятъ сѣти вокругъ дома, чтобы поймать душу сосѣда (Тэйл., 34). Анторы приваливаютъ души камнемъ, а черемисы гвоздями или коломъ (Тэйл. 105, 106). Въ старомъ Калабарѣ домъ, въ которомъ умеръ отецъ, оставляется семействомъ на два года, у готентотовъ и якутовъ—навсегда, а карены оставляютъ цѣлыя села (Тэйл. 105, 106). Извѣстны общечеловѣческія вѣрованія о вредѣ, производимомъ умершими. Напримѣръ въ 1700 г. духъ крестьянина на островѣ Миконѣ производилъ безпорядки въ домахъ, задувая огни (Тэйл., 250—252), а умершій Бетеротъ разгонялъ людей, избивалъ стада и людей (Спенс., стр. 466, изъ Эйбриджской саги). Къ числу предохранительныхъ мѣръ противъ мертвецовъ принадлежатъ слѣдующія мѣстныя обыкновенія: запрещеніе смотрѣть на мертвеца въ окно, замыканіе оконъ и дверей и завязываніе воротъ поясомъ.

6. Къ вещественному пониманію души относятся также представленія ея въ видѣ пара, дыма, вѣтра, изображенія самаго же человѣка въ уменьшенномъ размѣрѣ или въ видѣ бабочки, мотылька, птицы (Тэйл. стр. 12 13, Котляр. 193, Генероз. 8). Приписывая душѣ извѣстную матеріализацію, ирокезы дѣлаютъ въ гробу отверстіе для выхода души, китайцы, славяне—такое же отверстіе въ потолкѣ (Тэйл. 34, Котл. 209). Негры Конго не метутъ комнаты мертвеца, чтобы не потревожить его души, а померанцы и мазуры кладутъ солому для отдыха души (Тэйл. 105, Кот. 229). Тирольскіе крестьяне представляютъ себѣ душу, какъ и малороссіяне, въ видѣ бѣлаго пара, а по средневѣковому представленію душа человѣка выходитъ изъ рта умирающаго, какъ уменьшенное изображеніе самаго же человѣка (Тэйл. 15, Спенс. 191). Муху же, жужжащую надъ кануномъ, напоминаетъ изображеніе изъ Вавилонской легенды о потопѣ Газизадры, приводимое Спенсеромъ (стр. 360) „боги слетѣлись на жертву точно мухи“.

Похоронный плачъ.

Возникновеніе и развитіе общечеловѣческаго обыкновенія надгробныхъ причитаній объясняется Спенсеромъ въ такомъ смыслѣ, что первобытный умъ, не понимая еще рокового, безповоротнаго значенія смерти и

отожествляя ее съ безчувственными состояніями: сномъ, обморокомъ, каталепсіей,—старается прежде всего оживить трупъ побоями, уколами, усиленными призывами умершаго,—что и дѣйствительно удается иногда при временномъ безчувственномъ состояніи. У фиджійцевъ и самъ человѣкъ, чувствуя приступы болѣзни и боясь, что душа улетитъ, громко взываетъ къ послѣдней, убѣждая ее вернуться. Фантіи и карибы обращаются къ умершему съ вопросами: за что онъ ихъ оставляетъ? Въ Калифорніи, у обитателей С. Сальвадора, въ Таити, у мандинговъ—говорятъ похвальное слово умершему, а барды воспѣваютъ ему элегическія баллады. Малагезцы просятъ окрестныхъ мертвецовъ ласковаго пріема ихъ родственнику (Герб. Спенс. Основ. соціал., стр. 163, 164, 249, 290). Обращаясь къ малорусской похоронной причети, мы различаемъ въ ней: громкое воззваніе къ умершему, безпрестанно повторяющееся и соединенное для усиленія дѣйствія съ нѣжными выраженіями и краткими восхваленіями умершаго. Напримѣръ: мій таточку, соловеечку, лебедочку! Стороже прехорошый, хозяине превелыкый! Моя матинко! моя й правдонько, покровонько! Моя донечко! моя й вышенько, черешенько, макивко, павочко! и т. д. Въ обращеніи къ умершему заключаются также разспросы о причинѣ удаленія его изъ круга семьи и родныхъ, упреки и укоризны въ такомъ родѣ: на кого вы гнивъ велыкый положылы? На кого мене кыдаете? и просьба къ предкамъ о благосклонномъ пріемѣ скончавшагося: „стричайте, родытели, мого татуся ридненького“. Мертвый приглашается также очнуться и возвратиться. Такимъ образомъ малорусское погребальное причитаніе хранитъ еще въ себѣ почти всѣ черты первобытнаго обращенія къ умершему съ цѣлью громкими призывами, соединенными съ моральнымъ воздѣйствіемъ побудить покойнаго возвратиться къ оставляемому роду или семейству [1]). Но кромѣ общечеловѣческаго содержанія, въ малорусской причети заключаются еще картины мѣстной природы и подробности быта, да и печаль ея—украинская.

1.

Мій таточку, мій риднесенькый!
Мій таточку, мій старесенькый!
На що-жъ вы насъ кыдаете?
Кому вы насъ уручаете?
Чы вы дубови сухому,
Чы вы батенькови чужому?
Чы холодній стини,

---

[1]) Надгробная пѣснь индійскаго племени Го, приведенная у Тэйлора (Первоб. культ. ч. II, стр. 109) по содержанію и частностямъ почти тождественна съ малорусскими причитаніями.

Чи чижій, мій таточку, чужыни?
Сухый дубъ, мій таточку, не розивьетця,
А чужый батенько до насъ и не обизветця,
Холодна стина не гріе,
А чужа чужына не пожаліе.
Та лучше-жъ мени, мій таточку, важкый каминь котыть,
Нижъ чужому батенькови годыть.
Та я чужому батенькови зроблю дилечко, той переробытця,
А скажу словечко той переговорытця.
Та мое дилечко, мій таточку, не въ ладъ,
Та мое словечко не такъ.
Та видкиля-жъ васъ, мій таточку, выглядать,
Та видкиля васъ и вызырать?
Чы васъ зъ поля,
Чы васъ зъ моря,
Чы зъ высокои горы,
Чы зъ чужои чужыны?
Та не идить, таточку, полямы, бо нижкы поколете,
Та не идить, таточку, берегамы, бо потонете
А идить, таточку, тимы дорожкамы, куды й мы идемо,
Куды мы за вамы слизонькамы стежкы прыльемо.
Та на якихъ васъ, таточку, святкахъ дожыдать,
Колы за для васъ столы застылать?
Чы на риздвяныхъ святкахъ,
Чы на велыкодныхъ святкахъ,
Чы на святу недилоньку?
На риздвяныхъ святкахъ снижкы стежкы, дороженчкы позамитають,
А на велыкоднихъ святкахъ велыкимы водамы позалывае,
А на святу недилоньку спорышамы позаростають.
А мы будемъ спорыши стругать,
Та свого батенька въ гостонькы дожыдать.
Тай садочкы цвитуть и зузуленькы кують,
А я выйду водыци брать
Та буду соловейкивъ пытать:
Вы зузуленькы сывесенькы,
Соловеечкы малесенькы
Высоко литаете,
Багато свита выдаете,
Чы вы не чулы моего батенька ридненького,
Чы не бачылы моего батенька старенького?

А зузуленькы литають та кують
Та бидным сыротам жалю завдають.

2.

Мій батеньку, мій риднесенькый!
Мій батеньку, мій старесенькый!
Мій порадныку дорогесенькый.
Ты-жъ мене поражаешъ...
На шо ты мене покыдаешъ?
Кому ты мене, мій батечку, прыручаешъ?
Чы ты братикамъ, чы сестрыцямъ?
Чы чужый чужыни, чы родыни свойій?
Та буде насъ по горахъ, буде и по долынахъ,
И по всихъ украинахъ.
Та куды я пиду, то я свого батенька не найду.
Та будуть соловейкы щебетать,
А зузули кувать.
А я буду рано вставать
Та буду соловейкы и зозулечкы пытать:
Вы высоко литаете, вы далеко буваете,
Чы не бачылы, чы не чулы мого батенька?
Мій батечку, мій риднесенькый!
Куды вы выбираетесь? чы въ Крымъ, чы въ Рымъ?
Чы въ дорогу по силь?
Видкиль намъ васъ вызырать?
Чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ глыбокои долыны?
Не плевить водою, бо втомытеся,
Не идить степомъ, нижечкы поколете.
Якъ буду я васъ, мій батеньку, въ гости дожыдать,
То буду къ рожеству стежечкы прокыдать,
А къ велыкоднимъ святкамъ—дорожечкы промитать,
А окъ святій недили буду стежечкы травыцею стелать,
И воритечка одчынять и виконечка одсувать,
Та буду свого батенька ридненького въ гости дожыдать.

3.

Мій таточку, мій риднесенькый!
Сберить же вы своихъ диточокъ до купочкы,
Та забериться вы за ручечкы

Да прыбувайте до насъ у гостыночкы.
Та не йдить же вы полемъ,
Бо нижечкы поколете,
Та не йдить же вы моремъ, бо утонете.
Та не идить же лисамы, бо заблудыте.
Идить же вы степамы, та бытымы дорожкамы,
Що я й промитала васылечкамы.
Та я й васылечкамы промитала
И слизонькамы прылывала.
Та яжъ буду дворы вымитать
И столы застылать.
Та я-жъ буду виконечка одсувать
И своихъ родытеливъ въ гости выглядать.
Чы я тоби, мій таточку, пыточкы не подавала?
Чы постилонькы не перестылала.

4.

Мій таточку, мій лебедочку,
Мій таточку, мій солювеечку!
Видкиля васъ выглядать,
Видкиля васъ дожидать?
Чы васъ изъ поля, чы васъ изъ моря,
Чы зъ высокои могылы, чы зъ глыбокои долыны?
Высока могыла, высоко высыпана,
А глыбока долына глыбоко выкопана.
Туды війты, а выйты никуды.
Колы за для васъ столы застылать,
Колы за для васъ кубочкы наповнять?
Чы вамъ окъ риздву,
Чы вамъ, мій таточку, къ велыкодню
Чы вамъ, мій таточку, къ святій недилонци?
Що къ риздву велыкы снигы позамитають,
А къ велыкодню велыкы воды позалывають,
А къ святій недилонци стежкы й дорожкы позаростають.
Що стежкы комышемъ, а дорожкы спорышемъ,
А вышневы сады биленькымы цвитамы.
Та вы-жъ будете йты, та на цвиты задывляться,
Та не будете до насъ у гостонькы поспишаться.
Та туды-жъ будуть зузули литать,
Та будуть раненько куватъ,

А соловейкы щебетать.
А я буду раненько вставать,
Та буду йихъ пытать:
Зузули-жъ мои сывенькы,
А соловейкы маленькы!
Та вы высоко литаете,
Та багато свита выдаете.
Чы не чулы, чы не бачылы
Мого батька ридненького?

5.

Мій таточку, мій ридненькый!
Мій таточку, мій голубчыку!
Мій таточку, мій соловеечку!
Та до кого-жъ я буду ходыть?
До кого свою правцу носыть?
Та я прыхылюсь до холоднои стины,
Та стина не нагріе;
Та обизвусь до чужои чужыны,—
Вона не пожаліе.
Та прыхылюсь до сухого дуба,
Та дубъ не похылыться,
Та прыхылюсь до чужои чужыны—
Вона и не обизветця.
Та нема тихъ крамаривъ,
Що продають ридних батькивъ.
Та видкиль васъ, мій таточку, въ гости выглядать?
Чы васъ зъ руты? Чы васъ зъ мяты?
Чы васъ зъ рубленои хаты?
Чы васъ зъ могылы?
Чы зъ глыбокои долыны?
Чы васъ съ пидъ того гаю,
Що я й сама не знаю?

6.

Таточку мій риднесенькый,
Мій голубчыку сывесенькый!
На що вы мене покынулы таку нещасну?
До кого я головоньку прыхылю?
Видкиля тебе, мій таточку, буду выглядать?
Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Я бъ гостынчыкъ подавала, та никимъ подать.
Передала-бъ я яблучко та вамъ не докотытця.
Таточко мій! якои вы хатонькы забажалы
Темнои, невыднои.
Та хатонька безъ дверей и безъ виконець
Туды витеръ не довіе
И сонечко не догріе
И людьскій гласъ не дойде.

Повій витроньку, одсунь кватырочку
Та розбуды мою родыночку.

7.

Та мій таточку, мій выноградочку,
Мій таточку, мій соловеечку.
Та куды вы убираетесь, куды вы-
ряжаетесь?
Та на кого такый гнивъ велыкый
положылы?
Чы вы на матинку?
Чы вы на своихъ сыритъ малесенькихъ?
Та якои вы соби хаты забажалы
Темнои та невыднои,
Смутнои та невеселои.
Та сюды й витеръ віе,
Сюды й сонечко гріе,
Туды й витеръ не завіе
И сонечко не загріе.

8.

Мій таточку, мій соловеечку!
Куды-жъ вы выряжаетесь,
На кого-жъ вы насъ кыдаете?
Якои вамъ хаточкы забажалося
Смутнои, та невеселои!
То-жъ хаточка безъ виконъ и безъ дверей,
У тій хаточци витеръ не повіе и сонечко не погріе.
Прыбудьте-жъ, мій таточку, до мене въ гостонькы.
Хоть на риздво, хоть на велыкдень,
Хоть на святу недилю.
Шо на риздво снигамы позамита,
А на велыкдень водамы позалыва,
А на святу недиллю травицямы позароста.
Якъ бы жъ я знала, мій таточку, що въ гости прыбудешъ
То я-бъ столы застылала,
И кубочкы сповняла,
То я-бъ тебе, мій таточку, въ гости дожыдала,
Та я-бъ тоби, мій таточку, дороженькы промитала.
Бо я-жъ выйду водыци браты,
Зузули куватымуть, а соловейкы щебетатымуть.
Я буду соловеечка пытаты:
Соловеечку, ты мій братику, чы ты не чувъ,
Чы ты не бачывъ мого батенька?
Чы не йшовъ, чы не йихавъ до мене въ гостонькы?
Бо я вже давно дожыдаю ёго
И столы позастылала, и кýбочкы понаповняла
И дороженькы попрочыщала,
Та свого батенька въ гости выглядала.

9.

Мій таточку, мій выноградочку,
Мій таточку, мій порадничку!
До кого-жъ я теперъ у гости ходытыму
И съ кимъ я говорытыму?
Хто-жъ мене поражатыме,
Хто жъ мене, мій таточку, розважатыме?
Та я-жъ, мій таточку, де не хожу и де не роблю,
То я-жъ до васъ на порадоньку иду.
А теперъ до кого-жъ я ходытыму,
Съ кимъ я говорытыму?
Съ кимъ я й розмовлятыму,
Съ кимъ я поражатыму?
Та теперъ, мій таточку, вси стежкы, вси дорожкы позаростають
Куды я ходыла.
Та я-жъ теперъ степамы йтыму,
Якъ голубочка густыму,
Та я садамы литатыму,
Якъ зузуля куватыму.
Та я тихъ стежокъ-дорожокъ не найду куды я ходыла
Та я-жъ васъ, мій таточку, не найду,
Та я-жъ вамъ и правдонькы не скажу.
Та я-жъ лугамы йтыму—лугы розлягатымуться,
А садамы йтыму—сады розвыватымуться,
Та якъ бы я-жъ, мій таточку, дориженьку знала,
Якъ бы жъ я, мій таточку, крыльця мала,
Та я-бъ васъ, мій таточку, що дня одвидала.
А тожъ я крылечокъ не маю,
И дориженькы не знаю,—
Тимъ же я васъ не двидаю.

10.

Мій таточку, мій ридненькый.
Мій таточку, мій соловеечку,
Мій таточку, мій канареечку!
На кого вы гнивъ такый положылы,
Що вы насъ такъ зарани посыротылы?
Чы вы на насъ нещасныхъ?
Чы вы на матинку безталаню?
Та прыймайте и мене до себе,

Щобъ я тутъ не жыла и не горювала,
Щобъ я й горенька не знала.
Та щобъ я не служыла
Й чужимъ батькамъ не годыла.
Та я гожу,
Та своимъ дилечкомъ не вгожу.
Та я що не зроблю,
То мое й дилечко перероблене,
А я що й не скажу,
То мое й словечко переговорено.
Да якъ же мени жыть,
До кого мени головоньку прытулыть?
Чы мени до дубочка до сухого,
Чы мени до батенька до чужого?
Прыхылюсь я до дубочка,—дубочокъ одхылытьця,
Прыхылюсь я до чужого батенька,—батенько чужый не дывытьця.

11.

Мій батеньку, мій голубчыку,
Мій соловеечку!
Та якои-жъ вы хатонькы забажалы
Темнои, невыднои, невеселои!
Туды сонечко не прогріє, витрець не провіє.
Видкиля-жъ васъ дожыдаты,
Видкиля выглядаты?
Чы зъ моря, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Моремъ итымете—утонете.
Берегамы итымете—заблудыте.
Та ваши стежкы, дорожкы пыломъ прыпалы,
Терномъ позаросталы,
Червоною калыною позавысалы
И билымъ снигомъ позамиталы.

12.

Мій таточку, мій соловеечку,
Мій таточку, мій лебедочку.
Прошу я васъ, мій таточку,
Нызкимъ поклономъ, прыятнымъ словомъ.
Гляньте хоть однимъ очечкомъ,
Тай промовьте хочъ однимъ словечкомъ.
Тай порадьте-жъ насъ якъ намъ жыть,
Якъ намъ горювать, якъ намъ васъ забувать?
И хто-жъ насъ буде поражать,
И хто намъ буде порядокъ давать?
Хто насъ буде избирать,
Хто насъ буде вытать?

Та вже мы васъ, мій таточку, не заслужымъ и не купымъ.
Де-жъ ти купци що продають ридни отци?
Та де-жъ ти крамари, що продають ридни матери?
Мій таточку, мій риднесенькый,
Мій таточку, мій старесенькый!
До кого мы будемъ ходыть,
До кого мы будемъ головоньку хылыть?
Чы мы до билои стины,
Чы до чужои чужыны.
Що холодна стина не нагріе,
А чужый батенько не пожаліе.
Та устаньте-жъ, мій таточку,
Та подывиться скилькы до васъ гостей понаходыло.
Та чомъ вы не встаете,
Та чомъ вы, мій таточку, не промовляете,
Та чомъ вы не вытаете?

13.

Мій таточку, мій риднесенькый,
Мій соловеечку!
На що-жъ вы, таточку, сырitъ накыдалы,
И кому-жъ вы ихъ повручалы
Що стина нима, а родыны нема.
Що у людей дочокъ по симъ,
Дай щастя всимъ.
А я въ васъ, таточку, одна,
Тай тій щастя нема.
Мій таточку, мій горювальнычку,
Мій таточку, мій скытальнычку!
Вы наскытались, вы нагорювались
Та прыбувайте, таточку, за мною, необаряйте.
Та вы думаете, таточку, що мени добре жыты?
Що я медъ—выно пью,
А я, таточку, гиркы слёзы лью.
Якый же я вамъ, таточку, поклонъ передамъ?
Якый я вамъ, таточку, гостынець дамъ?
Передамъ я булочку, то вона зацвите,
Передамъ яблучко, то воно зогніе.
Передамъ я бублычокъ, то винъ закотытьця
То такъ мое слово и мій гостынець

До васъ, таточку, не дойдетьця.
И колы васъ, таточку, дожыдать,
И колы стежкы промитать,
И колы вамъ кубочкы наповнять?
Чы вамъ окъ риздву,
Чы вамъ окъ велыкодню,
Чы вамъ окъ недилонци?
Що къ риздву снигамы позамитають,
А къ велыкодню водамы позалывають,
А къ святій недилонци травыцею позаростають.

14.

Мій таточку, мій ридненькый, мій старенькый!
Хозяине превелыкый, мій стороже прыхорошый!
Якъ иду я въ поле, то не знаю яке мени горе
Шо у мене скотына доглядена и дытына доглядена,
И по улыцяхъ нигде не валяеться
И пидъ тыномъ нигде не качаеться.
Якъ иду я зъ дому
То я й не запираю ничого и не замыкаю,
Що у мене усе доглядене буде.
Мій таточку, мій ридненькый!
Що я й погонычивъ не наймала
И плугатыривъ не прохала
А теперь якъ у поле иду, то я рано устаю
А пизно въ поле выхожу
Покы я дома позапираю и позамыкаю
Та до людей диты поодправляю
Що воны мали весты,
А важки несты.
Та мій таточку риднесенькый!
Та я буду раненько вставать,
А пизненько лягать.
Якъ рано встаю, то якъ голубка гуду
По вгороду пиду
То скризь глухо, скризь и пусто
Що вже на мойимъ двори
Нема старои головы
Що тилько по чужихъ садахъ чуть
Соловьи щебечуть, зузули кують
Мени жалю завдають.

Вы раненько вставалы, хорошенько й кувалы,
А мени жалю завдавалы.
Чы вы не чулы, чы вы не выдалы
Мого батенька ридненького й старенького:
Мій таточку риднесенькый!
Колы-жъ я васъ буду у гости дожыдать?
Колы я буду для васъ кубочкы наповнять?
Що вже й окъ риздву снигы позамиталы,
А къ велыкодню воды позалывалы,
А къ святій недилонци стежкы й дорожкы позаросталы.
Уже я николы свого батенька не дижду съ того края.
Видтиль ни письма не шлють, ни самы не йдуть.

15.

Мій таточку, мій выноградочку
Мій таточку риднесенькый, старесенькый!
Хто-жъ насъ теперъ буде поражать,
И порядокъ давать, и на дило прыставлять?
Хто-жъ насъ буде теперъ розважать?
Куды-жъ мы будемъ, таточку, исходыться?
Кому-жъ мы будемъ свою жалобу росказувать?
Хто-жъ насъ буде выручать,
Хто-жъ насъ буде вызволять?
Мій таточку, мій риднесенькый!
До кого-жъ мы будемъ тулыться и хылыться?

16.

Мій батечку, мій голубчыку риднисенькый,
Мій батечку, старенькый, сывисенькый!
Тай уже я васъ, мій таточку,
Не заслужу и не куплю.
Та на кого, мій таточку, гнивъ положылы!
Дежъ я буду васъ шукать,
Де васъ пытать?
Чы васъ, мій таточку, мижъ косарямы,
Чы васъ помижъ плугамы,
Чы помижъ гребцямы?

17.

Мій таточку! мій старесенькый,
Мій таточку, мій риднесенькый!
Та де-жъ васъ, мій таточку, купыть?
Та де васъ заробыть?

Та де васъ заслужыть?
Та я буду по срокахъ ходыть,
Та буду гроши зароблять,
Та буду васъ, мій таточку, годувать.
Та я-жъ васъ не куплю,
Та я васъ не заслужу,
Та я васъ и не зароблю.
Сусиды мои блызесенькы
Зачиняйте воритечка новесенькы,
Засувайте виконечка малесенькы
Та не выпустить мого татуся одъ мене,
Бо я не знатыму що сама робыть, що й почынать?
У якый кутокъ хылытся,
У якый край дывытся.
Куды вы, мій таточку, выбираетесь,
Куды вы выряжаетесь?
На що вы мене кыдаете?
Стричайте, мои родытели, мого татуся ридненького,
Пробирайте мистечко коло себе блызесенько
И доглядайте такъ, якъ я доглядала:
Подавайте пыточкы такъ, якъ я подавала;
Бо воны будуть ходыть та будуть пытать
Та будуть своеи родыночкы шукать,
И перестылайте имъ постилоньку такъ, якъ я перестылала.

18.

Мій таточку, мій соловеечку!
Мій таточку, мій выноградочку!
Мій таточку, мій старесенькый,
Мій голубчику сывесенькый!
Чого-жъ ты помираешъ, а насъ покыдаешъ?
Кому-жъ ты насъ уручаешъ?
Кого-жъ мы будемъ поражаться,
Кого-жъ мы будемъ пытаться?
Видкиль мы васъ будемъ, мій таточку, выглядать?
Колы-жъ мы васъ будемъ у гости дожыдать?
Чы мы къ риздву, чы мы къ велыкодню,
Чы мы къ святій недили?
Що къ риздву снигы позамитають,
А къ велыкодню воды позалывають,
А къ святій недили стежкы позаростають.

А я буду рано вставать и стежкы-дорожкы промитать
Та васъ, мій таточку, въ гости дожыдать.
Та я буду й столы застылать и кубочкы наповнять.
Наповнятыму вынамы, та дрибненькымы слёзамы.
Та буду рано вставать та соловейкивъ пытать:
У яке время мени свого батенька выглядать.

19.

Мій таточку, мій риднисенькій!
Мій таточку, мій старисенькій!
Мій таточку, мій сывесенькій!
Мій таточку, мій выноградочку!
Якъ безъ васъ жыты, якъ безъ васъ горюваты?
И кому головоньку прыхыляты?
Чы дидусеви, чы бабуси, чы дядечкови?
Та дядечко, та не батечко.
Винъ и въ дило пошле,
Винъ и головоньку натовче.
Мій таточку, мій ридненькый!
Мій таточку, мій срибненькый!
Куды ты полынешъ?
Куды ты свою головоньку занесешъ?

20.

Та мій батечку, мій порадныечку,
Мій батечку, мій соловеечку!
Та хто-жъ намъ порядокъ даватыме?
Хто насъ въ толкъ производытыме?
Якъ выйду-жъ я за ворота, нема-жъ мого батька,
Тилькы стоить у садочку одынъ дубочокъ.
Я-жъ до того дубочка тай прыхылюся,
Не ридному батенькови я й уклонюся.
Хоть у мене бувъ той батько, та все пье, гуляе,
А хочъ винъ намъ риднесенькый, та все насъ розоряе.
Мій батечку, мій риднесенькый!
Устань тай порадь насъ.
Ой не встану, мои диточкы, я вжей не поражу,
Я-жъ вамъ, мои диточкы, уже й до вику не заважу.

21.

Моя маты, моя голубонько!
Куды ты убралась, куды ты нарядылась,
На кого ты розсердылась, на кого ты розгнивылась?
Та якои ты соби хаты забажала,
Смутнои, та невыднои!
Та ся хата зъ викнамы и дверямы,
Та сюды витеръ віе и сонце гріе,
А та хата смутна и не весела.
Соловейкы будуть спивать

И зузуленькы будуть кувать,
А я буду своеи матинкы пытать:
Вы высоко литалы, та далеко бувалы
Чы вы моеи матинкы не выдалы?
Та видкиль тебе выглядаты,
Колы тебе у гости дожыдаты?
Та чы тебе къ риздву,
А чы къ велыкодню,
Чы тебе и къ святій недили сподиващця?
Що къ риздву снигамы позанесе,
А къ велыкодню водою залье,
А къ святій недили травою позароста.
Я снижокъ прогорну,
А водыцю изолью, а травыцю прорву,
А васъ, моя матинко, у гости не дижду.
Де ти маляри, що малюють матери,
Де ти крамари, що продають матери?
Де воно васъ, матинко, прыщепыть,
Щобъ до васъ на пораду ходыть?
Прыщеплю я васъ до былыны
То вы и не прыйметесь,
Посажу васъ на покути
То вы и похылытесь.
Прыхылюся до холоднои стины
То вона мене не нагріе,
Прыхылюся я до чужои матери
То вона мене не пожаліе.
Та и ти сины и та хата,
Такъ у хати не та правда;
Та и та хата и та стриха,
Та у хати не та утиха.

22.

Моя й матинко, моя й голубонько!
Та куды вы вбралысь, та куды вы нарядылысь?
Та на кого росердылысь, на кого й розгнивылысь?
Чы вы на батенька, чы вы на своихъ сыритъ малисенькихъ?
Люды на слободы идуть, та письма шлють,
А вы до насъ не прыйдете и письма не прышлете.
Та зузули будуть литать, та раненько кувать,
А я выйду, та буду своеи матинкы пытать:

Та зузуленькы сызенькы, соловейкы рябенькы
Та вы высоко литалы, та далеко бувалы,
Та чы вы моеи матинкы не выдалы?
Та де тебе, матинко, прыщепыть
Щобъ до тебе на пораду ходыть?
Прыщеплю я васъ до былыны,
То вы не прыйметесь.
Та посажу я васъ, матинко, на покути
То вы й похылытесь.
Та прыхылю я свою головоньку до холоднои стины
То вона мене не нагріе,
Та прыхылю я свою головоньку до чужои чужыны
То вона мене не пожаліе.
Та видкиль тебе, моя матинко, выглядать,
Та колы тебе въ гости дожыдать?
Чы тебе къ риздву, чы тебе къ велыкодню,
Та чы тебе, моя матинко, къ святій недилонци?
Що къ риздву снигамы позамита,
А къ велыкодню водою позалыва,
А къ святій недилонци травою позароста
Я й снижокъ прогорну.
Я й водыцю пролью,
Я й травыцю прорву,
А васъ, моя матинко, въ гости не дожду.
Та та й хата, та й стриха,
Та въ хати не та утиха,
Та ти сины, та й хата,
Та въ хати не та правда.

23.

Моя й матинко, моя й ридненька!
Моя й правдонько дорогенька!
Та мени-жъ васъ, моя матинко, ни купыть,
Та мени-жъ не заслужить.
Та нема тихъ городянокъ,
Що продають ридныхъ мамокъ.
Якъ бы я знала колы васъ въ гостонькы ждать?
И колы вамъ, моя матинко, столы застылать?
Чы вамъ на риздвяны святкы?
Чы вамъ на велыкодни?
На риздвяны—снижкы стежкы-дорожкы позамитають.

А яжъ буду ходыть та промитать,
Та свою матинку въ гости ждать.
На велыкодни—стежкы, дорожкы водыцею позалыва.
А я буду ходыть та ричечкы робыть,
Та водыцю спускать,
Та свою матинку въ гости ждать.
А къ святій недилонци
Стежкы, дорожкы травыцею позаростають.
А я буду ходыть та промитать
Та своеи матинкы въ гости выглядать.
Та вжей свята недилонька мынае,
До мене моеи матинкы немае.
Та буду percенько вставать
Та будуть пташкы та соловейкы щебетать,
А я жъ буду ходыть та пытать:
Сыви соловейкы!
Чы не бачылы моеи ненькы ридненькы?
Та буду иты улычкамы
Та чужи матери гулятымуть купочкамы.
Та подывлюсь: тилькы моеи немае.

24.

Моя матинко, моя голубонько!
На що вы мене таку вродылы?
На що вы мени таку гирку доленьку вдилылы?
Щобъ я, моя матинко, по наймахъ ходыла,
Да чужу работу робыла,
Та чужому батькови,
Та чужій матери годыла.
Мое дило переробыться,
Мое слово переговорыться.
Колы васъ въ гости дожидать,
Зъ видкиль васъ выглядать?
Чы васъ изъ яру,
Чы зъ долыны
Чы зъ высокои могылы?
Якый вамъ, моя матинко, гостынець подать?
Подалы-бъ мы яблучко
Такъ воно зогніе,
Подалы-бъ мы булочку,
Такъ вона зацвите.
Мои братикы, мои голубчыкы!
Тай не быймося, тай не лаймося
Зійдемося до купочкы
Тай порайМося
Видкиль намъ матинкы выглядать?
Колы въ гости дожыдать,
Колы намъ дорожкы стругать?
Постружу дороженьку къ святому риздву—
Снижкомъ прыпаде,
Простружу дороженьку къ святому велыкодню—
Водыцею заллье.
Простружу дороженьку къ святій недилоньци—
Травыцею вросте.

Теперь уже та хата, та й стриха
Такъ уже въ хати не та утиха.
Та хата и ти викна
Такъ матинка не ридна.

25.

Моя й матинко, моя й ридная,
Моя матинко, моя й ластивко!
Въ якимъ же ты мене зилльи купала,
Що я въ таке нещастя попала?
Чы вы-жъ мене въ полыню,
Що я до васъ николы не прылыну?
Чы я въ таку мынуту родылась,
Чы я въ такый часъ хрестылась?
Та якъ же мени жыть,
Та якъ мени горювать?
Куды мени йты,
До кого мени головоньку прыхылять?
Чы мени до холоднои стины,
Чы до чужои чужыны?
Прыхылюсь я до стины,
Стина холодненька,
Прыхылюсь я до чужои чужыны,
Чужа чужына не ридненька.
Куды мени йты,
Щобъ свою матинку знайты?
Я куды не пиду,
Та своеи матинкы не найду.
Та пиду я юлочкамы,
Та сыдять чужи мотери купочкамы.
Я въ кажну купочку загляну,
Та я васъ, моя матинко, не пизнаю;
Та я васъ, моя матинко, ниде не куплю,
Ниде й не заслужу!
Нема-жъ тихъ маляривъ,
Що малюють материвъ,
Та нема тихъ крамаривъ
Що продають материвъ.

26.

Моя й матинко, моя й голубонько,
Моя матинко, моя й правдонько!
Моя матинко, моя й покровонько,
Моя матинко, моя й розмовонько.
Чы я-жъ тоби, моя матинко, постилоньки не слала?
Чы я-жъ тоби головоньки не ськала?
Чы я тоби, моя матинко, пыточкы не подавала?
Чы я тоби, моя матинко, гирке словечко сказала?
Чимъ я тебе, моя матинко, розгнивыла
Що ты до мене, моя матинко, не озываешься?
Я-жъ биля тебе, моя матинко, не часъ и не два стою
Та я-жъ биля тебе, моя матинко, якъ зозуленька кую.
Уже-жъ пора, моя матинко, проспаться
И до мене, нещаснои, обизваться;
Мене нещасну порадыть: якъ мени чужій матинци годыть?
Якъ мени чужу матинку матирью звать,
Якъ мени до ейи прывыкать,
А тебе, моя матинко, забувать?

Чужа-жъ матинка не ридна,
Чужа матинка неимовирна.
Загудить, голубонькы, на хати
Та збудить мою матинку зъ кровати.
Загудить, голубонькы, на свитлыци
Та збудить мою матинку съ скамныци.
Та гудить, голубонькы, на порози
Та збудить мою матинку у дорози.
Нехай вона встае и порадыть мене:
Якъ мени, нещасныци, на свити жыть,
Якъ мени чужій матинци годыть?
Чужа матинка бье и лае
И ничимъ мене не дбае.

27.

Моя й матинка ридна!
Моя й скытальныця, моя й горювальныця!
Моя й сухисинька, моя й старисенька!
Моя й зузулечка.
Видкыля тебе, маты,
Въ гости выглядаты?
Чы зъ крутои горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Та вже-жъ мени, моя маты,
Тебе не выдаты!
Будуть зузуленькы куваты,
Соловейкы щебетаты.
А я своей матинкы пытаты
Иде тебе, матинко, узяты?
Чы тебе змалюваты, чы тебе заслужыты?
Чы тебе, моя матинко, заробыты?
Де я не ходыла, де я не блудыла
Та не найшла матинкы,
Що мене вродыла.

28.

Моя матинко, моя голубонько!
Моя матинко, моя риднесенька,
Моя матинко, моя старесенька!
На кого-жъ вы, моя матинко, розгнивылысь?
Чы на батенька, чы на мене нещасныцю?
Якъ же намъ жыть? Якъ намъ горювать?
Якъ намъ, моя матинко, васъ забувать,
А безъ васъ прывыкать?
И до кого-жъ мени, моя матинко,
Ту головочку прыхылять?
Чы мени-жъ, моя матинко, до стины,
Чы до чужои чужыны?
Стина-жъ не обигріе,

А чужа чужына, моя матинко, мене не пожаліе.
Моя матинко, моя покровонько!
Моя матинко, моя розмовонько!
Колы-жъ васъ, моя матинко, въ гости дожыдать!
Чы васъ окъ риздву,
Чы васъ окъ велыкодню,
Чы васъ окъ святій недилонци?
Окъ риздву—снигамы позамита,
А окъ велыкодню—водамы позалыва,
А къ святій недилонци—стежкы й дорожкы позаростають.
А я буду раненько вставать,
Та стежкы й дорожкы прочыщать,
Своеи матинкы въ гостонькы дожыдать.
И видкиля васъ выглядать?
Чы зъ яру, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Якый я вамъ, матинко, гостынець передамъ?
Передамъ я вамъ, моя матинко, яблучко,
Воно зогніе,
А передамъ бублычокъ—закотыться,
А передамъ я, моя матинко, свое словечко,
Воно вамъ не дойдеться.

29.

Моя матинко! моя й голубонько!
Моя матинко, моя й зозуленько!
Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя й матинко, моя й пьятинко!
Хто мене буде покрывать?
Хто мене буде заступать?
До кого мени, моя матинко, хылытця?
Чы мени до сухого дуба
Чы мени до холодної стины?
Чы мени, моя матинко, до чужои чужыны?
Та сухый дубъ не розивьется,
Чужый батенько не обизвется.
Та холоднои стины не розигрію,
Та чужа матинка не пожаліе.
Якъ мени, моя матинко, жыть?
Якъ мени горювать?
И видкиля васъ, моя матинко, выглядать?
Чы васъ зъ поля, чы васъ зъ моря?
Чы васъ зъ высокои могылы,
Чы васъ зъ далекои краины?
Дежъ я васъ, моя матинко, буду пытать?
Та я-жъ куды не пиду,
То я васъ не найду.
Та я-жъ пиду въ ярмаркы
Та буду шукать, та буду пытать
Та буду шукать тихъ крамаривъ,
Що продають материвъ.
Та тихъ купцивъ,
Що продають отцивъ.

30.

Моя ненько, моя матинко!
На шо ты мене нещасныцю вродыла,
Гирку долю вдилыла?
Чомъ же ты мене не прыкопала,
Щобъ я не горювала?
До кого-жъ я, моя матинко, ходытыму,
До кого й говорытыму?
Чы я буду до братика, чы я буду до сестрыци?
Та мени сестрыця не матинка, а братикъ не батенько.
Винъ мене не порадыть, винъ мени правды не скаже
До кого-жъ я, моя матинко, буду хылытыся
И въ кого я буду, моя матинко, правды пытаты?
И хто мене буде поражаты?
До кого-жъ я буду свою нещасну головоньку прыхыляты?
Чы я буду до былыноньки,
Чы я буду до чужои чужыноньки?
Якъ бы жъ то ты знала, моя матинко,
Якъ мени тяжко горюваты;
Якъ мени теперъ съ чужою чужыноњкою прывыкаты.
Чужа чужынонька не ридна родынонька.
Вона жъ мене не бье, не лае, —
У мене серденько вьяне,
А ридная маты побье и полае—то воно не прыстане.
Видкиля я тебе, моя матинко, буду выглядаты
И колы тебе въ гости дожыдаты?
Чы васъ окъ риздву, чы васъ окъ велыкодню,
Чы васъ окъ святій недилонци?
Окъ риздву снигомъ позамитае,
А къ велыкодню водычкою позалывае
А къ святій недилонци писочкомъ позасувае.
Якъ будете вы къ риздву до насъ зъ гости прыбуваты,
То я буду воритечка откыдаты,
А якъ будете до насъ къ велыкодню прыбуваты,
То я буду водычку спускаты.
А якъ будете къ святій недилонци прыбуваты,
То я буду дорижечкы промитаты,
Промитаты и своимы слизонькамы прылываты,
Буду столы застылаты,
И буду виконечка одчыняты,

Буду свою маты старесеньку въ гостоньки ждаты.
Може жъ вона буде до мене въ виконечко влитаты.
Чы не буде вона мени правдоньки казаты.
Моя матинко, моя й порадничко!
Прыйды до мене и порадь мене на чужій чужыноньци,
У далекій краинонци.
Далека краиночка, чужа чужыночка.
Моя ненько, моя матинко!
Якъ бы ты знала, якъ мени тутъ горювать,
То ты-бъ мене, моя матинко, прыкопала,
Шобъ я й не горювала.

31.

Моя й матинко! моя й голубонько!
Моя матинко, моя зозуленько!
Моя матинко, моя ластивочко!
Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя матинко, моя покровонько!
Моя й матинко, моя й нещасныця,
Моя матинко, моя горювальныця!
И прыймить же мене до себе,
И прыгорнить мене до себе,
Шобъ я людьскимъ посмихомъ не ходыла,
Шобъ я людей не смишыла!
Прыймить мене и прыгорнить до себе!

32.

Моя матинко, моя голубочко!
Дежъ мы, моя матинко, ходытымемъ,
Цежъ мы тебе шукатымемъ?
Та зузули-жъ кують, а соловеечкы щебечуть
А мы будемъ ходыть, та своеи матинкы шукать,
Чы не бачылы, чы не чулы
Ношои матери ридненькои?
Та нихто й не каже,
Та нихто не чувъ, нихто й не бачывъ.
Де ти крамари що продають матери?
Та мы-бъ заслужылы,
Та соби матинку купылы.
Та передамъ я яблучко, то зогніе,
А передамъ булочку,—то зацвите.

33.

Моя матинко, моя риднисенька,
Моя матинко, моя старисенька!
Видкыля васъ, моя матусю, выглядать,
Видкыля васъ дожыдать?
Чы васъ съ поля, чы зъ моря
Чы зъ высокои могылы, чы зъ далекои украины?
И колы для васъ кубочкы наповнять
Чы вамъ къ риздву, чы вамъ къ велыкодню
Чы вамъ, моя матинко, къ святій недилонци?
Къ риздву сниги позамитають стежкы, та дорожкы,
А къ велыкодню воды позалывають,

А къ святій недилонци стежкы позарта дорожкыостають.
Моя й матинко, моя й покровонько,
Моя й матинко, моя й жалобо,
Моя покровонько, моя й правдонько!
Ты-жъ, моя мамусю, найриднисенька
Ты-жъ, моя мамусю, найсрибнисенька.
Ты-жъ, моя матинко найриднійша,
Ты-жъ, моя матинко, найсрибнійша.
Моя матинко, моя й зузуленько,
Моя матинко, моя й правдонько!

34.

Моя й матинко, моя й голубонько!
Та колы васъ теперъ дожыдать?
Та колы васъ выглядать?
Та колы вамъ, моя матинко, воритечка отчынять?
Та колы-жъ вы до насъ теперъ и прыйдете въ гостонькы?
И зузули кують, соловейкы щебечуть,
А я своеи матинкы пытаю.
Та нихто-жъ теперъ не скаже:
Ни зузули, ни соловейкы, ни сызыи крылы.
Колы вы, моя матинко, до насъ у гостонькы прыйдете:
Чы на риздво, чы на велыкдень?
Чы на святу недилоньку?
На риздво, моя матинко риднесенька, снигамы позамита
А на велыкдень водамы позалыва,
А на святу недилю витрамы позавыва.
Та никуда вамъ пройты, ни дороженькы проместы.
Та вже-жъ мы и столы позастылалы
Та своій матинци исты понаготовлялы.
Та ихъ теперъ ни спысать,
Та ихъ теперъ не купыть.
Та ихъ нигде узять
Та ихъ нигдѣ и заслужить.

35.

Моя матинко, моя риднесенька,
Моя матинко, моя й старесенька!
Та до кого мы будемъ ходыть,
Та до кого правду носыть?
Та хто насъ буде вытать,
Та хто насъ буде выглядать
Такъ якъ вы насъ выглядалы,
Та насъ вытaлы?
А теперъ ни до кого намъ ходыть
Никому намъ правды говорыть.

На кого вы гнивъ, матинко, положылы?
Хто вамъ гирке слово сказавъ?
Чы вамъ дочкы, чы вамъ сыночкы?
Гирке слово сказалы?
Чымъ воны васъ огорчылы,
Що вы такои хаты забажалы
Темнои, невеселои?
Нема дверей, ни виконечокъ.
Витеръ не віе,
Сонечко не гріе,
Тилько сыра земля пріе.
Видкиль васъ дожыдать,
Видкиль васъ выглядать?
Чы васъ изъ луга,
Чы васъ изъ долыны,
Чы зъ глыбокои могылы?
И колы вы до мене
Въ гости будете прыбувать?
Якъ бы я знала
То ябъ ворота поодчиняла,
Стежкы й дорожкы промитала,
И дверечка поодчыняла,
И оконечка поодсувала,
И столы позастылала,
И васъ прывитала!

36.

Моя й матинко, моя золотисинька,
Моя й матинко, моя срибнисинька!
Моя й матинко, моя й дорогисинька!
Моя й матинко, моя й покровонько!
Якъ я буду безъ васъ звыкать,
Якъ я буду безъ васъ горювать?
Я буду рано вставать, свою матинку спомынать.
Якъ я буду васъ спомынать и якъ я буду васъ доставать?
Буду я, моя матинко, маляривъ наймать,
Та буду свою матинку малювать.
Шо я вже не змалюю.
А хочъ и змалюю, такъ не такую!
А хочъ и змалюю, то вы мене не порадыте,
Вы мене не наставыте.
Вы-жъ було раненько вставаете,
Та насъ розбужаете,
Насъ хазяевамы наставляете.

37.

Моя й матусечко, моя й голубочко,
И моя й зозулечко!
На що-жъ вы насъ покынулы,
И на що вы насъ посыротылы?
Кому вы насъ уручаете,
Кому вы насъ удиляете?
На кого, моя матинко, такый гнивъ велыкый положылы?
Чы вы на того батенька,
Чы вы на нашого братика ридненького,
Чы вы на насъ нещасныхъ?
Чы я вамъ, моя матинко, постилонькы не перестылала,
Чы я вамъ пытонькы не подавала?

38.

Моя й матинко, моя й ридная!
Та якъ мени теперъ безъ васъ жыть?
Моя й матинко, моя й правдонько, моя й роскишъ.
Та я пры васъ жыла,
Якъ макивка цвила,
А теперъ вы мене покынулы
Никому моихъ дитокъ доглядать и хозяйства.

39.

Моя матинко, моя голубонько!
Моя матинко старисенька,
Моя голубонько сывисенька!
На що ты мене таку нещасну вродыла,
На що ты мени таку гирку доленьку вдилыла?
На горювання и на скитання.
Моя й матинко, моя й утинко,
Моя й матинко, моя й покровонько,
Моя матинко, моя й розмовонько!
Хто-жъ мене буде теперъ заступать,
Хто-жъ мене буде теперъ жалувать?
Хто жъ мени буде теперъ пораду давать?
Та яжъ рано встаю, то и васъ спомяну,
Та я пизно лягаю, то я й васъ спомынаю.

40.

Моя матинко, моя й риднисенька!
На шо-жъ ты насъ покынула,
Такихъ малисенькихъ?
Та до кого-жъ мы будемъ хылыться?
Та кому-жъ мы будемъ хвалыться?
Чы намъ до стины?
Чы до чужои чужыны?
Та стина холодна не нагріе,
А чужа чужына не пожаліе.
Якои-жъ вы, татусю, темнои ночи прыбувалы,
Що въ насъ матинку одибралы?
Колы-жъ намъ у гости васъ дожыдать?
Та мы будемъ столы застылать,
Та кубочкы наповнять
Та свою матинку у гости дожыдать.

41.

Да моя й матинко, моя й правдонько!
Да куды-жъ ты вбираешься,
Куды ты выряжаешься?
Да кому-жъ ты насъ уручаешъ?
Чы дядькови, чы титци?
Пидемо до дядька—у дядька свои диткы,

Да не порадять мене, нещаснои сыритки.
И въ титкы свои диткы
Та не порадять мене, нещаснои сыритки.
Колы-жъ тебе, моя матинко, сподиваться у гости?
Чы на риздво, чы на велыкдень,
Чы на святу недилоньку?
На риздво, моя матинко, снигы сыльны залягають,
А на велыкдень сады зелени процвитають,
А на святу недилоньку я й столы позастылаю
И въ гости васъ, моя матинко, сподиваю.

42.

Моя матинко, моя й ридненькая,
Моя матинко, моя й старенька.
Моя й матинко, моя й порадонько!
Хто-жъ мене буде поряжать
Якъ вы поряжалы?
Хто-жъ мени буде порядокъ давать
Такъ якъ вы давалы?
До кого-жъ мени теперъ прыхылыться,
До кого-жъ мени теперъ прытулыться?
Чы мени до холоднои стины,
Чы мени до чужои чужыны?
Що холодна стина не нагріе,
А чужая чужына не пожаліе.
Та буде-жъ мене по строкахъ [1]),
Буде-жъ мене й по годахъ,
Та буде-жъ мене по пидъ дворамы,
Та буде мене по пидъ тынамы.
Та пробирайте-жъ, моя матинко, мистечко биля себе.
Прыймайте и прыгортайте и мене до себе.
Та щобъ я не горювала,
Та щобъ я й гоненька не знала,
Та щобъ я не ходыла по годахъ,
Та щобъ я не годыла чужымъ титкамъ.

43.

Моя матинко, моя риднесенька!
Моя матинко, моя старесенька!
Якъ мени, моя матинко, жыть?
Якъ мени, моя матинко, горювать?
Якъ мени, моя матинко, по чужымъ людямъ ходыть,
Та чужымъ людямъ годыть?
Та я-жъ чужу роботу що зроблю—тай не такъ,
Та я чужымъ людямъ що скажу—то мое словечко не въ ладъ.
Та мое дило перероблюють,
Та мое словечко переговоряють.
Прынимайте-жъ мене, моя матинко, до себе
И прыгортайте мене до себе

---

[1]) Здѣсь разумѣется личный срочный и годовой наемъ.

И пробирайте мени мистечко биля себе.
Та яжъ буду вамъ пыточкы подавать
И постилоньку перестылать.

44.

Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя й матинко, моя й вышенько!
Моя й матинко, моя й черешенько!
Моя й матинко, моя й покровонько!
Та хто-жъ мене, моя й матинко, буде жалить?
Та хто же мене, моя матинко, буде доглядать?
Та хто-жъ мене, моя матинко, буде покрывать?
Та вы-жъ мене, моя матинко, доглядалы и въ дили, и въ слови,
А теперъ на шо-жъ вы мене кыдаете на горе та на нещастя
Та на велыке безталання
Та куды вы, моя матинко, выряжаетеся,
Та куды вы, моя матинко, убираетеся?
Чы вы на заробиткы, моя матинко,
Чы вы на слободы, моя матинко!
Та зъ заробитокъ, моя матинко, до дому идуть,
А зъ слобидъ, моя матинко, писёмця ждуть.
А вы сами, моя матинко, не йдете
И до мене писёмъ не шлете.
Та якои, моя матинко, хаточкы забажалы:
Смутнои та й не веселои,
Темнои та й не выднои.
То хаточка и безъ виконъ,
То хаточка и безъ дверей.
Та въ ту хаточку и витеръ не віе
И сонечко не гріе.
И сонечко туды не сходыть
И нихто въ ту хаточку не заходыть.
Та хто васъ буде, моя матинко, доглядать
Такъ якъ я доглядала?
Та хто вамъ буде, мая матинко, и постилоньку перестылать
Такъ якъ я перестылала?
Моя матинко, моя правдонько!
Та й порадьте мене: якъ мени жыть?
Якъ мени горювать?
Чы мени йты служыть,
Чы мени зъ братикамы та зъ сестрыцямы жыть?

45.

Моя матинко, моя й ластивко!
Та де-жъ васъ, моя матинко, купыть,
Та де-жъ васъ, моя матинко, заслужыть?
Та де-жъ ти маляри що малюють ридны матери?
Та буду-жъ я ранесенько вставать,
Та буду-жъ я зузулечокъ пытать:
Та вы, зузулечкы, ранесенько встаете,
Ранесенько куете.
Та буду-жъ я, моя матинко, ранесенько вставать,
Та буду соловеечкивъ пытать.
Та колы-жъ мени, моя матинко, васъ у гостонькы дожыдать?
Та чы васъ къ риздву, та чы васъ къ велыкодню,
А чы къ святій недилонци?
Та къ риздву-жъ снигамы позамита,
А къ велыкодню водамы позалыва,
А къ святій недилонци травыцямы позароста
Та й прыплевить, моя матинко, до насъ хоть водою,
Та заберить и сыриточокъ сихъ съ собою.
Та щобъ мы, моя матинко, не жылы й не горювалы,
Та щобъ намъ чужи батькы и рукъ не потыралы.
Та прыхылюсь я, моя матинко, до холоднои стины,
То холодна стина мене й не нагріе,
Та прыхылюсь, моя матинка, до чужои чужыны,
Та мене чужая чужына не пожаліе.
Моя матинко, моя порадонько!
Та хто-жъ мене поражатыме такъ, якъ вы поражалы?
Та хто-жъ насъ буде изражать,
Та хто-жъ порядочокъ давать?
Та будемъ же мы, моя матинко, ходыть,
Та будемъ же мы, тоя матинко, чужимъ матерямъ годыть.
Та титка-жъ, моя матинко, своимъ диткамъ маты,
А намъ же, моя матинко, не буде.

46.

Моя матинко, моя риднесенька!
И моя матинко старесенька!
Моя порадныця дорогесенька.
Куды-жъ вы выбираетесь,
И куды вы выряжаетесь?
На що вы покыдаете насъ, на яке горюваннячко?
Кому вы прыручаете?
Шо мы мали, мы и малисиньки.
Та мы-жъ не вміемо и людямъ робыть.

Та будемъ мы въ хати сыдить—боятымемось,

Песидаемо пидъ дворомъ, такъ померзнемо,

Пидемъ по селу, такъ собакы порвуть.

Моя матинко, моя ридненька!

Колы-жъ ты до мене прыбудешъ?

Та немае тихъ крамарокъ,

Шо продають риднесенькихъ маточокъ.

Серця-бъ влупыла та матинку купыла!

47.

Чоловиче мій, дружыно моя!
Куды-жъ ты убираешься, куды ты выряжаешься?
Якои ты темнои хаты забажавъ?
Темнои, невыднои, смутнои, невеселои!
Туды-жъ витеръ не віе
Туды й сонце не гріе.
Туды й дзвоны не дзвонять,
Туды й люды не ходять.
Та якъ же я до тебе ходытыму,
Та якъ я съ тобою говорытыму?
Якъ я съ тобою поражатымусь,
Якъ я съ тобою розважатымусь?
Ой, устань, порадь, моя дружынонько,
Якъ мени въ свити жыты,
Якъ мени чуже дилечко робыты?
Та якъ мени чужимъ людямъ годыты?
Та я-жъ надъ чужимъ дилечкомъ назневажалась
Я-жъ по чужихъ нывахъ наспотыкалась.
Ой, прыймай же, прыгортай мене до себе.
Щобъ я не жыла, щобъ я не горювала,
Щобъ я й горенька не знала.
Щобъ я по далекихъ краяхъ не ходыла,
Щобъ я чужимъ людямъ не годыла.
Та я чуже дилечко зроблю не такъ
Та я словечко скажу не въ ладъ.
Мое дилечко переробляти,
Мое словечко перемовлять.
Колы-жъ мени тебе, моя дружыночко, дожыдать?
Колы мени столы застылать?
Чы мени на риздво, чы мени на велыкдень,
Чы на святу недилоньку?
А чы мени зъ Мыколы—тай николы?
Видкиль мени тебе выглядать?

Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Чы зъ глыбокого яру,
Чы зъ далекого краю?
Та не йды-жъ полемъ, бо нижечку поколешъ,
Та не йды-жъ моремъ, бо утонешъ,
А йды-жъ по пидъ горою
Та беры й мене зъ собою.
Та будуть, моя дружынонько, сады процвитать,
Та будуть зузуленькы кувать,
А соловейкы щебетать.
Будуть мени, нещасныци, жалю завдавать,
А я выйду за воритечка та й буду пытать:
Вы зозуленькы сызесенькы,
А соловейкы малесенькы
Та вы высоко литаете,
Вы далеко буваете,
Чы не чулы, чы не бачылы моей дружыноньки вирненькои?
Якъ бачылы, то хвалыться,
Якъ побачыте поклониться моій дружыни вирненькои
Хай же винъ прыйде, та нехай мене одвида
Якъ же я тутъ жыву, та якъ я горюю.
Та я пизно лягаю, а рано встаю,
Та все чуже дилечко роблю.

48.

Мій хозяине, моя й пара дорога!
Моя й правда дорога!
До кого-жъ мени прыхылыться и прытулыться?
Чы мени до холоднои стины,
Чы мени до чужои чужыны?
Що холодна стина не нагріе,
А чужая чужына не пожаліе.
Видкиля мени тебе выглядать
И де мени тебе пизнавать?
Чы мени межъ косарямы,
Чы мени межъ гребцямы?
Чы мени съ поля, чы мени зъ моря?
Чы мени зъ глыбокои долыны,
Чы мени зъ высокои могылы?
И колы за для тебе столы застылать,

И кубочкы наповнять?
Чы тебе къ риздву, чы къ велыкодню,
Чы тебе окъ святій недилонци?
Що къ риздву велыкы снигы позамитають,
А къ велыкодню велыки воды позалывають,
А къ святій недилоньци стежкы й дорожкы позаростають,
А сады позацвитають,
Стежечкы комышемъ, а дорожкы спорышемъ,
А вышневи садочкы биленькымы цвитамы
Та ты-жъ будешъ, мій хозяине, иты
Та на цвиты задывляться,
Та не будешъ до мене въ гости поспишаться.

49.

Мій хозяине, моя дружыно!
На що-жъ ты мене кыдаешъ?
Якъ же мени теперъ жыть,
Що мени теперъ робыть безъ тебе?
Мій хозяине! моя й правда прехороша.
Хто-жъ мене теперъ буде поряжать,
Хто мени—порядокъ давать?
И чого ты на мене такъ разгнивывся?
Чы я тоби, мій хозяине, постилоньку не слала,
Чы я тоби пыточкы не подавала?
Мои диточкы, що вы будете робыть безъ батька?
Та вже-жъ его ни купыте, ни заслужыте.
Нема тихъ крамаривъ, щобъ продавалы батькивъ
Мій хозяине, моя дружыно!
Прыймай и мене до себе
Щобъ я й не горювала, щобъ я й горенька не знала.

50.

Хозяине мій, дружыно моя!
На що-жъ ты мене покынувъ на горювання,
Та на скитання.
Я-жъ уже нагорювалась и наскыталась изъ тобою.
Прыймай и мене зъ собою,
Шобъ я не скыталась,
По чужихъ поляхъ не спотыкалась.
Якои ты смутнои, невеселои хаты забажавъ.
Що витеръ не завіе

И сонечко не зогріе.
Устань же, моя дружыно!
Порадь: якъ мени горювать,
Якъ мени безъ тебе прожывать.

51.

Мій чоловиче, моя й дружыно!
На кого-жъ ты мене кыдаешъ?
Та кому ты свое хозяйство вручаешъ?
Чы ты братамъ, чы ты сестрамъ?
Чы ты своему батькови старому?
Та я за тобою чотыри годы прожыла
Та ничого не заробыла.
Та де мени теперъ диться,
Куды мени пійты теперъ одъ тебе?
Куды ты вбравсь, куды ты нарядывсь?
Та на кого ты такый гнивъ положывъ?
Та чы ты на батенька,
Чы ты на своихъ сыротъ малесенькихъ?

52.

Моя дружыно, моя й правдонько,
Та я съ тобою не нажылась и не наговорылась.
Та й хто-жъ мени теперъ порядокъ даватыме
Якъ ты дававъ?
Та й прыплывы до мене хоть водою
Та й заберы своихъ сыриточокъ изъ собою.
Та мій хозяину, моя й дружыно!
Та хто-жъ моимъ сыриточкамъ буде порядокъ давать?
Та будуть воны ходыть, та будуть воны пытать.
Та будуть воны свого батенька шукать.
Да видкиль тебе, мій хозяине, въ гостонькы дожыдать?
Чы къ риздву, чы къ велыкодню въ гостонькы выглядать,
Чы къ святій недилонци?
Та къ риздву снигамы позамита,
А къ велыкодню—водамы порозлыва,
А къ святій недилонци травамы позароста.
Та буду-жъ, моя дружыночко, ранесенько вставать,
Соловеечкивъ пытать:
Та вы-жъ высоко литаете, багато выдаете.
Колы-жъ мени, моя дружыно, до тебе на порядочокъ прыходыть?

Та чужи люде жывуть, та чужи люды одражуються,
А я щей не нажылась, щей не наговорылась.

53.

Мій хазяине, моя дружыно!
На що ты на мене розгнивывсь?
На що ты тихъ дитокъ посыротывъ?
У ихъ же нема ни хаточкы,
Нема ни правдочкы!
До кого-жъ воны будуть исходыться?
Хто ихъ буде поважать и поражать?
Хто имъ буде наставленіе давать?
Колы-жъ мы тебе будемъ, мій хазяине, у гостонькы ждать?
Чы тебе къ риздву, чы къ велыкоднью?
Чы тебе къ святій недили?
Чы тебе къ Мыколи?—
Та мабуть николы!
Якои ты, мій хазяине, хаточкы забажавъ:
Рубленои, новои, смутнои,
Темнои, невыднои!
Шо въ ій не дверичокъ,
Шо въ ій ни виконечокъ.
Ни сонечко не вгріе,
Ни витеръ не повіе.

54.

Чоловиче мій! родыно моя!
Чоловиче мій, дружыно моя!
Куды ты убираешься?
Куды ты одряжаесся?
У яку ты сторононьку
Понесешъ свою головоньку?
Кому ты дитокъ поручаешъ,
Кому ты ихъ уручаешъ?
Хто ихъ буде годуваты
Хто ихъ буде доглядаты?--
Видкиль тебе выглядаты?
И дорожечкы тоби прочыщаты?
Чы къ риздву, чы къ велыкодню,
Чы къ святій недили?
Къ риздву снигамы позамитае,
А къ велыкодню водамы позалывае,
А къ святій недилонци травамы по-
заростае.
Та прилеты-жъ до мене въ гости,
Та сядь на оконечку
Та ты-жъ будешъ буркутаты,
А я буду куваты.
А ты будешъ мене пытаты.
Якъ мени въ свити прожывать
И яки тоби гостынчыкы пересылать?
Передамъ я булочку—зацвите,
Передамъ я яблучко—зогніе.
Передамъ я бублыкъ—закотытця,
Та такы тоби не дойдетця.

55.

Мій чоловиче, мій голубе!
Якъ мени жыть, якъ мени горювать?
И якъ мени тихъ дитокъ воспытать?
Чы мени въ строкы наймать,
Чы мени въ годы наймать?
И мои диточкы, мои сыриточкы
Хто-жъ васъ буде годувать,
И хто вамъ буде порядочокъ давать?
И хто васъ буде воспытать
И хто надъ вамы батькувать?
Та у васъ же, мои диточкы,
Нема ни ридныхъ дядькивъ, ни бративъ.
Та у мене теперъ, мои диточкы,
Ни дружыночкы, ни родыночкы
Та вы теперъ, мои диточкы, малясенькы
Та васъ теперъ нихто и не бачыть.
Чы вы голи, чы вы голодни,
Чы вы холодни.
А якъ же поростете,
То всяке васъ и бачытеме.

56.

Моя й дружыно, моя й половыно!
Та я за тобою жыла,
Якъ макивочка цвила!
Я за тобою жыла—
Не панувала, а горювала.
Та моя й дружыно, моя й половыно!
Та кому-жъ ты мене й покыдаешъ,
Кому-жъ мене й уручаешъ?
Та й порадь мене, моя дружыно, якъ мени зъ симы диточкамы жыть?
Якъ мени зъ симы диточкамы горювать?
Якъ важкый каминь пиднимать?.
Шо въ мене ничого ни исты, ничого ни пыты,
Нивчимъ, моя дружыно, диточкамъ и ходыть!
Моя й дружыно, моя й половыно!
Та порадь мене: чы мени зъ диточкамы дома сыдить?
Чы мени за другого йты?
Та я пиду за другого, то я соби хазяина найду,
А диткамъ батенька не найду,
А хочъ и найду, то й не такого,
Якъ батинка ридненького.

57.

Хазяине мій, хазяине дорогый!
Якъ мени безъ тебе прывыкать,
Якъ мени ти диточкы воспытать?
Шо я остаюся на чужыни, якъ былынонька на пожари!
И я свои диточкы роспущу, то я йихъ до вику не зберу!

Я йихъ не воспытаю, нигде йихъ не найду.
Мои диточкы, мои сыриточкы!
Прыбувайте мои диточкы свого батенька ховать.
Та я-жъ буду вашого батенька пытать:
Якъ мени въ свити васъ воспытать?
Чы васъ мени людямъ оддать?
Людямъ оддамъ, то вы будете плакать та рыдать,
И свого батенька вспомынать:
Якъ намъ горько въ свити жыть и людямъ годыть.
Наша маты старесенька
Та вона насъ не воспыта,
Та вона насъ не одягне.
Та мы-жъ розійдемося по свитамъ та по велыкимъ степамъ.
Та будуть насъ звири лякать,
Та наши кости ростягать
Та будемъ мы помирать и свого батенька гадать.

58.

Чоловиче мій, моя й правда!
Якъ мени съ тимы дитьмы жыть,
Якъ мени ихъ воспытать?
Чы мени ихъ коло себе держать,
Чы мени ихъ на людей роздавать?
Чужи хозяины орють и сіють и распоряжаються,
А я куды повернусь — ни що въ мене не роблене.
Хожу, прошу, та нихто мени помочи не дасть,
Не порадыть.

59.

Мій чоловиче, мій голубчыку!
Якъ мени безъ тебе жыть? Якъ мени прывыкать?
И куды мени свою головоньку прыхылять?
И скажы мени, моя дружыно, кому ты сихъ сыритъ уручывъ?
Мои сыроты безпріютніи, мои сыроты беззащытніи!
Та вы-жъ на чужій сторонци.
Та никому васъ прыютыть,
Та ни до кого и головонькы прыхылыть.
Та пидете вы до дядька — то дядько й не дывыться,
Пидете до титкы — то титка й одвернеться.
Та й прыймай и насъ до себе,
И прыгортай насъ до себе!
Шобъ мы не жылы и не горювалы.

60.

Мій сыночку! мій голубчыку,
Мій сыночку, моя й дытыночко!
Моя дытыночко, моя й щыпочко!
Моя щыпочка одщепнулася.

Мое яблучко одкотылося.
Мое й зернычко дежъ тебе шукать,
Дежъ тебе й пытать?
Моя й макивко!
Моя й макивка осыпалася.
Якъ ты зацвила та й не надовго
Моя й дытыночко, моя й родыночко!
Якъ мени тебе забувать
И якъ мени безъ тебе прывыкать?
Та я-жъ куды не пиду,
То я-жъ тебе не найду.
И дежъ тебе посадыть,
Де тебе прыщепыть,
Щобъ до тебе на пораду ходыть?
Моя дытыно, моя родыно!
Та я-жъ тебе доглядала,
Та я тебе годувала
Та я дилечка не доробляла,
А ночи не досыпляла
Та все тебе доглядала.
Теперъ хто мене буде раненько будыть?
Хто мени буде дилечко перебывать?
Та я лежатыму якъ колода въ лиси,
Объ мене нихто й не зачепыться.

61.

Мій сыночку, мій князю!
На що-жъ ты мене покынувъ?
Моя матинко, колы-жъ ты прыбувала,
Та одъ мене сыночка перемовляла?
Та стричайте мого сыночка,
Та пробирайте ёму мистечко биля себе.
Та доглядайте-жъ мого сыночка
Такъ якъ я доглядала.
Та колы-жъ тебе, мій сыночку, дожыдать у гости?
Чы къ риздву, чы къ велыкодню?
Що къ риздву снигы забилилы
А къ велыкодню воды позалываютъ,
А къ святій недилонци стежечкы позаростаютъ.
Та дожыдать же тебе, сыночку, къ Мыколи,
Та не прыйдешъ ты николы.

62.

Мій сыночку, мій соловеечку!
Мій сыночку, мій риднисенькій!
Мій сыночку, мій дрибнисенькій!
Мій сыночку, мій роботнычку,
Мій сыночку, мій косарыку,
Мій сыночку, мій выноградочку,
Мій сыночку, мій князе!
Я-жъ не думала, що ты будешъ такои смутнои,
Невеселои хаты бажаты.
Сонечко не зогріе,
Буйный витеръ не завіе.
И сыночку, моя дытыно!
Устань, подывысь:
Яке весилля ты наробывъ,
Смутне, не веселе.
Подывысь скилькы роду зійшлося
Чомъ же ты до ихъ и словечка не промовышъ?
Мій пастушокъ! кого жъ я буду уставать,
Та рано будыть.

63.

Сыну мій, князю дорогый!
Сыну мій, здоровья мое!
Та люды дожыдають сынивъ та невистокъ,
А я тебе не дождала оженыть и одружыть.
Невисткы мои неубираны,
Невисткы мои несподиваны!
Сыну мій, князю дорогый!
Шо я тебе дожыдала женыть, якъ и люде
Та я й не дождала.

64.

Мій сыночку, мій соловеечку!
Мій сыночку, моя й канареечка,
Мій сыночку, моя переминочка!
Мій сыночку, мій косарычку,
Мій сыночку, мій молотнычку,
Мій сыночку, мій роботнычку!
Та я-жъ тебе, мій сыночку, кохала,
Та я-жъ тебе дожыдала.
Та я-жъ, мій сыночку, и дня, ночи не спала
Все тебе колыхала.
Та я-жъ тоби, мій сыночку, не давала и плакать.
Та я-жъ думала, мій сыночку, що ты мене переминятымешъ,
Та я-жъ думала, мій сыночку, що ты мене доглядатымешъ.
И хлибомъ годуватымешъ.
А теперъ хто-жъ мене буде доглядать,
Хто-жъ мене буде хлибомъ годувать?
Кимъ же я буду, мій сыночку, теперъ замышлять?
Та чужи косарыкы зъ поля до дому йтымуть,
А я свого косарыка буду дожыдать;
Та не знатыму видкиль его выглядать:
Чы зъ сынёго моря,
Чы зъ чыстого поля?
Мои диточкы, мои риднесенькы,
Мои диточкы, мои малесенькы!
Ой, колы-жъ я тебе дождусь?
Чого-жъ ты, мій сыночку, лежышъ?
Чого ты не встаешъ, чомъ ты до своеи матинкы не говорышъ?
Мои сыны, мои соловейкы,
Мои сыны, мои й маленькы!

Та якого-жъ я вамъ гостыньця передамъ?
Покочу я яблучко—зогніе,
Покочу булочку—зацвите.
Покочу бублычокъ—не докотыться
И до твого серденька не прыгорнеться.

65.

Мій сыночку, моя й дытыночко,
Та куды ты убираешься?
На що-жъ ты мене кыдаешъ?
Колы-жъ я тебе въ госточкы дижду:
Чы на риздво, чы на велыкдень,
Чы на святу недилоньку?
Къ риздву снигомъ замете,
А къ велыкодню водою залье,
А къ святій недилоньци травыцею заросте.
Та забериться за ручечки
Та прыйдить до насъ у госточкы
То мы будемъ столы застылать
И дворы вымитать,
Та своихъ сыночкивъ у госточкы ждать.
И мои сыны, и мои орлы!
И куды-жъ вы поленулы?
У яку вы краиноньку полынулы?
Та одъ васъ ни письма не перечуешъ,
И словесносты не перекажешъ.

66.

Мій сыночку, моя й дытыночко!
На що-жъ ты мене, сыночку, моя дытыночко, покынувъ?
Та чужи люды на Таврію высылають,
Та радуються.
А я тебе, мій сыночку, ни видкиль не перечую и не побачу.
Та пиду я, мій сыночку, улыцямы,
Граються чужи диточкы купочкамы,
А тебе, моя дытыно, я дывлюсь въ кажній купочци,
Тай не побачу.
Та до кого-жъ я буду говорыть?
Що стина нима,
А тебе, моя дытыно, нема.

67.

Мій сыночку, моя й дытино риднисенька!
Я тебе такъ дожыдала,
Якъ диты дожыдають червоного яечка.
А теперъ, моя дытыночко, ты вже мене покыдаешъ.
Я й служыла и людямъ годыла,
И людямъ добрымъ, и панамъ,
И всимъ багатимъ хазяинамъ.
И колы, мои диточкы, васъ у гостонькы дожыдать,

И колы мени кубочкы сповнять,
И колы мени столы застылать?
И колы мени васъ у гостонькы дожыдать?
Чы васъ окъ риздву, чы къ великодню,
Чы къ святій недилонци?
Къ риздву стежечкы, дорожечкы снигамы позамитають,
А къ велыкодню водамы позалывають,
А къ святій недилонци стежечкы травамы позаростають.

68.

Мій сыночку, моя дытыно!
Мій сыночку, мій голубчыку!
Якъ мени жыть? Якъ горювать?
Якъ мени безъ тебе прывыкать?
Якъ мени тебе забувать?
Куды я тебе, мій сыночку, выряжаю?
Чы въ поле орать?
Чы пидъ фуру грошей зароблять?
И колы мени, мій сыночку, тебе въ гости дожыдать?
Чы мени къ риздву, чы къ велыкодню,
Чы къ святій недили?
Шо къ рожеству снигы позамитають,
А къ велыкодню воды позалывають,
А къ святій недили травы позаростають.
Видкиль мени тебе выглядать?
Чы зъ зеленого гаю?
Чы зъ далекого краю?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ далекои украины?

69.

Сыну мій голубе, сыну мій соколе,
Куды ты вбираешься одъ мене?
У яку ты дороженьку выряжаешься?
Де ты соби слободы обибравъ,
На якій Украини?
Сыну мій, голубчыку!
Мои-жъ погонычи непрохани,
Мои плугатыри не наймани.
Мои косари, мои гребци
На що-жъ вы мене кыдаете?
Сыну мій, панычу,
Сыну мій, правдо моя!
Колы-жъ до мене въ гостонькы будешъ прыбувать?

70.

Сыну мій, голубè мій,
Пастуше ненайманый,
Погонычу непроханый!
Люде въ москали отдають,
Та писемъ ждуть,
Та поклонивъ.
А я вже одъ тебе
Ни письма, ни поклона,
Ни прыятного слова.

71.

Мій сыночку, мій голубчыку!
Мій молотныку, мій косарыку!
И мій копилныку и мій кыдальныку
И мій плугатырю!
И дежъ мени такого хозяина шукать,

И колы мени ёго дожыдать?
Та людьски диты у москали идуть
Тай письма и поклонъ передають,
А ты-жъ, моя дытыно, ни поклона не передасы,
Ни письма не перешлешъ!
Видкиль мени тебе выглядать,
Видкиля тебе вызырать?
И колы мени тебе у гости дожыдать?
Чы зъ глыбокои могылы,
Чы зъ далекои Украины?
Чы зъ темного гаю,
Чы зъ далекого краю?

72.

Сыну мій, моя дытыночко!
Сыну мій, моя Омелыночко!
Сыну мій, моя былыночко!
Сыну мій, охвыцерочко,
Сыну мій, кавалерочку!
И сыну мій, заслуженнычку,
Сыну мій, страдальнычку!
И куды-жъ ты наряжаешься?
И куды ты вбираешься?
И кому ты своихъ диточокъ покыдаешъ?
Чы ты дядечкамъ,
Чы ты бабуси старесенькій?
И кому ты ихъ поручаешъ,
И кому ты ихъ вручаешъ?
Куды-жъ вы, мои диточкы, полыныте,
Й куды-жъ вы поплывыте?
И въ яку сторонoчку
Понесешъ свою головочку?
Видкиль тебе выглядаты?
Видкиль тебе вызыраты?
Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ чорнои могылы?
Та вы-жъ, мои диточкы, роскотылыся,
Якъ горохъ пры дорози!

73.

Мои диточкы, мои голубьятка!
Мои диточкы, мои ангеляточка!
На шо-жъ вы мене покынулы?
На що-жъ вы таки манисеньки одризняетесь одъ мене.
Та вы-жъ, мои диточкы, на свити не жылы,
Та вы-жъ ничого не бачылы.
Сей, мои диточкы, свитъ, якъ рóжевый цвитъ,
А вы покыдаете мене.
Та хто-жъ, мои диточкы, буде мене доглядать,
Та хто-жъ мене буде хлибомъ годувать?
Мои диточкы, мои голубьяточка!
Та люды дожыдають празныка,

Та чужи диточкы повыходять
Та будуть гулять на празныкы,
А я. моя дытыночко, ходытыму й шукатыму
Та не найду тебе.

74.

Моя донечко, моя й правдочко!
Моя донечко, моя й вышенько,
Моя щепочко, моя й родыночко,
Моя й дытыночко.
И чого-жъ, моя дытыночко,
Одъ мене отдаляешься?
Чого ты на мене такъ розгнивалась?
Прыймай и мене до себе,
Щобъ я не горювала и не скиталась.

75.

Моя дытыночко, моя голубочко!
Моя й швачечко, моя й пряшечко,
Моя й прачечко!
Хто-жъ теперъ буде на ополонку ходыть
И биллячко мыть?
Моя й дочечко, моя й коханочко,
Моя дочечко, моя й паняночко!
И кого-жъ я теперъ буду кохаты?
Кимъ я буду втишатысь
Якъ тобою втишалась?
Та зузули-жъ куватымуть,
А соловейкы щебетатымуть.
А я выйду водыци браты,
Та зузуленькы пытаты:
Ты, зузуленько, моя й голубонько
Чы ты не бачыла моеи дочечкы?
Чы не йшла, чы не йихала
До мене въ гостонькы?
Та дивчата-жъ гуляють,
И писенькы спивають,
А моеи дочечкы немае......

76.

Моя дочко, моя голубочко!
Моя дочко, моя коханочко!
Моя швачко, моя й прачко!
Моя искальныце, моя й вымитальныце!
Моя й помишныце!
Колы-жъ ты до мене прыбудешъ у гости?
Колы-жъ мы побачымось, колы-жъ мы порадымось?
Якъ бы жъ я знала, ябъ тоби виконечка и дверечка одчыняла.
И стежечку промитала
Моя дочко, моя павочко!
Моя дочко, моя зузуле!
Яку ты мени звистку подаватымешъ?
Чы ты куватымешъ, чы ты щебетатымешъ?
Чы тебе выглядать съ поля,
Чы тебе зъ моря?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ далекои Украины.

77.

Моя дочечко, моя княгынечко,
Та якого-жъ ты соби князя обибрала?
Такого тайного що й мени не объявыла?
Встричайте, мои родытели, мою донечку
И пробирайте йій мистечко биля себе
И доглядайте такъ якъ я доглядала.
Дежъ тіи витры набралыся що вышеньку зломылы?
И дежъ воны набралыся що на вышенькы лысточкы оббылы?
Моя й донечко, моя й княгынечко,
Моя й швачко, моя й пряхо,
Моя помитушко, моя й помазушко!

78.

Моя дытыно, моя княгыне!
Я тебе не ожыдала
Такъ рано одружыты.
Чужи матери дожыдають
Та весело дружять,
А мени нема никоторои отрады.
Чужи матери празныка дожыдають,
Та въ гости дожыдають,
А я празныка ждатыму,
Та тебе выглядатыму.
Та й ты не прыйдешъ ни водамы,
Ни горамы,
Ни помежъ долынамы,
Ни помежъ могыламы.

79.

Моя й дочко, моя й княгынечко!
Якъ мени тебе забувать,
И видкиля мени тебе выглядать?
Що до людей идуть съ скрынямы та съ перынамы,
А до мене йдуть съ хрестамы та съ корогвамы.
Моя й дочко, моя й княгынечко!
Моя й дочко, моя й павочко!
Та люде выпроважають дочокъ зъ дружкамы, та съ буярамы,
А я васъ тильки все выпровожаю съ хрестамы, та съ корогвамы.
Шо я, моя дытыно, на чужій чужыни,
Якъ былына на пожари
И куды ты, моя дытыно, выряжаешься?
Що то за хаточка смутна та невесела?
Шо въ ту-жъ хаточку ни сонечко не прегріе,
Ни витеръ не повіе;
Шо въ ту-жъ хаточку и сонечко не вскоче
И въ ту хаточку и дощыкъ не промоче.

80.

Дочко-жъ моя, моя голубочко!
Дочко-жъ моя швачечко,
Дочко-жъ коя коханочко!
На що-жъ ты мене кыдаешъ
Таку нещасну?
Хто-жъ мене буде доглядать?
Якъ мени тебе забувать?
И дочко-жъ моя, княгыне!
Дежъ ты собо такого князя найшла
Що ты мене не звищала?
Чужи матери прыбираються окъ свадьби,
А я сіи свадьбы не ждала и не прыбиралася.

На що-жъ ты мени таку смутну свадьбу зробыла?
И на що-жъ ты соби такои хаточкы забажала?
Се-жъ хаточка смутна, невесела
И се хаточка темна и невыдна,
У неи ни витеръ не завіе,
Ни сонце не прегріе.
Дочко-жъ моя коханочко,
Дочко моя паняночко!
Колы жъ мени тебе въ гости дожыдать?
И колы мени ти столы застылать
И кубочкы наповнять,
А тебе въ гостонькы дожыдать?

81.

Моя дочко, моя паняночко!
Моя дочко, моя й коханочко!
Моя дочко, моя й мищаночко!
Моя дочко, моя й пряшечко,
Моя дочко, моя й швачечко,
Моя дочко, моя й переминочко!

Хто-жъ мени буде прать
Хто-жъ мени буде головоньку ськать?
Та чужи матери дочкы ддають та веселятьця,
А я-жъ тебе ддаю та мени смутно й не весело!

82.

Моя й дочечко! моя й квиточко!
Моя й дочечко, моя й швачечко!
Моя й дочечко, моя й пряшечко!
И хто-жъ мени буде вышывать?
И хто мени буде чужи скрыни наповнять?
И хто мени буде чужи митки отпрядать?
Моя дытыно! моя й родыно!
Моя дочечко! моя й макивко!
Моя дочечко! моя й ластивко!
Моя дочечко! моя й голубочко!
Моя й дочечко! моя й зозулечко!
Та зузули будуть кувать,

Соловейкы будуть щебетать;
А я буду раненько вставать
Та буду зузуль пытать:
Вы зузули сывенькы!
Соловейкы маленькы!
Та вы далеко литаете
Та вы багато выдаете.
Чы вы не чулы, чы вы не бачылы
Моеи дочечкы?
Моя й дочечко, моя й ягидо!
Моя й дочечко, моя й малесенька!
Моя й ягидо червонесенька!
Мое голубя, мое й соколя!

83.

Моя й дочко! моя й нещаснычка!
Моя й дочко, моя й горювальнычка!

Моя й дочко, моя й переминочко!
Моя дочко, моя швачка, моя й прачка!

Хто-жъ мени буде теперъ, моя дытыно, прать,
Хто мене буде й переминять,
Такъ якъ ты переминяла?
Кимъ я теперъ буду замышлять,
Кимъ я буду те дилечко заставлять,
Якъ тобою заставляла?

84.

Брате мій, орле! брате мій, соколе!
Куды-жъ ты полынешъ и куды-жъ ты поплывешъ?
Чы ты темнымы лугамы,
Чы ты бестрымы [1]) ричкамы?
И мій братику, мій голубоньку,
И мій братику, мій зозуленьку!
Видкиля тебе выглядать
И видкиля тебе вызырать?
Якъ бы жъ я знала колы ты до мене въ гости прыбудешъ,
То я-бъ дороженькы промитала,
То я-бъ и столы застылала,
И свичи посвитыла и кубочкы посповняла
И я-бъ тебе, мій братику, въ гости дожыдала,
Я-бъ и сусидонькы посзывала
И я-бъ тебе, мій братику, и день и ничъ шанувала.

85.

Мій братику, мій риднесенькый!
На кого ты розгнивывся, на кого ты розсердывся?
Чы на свого батенька ридненького,
Чы на свою матинку стареньку?
И прошу я васъ нызькымъ поклономъ, прыятнимъ словомъ:
Сбериться до купочкы и збериться за ручечкы
И прыходьте до насъ у гостонькы;
А мы будемъ воритенька одчынять
И дворы вымитать и столы застылать;
И будемо васъ, мои братикы, въ гости выглядать.
Чы васъ окъ риздву, чы васъ окъ велыкодню,
Чы къ святій недилонци?
Що къ риздву снигамы позамита,
А къ велыкодню водыцею позалыва,
А къ святій недилонци травыцею позароста.
Не идить полемъ, бо нижкы поколете,
Та не идить водыцею, бо потонете,
Та не идить лугамы, бо поблудете,
А идить стежечкамы, та бытымы шляхамы,
Та до насъ и въ гостонькы прыбудете.
Та скажить намъ зъ якого васъ краю выглядать,
Та зъ якого васъ и вызырать?

---

[1]) Sic.

Чы васъ зъ поля, чы зъ глыбокого моря?
Чы зъ зеленого гаю, чы зъ далекого краю?
Чы зъ высокои могылы, чы зъ глыбокои долыны?

86.

Сестрыце-жъ моя голубочко,
На що-жъ ты диточкы покыдала
Кому ты ихъ опредилыла?
Чы ты батенькови опредилыла,
Чы ты братикамъ,
Чы ты сестрыци своїй найменьшои?
Диточкы-жъ мои голубеняточка
Та зачыняйте дверечка,
Та й зачыняйте виконечка
Та не пускайте своеи матинкы ридненькои.

87.

Моя й сестрычко, моя й голубочко,
Моя й сестрычко, моя й малисинька,
Та моя й швачко, та моя й пряхо!
Хто мене буде обшывать,
Хто мене буде опрядать?
Хто мене буде й розвеселять?
Та куды ты вбираешься,
Куды ты выряжаешься?
Та хто тоби буде тамъ постели стлать,
Хто тоби пыть буде подавать?

88.

Моя бабусю! моя старесенька,
Моя бабусю, моя й риднесенька!
Хто-жъ насъ буде доглядать,
Хто намъ буде исты варыть?
Та мы матери не дожыдаемъ:
Шо маты по степамъ ходыть,
А мы до бабуси хылемось.
А теперъ де мы будемъ шукать,
Де мы будемъ пытать?
Видкиля васъ будемъ, моя бабусю, выглядать.

89.

Моя титусю, моя риднесенька!
Передайте моимъ родытелямъ поклонъ.
Кланяюсь имъ нызькимъ поклономъ,
Прыятнимъ словомъ.
Нехай и по мене нещасныцю не обаряють.
Воны-жъ думають, що мени тутечка добре жыть.
Воны думають, що я медъ, вино пью,
А я, титусечко, гирки слёзы лью.

90.

Моя ятровочко, моя й голубочко!
На кого ты тихъ диточокъ покыдала?
Хто-жъ ихъ буде доглядать?
Та ихъ буде по пидъ чужыми тынамы,
Та пидъ чужыми дворамы.
Та ихъ будуть чужи диты попыхать,
Та на ихъ будуть прызвищи прыкладать:
Що сыроты пузати, сыроты й головати.
Сыроты побагато йидять, а ничого не роблять.

Прыймай и мене до себе!
Ты знаешъ, яке въ ихъ горе жыть,
Шо я буду зъ тимы дитьмы робыть?
Та ихъ треба обшыть, треба й облатать,
Треба й обипрать.
Треба й обчесать, треба й обмывать.
А вы знаете, шо мени-жъ перемины
Нема ніякои!
Та воны будуть ходыть,
Та будуть заглядать,
Та будуть соби матинкы шукать;
А ихъ будуть чужи диты попыхать.
Та воны малисинькы,
Та воны дрибнисинькы,
Та воны неспособнисенькы.

91.

Моя кумасю, моя голубочко,
Моя сусидо дорога!
Та кому-жъ ты тихъ диточокъ уручыла
Малисинькихъ и дрибнисинькихъ?
Хто за имы буде клопотаты?
Хто ихъ буде опирать,
Хто ихъ буде обмывать,
И хто имъ буде головочкы обськавать?
Моя й сусидочко, моя й голубочко
Прыймай своихъ диточокъ до себе,
Щобъ воны не горювалы, щобъ ихъ не попыхалы
Щобъ чужи люды рукъ не потералы.
Буде насъ, матинко, по горахъ и по долынахъ
И по чужихъ украинахъ.

92.

Моя сусидо, моя й голубочко!
Та я съ тобою ни былась, ни лаялась.
Мы съ тобою ни бьемось, ни лаемось,
А зійдемось, та порадымось.
Куды ты выбираешься,
Куды ты выряжаешься?
Та на кого ты своихъ дитей кыдаешъ?
Та кому ты ихъ уручаешъ?
Чы ты дядькамъ, чы ты титкамъ,
Чы ты братикамъ, чы ты сестрыцямъ?
У титкы свои диткы
Та не прыймуть сыриткы.

93.

Мои сусидонькы, мои голубонькы!
Мои сусидонькы блызкесенькы и вирнесенькы!
Та сусидонька блызенька,
Якъ матинка ридненька!
Та вона й увиходыть, вона й одвидуе,

Та й поражае и головоньку розважае.
Мои й сусидонькы, мои й голубонькы!
Та кланяйтеся моему й батенькови та моїй матинци
Нызькимъ поклономъ, покорнымъ словомъ:
Нехай не обаряютця и за мною
Нехай забирають и насъ, сыритъ нещасныхъ, изъ собою.
Шобъ намы чужи батенькы та матинкы и рукъ не потыралы
И дилечка не замышлялы.
Та якый я вамъ, сусидонькы, гостынчыкъ передамъ
Чы я вамъ булочку, чы я яблучко?
Та булочка засохне, та й не докотытця,
А яблучко зогніе,—
Та мій гостынчыкъ до васъ и не дойдетця.

94.

Та моя й сусидо, моя й блызесенька!
Та хто насъ доглядатыме?
Хто-жъ мене, нещасныцю, пры лыхій годыни пытатыме?
Нема й риднійшого, нема й кращищого якъ сусида блызька!
Вона жъ мене одвидае, вона й роспыта.
Ой Боже, Боже! яка моя жызнь тяжка!
Якъ прыйде сусидочка въ хату,—
Краще нижъ ридна маты.
Вона-жъ мене роспытае якъ важко въ свити жыты,
Вона-жъ мени хлиба й солы—та все-жъ вона буде носыты.
Ой, йижъ же йижъ, сусидонько, ой йижъ не журыся.
Чому-жъ мени не журыться:
Була така сусидонька—треба роставаться.